

МЯСОНСТВО

МОСКВА, СП «ИКПА» 1991 г.

МАСОНСТВО

ВЪ

ЕГО ПРОШЛОМЪ

И

НАСТОЯЩЕМЪ.

Фронтиспийъ.

Изъ книги «La franche maçonnerie, rendue à sa véritable origine». Paris 1814.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская второй томъ нашего изданія, мы должны сказать нѣсколько словъ въ поясненіе къ тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ, которыя были сдѣланы въ появившихся до сихъ поръ рецензіяхъ, въ общемъ благопріятныхъ для изданія.

Мы не будемъ повторять того, что говорили въ предисловіи къ первому тому и что объясняетъ планъ, избранный редакціей, а равно и ея отношеніе къ отдѣльнымъ статьямъ, входящимъ въ составъ коллективнаго труда. Въ изданіи, состоящемъ изъ ряда отдѣльныхъ статей различныхъ авторовъ, неизбѣжно должна быть допущена свободная трактовка вопросовъ: здѣсь самъ авторъ какъ бы отвѣчаетъ за свои взгляды. По иному не можетъ быть. У различныхъ авторовъ могутъ быть различные взгляды на значеніе тѣхъ явленій западно-европейской и русской культуры, которыя входятъ въ исторію масонства. И эти взгляды, *какъ мы знаемъ*, подчасъ рѣзко расходятся между собой въ зависимости отъ научнаго и общественнаго міросозерцанія авторовъ. Именно масонство, явленіе, недостаточно еще изученное въ его историческомъ прошломъ, явленіе, временами тѣсно связанное съ мистическимъ теченіемъ человѣческой мысли, такъ разнѣоцѣнивается въ историческихъ и историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ. Съ этой точки зрѣнія мы и говорили въ предисловіи къ первому тому нашего изданія о субъективности авторовъ въ оцѣнкѣ различныхъ явленій въ исторіи масонства. Нѣкоторые изъ критиковъ усмотрѣли, однако, въ этомъ какъ бы слабую позицію редакціи и указывали, что исторія должна быть объективной. Но не произошло ли у нихъ въ данномъ случаѣ подмѣны понятія «субъективность»—тенденціозностью?! Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ возможности здѣсь разрѣшать сложные вопросы теоріи историче-

скаго познанія объ отношеніи субъективныхъ моментовъ нашего знанія къ объективно-историческому процессу.

Необходимо дать читателю не специалисту руководящую нить, дабы онъ могъ разобраться въ противорѣчіяхъ коллективнаго сборника; нужна руководящая или обобщающая статья,—это другой упрекъ, дѣлавшійся редакціи. Но мы и теперь думаемъ, что эта обобщающая статья скорѣе нужна тамъ, гдѣ подводятся итоги. Пусть передъ читателемъ пройдетъ фактическій матеріалъ въ *субъективной* оцѣнкѣ отдѣльныхъ авторовъ; читатель съ тѣмъ большимъ сознаніемъ отнесется и къ *субъективной* оцѣнкѣ редакціи.

Можетъ быть, одну оговорку намъ слѣдуетъ сдѣлать заранее въ связи съ напечатанными во второмъ томѣ статьями Т. О. Соколовской. Авторъ, вѣроятно, единственный сейчасъ знатокъ *обрядности* русскаго масонства, представляющей область еще недостаточно извѣданную и весьма запутанную. Какъ ни тѣсно связана вся традиціонная масонская символика и обрядность съ общимъ духомъ масонства, едва ли, однако, это интересное съ бытовой и психологической стороны явленіе *само по себѣ* можетъ имѣть *большое научное* значеніе... Во всякомъ случаѣ читатель долженъ помнить, что достаточно неопредѣленная теорія масонскаго ритуала была еще болѣе неопредѣленна въ жизни. И нетрудно доказать, хотя бы по протоколамъ засѣданій масонскихъ ложъ, что рядовой вольный каменщикъ, какъ и рядовой читатель, а можетъ быть отчасти и изслѣдователь, пытающійся углубиться въ историческія изысканія и осмыслить легендарное прошлое, также тонулъ въ дебряхъ непониманія. Оставались лишь общіе масонскіе символы, тотъ гіероглифическій языкъ, который являлся для XIX вѣка уже историческимъ пережиткомъ. Эмблемы и символы, если не могутъ, по мнѣнію редакціи, осмыслить обрядъ, то могутъ его пояснить, что и дѣлаетъ помѣщаемая ниже статья г-жи Соколовской о масонской обрядности ¹⁾.

Въ связи со сказаннымъ мы еще разъ должны подчеркнуть, какое значеніе мы придаемъ помѣщаемымъ въ изданіи иллюстраціямъ. Мы отнюдь не придаемъ имъ «научнаго» значенія какъ по указаннымъ выше причинамъ, такъ и потому, что редакція нечувствуетъ себя ни компетентной, ни способной съ ясностью разобраться въ нихъ, при современномъ состояніи историческихъ данныхъ въ этой

¹⁾ Рисунки, приобретенные редакціей у г-жи Соколовской, отмѣчены въ текстѣ инициаломъ Т. С.

области. Мы думаемъ, что и читателю для пониманія масонской бутафоріи и символистики важны не точныя опредѣленія, которыя подчасъ и невозможно сдѣлать, а *разнообразіе* иллюстраціоннаго матеріала, опредѣляющее *духъ* той обрядности, которая сопутствовала, и сопутствуетъ отчасти и теперь, такъ-называемое «масонское ученіе». Намъ кажется, что эта цѣль, при обиліи помѣщенныхъ разнохарактерныхъ рисунковъ, болѣе или менѣе достигнута. А это, по нашему мнѣнію, и есть самое главное. Здѣсь, пожалуй, «субъективность» пониманія сказывается особенно сильно, а потому приходится быть сугубо осторожнымъ. Легко иногда дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе тому или иному знаку или предмету, но часто это вовсе не будетъ оригиналомъ, присущимъ опредѣленной системѣ или ложѣ, а лишь скопированной и притомъ произвольной традиціей. Вы найдете якобы оригинальные ковры или запоны, употреблявшіеся исключительно въ русскихъ ложахъ начала XIX вѣка, а въ дѣйствительности это будутъ случайныя копіи, срисованныя съ чужого оригинала, и такимъ образомъ, американскій прототипъ въ какомъ-нибудь филадельфійскомъ изданіи конца XVIII вѣка, въ свою очередь воспроизводящій, быть можетъ, болѣе отдаленную традицію, съ успѣхомъ будетъ фигурировать въ подобныхъ историческихъ изысканіяхъ за русскій оригиналъ 20 гг. Въ критикѣ высказывалось нѣкоторое сожалѣніе, что мы недостаточно точно иногда называемъ или опредѣляемъ рисунокъ, ограничиваясь глухимъ указаніемъ: «символистическая картина»... Но иногда дѣйствительно трудно дать безспорное объясненіе какой-либо розенкрейцерской таблицы. Здѣсь часто будутъ догадки, а, быть можетъ, еще хуже—произвольное толкованіе таинственной мудрости розенкрейцерскихъ учителей.

Когда первоисточникъ даетъ тотъ или иной матеріалъ для объясненія, мы стараемся, по мѣрѣ возможности, его привести, хотя непосвященному читателю и это объясненіе не всегда будетъ ясно. Мы приведемъ одинъ достаточно характерный примѣръ. Въ извѣстной и распространенной, въ свое время переведенной и на русскій языкъ, книгѣ Гутчинсона «Духъ Масонства» (1780) помѣщенъ воспроизводимый ниже рисунокъ съ такого рода комментариемъ:

«Древнее оное Каменщицкое писаніе говоритъ: что Каменщики знаютъ путь къ достиженію уразумѣнія Аврака. Всѣ истолкователи Каменщичества (которыхъ читаль я) признаютъ свое недоумѣніе о словѣ семь.

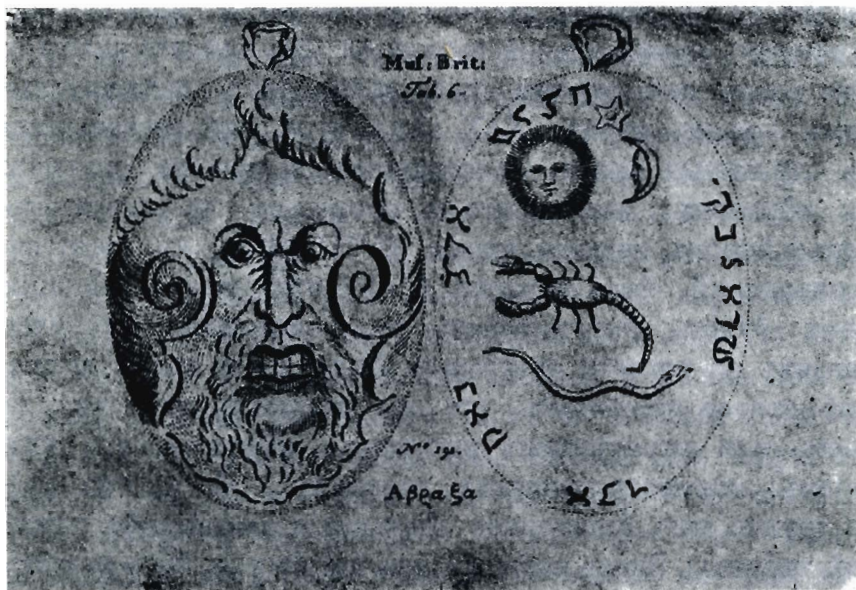
Авракъ, или Авракаръ, есть имя, которое Василидъ, духовная особа, жившая во второмъ столѣтїи, прилагалъ Богу, который, по его мнѣнію, былъ Творецъ 365.

Говорятъ, что основатель суевѣрія сего жилъ во время Адріана. Имя сіе сдѣлано изъ Авранъ, или Авраксасъ, названіе, прилагаемое Василидомъ Богу. Онъ называлъ Его Высочайшій Богъ, и приписывалъ Ему семь силъ или Ангеловъ подчиненныхъ, которые управляли небомъ. Равнымъ образомъ по числу дней въ году полагалъ онъ 365 силъ, могуществъ, или существъ, яко Божескія истеченія существующихъ. Буквы, составляющія слово сіе, по древнимъ Греческимъ числамъ, дѣлають 365.

Α. Β. Ρ. Α. Ξ. Σ.

1. 2. 100. 1. 60. 1. 200.

У Испытателей Древности Авраксасъ значить Гемму, или рѣзной камень, со словомъ Авракса, на немъ находящимся. Есть множество родовъ камней сихъ разныхъ фигуръ и видовъ, по большей части изъ третьяго столѣтія.

Рисунокъ, здѣсь приложенный, списанъ съ Геммы, находящейся въ Британскомъ Музеѣ. Онъ почти въ двое болѣе подлинника и вырѣзанъ на овальномъ Бериллѣ. Голова есть выпуклая сторона (Комсо); а задняя сторона плоская (Талио). Говорятъ, что голова представляетъ Творца, подъ именемъ Юпитера Аммона; солнце и луна на другой сторонѣ Озириса и Иисуса Египетскихъ, и употреблены они въ Иероглифическомъ смыслѣ для означенія Всемогущества, вездѣсущности и вѣчности Божіей. Кажется, что звѣзда употреблена тутъ, какъ пунктъ; но она есть символъ благоразумія, третьяго истеченія Божества, Василидомъ исповѣдуемаго. Скорпіонъ означаетъ въ Иероглифахъ злость, а змій—еретика. Означеніе сего, кажется мнѣ, есть слѣдующее: еретичество, хитрость и пороки невѣрныхъ и собесѣдниковъ сатанинскихъ истребляются познаніемъ истиннаго Бога. Признаюсь, что надпись истолковать я не въ состояніи, ибо буквы не совершенны, или худо списаны».

Далѣе, однако, Гучинсонъ толкуетъ эту надпись: она означаетъ или: «Восхвалить тебя земля 1305» или «Земля вѣщаетъ хвалу твою и славу» и т. д. Съ своей стороны мы не считали бы

себя обязанными продолжать толкованіе Гутчинсона, уяснять читателю мистическое значеніе «Абраксаса» въ міровоззрѣніи гностической секты Василида (II вѣкѣ по Р. Х.), заимствовавшего таинственное слово изъ обихода древней народной магіи. Для самого масонства характерно именно это «недоумѣніе» Гутчинсона о «значеніи сихъ Іероглифовъ».

Мы старались, повторяемъ, въ своемъ изданіи воспроизвести самые разнохарактерные предметы масонской символики и тѣмъ самымъ дать понятіе читателю, что она изъ себя представляетъ. Намъ удалось использовать съ этой цѣлью многочисленныя коллекціи общественныя и частныя, какъ русскія, такъ и иностранныя, и мы должны еще разъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ намъ помощь. Повторяя свою благодарность лицамъ, упомянутымъ въ первомъ томѣ, мы должны присоединить къ нимъ Я. Л. Барскова, С. П. Виноградова, С. М. Горяинова, С. С. Прівалова, Н. И. Романова, И. М. Оадѣва и П. П. Шибанова. Въ особенности редакція должна отмѣтить любезность Д. Г. Бурлыгина, владѣльца едва ли не лучшихъ въ Россіи масонскихъ коллекцій, предоставившаго намъ возможность широко пользоваться, какъ коллекціями его музея въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, такъ и новыми пріобрѣтеніями этого неутомимаго собирателя вольнокаменщическихъ реликвій.

Мы заключаемъ второй томъ нашего изданія статьей, посвященной характеристикѣ американскаго масонства, которую логичнѣе было бы отнести въ первый томъ, къ отдѣлу западноевропейскаго масонства XVIII в. Въ свое время она туда не могла попасть, и думается, что маленькое отступленіе не нарушитъ цѣльности общаго плана.

Изъ «Surles inconnus» 1777.

Масонская грамота. (Нац. библ. въ Парижъ).
Diplôme maçonnique.

Московское Общество розенкрейцеровъ.

(Второстепенные дѣятели масонства).

Масонское общество розенкрейцеровъ, кромѣ вышеупомянутыхъ круп
ныхъ лицъ, такихъ, какъ: Шварцъ, Н. И. Новиковъ и Ив. Вл. Лопухинъ,—со
стояло еще изъ цѣлаго ряда *второстепенныхъ* дѣятелей, а именно: И. П. Тур
геньевъ, А. М. Кутузовъ, братья Н. и Ю. Трубецкіе, братья А. и П. Ладъжен
скіе, В. В. Чулковъ, Г. М. Походяшинъ, Ѳ. П. Ключаревъ, Д. И. Дмитревскій,
кн. Энгальчевъ, П. А. Татищевъ, П. В. Лопухинъ и нѣкоторые другіе. Ха
рактеристикъ этихъ лицъ и посвящена настоящая статья.

Почувствовавъ жажду къ познанію истины, особенно истины сокровенной, масонской, эти простые, иногда наивные люди всѣмъ сердцемъ прильпились къ Дружескому Ученому Обществу и Типографической Компаніи. Ихъ дѣятельность не была столь громкой и столь блестящей, какъ Новикова, Шварца и Лопухина; они не стояли во главѣ дѣла и, можетъ быть, не были людьми инициативы, но нельзя представить себѣ, чтобы безъ нихъ могло такъ широко развиваться дѣло и достигнуть такихъ успѣховъ, какихъ оно достигло. Даже болѣе: мы увѣрены, что двое изъ нихъ, Тургеневъ и Кутузовъ, до сихъ поръ не достаточно оцѣнены, что роль ихъ въ масонско-просвѣтительномъ движеніи XVIII вѣка была болѣе значительной, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Среди упомянутой толпы второстепенныхъ дѣятелей нѣкоторые не могли создать ничего важнаго и значительнаго, такъ какъ не имѣли ни талантовъ, ни умственной подготовки. Но заслуга ихъ въ томъ, что они глубоко почувствовали и восприняли идею о познаніи себя и о совершенствованіи человѣческой природы, а почувствовавъ—они старались служить этой идеѣ, сколько могли, своими матеріальными средствами. «Складочный» (соединенный) капиталъ Типографической Компаніи образовался именно отъ приношеній этихъ лицъ. Такъ, братья Н. и Ю. Трубецкіе пожертвовали 10 т. рублей, князь Черкасскій—около 5 или 6 т., В. В. Чулковъ—5 т., А. Ладыженскій—5 т. и т. д. Повидимому этимъ не ограничивались пожертвованія бр. Трубецкихъ и кн. Черкаскаго. Они помогали нуждающимся братьямъ-масонамъ въ Россіи и особенно за границу, содержали на свой счетъ (вмѣстѣ съ И. В. Лопухинымъ) командированнаго за границу (по дѣламъ масонскимъ) А. М. Кутузова и т. д. Все это дѣлали они въ такой степени, что совершенно разстроили свои состоянія. Но оказать какую-либо другую услугу общему дѣлу не масонскаго характера вышеназванные лица едва ли могли. Насколько мы знаемъ, напр., Василій Васильевичъ Чулковъ былъ совсѣмъ простодушный и довольно болтливый человѣкъ, а про одного изъ Трубецкихъ, и притомъ болѣе способнаго, именно князя Николая Никитича, князь Прозоровскій, главный гонитель московскихъ мартинистовъ, говорилъ, что онъ «человѣкъ не мудрый» и дѣйствовалъ, какъ и братъ его Юрій Никитичъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ жены своей, Варвары Александровны, урожденной княгини Черкасской. Точно также значительную сумму пожертвовалъ богатъ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ Дружескому Ученому Обществу, и на эти деньги оно устроило Педагогическую семинарію ¹⁾.

¹⁾ Очевидно въ видѣ награды за пожертвованіе и въ надеждѣ на продолженіе, Татищеву предоставлено было въ орденъ розенкрейцеровъ весьма почетное мѣсто *priora* VIII провинціи, т.-е. главы всѣхъ русскихъ масоновъ. Такое же почетное положеніе въ составѣ

Но было бы ошибочно думать, что этотъ человѣкъ имѣлъ какое-либо другое значеніе. Наконецъ, на тѣ же просвѣтительныя цѣли и на дѣла благотворительности пожертвовалъ (какъ увидимъ ниже) огромную сумму Григорій Максимовичъ Походяшинъ. Но и этотъ человѣкъ ничѣмъ другимъ не проявилъ себя и даже въ орденѣ розенкрейцеровъ не занималъ какого-либо почетнаго мѣста. Біографическихъ свѣдѣній о всѣхъ упомянутыхъ лицахъ сохранилось очень мало и это малое собрано въ классической книгѣ Лонгинова ¹⁾. Когда орденъ розенкрейцеровъ былъ разгромленъ, то не всѣ одинаково пострадали, а иные и совсѣмъ остались безъ кары. Князь Ник. Н. Трубецкой былъ сосланъ въ свою слободу Никитовку (Ливен. у.). Какъ его состояніе, такъ и состояніе его брата Юрія Никитича и зятя (брата жены), кн. Черкаскаго, были чрезвычайно разстроены и обременены долгами. Хотя съ восшествіемъ на престолъ имп. Павла кн. Николай Никитичъ и былъ произведенъ въ московскіе сенаторы, но дальнѣйшая судьба его и супруги, княгини Варвары Александровны, была самая печальная: подъ конецъ жизни они едва имѣли чѣмъ существовать и проводили одинокую старость въ Костромѣ, удручаемые нуждою ²⁾.

Замокъ (Собр. Д. Г. Бурылина)
Un cadenas maçonnique.

Послѣ Новикова сильнѣе всѣхъ пострадалъ и совершенно разорился богачъ Григорій Максимовичъ Походяшинъ. Сынъ сибирскаго богача и золотопромышленника, онъ родился въ 1760 году, служилъ въ Преображенскомъ полку и въ 1786 г. вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ. Еще будучи молодымъ офицеромъ, онъ принялъ масонство и въ 1785 г. въ Москвѣ чрезъ Ключарева познакомился съ Новиковымъ, который и обратилъ его на путь благотворительности. Сдѣлавшись мартинистомъ, Походяшинъ пожертвовалъ на дѣла благотворенія значительныя суммы, приблизительно до полумилліона рублей ³⁾, что по тому времени составляло громаднй капиталъ. Это было

московской директоріи ордена занимали и братья Трубецкіе: кн. Юрій Никитичъ былъ *деканомъ* и Николай Никитичъ — *генераль-визитаторомъ*, а оба эти титула стояли тотчасъ послѣ пріора.

¹⁾ «Новиковъ и Московскіе мартинисты». М. 1867. См. также сочиненія Ешевскаго, т. III.

²⁾ Ibid., 364.

³⁾ Лонгиновъ (373) приводитъ цифру въ 462.149 руб.

въ 1787 г., когда въ Россіи свирѣпствовалъ голодъ, и мартинисты, съ живымъ сочувствіемъ относившіеся къ народному бѣдствію, искали средствъ для помощи голодающимъ. Потрясенный рѣчью Новикова, Походяшинъ немедленно вручилъ ему 300 т. рублей, которые и были истрачены на покупку хлѣба и бесплатную раздачу его голодающимъ. Остальная часть пожертвованнаго Походяшинымъ капитала была вложена въ предпріятіе Новикова, т.-е. въ Типографическую Компанію. Съ крушеніемъ послѣдней, разорился и Походяшинъ. Нѣсколько лѣтъ подъяръ хлопоталъ онъ о возвращеніи ему хотя части имущества, секвестрованного при арестѣ Новикова, при чемъ для уплаты по векселямъ истратилъ еще 130 т. рублей. Въ концѣ всѣхъ мытарствъ, Походяшину достались только книги Типографической Компаніи на номинальную сумму въ 700 т. рублей. Въ царствованіе императора Павла, Тургеневъ, имѣвшій векселя на него, требовалъ уплаты по нимъ. На это Григорій Максимовичъ отвѣчалъ такимъ письмомъ (13 сент. 1797 г.): «Съ начала моего знакомства съ вами привыкъ я васъ почитать и любить. Сіе почтеніе было искренное, чему доказательствомъ можетъ служить сіе, что я не вѣрю, чтобы вы были первой, который повлечетъ меня въ тюрьму; а здѣлавши то, что вы намѣрены, иного слѣдствія быть не можетъ. Повѣрьте, что мои обстоятельства гораздо хуже, нежели я ихъ изобразить могу». Далѣе онъ говоритъ, что единственное средство заплатить долгъ—это продажа его Калужской вотчины, на которую, однако, покупателя не находится. «Имѣніе, или заведеніе Типографическое, въ которое я погрузилъ все мое имущество, чрезъ разореніе коего и я теперь разоряюсь, не можетъ удовлетворить не только меня, но развѣ только воспитательный домъ... Неужели одинъ я долженъ ожидать вышняго благоволенія и терпѣть между тѣмъ всѣ непріятности, когда не я причиною столь необыкновеннаго приключенія». Общій ихъ пріятель Лѣнинцевъ также писалъ Тургеневу о «тѣсномъ положеніи» Походяшина.

Въ 1801 г., уже въ царствованіе имп. Александра I, собраніе кредиторовъ Новикова постановило отдать когда-то секвестрованное имущество Новикова въ распоряженіе Походяшина, какъ самаго значительнаго кредитора (462.149 руб. изъ общей суммы долга въ 753.534 руб.). Ему было поручено продать имущество и вознаградить какъ себя, такъ и другихъ кредиторовъ. Въ товарищи Походяшину кредиторами былъ избранъ А. Ѳ. Ладыженскій. Результатомъ этой операціи явилось повидимому то, что у Походяшина оказался въ рукахъ огромный книжный магазинъ, который, однако, шелъ плохо, и онъ въ 1803 г. получилъ разрѣшеніе разыграть его въ лотерею. Розыгрышъ произошелъ только въ 1805 году, но какую выгоду получилъ отъ этого самъ Походяшинъ, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только ¹⁾, что онъ умеръ въ ноябрѣ 1820 г., въ нищетѣ, и однако, не

¹⁾ Лонгиновъ, Новиковъ, стр. 353.

взирая на это, сохранилъ до самой смерти какое-то благоговѣніе къ Новикову: даже умирая, онъ глядѣлъ съ умиленіемъ на портретъ своего друга, висѣвшій надъ его смертнымъ одромъ. Нравственный обликъ этого масона-благотворителя производилъ сильное впечатлѣніе на неиспорченныя души, и вотъ какъ говорить о немъ молодой Жихаревъ въ своемъ дневникѣ: «Это человѣкъ тихій, скромный и молчаливый; живетъ болѣе жизнью созерцательною, однакожь, не забываетъ исполнить и нѣкоторыя свѣтскія обязанности въ своемъ кружкѣ. Ростомъ не малъ, худошавъ и фізіономію имѣетъ безстрастную». Походяшинъ никогда не говорилъ иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ; при лишнѣхъ людяхъ онъ былъ молчаливъ и могъ казаться человѣкомъ очень ограниченнымъ. «Былъ нѣкогда очень богатъ, но призрѣвалъ нища и убога и отдалъ все въ заемъ Богови.

Теперь самъ немного развѣ богаче Максима Ив. (Невзорова)». Такимъ казался Походяшинъ С. П. Жихареву въ 1806 году ¹⁾.

Масонскія печати И. П. Тургенева.
Sceaux maçonniques de I. Tourguenieff.

Болѣ замѣчательными фигурами среди второстепенныхъ картинистовъ были, какъ сказано выше, И. П. Тургеневъ и А. М. Кутузовъ.

II.

Иванъ Петровичъ Тургеневъ происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи, но родился въ Сибири (21 іюня 1752 г.), на линіи, гдѣ временно по дѣламъ службы проживали его родители; Петръ Андреевичъ и Анна Петровна Тургеневы. Росъ и воспитывался Иванъ Петровичъ въ Симбирской губерніи, въ родовомъ имѣніи Тургеневѣ и самомъ Симбирскѣ. Изъ первоначальнаго, домашняго обученія, о которомъ до насъ не дошло извѣстій, онъ вынесъ отличное знаніе нѣмецкаго языка. Для того времени это фактъ обычный: провинціальныя дворяне изучали именно нѣмецкій языкъ. Въ 1767 г. молодой Тургеневъ былъ привезенъ въ Москву и записанъ (24 августа) въ С.-Петербургскій пѣхотный полкъ сержантомъ, а на самомъ дѣлѣ поступилъ въ Московскій университетъ и оста-

¹⁾ «Записки современника». СПб. 1859, стр. 273.

вался въ немъ до конца 1770 года. По окончаніи университета Тургеневъ былъ опредѣленъ въ военную службу сержантомъ въ С.-Петербургскій пѣхотный полкъ, изъ котораго затѣмъ переведенъ въ Московскій легіонъ. Многолѣтняя и трудная военная служба закончилась 21 апрѣля 1789 г., когда Тургеневъ вышелъ въ отставку, получивши при этомъ послѣдній военный чинъ—чинъ бригадира. Такъ не блестяще завершилась его военная карьера и вообще государственная служба; она возобновилась уже на гражданскомъ поприщѣ только черезъ семь лѣтъ, при императорѣ Павлѣ.

Гораздо важнѣе и плодотворнѣе была не служебная, а частная, общественная дѣятельность Тургенева, именно: масонская, литературно-просвѣтительная. Тургеневъ, по собственному признанію, принять былъ въ масонскій орденъ въ октябрѣ 1776 г., т.-е. еще тогда, когда находился въ Крымскомъ корпусѣ на югѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ, перебравшись въ Петербургъ,—сблизился съ кружкомъ Новикова и вошелъ въ число тѣхъ девяти братьевъ, которые изъ двухъ ложъ: «Уранія» и «Астрея» составили новую ложу—«Гармонію». Среди этого ядра будущихъ маринистовъ были А. М. Кутузовъ и В. В. Чулковъ, съ которыми Тургеневъ подружился на всю жизнь, точно такъ же, какъ и съ самимъ Новиковымъ.

Годъ рожденія Алексѣя Михайловича Кутузова намъ неизвѣстенъ, но какъ товарищъ и другъ Радищева (род. 1749 г.) и Тургенева (род. 1752 г.), онъ могъ быть ихъ сверстникомъ, и тогда годъ его рожденія падаетъ на 1749—1752 гг. Достоверно не установлено, учился ли онъ въ Московскомъ университетѣ и былъ ли уже тогда знакомъ съ Тургеневымъ. Одно хорошо намъ извѣстно, что до 1766 г. Кутузовъ нѣсколько лѣтъ находился пажемъ при особѣ имп. Екатерины II ¹⁾. По собственнымъ словамъ Кутузова, онъ былъ пажемъ при Екатеринѣ II вмѣстѣ съ Радищевымъ, съ которымъ прожилъ неразрывно и даже въ одной комнатѣ 14 лѣтъ, т.-е. до самой женитьбы послѣдняго. Пробывъ при императрицѣ пажами около четырехъ лѣтъ, они были въ 1766 году отправлены въ Лейпцигскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ и оставались тамъ до 1771 года ²⁾.

Въ концѣ 1771 г. Кутузовъ и Радищевъ возвратились въ Петербургъ и поступили на службу въ Сенатъ—протоколистами, при чемъ жили вмѣстѣ въ одной и той же квартирѣ и въ одной комнатѣ. Они такъ основательно забыли русскій

¹⁾ Соображенія объ этомъ см. въ нашей статьѣ, напечатанной въ сборникѣ посвященномъ С. Ф. Платонову (СПБ. 1910 г., стр. 7).

²⁾ О пребываніи въ Лейпцигскомъ университетѣ см. Сухомлиновъ «Исслѣдованія и статьи по русской литер. и просвѣщ. т. I», Мякотинъ «На зарѣ просвѣщенія», Міаковский «Годы ученія А. Н. Радищева» («Гол. Минувшаго». 1914 г. №№ 3 и 5). *Ред.*

языкъ, что имъ пришлось изучать его снова. Въ Сенатѣ Кутузовъ оставался до 1775 года, т.-е. до женитьбы Радищева, или даже до 1776 года, послѣ чего уѣхалъ въ армію. Очевидно въ эту эпоху онъ сблизился съ Новиковымъ и его друзьями, какъ: В. В. Чулковъ, И. П. Тургеневъ и другіе. Потомъ, служа въ арміи, онъ считался членомъ ихъ масонской ложи («Гармонія»); а когда они переселились въ Москву, имѣя въ виду заняться масонско-просвѣтительною дѣятельностью, то Кутузовъ и тамъ не порывалъ съ ними связи и, кажется, не одинъ разъ навѣщалъ ихъ, какъ это можно догадываться по письмамъ, хранящимся въ Тургеневскомъ архивѣ Академіи Наукъ. Также скоро возобновились у него сношенія и съ Радищевымъ: черезъ нѣсколько лѣтъ они вступили въ переписку, и дружба ихъ стала еще тѣснѣе, не взирая на то, что во время разлуки образъ ихъ мыслей сдѣлался «весьма различенъ»; но они хотя и спорили, а любили другъ друга, «ибо видѣли ясно, что разность находилась въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ»¹⁾.

Въ какой полкъ арміи уѣхалъ Кутузовъ въ 1775—1776 гг., мы не знаемъ, но приблизительно съ 1780 г. онъ находился въ Луганскомъ полку М. Ил. Голенищева-Кутузова, знаменитаго впослѣдствіи князя Смоленскаго; слѣдовательно, принималъ участіе въ подавленіи возстанія Крымскихъ татаръ (1782—1783 гг.). Отъ этого періода имѣются интересныя письма, находящіеся въ Академіи Наукъ (архивъ бр. Тургеневыхъ). Но въ январѣ 1783 г. Кутузовъ выходитъ въ отставку, поселяется въ Москвѣ, въ переводческой семинаріи Новиковскаго кружка, и дѣлается членомъ «Дружескаго Ученаго Общества» и участникомъ всѣхъ предпріятій Типографической Компаніи, внеся въ складочный капиталъ 3000 рублей.

III.

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ біографіи Тургенева и Кутузова до ихъ совмѣстной жизни въ Москвѣ (1783—1787 гг.). Мы переходимъ къ ней. Это была блестящая эпоха дѣятельности Новиковскаго кружка, и на долю обоихъ друзей выпала значительная, даже крупная, хотя и мало оцѣненная роль. Какъ мы знаемъ, оба они внесли въ общее предпріятіе значительныя суммы. Но помимо денегъ они внесли еще свои знанія, дарованія и огромный трудъ, которые несомнѣнно должны цѣниться выше. Они работали какъ переводчики, редакторы и сочинители книгъ. По нашему мнѣнію, среди Новиковскаго кружка Тургеневъ въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто. Зная отлично нѣмецкій языкъ и имѣя рѣшительное призваніе къ литературной дѣятельности, онъ особенно много потрудился для Дружескаго Общества и Типографической Компаніи въ качествѣ пе-

¹⁾ Рус. Стар. 1896, XI, 324.

реводчика и сочинителя. Къ сожалѣнію, его литературная дѣятельность, за недостаткомъ свѣдѣній, мало доступна изслѣдованію; но все-таки кое-что извѣстно о переводахъ и сочиненіяхъ, принадлежащихъ перу Тургенева. Намъ извѣстно до семи переводовъ, сдѣланныхъ имъ, и два оригинальныя сочиненія, одно изъ которыхъ написано имъ по порученію Лопухина. Вотъ списокъ этихъ трудовъ:

1) *Іоаннъ Арндтъ*. О истинномъ христіанствѣ. 5 частей (М. 1784 г., тип. Лопухина).

2) *Іоаннъ Пордеджъ*. (*Pordedge*). Первый трактатъ о вѣчномъ мірѣ, въ двухъ книгахъ (М. 1782 г.).

3) *Іоаннъ Масонъ*. О познаніи самого себя (М. 1783 г., 2-е изд. 1786 г., 3-е изд. 1800 г.).

4) Апологія или защищеніе вольныхъ каменщиковъ. Перев. съ нѣм. (М. 1784).

5) Избранныя сочиненія блаж. Августина (М. 1786 г.).

6) Таинство креста, огорчающаго и утѣшающаго... торжествующаго Иисусъ-Христовъ и членовъ его.

7) 24 первыя главы изъ *Deutsche Theologia*, сохранившіяся въ рукописи и нигдѣ не напечатанныя.

Изъ оригинальныхъ трудовъ Тургенева намъ извѣстны только два:

8) «Кто можетъ быть Добрымъ Гражданиномъ и Подданнымъ Вѣрнымъ?»

9) Переложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ Давидовыхъ (М. 1796 г.).

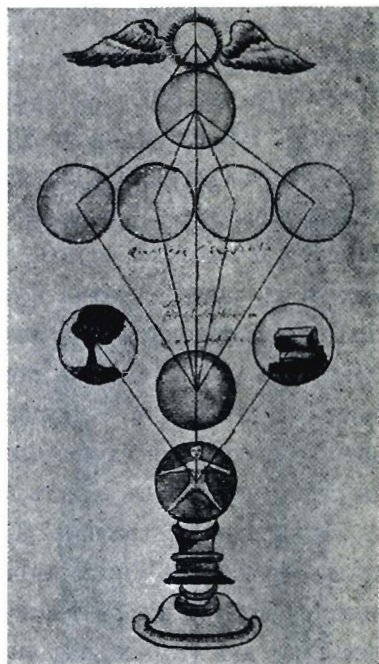
Намъ, конечно, важнѣе всего познакомиться съ оригинальными трудами Тургенева. «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ» — сочиненіе, написанное по порученію И. Вл. Лопухина, который вотъ какъ говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный катехизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто можетъ быть Добрымъ Гражданиномъ и Подданнымъ Вѣрнымъ*, которая также переведена на французскій и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближній другъ мой Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель» ¹⁾.

Эта маленькая книжечка Тургенева была потомъ два раза издана по-русски (подъ тѣмъ же заглавіемъ), въ 1796 и въ 1798 годахъ. Первое изданіе имѣетъ такую помѣту: «съ французскаго на Россійскій перевелъ Серп. Протоп. Василій Протопоповъ (Москва въ Университ. Типографіи у Ридигера и Клаудія. 1796)». При чемъ есть и посвященіе переводчика преосвящ. Аѳанасію, епископу Коломен. и Тульскому. Во второмъ изданіи (1798 г.) ничего этого нѣтъ, а помѣчено только:

¹⁾ Записки Лопухина (Лондонъ, 1860), стр. 38.

«Россійское сочиненіе», и эпиграфъ на оборотѣ: «Братство возлюбите, Бога бойтесь, Царя чтите».

Въ первомъ изданіи изъ примѣчанія къ стр. 8 можно ясно видѣть, что сочиненіе напечатано еще при жизни имп-цы Екатерины II, такъ какъ про нее сказано такъ: «Великая Екатерина, Исполнительница Петровыхъ начинаній, уже въ сей жизни начала свое безсмертіе. Законы пишушая и сама имъ прежде вѣрно-подданныхъ своихъ покоряющаяся, мудрые законы для благоденствія отечества изъ Божескихъ почерпающая и собственною десницею своею потомству предающая, можетъ ли изглажена быть изъ сердецъ чувствительныхъ? Благо чадъ Ея есть боль, лежащая на душѣ Ея. Проклято да будетъ то перо, которое вдохновенный адомъ писатель, омочивши въ желчь, употребить на очерненіе Великой Екатерины! В...» Любопытно отмѣтить, что во второмъ изданіи (1798 г.) это хвалебное примѣчаніе выкинуто—по какой причинѣ, объ этомъ скажемъ ниже.

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей.
Des manuscrits maçonniques.
(Рук. От. Рум. Муз.).

Когда написано Тургеневымъ это сочиненіе, мы не знаемъ, но что Василій Протопоповъ перевелъ его и напечаталъ въ 1796 г., это очевидно, какъ несомнѣнно и то, что переводчику принадлежитъ вышеприведенное примѣчаніе. Получивъ амністію въ 1797 году, Тургеневъ въ слѣдующемъ 1798 г. напечаталъ свое сочиненіе уже по собственному русскому подлиннику, при чемъ, конечно, выкинулъ вышеупомянутое примѣчаніе, какъ ему не принадлежащее, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, въ немъ восхвалялась его гонительница и, во-вторыхъ, въ царствованіе Павла пожалуй и неудобно было восхвалять Екатерину II. Такова судьба этой книжки;

Въ ней Иванъ Петровичъ стремится разрѣшить слѣдующій вопросъ: «Какія суть сильнѣйшія побужденія, чтобы учиниться добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ?» И находить, что такимъ побужденіемъ не можетъ служить ни богатство, ни похвала и отличія, ни жажда безсмертія въ потомствѣ, ни соблазнъ извѣстности. «Сии побужденія должны быть внутреннія, а не внѣшнія, Божественныя, а не человѣческія, кои сами собою не довольны обязать человѣка къ порядочному прохожденію должности его». Во главѣ всѣхъ побужденій долженъ быть «страхъ наказанія Божія и стыдъ предъ человѣками». Вотъ какъ это выражено въ видѣ резюме въ концѣ книжки (стр. 32).

«Кто же можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ? Тотъ, кто, бояся Бога, почитаетъ Государя, повинуется Властямъ; который не только не убиваетъ, но и въ гнѣвъ не приводитъ, который любитъ враговъ своихъ, благотворить тѣмъ, кои его ненавидятъ, благословляетъ тѣхъ, кои его злословятъ и ввергаютъ въ бѣдствіе, даетъ требующему, не отвращается отъ того, кто въ заемъ проситъ» и т. д., и т. д. въ духѣ христіанской проповѣди. «Кто все сіе можетъ сдѣлать?—Истинный Христіанинъ». Таково содержаніе и главная мысль сочиненія Тургенева. Конечно, онъ, какъ и Лопухинъ и Кутузовъ, говоритъ о необходимости повиновенія властямъ, ссылаясь на посланія ап. Павла къ Титу. Точно такъ же, какъ Лопухинъ, онъ дѣлаетъ выходку противъ французской революціи: «О! когда бы во Франціи больше господствовало истинное христіанство, не представила бы она онаго плачевнаго позорища, которое скорбь и ужасъ наносить должно всѣмъ человѣколюбивымъ и богобоязненнымъ сердцамъ! О Боже! неужели и нынѣ не видятъ, что корня золь, погубляющихъ Францію, должно искать въ пренебреженіи фундаментальныхъ законовъ св. религіи Иисусовой? По крайней мѣрѣ, нѣтъ другаго источника несчастія ея. Ибо все другое есть только слѣдствіе» (26—27). Какъ извѣстно, Лопухинъ въ своихъ запискахъ высказываетъ тѣ же мысли о французской революціи. Подобно Лопухину, Тургеневъ проповѣдуетъ о необходимости повиновенія всякому, даже дурному господину, по принципу: «нѣсть власть еще не отъ Бога».

«Подражаніе пѣснямъ Давыдовымъ» написано очевидно около 1795 г., во время ссылки, въ Симбирской губерніи, и посвящено «любезнѣйшему другу», можетъ быть И. В. Лопухину, къ которому авторъ въ посвященіи обращается такъ: «Во дни унынія, печали, въ грусти, въ скукѣ, во время горести, съ любезными въ разлукѣ, ищу я иногда мученье прекратить и чувства горькія въ отрады превратить».

Изъ переводныхъ работъ Тургенева особенно важно обратить вниманіе на Іоанна Масона «О познаніи самого себя». Уже тотъ фактъ, что книжка эта разошлась въ трехъ изданіяхъ, показываетъ, какъ она была нужна публикѣ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что на самого переводчика это сочиненіе оказало громадное и прочное вліяніе. На эту книжку указаль Тургеневу очевидно Шварцъ, и свой переводъ Тургеневъ посвящаетъ друзьямъ своимъ, членамъ Дружескаго Общества. «Входя въ намѣренія ваши распространить охоту къ подобнымъ книгамъ, рѣшилъ и я,—говоритъ онъ въ посвященіи,—споспѣшествовать видамъ вашимъ, клонящимся къ пользѣ и благу согражданъ нашихъ». По мнѣнію Тургенева, книга, переведенная имъ, содержитъ въ себѣ «нужнѣйшее ученіе о Познаніи Самаго Себя, о преимуществахъ сего познанія предъ прочими и о способахъ къ достиженію онаго; а вы находитеcь уже при Источникѣ, изъ котораго желающіе утоляти жажду къ познанію могутъ почерпать обильно ученіе сіе. Книга сія научаетъ человѣка познавать обя-

занности свои и его отношенія, въ каковыхъ онъ находится къ Богу, Творцу своему, къ природѣ, яко творенію, и къ самому себѣ». Работая надъ переводомъ этой книги, Тургеневъ въ письмахъ къ своему другу, Ал. Мих. Кутузову, совѣтовалъ «проникать» въ изгибы человѣческаго сердца и искать тамъ, «какъ наши слабости отъ глазъ нашихъ укрываются». Такіе совѣты дѣйствовали на Кутузова очень сильно и, судя по его письмамъ изъ Луганскаго полка (въ концѣ 1782 г.) ¹⁾, наводили на него «ипохондрию». На самого Тургенева книжка Масона оказала также громадное вліяніе; безъ ошибки можно сказать, что онъ на всю жизнь усвоилъ основные выводы этого автора. По крайней мѣрѣ, позже, въ 1800 г., въ письмѣ къ дѣтямъ своимъ, рекомендуя имъ новое изданіе своего перевода Масона, Тургеневъ говоритъ такъ: «я увѣренъ, что она можетъ вамъ принести истинную пользу. *Я нравственностью своею много долженъ сей книгѣ*» ²⁾. Слѣдующія мысли особенно врѣзались въ душѣ Ивана Петровича: «Всякій, кто себя знаетъ, гораздо вѣдаетъ, коль сильно въ немъ господствуетъ желаніе похвалы» (глава 12). Или: «теплая и твердая молитва есть сильнѣйшее средство къ достиженію истиннаго о себѣ самомъ познанія» (10-я глава второй части). Тургеневъ запомнилъ также и совѣты Масона: 1) беречься всѣхъ родовъ неводержанія въ удовлетвореніи похотѣній и страстей своихъ; 2) употреблять записную книжку, въ которой «все вкратцѣ изображено быть должно, и прочитывать ее каждый годъ». Сохранился листокъ, начало дневника, писанный рукою Тургенева въ 1788 году, т.-е. шесть лѣтъ спустя послѣ его работъ надъ переводомъ Масона, и, несмотря на это, мы въ листкѣ находимъ тѣ же мысли, что и у Іоанна Масона. Тургеневъ даже началъ было дѣлать замѣтки въ родѣ дневника, рекомендованнаго его любимымъ писателемъ, но, къ сожалѣнію, скоро оставилъ это намѣреніе, или же эти замѣтки не дошли до насъ.

Если книжка Масона «О познаніи самого себя» оказала на Тургенева огромное вліяніе, то переводъ «Таинства креста» оказалъ несомнѣнно большое вліяніе на главу московскихъ «мартинистовъ», Николая Ив. Новикова. «Таинство креста, огорчающаго и утѣшающаго, умерщвляющаго и животворящаго, уничиженнаго и торжествующаго Иисусъ-Христовъ и членовъ его»—старая

Столбы на масонскомъ коврѣ.
Objets maçonniques.
(Рум. Музей).

¹⁾ Они хранятся въ Архивѣ Тургеневыхъ въ Имп. Академіи Наукъ.

²⁾ Курсивъ нашъ.

книжка, написанная въ 1732 г. Дузетаномъ, изображаетъ таинство страданій, которыя очищаютъ челоуѣка и приводятъ къ спасенію. Здѣсь встрѣчаются обычные нападки на разумъ: «мудрые міра не признають въ челоуѣкѣ инаго свѣта, инаго вождя къ познанію истины, кромѣ разума». Но есть и такія любопытныя мысли: «Доколѣ христіанство было подъ крестомъ гоненій при имп. Неронѣ, Домиціанѣ, Траянѣ и т. д., дотолѣ оно пребывало славнымъ и плодороднымъ въ чадахъ и воспитало безчисленное множество мучениковъ, коихъ кровь служила сѣменемъ къ порожденію новыхъ христіанъ. Но какъ только христіанство успокоилось по плоти, стало наслаждаться довольствомъ, благами и честями мірскими при Константинѣ,—то скоро переродилось въ Антихристіанство, каково оно и нынѣ». Ниже этихъ словъ идетъ самая рѣзкая критика духовенства, которое стало думать «только о брюхѣ, о весельяхъ, о пиррахъ и пустыхъ бесѣдахъ... Честолюбіе духовенства такъ возросло, что вошло даже въ пословицу, равно какъ и корыстолюбіе его». Эта именно книжка оказала замѣтное вліяніе на Новикова, отразившееся въ его письмахъ къ Лабзину, писанныхъ въ 1797—1802 гг. ¹⁾, и конечно, въ переводѣ Тургенева, такъ какъ Новиковъ не зналъ нѣмецкаго языка, а новый переводъ Лабзина напечатанъ только въ 1814 году. Точно также Новиковъ любилъ Пордеджа ²⁾ и восторженно отзывался объ этомъ комментаторѣ Я. Бема; но и съ нимъ онъ могъ познакомиться только въ переводѣ Тургенева. Отсюда прямой выводъ, что глава московскихъ масоновъ, Н. И. Новиковъ, могъ знакомиться съ главнѣйшими западно-европейскими мистиками по переводамъ Тургенева да Кутузова.

Огромное трудолюбіе Ивана Петровича, въ качествѣ переводчика, подтверждается его переводомъ Іоанна Арндта «О истинномъ христіанствѣ». Это очень большое сочиненіе въ шесть томовъ (книгъ), изъ которыхъ каждый содержитъ по 500—600 страницъ, переведено повидимому однимъ Тургеньевымъ и отпечатано въ типографіи Лопухина въ 1784 году. Послѣдній переводъ его—двадцать четыре первыхъ главы изъ «Deutsche Theologia»—нигдѣ не былъ напечатанъ и сохранился въ рукописи среди бумагъ Тургеньевского архива.

Какъ переводчикъ, Тургеньевъ избѣгалъ по возможности иностранныхъ словъ и терминовъ, стараясь переводить ихъ по-русски: напр., вмѣсто «эгоизмъ» стоитъ у него *ячество*, *самственность*, *собственнoлюбіе*, *собственнoчестіе* и т. д. «Deutsche Theologia» по своему духу напоминаетъ сочиненія Масона и Арндта; напр., тамъ есть слѣдующія фразы и выраженія: «вхожденіе въ свое собственное

¹⁾ См. Модзалевскій: «Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1875. СПБ. 1913». Нельзя не быть признательнымъ Б. Л. Модзалевскому за обнаруженіе такихъ интересныхъ писемъ.

²⁾ О Пордедж(ч)ѣ—см. П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Кн. В. Θ. Одоевскій. Т. I, ч. 1, стр. 422—435. Подробнѣйшее изложеніе «Божественной и истинной метафизики» см. Губерти, Н. В.—Матеріалы для бібліографіи. Вып. II (1881 г.), стр. 230—263. *Ред.*

сердце и въ немъ пребываніе, изученіе и познаніе самого себя и испытаніе себя, чего еще недостаетъ—гораздо лучше, нежели взираніе на другихъ людей и на ихъ примѣры». Или: «Къ просвѣщенію ведутъ три пути: очищеніе, просвѣщеніе, соединеніе». Или: «понеже жизнь Христова есть всего горше для натуры и собственныя любви, потому натура и воспріять оную не хочетъ, а живетъ злочестиво, ложно, безпечно, понеже сіе для нея всего пріятнѣе и веселѣе» и т. д. Таковы главнѣйшія мысли этого неизданнаго перевода.

Тургеневъ не только самъ переводилъ, но также провѣрялъ и исправлялъ переводы, сдѣланные другими, молодыми сотрудниками переводческой семинаріи, въ числѣ которыхъ были Ал. Андр. Петровъ, Д. И. Дмитревскій, отчасти Карамзинъ и другіе. Редакторскія обязанности Тургеневъ раздѣлялъ съ другомъ своимъ, Ал. М. Кутузовымъ, и изъ писемъ послѣдняго къ нему ¹⁾ видно, что переводы эти и ихъ редактированіе иногда приводили двухъ друзей къ страстнымъ спорамъ, за которыми слѣдовали небольшія размолвки.

Присматриваясь ближе къ переводамъ Тургенева, мы можемъ замѣтить, что литературная дѣятельность его носила чисто масонскій, мистическо-религіозный характеръ. Будучи одною изъ христіанскихъ сектъ, масонство стремилось къ чистому, неискаженному христіанству первыхъ вѣковъ нашей эры, — христіанству, стоявшему выше національныхъ и сословныхъ предразсудковъ. Масонство отрицало церковную іерархію и обрядовую сторону религіи; оно призывало къ широкой и неустанной благотворительности. Но относительно Тургенева мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ всегда оставался истинноправославнымъ человекомъ, любилъ духовенство и дружилъ съ нимъ, такъ что масонство не внушало ему реформаторскихъ идей или отчужденія отъ церкви, и въ масонствѣ скорѣе всего его привлекала тайна, исканіе истины и проповѣдь о совершенствованіи

Яковъ Бёме.
I. Böhme.

¹⁾ Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову. Статья о Кутузовѣ.

самого себя. Тѣмъ не менѣе онъ былъ дѣятельный масонъ. Его масонское имя было: «eques ab auroga boreale», и онъ былъ членомъ директоріи, управлявшей 8-ю (русскою) провинціей. Въ этой директоріи членами были также: Чулковъ, Шнейдеръ, Ключаревъ и Крупениковъ. Тургеневъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петромъ Петр. Тургеневымъ, дѣятельно насаждалъ масонство и у себя на родинѣ, въ Симбирской губерніи, что подтверждается многими извѣстіями (см. Бартеневъ «XVIII вѣкъ», II, 369—370).

Въ орденъ розенкрейцеровъ Тургеневъ былъ принятъ въ четвертую степень, и повидимому имѣлъ большое вліяніе на братьевъ. Есть основаніе предполагать, что онъ часто говорилъ рѣчи въ масонскихъ собраніяхъ. По крайней мѣрѣ въ неизданныхъ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось нѣсколько черновыхъ набросковъ проповѣдей, несомнѣнно сочиненныхъ имъ и произнесенныхъ въ масонскихъ собраніяхъ (одна отъ 1784, двѣ отъ 1785 и одна отъ 1789 г., а на нѣкоторыхъ датъ не обозначено). Рѣчи Тургенева похожи на обыкновенныя проповѣди: съ выдержками изъ Свящ. Писанія, съ молитвенными обращеніями къ Спасителю и т. д. Онѣ хорошо изображаютъ его міросозерцаніе, а также даютъ понятіе о его характерѣ, темпераментѣ и склонностяхъ. Въ началѣ одной рѣчи Тургеневъ говоритъ, что онъ «долженъ представить растеніе свое въ святомъ Орденѣ и показать», какія онъ приобрѣлъ познанія, «до Натуры ли то, до сердца ли человѣческаго или до Θεософіи касающіяся». Нѣкоторыя рѣчи носятъ характеръ исповѣди предъ братьями, и мы можемъ видѣть, что читалъ и о чемъ думалъ Тургеневъ. Братьямъ-масонамъ, членамъ Ордена, были рекомендованы нѣкоторыя книги для прочтенія; и вотъ Тургеневъ дѣлится своими впечатлѣніями по поводу прочитанныхъ книгъ. Среди его масонскихъ бумагъ нашелся также списокъ книгъ, вѣроятно, рекомендованныхъ Орденomъ; изъ нихъ девять книгъ о животномъ магнетизмѣ, много сочиненій о масонствѣ и нѣсколько книгъ разнаго содержанія, на примѣръ: 1) Зендъ-Авеста, 2) Книга Сивилла, 3) Magia Adamica, 4) Die Geheime Naturlehre и т. д. Иванъ Петровичъ, какъ и другіе члены, упражнялся въ познаніи самого себя, творенія и Творца—по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ «Книгѣ Премудрости»,—науки, «открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ» ¹⁾. Одна проповѣдь Тургенева даетъ особенно ясное понятіе какъ о немъ самомъ, его наклонностяхъ и интересахъ, такъ и объ орденѣ розенкрейцеровъ. Проповѣдникъ говоритъ о *таинствѣ*, которое хранится въ Орденѣ и дошло до него отъ самыхъ древнихъ вѣковъ. Таинство или тайна эта извѣстна только главнымъ начальникамъ Ордена, и она весьма цѣнна, потому что отъ нея зависитъ «можетъ быть, судьба чело-

¹⁾ Слова Лопухина изъ его «Записокъ».

вѣчества». «Изъ степени Шотландской видно, что таинство сіе есть таинство натуры». Таинству этому былъ наученъ Адамъ по изгнаніи изъ рая; его научилъ ангелъ, «и онъ узналъ таинство сіе въ естественномъ дѣлѣ искусства, въ дѣлѣ, подобномъ творенію міра. Какого искусства?—очищать всѣ тѣла отъ прилипшей къ нимъ клятвы и соблюдать наши человѣческія тѣла отъ всѣхъ болѣзней, даже до естественнаго ихъ разрушенія» ¹⁾. Цѣль масона, по мнѣнію Тургенева, и состоитъ въ познаніи этого таинства. Розенкрейцеръ имѣетъ право надѣяться, что Орденъ, «пріавшій и сохраняющій великое таинство таинствъ», дастъ каждому своему сочлену «въ надлежащее время предохранительное средство отъ скудости и болѣзней» и «отъ не-сносной бѣдности».

Мы убѣждены, что розенкрейцеры стремились открыть тайну—средство исцѣлять болѣзни, т.-е. искали жизненный элексиръ, а также и средство, избавляющее отъ «скудости», бѣдности, т.-е. они чуть ли не искали философскій камень, создающій золото. Такъ незамѣтно увлеклись розенкрейцеры алхиміей.

Что Тургеневъ увлекался алхимическими тайнами, это доказывается тѣмъ спискомъ книгъ, о которомъ упомянуто выше, и его черновыми рукописями. Одна изъ нихъ, носящая заглавіе «Нужное показаніе», посвящена какимъ-то страннымъ размышленіямъ о числахъ. Эти послѣднія являлись предметомъ обсуждения также и въ перепискѣ его съ Кутузовымъ, изъ одного письма котораго можно сдѣлать выводъ, что числа иногда замѣняли у нихъ какіе-то термины. Напр., совѣтуя Тургеневу во всемъ держаться середины, Кутузовъ пишетъ: «Кто преступитъ 9, тотъ ниспадетъ глубочѣе, нежели гдѣ былъ онъ прежде» (августъ 1788). Въ показаніи на допросъ, Тургеневъ говорилъ о масонствѣ такъ: «Ученіе сіе состоитъ въ снисканіи великаго таинства или та-

Гр. Калиостро.
Comte Kaliostro.

(Изъ изданія, излаг. процессъ его въ Римѣ въ 1790 г.
Римъ. 1791).

¹⁾ Курсивъ нашъ.

gisterium, кое только тотъ получить, кто удостоится чрезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столь совершеннымъ, сколь человѣку возможно быть. А посему и тайны Ордена сей одинъ только въ существѣ ея знать можетъ». Этой-то тайны Иванъ Петровичъ повидимому и доискивался въ упомянутыхъ книгахъ и въ масонскихъ работахъ.

По тѣмъ же (пока не обнародованнымъ) масонскимъ бумагамъ Тургенева можно составить довольно ясное понятіе какъ о его характерѣ, такъ и о темпераментѣ. Подъ вліяніемъ книги Масона «О познаніи самого себя», онъ пытался вести замѣтки, въ которыхъ, бесѣдуя самъ съ собою, онъ дѣлаетъ какъ бы исповѣдь и покаяніе въ содѣянныхъ грѣхахъ. Такихъ исповѣдей дошло до насъ около трехъ. Въ одной изъ исповѣдей, никакъ не ранѣе 1784 года ¹⁾, мы читаемъ слѣдующее: «Столь мало старался я изыскать слабую мою сторону, что по сію пору не знаю ее точно. Кажется, гордости есть

Жена Калиостро. (Адарюков. Доб.
къ слов. Ров.).
La femme de Kaliostro.

во мнѣ больше, нежели любострастія. Ибо шаги, въ жизни моей дѣланные, имѣютъ начало свое всѣ гордость подъ разными масками: то пріобрѣтеніе хвалы, то снисканіе познанія, коимъ бы могъ отличиться отъ другихъ. Ежели и дѣлалъ какіе добрые поступки, то всѣмъ была основаніемъ гордость. Я не твердъ, но могу сдѣлать геройство изъ гордости». Въ другой исповѣди Тургеневъ со всею откровенностью и чрезвычайно мѣтко указываетъ на свои недостатки. «Главный грѣхъ мой есть, въ разсужденіи тѣла,—невоздержаніе, и любимая страсть моя есть сластолюбіе или, лучше сказать, обжорство, ибо тонкаго вкуса и въ пищѣ я не имѣю. Отъ сей склонности къ обжорству происходитъ и склонность моя къ блудодѣянію, и такъ сильна во мнѣ, что я каждый день

борюсь съ нею. Не могу до такого ощущенія дойти, чтобъ воображеніе мое чисто было отъ сего сквернаго порока. Сію склонность причисляю я къ скотской моей душѣ; отъ обжорства же, отягощающаго желудокъ мой и посылающаго пары въ

¹⁾ Дата опредѣляется упоминаніемъ о покойномъ Шварцѣ.

голову, усиливается порокъ сложенія моего [и] лѣность. Что касается до духовныхъ моихъ страстей, то, кажется мнѣ, главная въ нихъ есть гордость, являющая себя въ пріятности слушать похвалу людскую, а паче тѣхъ людей, коихъ я высоко почитаю. Въ видѣ заслуженія хвалы сей не знаю, чего бѣ не предпринялъ и не исполнилъ я? Въ гордости духа моего усматривается малодушіе. Симъ именемъ называю я и потачку къ женѣ и моимъ домашнимъ, а паче къ женѣ. Признаюсь въ семъ пороцѣ и въ знацѣ откровенности моей не постыдился бы описать здѣсь въ подробности потачки мои, ей сдѣланныя, кои сочтены мною и кои я, къ стыду моему, всѣ знаю...

Итакъ: обжорство }
лѣность } невоздержаніе,

любленіе хвалы }
потачка женѣ } малодушіе,
которое, понеже гордость велитъ скрывать оное,
производитъ лицемѣріе или притворство».

Третья исповѣдь носить совершенно интимный характеръ и, очевидно, нигдѣ въ масонскомъ собраніи не читалась; это—бесѣда съ самимъ собою. Вотъ конецъ этой исповѣди, относящейся къ январю 1788 года: «Каковъ я встрѣтилъ новый годъ? Таковъ, каковъ былъ въ старомъ. Еще стыжусь вспомнить 9-е число сего мѣсяца въ Тургеневѣ ¹⁾),—3-хъ суточная лихорадка, произведенная напряженіемъ силы воображенія, была слѣдствіемъ моего во блудѣ паденія. Ахъ! Какой плачевный опытъ имѣлъ я надъ собою!» Далѣе Тургеневъ говоритъ, что онъ «лѣнивѣе сталъ отправлять обыкновенную молитву». Одну изъ причинъ этого онъ усматриваетъ въ томъ, что онъ читалъ одну книгу, въ которой рекомендуется *внутренняя* молитва, а не наружная. И вотъ онъ началъ отставать отъ послѣдней, но еще не усвоилъ и первой.

Въ приведенной бесѣдѣ съ самимъ собою и въ вышеупомянутыхъ исповѣдяхъ предъ нами проходитъ человекъ второй половины XVIII вѣка, со всѣми достоинствами и недостатками, свойственными той эпохѣ. Желаніе познать свои недостатки, стремленіе совершенствоваться и очищать себя отъ замѣченныхъ грѣховъ—все это несомнѣнно есть вліяніе масонства; это входило въ кругъ «работъ» свободныхъ каменщиковъ.

Но въ то же время у нашихъ масоновъ это стремленіе очистить себя чрезъ познаніе своихъ грѣховъ—весьма напоминаетъ обыкновенное очищеніе себя молитвой и сокрушеніемъ о грѣхахъ, предписываемое намъ религіей. И что наши масоны оставались христіанами и глубокоправославными, въ этомъ

¹⁾ Родовое помѣстье Ивана Петровича.

нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ, напр., что говорить Иванъ Петровичъ Тургеневъ въ концѣ вышеупомянутой бесѣды съ собою: «На сихъ дняхъ, прощаясь со мной мой начальникъ и собираясь меня снабдить своими наставленіями, совѣтовалъ читать молитвы: Царю небесный, Отче нашъ, псал. 91—ежедневно и непремѣнно, доказывая опытами пользу сея молитвы и произношеніемъ молитвеннаго псалма сего». Конечно, это совѣтовалъ масонъ такому же масону.

IV.

Обратимся теперь къ другу и сотруднику Тургенева, Алексѣю Михайловичу Кутузову ¹⁾. Водворившись въ Москвѣ, какъ мы видѣли, съ 1783 года, онъ четыре года (1783—1787) раздѣлялъ всѣ труды членовъ «Типографической Компаніи» и былъ, можно сказать, однимъ изъ самыхъ полезныхъ сотрудниковъ Новикова, а послѣ смерти Шварца (1784 г.) и наиболѣе образованнымъ членомъ, знавшимъ не только французскій и нѣмецкій, но еще и англійскій языки. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ онъ былъ главнымъ переводчикомъ и редакторомъ Переводческой семинаріи. Эти годы онъ жилъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и другомъ его преждевременно угасшимъ А. А. Петровымъ, и вліяніе его на этихъ молодыхъ сотрудниковъ несомнѣнно было значительное. По крайней мѣрѣ, по «Письмамъ русскаго путешественника» мы можемъ судить о сильной привязанности Карамзина къ Кутузову.

Шкатулка. Une boîte.
(Музей П. И. Щукина).

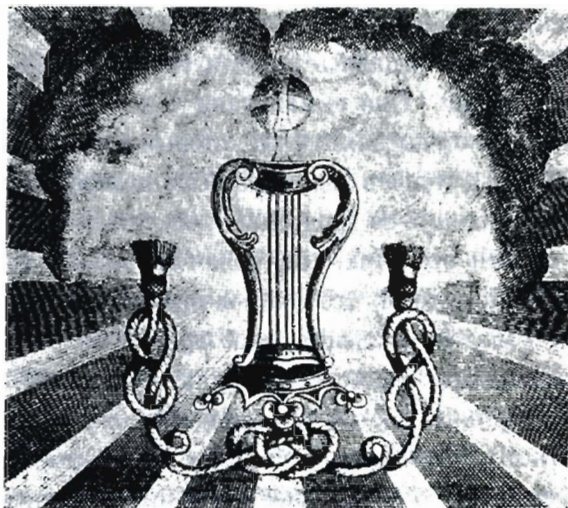
Т. С.

О литературной и масонской дѣятельности Кутузова за это время намъ мало извѣстно. Онъ занимался исключительно переводами и, еще находясь въ полку, перевелъ «Плачь или ночныя мысли» Юнга. За время московской жизни имъ переведены: 1) Парацельса—«Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ»; 2) «Страшный судъ и торжество вѣры», сочиненіе Юнга, и 3) «Мессіада» Клопштокъ, въ прозаическомъ переводѣ. Всѣ эти переводы появились въ пе-

¹⁾ Болѣе подробно о немъ см. статью нашу въ «Сборникѣ, посвященномъ С. Ф. Платонову» (С.-Пб. 1910 г.).

чати въ 1785 году. Это и все, что осталось намъ отъ Кутузова. Литературная заслуга его состоитъ въ переводѣ сочиненія Юнга «Ночныя думы» (The complaint or night thoughts), которыя содѣйствовали распространенію сентиментализма въ русской литературѣ. Какъ старшій современникъ и другъ Карамзина, Кутузовъ оказалъ на него и на литературу неоспоримое вліяніе; такое же вліяніе онъ несомнѣнно оказывалъ и на другихъ, особенно на бр. Трубецкихъ, Лопухина и Тургенева. Это замѣтно изъ ихъ переписки.

Кутузовъ оставался въ Москвѣ до 1787 года. Въ началѣ этого года онъ по дѣламъ ордена розенкрейцеровъ былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Онъ вложилъ въ дѣло Типографической Компаніи все свое состояніе: въ 1783 г. онъ внесъ въ складочный капиталъ 3000 руб., а въ 1786 г. сдѣлался поручителемъ за Новикова съ залогомъ

Виньетка ложи Уранія 1788 г.
Vignette de l'Orient «Urania».

Т. С.

своего имѣнія. Естественно, что у него почти ничего не было, и онъ получалъ содержаніе отъ своихъ товарищей по Ордену, главнымъ образомъ, отъ Лопухина и бр. Трубецкихъ, и кое-когда отъ своего брата, небогатаго помѣщика. Кутузовъ и его московскіе друзья часто писали другъ другу; часть этой переписки сохранилась, вслѣдствіе тайной перлюстраціи со стороны московской полиціи, и напечатана въ «Русской Старинѣ» ¹⁾. Кромѣ того, среди бумагъ И. П. Тургенева ²⁾ найдено до десяти писемъ Кутузова, писанныхъ изъ Берлина. Любопытно отмѣтить, что біографическихъ данныхъ эти письма представляютъ весьма мало, такъ какъ Кутузовъ, по свойствамъ своей натуры, почти никогда не упоминаетъ о томъ, кто и что его окружаетъ, что онъ дѣлаетъ и т. д. Почти единственнымъ содержаніемъ его писемъ служатъ философскія, иногда нравоучительныя размышленія. Можно, однако, по письмамъ его корреспондентовъ изъ Москвы сдѣлать заключеніе, что Алексѣй Михайловичъ оставилъ послѣ себя самыя горячія сим-

¹⁾ 1874 и 1896 гг. Теперь эта же переписка печатается, очевидно, сполна Я. Л. Барсковымъ и скоро появится въ свѣтъ. Благодаря любезности Я. Л. Барскова, намъ удалось просмотрѣть (въ корректурныхъ листахъ) значительную часть этой переписки.

²⁾ Архивъ бр. Тургеневыхъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

патіи въ сердцахъ друзей, что имъ интересуются и беспокоятся о немъ. Видно также, что первое время его заграничной жизни, т.-е. приблизительно годы 1787—1791, ему жилось недурно, и онъ совершалъ нѣкоторыя путешествія; напр., былъ во Франкфуртѣ и Парижѣ. Эти-то путешествія и были причиною, что Карамзинъ въ 1789—1790 гг., во время своей поѣздки за границу, никакъ не могъ встрѣтиться съ Кутузовымъ, что и отмѣчаетъ съ сожалѣніемъ въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника». Живя въ Берлинѣ, Кутузовъ вмѣстѣ съ бар. Шредеромъ попались въ сѣти темной компаніи розенкрейцеровъ, руководимыхъ Вѣльнеромъ. Они выманивали у него деньги и давали ему обѣщанія посвятить его въ такія высшія тайны, которыя и не снились московскимъ масонамъ. Къ концу 1790 г. Кутузовъ задумалъ было возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ Шредеромъ и еще какимъ-то «братомъ», поселиться въ деревнѣ у брата и жить въ полномъ удаленіи отъ міра. Но, кажется, ссылка друга его Радищева напугала его, а извѣстіе о томъ, что его подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ Радищевымъ, привело Кутузова къ рѣшенію не возвращаться въ Россію. Въ концѣ 1791 года онъ, не подозрѣвая предстоящаго крушенія Типографической Компаніи, рѣшаетъ остаться въ Берлинѣ еще на три года. «По благодати Всевышняго» онъ вступилъ въ сношенія съ какими-то двумя братьями «высокихъ знаній. Они получили ко мнѣ совершенную довѣренность... Они открыли мнѣ то, о чемъ я писать не смѣю», но съ условіемъ, чтобы Кутузовъ остался съ ними, по крайней мѣрѣ, три года, «дабы привести общими трудами въ совершенство наше намѣреніе», т.-е. достиженіе высшихъ масонскихъ знаній. Вслѣдствіе этого, Кутузовъ проситъ своихъ московскихъ товарищей принять надлежащія мѣры къ содержанію на свой счетъ его, Кутузова, и двухъ его товарищей, «дабы не имѣть со стороны сей никакихъ безпокойствъ, ибо мірскія заботы суть все и главнѣйшее препятствіе». Если бы друзья не согласились оказать ему поддержку, Кутузовъ намѣренъ былъ продать послѣднее свое имѣнье¹⁾. Но онъ и не догадывался, что приблизительно съ 1791 года, бѣды обрушились на его московскихъ друзей, и они не могли уже поддерживать его матеріально. Положеніе его сдѣлалось незавиднымъ. Тогда только онъ понялъ угрожающую ему опасность въ виду разоренія Типографической Компаніи. Въ письмѣ къ кн. Н. Н. Трубецкому онъ пишетъ о своемъ затруднительномъ положеніи и, сообщая о томъ, что баронъ Шредеръ, уѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ, былъ пораженъ московскими вѣстями (разгромъ типографіи Новикова), «якобы громовою стрѣлою»,—Кутузовъ прибавляетъ: «не менѣе и я почувствовалъ морозъ, ліющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно; и вотъ истинная причина моей меланхоліи». (Письмо 4/15 іюля 1791 г.) Не зная трехъ послѣднихъ писемъ къ И. П. Тургеневу, пи-

¹⁾ Барсковъ: «Переписка московскихъ масоновъ съ А. М. Кутузовымъ».

санных послѣ 1791 г., мы сдѣлали предположеніе въ вышеупомянутой статьѣ ¹⁾, что едва ли Кутузовъ пережилъ 1792 годъ. Недавно найденныя письма не подтвердили наше предположеніе: Кутузовъ пережилъ гонительницу масоновъ, имп. Екатерину, и дожилъ до воцаренія имп. Павла, но въ Россію почему-то не успѣлъ возвратиться и умеръ, повидимому, вскорѣ послѣ 1797 года. Изъ одного письма Ал. Ив. Тургенева къ отцу изъ-за границы (въ 1803 г.) видно, что послѣ смерти Кутузова въ Берлинѣ остались долги въ 80 талеровъ. Это доказываетъ, что несчастный Алексѣй Михайловичъ умеръ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Мысли Кутузова всегда имѣли серьезное и даже философское направленіе; онъ, по своему характеру, былъ молчаливъ, а настроеніе его нерѣдко бывало мрачнымъ. Вотъ почему письма его не имѣютъ ни остроты, ни шуточного тона. Онъ—человѣкъ вдумчивый, онъ—мыслитель, обращенный къ мистическому созерцанію самого себя, своего внутренняго міра. Онъ вѣчно роется въ своихъ мысляхъ, ища тамъ сорныя травы и плевелы. Совершенствованіе себя, своего духа путемъ самопознанія,—вотъ цѣль его стремленій, вотъ постоянный предметъ его заботъ: чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, ни говорилъ, всегда возвращается къ этому предмету. Такая односторонность свойственна ему по преимуществу, и, напр., Лопухинъ, Тургеневъ, Новиковъ не были такими односторонними людьми.

Такъ, узнавъ, что Карамзинъ собирается издавать журналъ, Кутузовъ писалъ Плещееву: «Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысяча журналовъ, подобныхъ берлинскому и Виландову, то ни одинъ россіанинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ. Напротивъ, боюсь, чтобы тысяча таковыхъ журналовъ не положили миллионовъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога».

Кутузовъ былъ способенъ весь отдаваться служенію какой-либо идеѣ, и это видно изъ того, что онъ пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ и карьерой, можетъ быть, даже семейнымъ счастіемъ для масонскихъ предпріятій. Для того времени это явленіе рѣдкое. При этомъ, служеніе идеѣ онъ связывалъ непременно съ служеніемъ обществу; это ясно изъ того, что онъ всякихъ пустынниковъ и анахоретовъ, удаляющихся отъ міра и не служащихъ обществу, считалъ тунеядцами.

Много, однако, вредили Кутузову его слабохарактерность и неуравновѣшенность, заставлявшія его часто колебаться и быть неувѣреннымъ въ своихъ силахъ. Сюда присоединяется также и его непрактичность, плохое знаніе людей. Такъ, напримѣръ, его легко провелъ и до конца пользовался его расположеніемъ такой подозрительный человѣкъ, какъ баронъ Шредеръ, личность несомнѣнно темная, втершаяся въ кругъ мартинистовъ по иностранной рекомендаціи. Но—

¹⁾ Въ «Сборникѣ, посвященномъ проф. Платонову».

виковъ скоро раскусилъ его и относился къ нему холодно, а Кутузовъ принимаетъ его подъ свою защиту и совершенно довѣряетъ этому проходимцу; онъ клянется живымъ Богомъ, что Шредеръ «преисполненъ богобоязненности», что самъ онъ, Кутузовъ, не можетъ равняться съ нимъ ни въ какомъ отношеніи, будучи въ сравненіи съ нимъ «мерзокъ и гнусень». Такое нѣжное отношеніе къ человѣку недостойному можетъ быть объяснено отчасти его добротою и сердечностью; сердечность и искренность были отличительными чертами Кутузова. Онъ любилъ говорить друзьямъ голую правду, не умѣлъ «ласкательствовать» и былъ врагомъ всякой политики въ дружескихъ сношеніяхъ. И за это онъ пользовался любовью многихъ изъ тѣхъ, кто сталкивался съ нимъ въ жизни; это видно и по письмамъ его друзей къ нему въ Берлинъ. Особенно трогательна привязанность и дружба къ Кутузову его товарища по ученію, знаменитаго А. Н. Радищева—дружба, сохранившаяся до конца ихъ жизни, несмотря на ихъ разлуку и даже на различіе во взглядахъ. Радищевъ посвятилъ Кутузову оба свои сочиненія: «Житіе Ѳ. В. Ушакова» и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». «Любезнѣйшаго друга» своего сердца, Кутузова, хочетъ онъ оставить послѣ своей кончины «въ вожди» своимъ дѣтямъ; дружба Кутузова составляетъ для него утѣшеніе въ дни скорби и «надѣяніе... для дней успокоенія». Несмотря, однако, на дружбу, взгляды Радищева и Кутузова рѣзко расходились. Самъ Кутузовъ въ одномъ письмѣ говоритъ, что большую часть положеній Радищева касательно религіи и государственнаго правленія нашель онъ противоположною своей системѣ; особенно не нравилось ему то, что Радищевъ коснулся «нѣкоторыхъ пунктовъ, которые не подлежатъ къ литературѣ», ибо критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло. «Смѣло можно сказать,—пишетъ Кутузовъ въ одномъ письмѣ,—что изъ среды насъ не выйдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе».

V.

При разгромѣ московскихъ мартинистовъ пострадалъ и Тургеневъ. Въ 1792 г. его спокойная жизнь была неожиданно нарушена: 11 августа за нимъ посланъ былъ въ Симбирскъ подпоручикъ Левлевъ, съ приказаніемъ доставить его въ Москву для допроса по дѣлу Новикова и Типографической Компаніи. Для послѣдней наступилъ роковой часъ, и почти всѣ ея участники, такъ или иначе, пострадали за свою просвѣтительную и филантропическую дѣятельность, сдѣлавшись жертвами подозрѣній правительства, напуганнаго французской революціей и книгою Радищева.

Привезенному въ Москву Тургеневу были предложены вопросные пункты, числомъ 18, въ которыхъ онъ объясняетъ свою масонскую дѣятельность и просить прощенія, если въ чемъ поступалъ противъ закона. Его допрашивалъ князь Прозоровскій, бывший когда-то его начальникомъ въ первой Турецкой войнѣ; онъ называетъ Тургенева «лукавымъ» въ сравненіи съ простодушнымъ княземъ Н. Трубецкимъ; но въ сравненіи съ Новиковымъ Тургеневъ, по мнѣнію Прозоровскаго, «не такъ твердъ», хотя «напоенъ совершенно роду мыслей Новикова».

Послѣ допроса Тургеневъ, въ концѣ того же августа, былъ сосланъ, въ видѣ наказанія, въ свои деревни на безвыѣздное житье, гдѣ и оставался до смерти императрицы Екатерины II, т.-е. четыре года (1792—1796).

Съ вступленіемъ на престолъ имп. Павла (6 ноября 1796) судьба Тургенева рѣзко измѣняется: 11 ноября 1796 г. ему разрѣшенъ вѣздъ въ столицы. 15-го того же мѣсяца онъ получилъ чинъ д. ст. совѣтника и назначенъ директоромъ Москов. университета (1797—1803). 25 декабря 1796 г. Иванъ Петровичъ со всею семьею пріѣхалъ въ Москву (см. Истрина, Архивъ Тургеневыхъ, вып. 2, введ., с. 21). Теперь насту-

Пис. Левицкій.

А. П. Мельгуновъ, основатель масонской
ложи въ Ярославлѣ.
A. P. Melgounoff.

пилъ для него блестящій и лучшій періодъ его жизни. Изъ бригадировъ онъ переименованъ въ статскіе совѣтники и поселился въ университетѣ. Подъ его предсѣдательствомъ находилась канцелярія (изъ пяти лицъ), которая вѣдала всю хозяйственную часть университета. По отзыву Третьякова, чиновника этой канцеляріи, Тургеневъ былъ «начальникъ добрый, честный и справедливый». Ему же была подчинена, конечно, и учебная часть: выборъ преподавателей, профессоровъ и общее направленіе преподаванія. Есть полное основаніе думать, что Тургеневъ старался придать университету тотъ «мартинистскій» духъ, которымъ отличались въ своей дѣятельности Новиковскій кружокъ и

Дружеское Ученое Общество. Такъ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ питомцы каждое утро, послѣ молитвы, обязательно читали духовныя пѣсни и благочестивыя размышленія Штурма.

Тургеневъ способствовалъ также обновленію университета приглашеніемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ профессоровъ изъ Германіи, напримѣръ: Шлецеръ-сынъ, Буле, Грельманъ и другіе. Въ его домѣ профессора находили самый радушный пріемъ. Онъ также посылалъ многихъ молодыхъ людей за границу для довершенія своего образованія. Такъ, были посланы: въ 1802 г. Воиновъ, Двигубскій, А. С. Кайсаровъ, Успенскій и немного раньше М. И. Мудровъ. М. И. Невзоровъ, близко знавшій Тургенева, называетъ его «добрымъ другомъ юношества» и говоритъ, что онъ многимъ молодымъ людямъ оказалъ благодѣянія, открывая возможные способы къ ученію, ободряя, награждая и даже по выходѣ изъ училищъ снискивая разные пути къ должностямъ и благосостоянію жизни. Не безъ основанія Тихонравовъ называетъ Тургенева «добрымъ и самымъ благонамѣреннымъ пѣстуномъ Московскаго университета». Узнавъ слухи о предстоящей отставкѣ Тургенева, молодой профессоръ Мерзляковъ почти съ отчаяніемъ сообщаетъ объ этомъ своимъ друзьямъ въ Геттингенъ.

Какъ директоръ Тургеневъ былъ подчиненъ тремъ кураторамъ, и у него съ ними были нерѣдкія ссоры, особенно съ Голенищевымъ-Кутузовымъ, повидимому изъ-за того, что этотъ послѣдній хотѣлъ поставить университетъ по военному, а университетскій благородный пансіонъ превратить въ кадетскій корпусъ. Кажется, кураторы и оклеветали Тургенева передъ высшею властію, такъ что, когда образовано было Министерство Народнаго Просвѣщенія, то министръ, гр. Завадовскій, отнесся къ Тургеневу недоброжелательно, будучи недоволенъ имъ за какой-то «кабинетъ польской» и за медленную постройку шкафовъ, вслѣдствіе чего пострадали препараты. Потомъ (съ 1802 г.) пошли слухи о коренномъ преобразованіи университета, и положеніе Тургенева сильно пошатнулось. Почувствовавъ это, онъ пишетъ въ Петербургъ Лопухину и проситъ его ходатайствовать за него предъ министромъ Завадовскимъ и предъ Державинымъ. Когда же преобразование университета началось и вмѣсто кураторовъ назначенъ былъ попечителемъ Муравьевъ, другъ и товарищъ Тургенева по университету, а должность директора замѣнялась избираемымъ ректоромъ,—Тургеневъ сталъ хлопотать о назначеніи его или сенаторомъ, или же о сохраненіи въ видѣ пенсіи получаемого имъ жалованья (1875 руб. въ годъ). Онъ пишетъ объ этомъ и къ Лопухину, и къ Н. Н. Новосильцеву, и къ Державину. Въ концѣ-концовъ, за нимъ сохранили получаемое имъ жалованье и, кромѣ того, дали ему чинъ тайнаго совѣтника, но ему пришлось пробыть цѣлый 1803 годъ въ неопредѣленномъ положеніи и быть свидѣтелемъ коренной ломки университетскихъ порядковъ. Въ отставку онъ вышелъ 21 ноября 1803 года. Къ огорченію по службѣ присоединилось и страшное горе, постигшее его 8 іюля 1803 года, именно смерть его старшаго

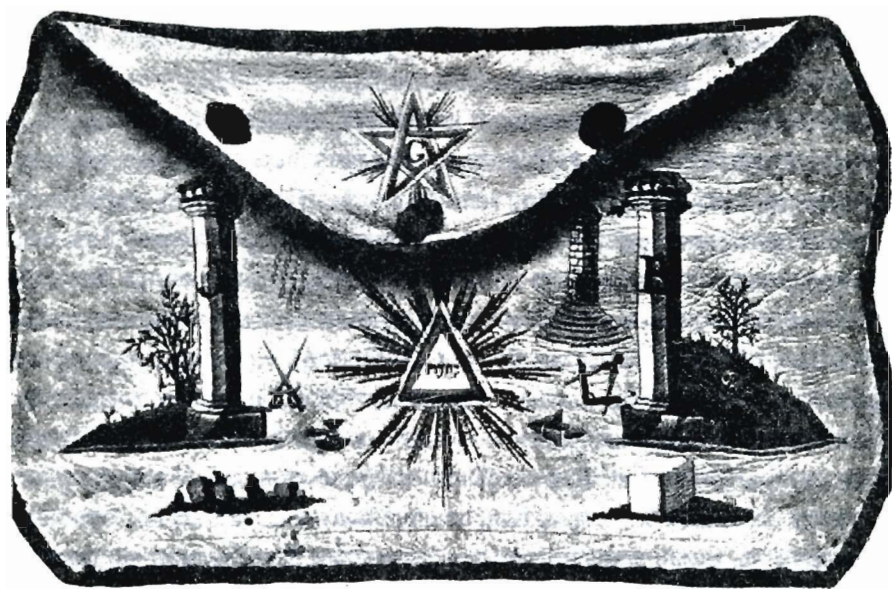
сына Андрея, его любимца, друга и почти что товарища. Такъ что, когда онъ разстался съ университетомъ и переѣхалъ въ собственный домъ на Маросейскъ, то здоровье его было уже подорвано. Отсюда начинается послѣдній періодъ его жизни, такъ сказать, постепенное увяданіе. Ему было 51 годъ, но здоровье его оказалось настолько непрочнымъ, что въ 1804 г. онъ опасно заболѣлъ. Повидимому, вслѣдствіе тучности онъ былъ склоненъ къ апоплексіи и хотя выздоравлилъ, но въ 1805 и 1806 гг., по совѣту врачей, ему пришлось пользоваться въ Липецкѣ минеральными водами. Ему стало легче, онъ могъ ходить, но органъ рѣчи у него настолько испортился, что трудно было съ нимъ вести бесѣду (см. письма Дмитріева и Жуковского къ А. И. Тургеневу 1805—1806 гг.). Въ концѣ же этого (1806) года онъ, по свидѣтельству Жуковского, былъ очень слабъ и собирався ѣхать въ Петербургъ лѣчиться къ тамошнимъ медикамъ. Дѣйствительно, 25 января 1807 г. онъ выѣхалъ изъ Москвы со всею семьею и, приѣхавъ въ Петербургъ, лѣчился у лейбъ-медика Франка, впрочемъ, безуспѣшно и 28 февраля скончался, очевидно внезапно, отъ послѣдняго удара апоплексіи. Онъ похороненъ въ Александроневской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ, рядомъ съ любимымъ сыномъ.

Табакерка. Une tabatière.
(Музей Костр. Арх. Комиссіи).
Г. С.

Литературѣ и искусству Тургеневъ преданъ былъ такъ же горячо, какъ и мистическо-масонской философіи, если не болѣе. По крайней мѣрѣ, давая показанія кн. Прозоровскому о томъ, что заставляло его участвовать въ масонскихъ собраніяхъ, онъ говоритъ, что его влекло туда единственное желаніе имѣть общество образованныхъ друзей и узнавать тамъ все, «до учености касающееся». Переводчикъ «Таинства креста», Тургеневъ былъ въ то же время центромъ, около котораго группировались, въ пору его директорства и ранѣе, тогдашнія московскія литературныя знаменитости во главѣ со «старостою» и «десятникомъ російской литературы», т.-е. Херасковымъ и Карамзинымъ. У него перваго встречали ласку и одобреніе всѣ начинающіе писатели. Извѣстно, что онъ вывезъ Карамзина изъ Симбирска и пристроилъ его въ Переводческой семинаріи Новиковскаго кружка. Онъ же замѣтилъ и обласкалъ казанскаго купца Каменева, одного изъ первыхъ представителей романтизма въ Россіи, предшественника Жуковского; а этотъ послѣдній чуть ли не болѣе всѣхъ обязанъ старику Тургеневу; не даромъ же онъ называетъ его своимъ отцомъ: «онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою». Судьба окружила юность Жуковского людьми

самыми чистыми и праведными; кружокъ Андрея Тургенева лелѣялъ молодость поэта-романтика, направляемый дружескою рукою старика Тургенева. Въ этомъ кружкѣ и особенно въ семьѣ Тургеневыхъ слагались черты нравственной физономіи Жуковского; отсюда онъ заимствовалъ умственное и нравственное направленіе; именно, старикъ Тургеневъ указалъ ему главнѣйшую цѣль жизни: нравственное самосовершенствованіе. Такимъ образомъ, имя масона-Тургенева навсегда сохранится въ исторіи русской поэзіи; его семья была гнѣздомъ, изъ котораго вылетѣли первые русскіе романтики, Андрей Тургеневъ и Жуковский. Другъ юности и школьный товарищъ Тургенева, М. Н. Муравьевъ, изображаетъ его какъ идеаль истинно-свободнаго человѣка, который скуку жизни украшаетъ ученьемъ, духъ котораго исполненъ любовью истины, любовью красоты, и который «безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ, на пользу общую всегда, вездѣ готовъ». Какъ человѣкъ, Тургеневъ производилъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе, и даже желчный Вигель говоритъ о немъ съ похвалою, называя его «честнѣйшимъ человѣкомъ», а Лопухинъ называетъ Тургенева «самымъ ближнимъ другомъ... коего память всегда пребудетъ любезна всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель» ¹⁾).

Масонскій запонъ изъ собр. Д. Г. Бурылина.
Tablier maçonnique.

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ И. П. Тургеневѣ — см. ст. «Масонъ И. П. Тургеневъ» Е. Тарасова. Ж. М. Н. Пр. 1914 г. № 6, стр. 129—175. *Ред.*

Масонская грамота.

Diplôme maçonnique.

Семень Ивановичъ Гамалѣя.

Большое общественное дѣло требуетъ какъ вожаковъ его, одухотворяющихъ своей энергіей и инициативой цѣлое движеніе, такъ и работниковъ, беззавѣтно отдающихъ всѣ свои силы общественному благу. Такіе работники такъ же важны, такъ же нужны для дѣла, какъ и его вожаки. Нерѣдко они выносятъ на своихъ плечахъ самую тяжелую часть работы. Семень Ивановичъ принадлежитъ къ числу подобнаго рода дѣятелей, къ числу симпатичнѣйшихъ членовъ Новиковскаго кружка, и на немъ съ особымъ удовлетвореніемъ можетъ остановиться историкъ.

С. И. Гамалѣя былъ сыномъ священника изъ маленькаго городка Полтавскаго полка, изъ мѣстечка Китай-города. Онъ родился въ 1743 году и умеръ въ 1822 г. ¹⁾ По смерти отца, Гамалѣя въ 1755 году поступилъ въ Кіевскую Академію, обучался здѣсь около десяти лѣтъ, проходилъ философію и богосло-

¹⁾ Въ изданіи его писемъ сказано: «сей благочестивый мужъ, С. И. Г. преселился въ вѣчность 1822 г. Мая 10 д. на 79 году своей жизни». (Письма С. И. Г., кн. II, стр. 252). *Ред.*

віе, и по спискамъ 1765 года онъ уже числился въ отлучкѣ изъ Академіи въ Петербургѣ. (Акты и документы, отн. къ Кіевской Духовн. Академіи, отд. II, т. III, стр. 270). Видимо, его домашніе обладали нѣкоторыми средствами, потому что молодой бурсакъ жилъ въ наемной квартирѣ, кое-что онъ зарабатывалъ въ старшихъ классахъ, занимаясь кондиціями. Во время пребыванія его въ Академіи случилась одна академическая исторія, въ которой Гамалѣя принималъ ближайшее участіе. Вдова переводчика Стефанеенкова принесла въ 1763 году жалобу префекту Академіи Мельхиседеку Орловскому на четырехъ студентовъ философскаго курса, обвиняя ихъ въ кражѣ у ней дровъ. По ея показанію, изъ числа кравшихъ Гамалѣя открылъ калитку двора. Префектъ двоихъ изъ студентовъ высѣкъ розгами, а двоихъ другихъ, въ числѣ коихъ былъ Гамалѣя, лишилъ кондицій, чѣмъ всѣмъ имъ «навель немалое безчестіе». Въ жалобѣ преосвященному на своего префекта студенты указывали на то, что префектъ подвергъ всѣхъ ихъ наказанію, не принимая никакого оправданія, между тѣмъ всѣ они живутъ на хозяйскихъ харчахъ, имѣютъ квартиру съ отопленіемъ, почему префекту Орловскому, «яко учителю философіи, можно здравымъ умомъ разсудить», что имъ дрова совсѣмъ не нужны, тѣмъ болѣе, что они не находятся ни въ какомъ подозрѣніи. Студенты просили учинить имъ за побои и безчестіе «удоволство». За своихъ сотоварищей вступились всѣ студенты философскаго класса, подавъ митрополиту жалобу на того же префекта. Предварительно у студентовъ съ префектомъ произошло бурное объясненіе, при чемъ префектъ назвалъ ихъ бунтовщиками и самъ пересталъ ходить въ Академію. Студенты угрожали, съ случаѣ неудовлетворенія ихъ, коллективнымъ оставленіемъ Академіи. Дѣло перешло въ консисторію, конецъ этого студенческаго бунта неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ философы продолжали учиться (тамъ же, стр. 24—36).

Трудно сказать, что вынесъ изъ Академіи С. И. для своей будущей просвѣтительной дѣятельности. Извѣстно только, что онъ обучался въ Академіи какъ разъ въ то время, когда она начала освобождаться отъ старой схоластики, въ преподаваніи философіи произведена была реформа введеніемъ курса философіи Бавмейстера, одного изъ умѣренныхъ представителей Лейбнице-Вольфіанской философіи. Около половины шестидесятыхъ годовъ произведены были реформы въ преподаваніи богословія и другихъ наукъ, но онѣ относятся уже къ концу пребыванія Гамалѣя въ Академіи. (Серебренниковъ, Кіевская Академія съ половины XVIII в., 141 и слѣд.).

Во всякомъ случаѣ у Гамалѣя на долгое время осталось пріятное воспоминаніе о своей alma mater, которую онъ отъ времени до времени вспоминалъ. Очень важно, что стремленіе къ просвѣтительной дѣятельности въ молодомъ Гамалѣѣ сказывается уже вскорѣ по окончаніи Академіи. Изъ Кіева онъ перешелъ въ Петербургъ и здѣсь былъ учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1769 году, узнавъ, что въ родной бурсѣ заводится библіотека, Гамалѣя посылаетъ бурса-

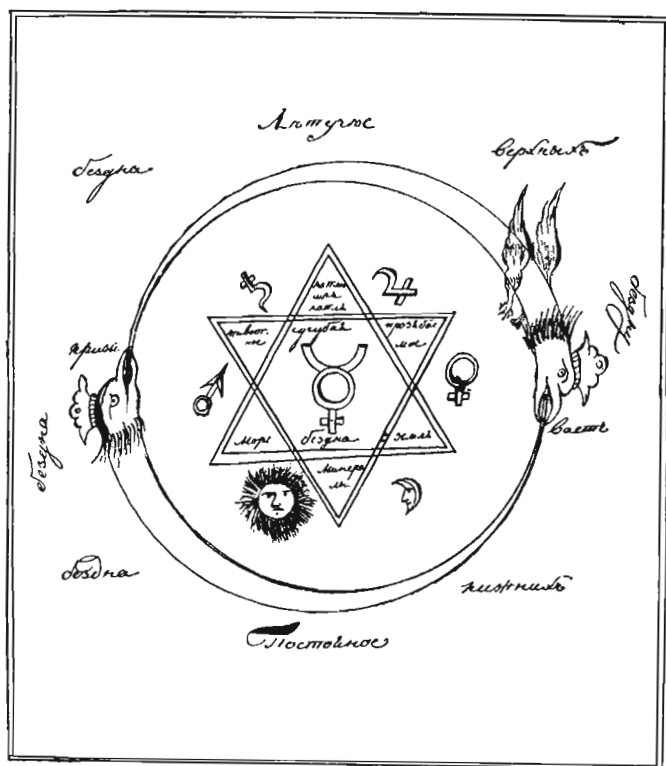
камъ три книги, изъ которыхъ одна носить масонскій характеръ. То же онъ дѣлаетъ въ слѣдующемъ году, прося «удостоить милостиво принять» въ библиотеку еще нѣсколько книгъ, при чемъ старый бурсакъ именуетъ своихъ молодыхъ сотоварищей «милостивыми государями, любезными о Христѣ братіями, жителями великихъ кіевскія бурсы селеній» (Акты Академіи, стр. 462).

Гамалѣя недолго былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вѣроятно около половины семидесятыхъ годовъ онъ переходитъ на службу къ графу З. Г. Чернышеву, назначенному тогда намѣстникомъ Бѣлоруссіи. При Чернышевѣ Гамалѣя исполняетъ очень важную должность правителя канцеляріи. Въ 1782 году графъ Чернышевъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ и взялъ съ собою Гамалѣя на ту же должность въ Москву. Исполненіе такой должности, какъ

правителя канцеляріи обширнаго намѣстничества, безспорно указываетъ на большую дѣловитость Семена Ивановича. Эта черта подтверждается его общественной дѣятельностью. Послѣ смерти Чернышева Гамалѣя вскорѣ оставилъ службу и весь отдался общественной и масонской дѣятельности.

До насъ дошло немного свѣдѣній о личности Гамалѣя. Въ распоряженіи Лонгинова были довольно подробные матеріалы, характеризующіе личность и частью дѣятельность Семена Ивановича.

Отличительной чертой С. И. Гамалѣя является доброта и безкорыстіе, соединенныя съ глубокой религіозностью. Эти черты характера объясняютъ названіе, данное ему его друзьями: «Божьяго человѣка». Безкорыстіе его доходило до того, что онъ отказался даже отъ предложенныхъ ему въ пожалованіе 300 душъ за хорошее исполненіе имъ должности въ Бѣлоруссіи. Говорятъ, что отказываясь

Изъ розенкрейцерскихъ рукописей, принадлежавшихъ А. П. Мельгунову. (Изъ собранія С. П. Мельгунова).
Des manuscripts des Rose-Croix.

отъ этого пожалованія, Гамалѣя сказалъ, что онъ не знаетъ, какъ управиться съ своею одною собственной душой, почему и не можетъ принять на свое попеченіе еще 300 чужихъ душъ.

Этотъ разсказъ, передаваемый по преданію, соотвѣтствовалъ взгляду Гамалѣя на владѣніе людьми. Отраженіе такого взгляда иногда въ намекахъ, встрѣчается въ его письмахъ. Такъ, онъ пишетъ одному изъ своихъ корреспондентовъ: «по содержанію письма Вашего отъ 31 генваря честь имѣю донести, что я не отправлялъ никакого человѣка въ Москву, ибо я не имѣю никого, кромѣ себя».

Въ Москвѣ Гамалѣя сошелся съ Новиковымъ и Шварцемъ. Это знакомство произошло еще до перехода Гамалѣя на службу въ Москву. Поселившись въ Москвѣ, онъ полностью отдался филантропической и литературной дѣятельности. «Онъ рѣшительно презрѣлъ всѣ земныя блага и приносилъ все на жертву своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ, помышляя лишь о ближнихъ и стремясь къ тому, чтобъ одерживать духовными подвигами побѣду надъ собою и страстями своими». Съ одной стороны, въ немъ проявляется стремленіе къ аскетизму: онъ стремится до минимума сократить свои потребности, для того, чтобы раздавать остатки сбереженій бѣднымъ, говоря при этомъ, что каждая побѣжденная привычка есть «шагъ къ свѣту». Въ немъ выступаетъ особенно рельефно его любовь къ ближнему. Слуга его обокралъ, а когда бѣглеца поймали, Гамалѣя отпустилъ его и возвратилъ отобранныя у вора деньги. Будучи бѣднякомъ, онъ приносилъ «Дружескому Обществу» свой трудъ и свою нравственную силу. Между прочимъ ему принадлежитъ особая заботливость о первоначальномъ направленіи и объ образованіи питомцевъ «Дружескаго Общества» (Лонгиновъ, 161). Отдавшись масонской дѣятельности, Гамалѣя настолько сходится съ Новиковымъ, что является какъ бы его двойникомъ, неразлучнымъ сотоварищемъ во всѣхъ предпріятіяхъ не только Новиковскаго кружка, но и самого Новикова. Вотъ нѣсколько указаній, которыя характеризуютъ эту сторону дѣятельности Гамалѣя.

Въ 1784 году была учреждена въ Москвѣ извѣстная Типографическая Компанія. Въ числѣ ея 14 членовъ, мы встрѣчаемъ и Гамалѣя (Лонгиновъ, 217). Онъ не только состоялъ членомъ Компаніи, но вмѣстѣ съ Новиковымъ, Лопухинымъ, Кутузовымъ, барономъ Шредеромъ и двумя князьями Трубецкими состоялъ въ числѣ лицъ, управлявшихъ дѣлами Компаніи (Лонгиновъ, 218). Очевидно и въ Компанію Гамалѣя былъ введенъ какъ свой человѣкъ, на дѣятельность котораго особенно могла разсчитывать Типографическая Компанія. Онъ и князь Енгальчевъ вступили въ члены Компаніи безъ взносов денегъ (Лонгиновъ, 219). Гамалѣемъ выполнялась еще одна очень важная роль въ этой Компаніи: черезъ него московскій главнокомандующій графъ Чернышевъ передавалъ Компаніи свои пожеланія о напечатаніи Компаніей тѣхъ или другихъ книгъ. (Тамъ

же, 229.) Известно, что одинъ изъ членовъ Компаніи баронъ Шредеръ началъ покупать въ Москвѣ домъ, далъ задатокъ, но затѣмъ запутался въ дѣлахъ и оплатить не могъ. Тогда Компанія купила этотъ домъ на имя нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, и купчая была совершена на имя князя Ю. Н. Трубецкого, Лопухина, А. И. Новикова, Чулкова и Гамалѣя. (Тамъ же, 240.)

Это и былъ извѣстный Гендриковскій домъ, въ которомъ въ скоромъ времени сосредоточились благотворительныя учрежденія Компаніи и типографія. Этотъ домъ былъ заложенъ Компаніей въ Опекуномъ Совѣтѣ. (Тамъ же, 241.) И здѣсь, надо предположить, что Гамалѣя явился участникомъ покупки дома, не имѣя средствъ. Близкое участіе въ управленіи всѣми дѣлами Компаніи въ извѣстной мѣрѣ подтверждается и тѣмъ, что Гамалѣя жилъ въ Гендриковскомъ домѣ. (Тамъ же, 242.) Дружеское Общество обращалось къ Гамалѣю въ важнѣйшихъ случаяхъ своей дѣятельности. Такъ, онъ принималъ ближайшее участіе въ направленіи питомцевъ Дружескаго Общества. Ему же предоставлена была очень важная обязанность начертать планъ путешествія Карамзина. И признательный Н. М. Карамзинъ во время своего путешествія постоянно переписывался съ Семеномъ Ивановичемъ (Тихонравовъ, сочиненія, т. III, ч. II, 96, Русск. Вѣстн. 1862 года, т. XXXVIII, стр. 747). Намъ представ-

ляется очень вѣроятнымъ предположеніе Лонгинова о томъ, что московскій главнокомандующій Чернышевъ выразилъ свое расположеніе и согласіе на устройство предположенной Шварцемъ переводческой или филологической семинаріи при Дружескомъ Обществѣ именно по представленію Тургенева, Лопухина, Гамалѣя и др. лицъ (Лонгиновъ, 181). Это предположеніе можно еще болѣе развить, принимая во вниманіе близость Гамалѣя къ Чернышеву, а также и то, что Гамалѣя не только принималъ дѣятельное участіе въ переводческихъ трудахъ при Новиковѣ, но и впослѣдствіи онъ постоянно предавался переводческой дѣятельности, переводя мистическія сочиненія уже не для печати, а такъ, по привычкѣ къ дѣлу. Поэтому думается, что Гамалѣя принималъ наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ замыслѣ Шварца и могъ наиболѣе способ-

Масонскій крестъ. (Собраніе П. И. Щукина).
Croix maçonnique.

ствовать благосклонному отношенію къ дѣлу московскаго главнокомандующаго.

Въ качествѣ лица близкаго къ Типографической Компаніи, Гамалѣя на ряду съ другими принимаетъ участіе въ переводѣ съ нѣмецкаго мистическихъ книгъ, которыя печатались въ тайныхъ типографіяхъ (Лонгиновъ, 0,97). Вообще дѣятельность его самымъ тѣснымъ образомъ сливается съ дѣятельностью Новикова настолько, что, по словамъ послѣдняго, со стороны Лопухина и другихъ масоновъ упреки въ бездѣятельности по отношенію къ орденоскимъ упражненіямъ относились не только къ Новикову, но и къ Гамалѣю: «Всѣ подозрѣвали насъ въ холодности, обоихъ, въ нехотѣніи упражняться въ упражненіяхъ Ордена и тому подобное» (Лонгиновъ, 0,109). Вездѣ, гдѣ выступаетъ масонская дѣятельность Новикова, тамъ параллельно съ нимъ выступаетъ и Гамалѣя. Такъ, его мы видимъ въ числѣ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ Новикову было поручено получить подписи на прошеніе въ Берлинскій розенкрейцерскій капитулъ для принятія русскихъ масоновъ въ розенкрейцерство (Лонгиновъ, 199). Его же мы видимъ въ числѣ первыхъ розенкрейцеровъ по учрежденіи этого Ордена въ Москвѣ Шварцемъ (Лонгиновъ, 176). Вообще, къ Шварцу Гамалѣя относился съ великимъ благоговѣніемъ, считая себя, очевидно, ученикомъ этого послѣдняго. Въ одной масонской рѣчи, посвященной Шварцу и сказанной въ Петербургѣ въ 1820 году, авторъ этой рѣчи припоминаетъ слова брата С. И. Гамалѣя, сказанныя имъ о Шварцѣ еще въ 1785 году: «....онъ бдѣніемъ и трудами достигъ, что намъ даны великія познанія, ручался за насъ, должны мы и потомство возблагодарить за его труды и освобожденіе насъ отъ тьмы, и приносить моленія за обрадованіе души его».

Въ средѣ самого масонства Гамалѣя былъ въ числѣ старшихъ масонскихъ братьевъ и принималъ участіе въ управленіи Московскимъ масонствомъ, входя въ составъ главнаго капитула вмѣстѣ съ барономъ Шредеромъ, А. М. Кутузовымъ, княземъ Н. Н. Трубецкимъ, Н. И. Новиковымъ, И. В. Лопухинымъ, княземъ Ю. Н. Трубецкимъ и И. П. Тургеневымъ. Гамалѣя былъ основателемъ и «великимъ мастеромъ» масонской ложи въ Тулѣ. (Записки Свербеева, т. I, стр. 30). Кромѣ того, судя по росписи, данной самимъ Новиковымъ, Гамалѣя имѣлъ какое-то касательство къ другимъ провинціальнымъ ложамъ, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ: Новиковъ, отказываясь незнаніемъ о ходѣ дѣятельности Могилевской и *Казанской ложи*, ссылался на то, что объ этомъ свѣдѣнія могутъ быть у Гамалѣя. (Сб. И. Р. И. О., II, 149.)

Кромѣ участія въ главномъ капитулѣ, а также участія въ управленіи провинціальными ложами, Гамалѣя имѣлъ подъ своимъ управленіемъ ложу въ Москвѣ. Находящійся въ слѣдственномъ дѣлѣ списокъ управляемой Гамалѣемъ ложи, вѣроятно и есть списокъ ложи Девкаліона, которая, какъ изъ

вѣстно изъ другихъ источниковъ, именно находилась подъ управленіемъ Гамалѣя. Эта ложа состояла, повидимому, изъ 15 лицъ, въ число которыхъ между прочимъ входили: Г. М. Походяшинъ, В. И. Баженовъ, А. Ф., Н. А., И. Ф. Лодыженскіе, Н. О. Сафоновъ, баронъ И. П. Черкасовъ, В. Н. Кочубей и нѣсколько другихъ лицъ. Трудно что-нибудь сказать о тѣхъ лицахъ, которыя входили въ ложу, управляемую Гамалѣемъ. Все это во всякомъ случаѣ мало родовитые, мало чиновные люди. Можетъ быть, такой составъ этой ложи не является случайностью, быть можетъ, судя по тому, что самъ Гамалѣя былъ, повидимому, рабочимъ элементомъ среди масоновъ,—быть можетъ, въ его ложѣ собрались наиболѣе рабочіе элементы, тогда какъ въ другихъ московскихъ ложахъ сосредоточились сильные покровители масонства. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ о дѣятельности ложи Девкалиона. Она открылась 21 октября 1782 года. При открытіи ея Гамалѣя произнесъ рѣчь о платѣ за работу. Въ этой рѣчи, помѣщенной въ «Магазинѣ Свободныхъ Каменщиковъ» (ч. II, стр. 92), Гамалѣя задается вопросомъ о томъ, какъ провѣрить истекшій годъ. По этому поводу ораторъ даетъ рядъ нравственныхъ поученій. «Роскошь, гордость, корысть, лѣньность — суть тираны, держащіе въ узахъ бѣднаго человѣка, самоизвольно предающагося ихъ власти. Область ихъ пространна, весь міръ поработенъ ими». И только малое число мудрыхъ ими не поработено. Далѣе, онъ приводитъ мысль о необходимости думать о будущей жизни. Другую рѣчь онъ произнесъ въ той же ложѣ 3 февраля 1783 года. (Ешевскій, Сочиненія, 253.)

Масонскій крестъ.
(Собраніе П. И. Щукина).
Croix maçonnique.

Но наиболѣе видная сторона дѣятельности Гамалѣи заключалась не въ исполненіи масонской обрядности. Это былъ вѣрный и неизмѣнный другъ Новикова, его постоянный сотрудникъ и совѣтникъ. Безъ него Новиковъ не предпринимаетъ никакого дѣла. Можно намѣтить два круга совѣтниковъ, къ которымъ обращается Новиковъ: съ одной стороны, это старшіе представители масонства, какъ князь Ю. Н. Трубецкой, баронъ Шредеръ и друг., съ другой стороны, интимный совѣтникъ Новикова—С. И. Гамалѣя. Повидимому, важнѣйшія бумаги и сообщенія Новиковъ въ началѣ обсуждалъ съ Гамалѣемъ, а затѣмъ уже говорилъ со старшей братіей. Такъ, напримѣръ, велись всѣ сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Даже болѣе того, архитектору Баженову, передававшему вѣсти отъ Павла Новикову, было запрещено говорить объ этихъ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было изъ братіи, кромѣ Новикова и Гамалѣи. (Сб. И. Р. И. О., II, 118—20.)

Изъ сказаннаго видно огромное значеніе Гамалѣя въ просвѣтительной дѣятельности Новиковскаго кружка. Лонгиновъ задается вопросомъ о томъ, почему столь близкій совѣтникъ и другъ Новикова даже не былъ привлеченъ правительствомъ къ слѣдствію. И объясняетъ это дѣло тѣмъ, что Гамалѣя былъ бѣденъ, какъ Іовъ, смиренъ, въ сношенія отъ имени Общества не входилъ, и вообще его сочли за жертву Новиковскаго обмана. (Русск. Вѣстн. 1859 г., т. XXII, стр. 374.) Предположеніе довольно вѣрное, требующее лишь того добавленія, что Екатерининское правительство вообще не расширяло, а суживало контингентъ привлекаемыхъ къ слѣдствію лицъ.

Послѣ разгрома Новиковскаго кружка Семень Ивановичъ поселился въ принадлежавшемъ Новикову селѣ Тихвинскомъ, гдѣ провелъ безвыѣздно долгіе годы сельскаго затворничества, проживъ здѣсь почти тридцать лѣтъ. Такъ заканчивалась дѣятельность этого въ высшей степени интереснаго человѣка. Къ сказанному можно прибавить, что далеко не всѣ стороны его дѣятельности намъ извѣстны. Мы уже упоминали о переводческой дѣятельности Гамалѣи. По свидѣтельству Лонгинова, Гамалѣя хорошо зналъ латинскій, нѣмецкій и нѣкоторые изъ восточныхъ языковъ; онъ перевелъ «невѣроятное множество мистическихъ сочиненій, по большей части не напечатанныхъ, въ томъ числѣ всѣ творенія Якова Бема въ двадцати двухъ томахъ». (Лонгиновъ, 163.) Это свидѣтельство пока трудно провѣрить. Но Гамалѣя дѣйствительно былъ усерднымъ распространителемъ идей Бема. Въ изданныхъ его письмахъ встрѣчаются неоднократно признанія въ его переводческихъ трудахъ. Своимъ корреспондентамъ онъ рекомендуетъ читать сочиненія Бема и нѣкоторымъ изъ нихъ посылаетъ рукописные переводы этого философа. Посылая одному изъ корреспондентовъ переводъ книжки о «Тройственной жизни человѣка», авторъ письма говоритъ: «желаю Вамъ читать оную во славу Божию и въ пользу вашу вѣчную, не сказывая при томъ никому о сей книгѣ и не показывая ея никому». Между прочимъ напомнимъ, что въ рукописяхъ начала XIX вѣка встрѣчается немало переводовъ Бема, или извлеченій изъ этого философа. С. П., авторъ статьи въ Библиографическихъ Запискахъ, передаетъ кратко описаніе одной такой рукописи, носящей заглавіе: «Серафимовскій Цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бема». Эта рукопись, по преданію, составлена подъ руководствомъ Гамалѣя и представляетъ тщательный экстрактъ изъ сочиненій этого философа (Библиографическія Записки, 1858, т. I, стр. 136). До насъ дошли и письма Гамалѣя къ нѣкоторымъ изъ его корреспондентовъ, изданныя въ первый разъ въ 1832 г.¹⁾ Для характеристики Гамалѣя они почти ничего не даютъ, кромѣ указаній на его переводческую дѣятельность. Это—довольно странная помѣсь христіанской ми-

¹⁾ Первое изданіе въ 1832 г. въ 2-хъ ч.; второе—3 ч., М. 1836—1839. *Ред.*

стики и строгаго аскетизма съ воспоминаніями о тайной философіи; избыль-
 нныя цитаты изъ Священнаго Писанія понимаются авторомъ исключительно
 въ мистическомъ смыслѣ и всѣ его наставленія вѣрны идеологіи Сень-Мартена
 и розенкрейцерства. По этимъ письмамъ можно судить о темахъ, которыя зани-
 мали Гамалѣя, преимущественно въ годы его тихой жизни въ деревнѣ. Вотъ
 нѣкоторыя изъ этихъ темъ.

Такъ, въ одномъ изъ пи-
 семъ, Гамалѣя развиваетъ
 мысль о томъ, что въ чело-
 вѣкѣ одновременно дѣй-
 ствуютъ «три міра»: «огнен-
 ный», стремящійся къ дѣй-
 ствію, владѣнію, «наруж-
 ный», пекущійся объ иму-
 ществѣ, и «свѣтлый» міръ
 — о духѣ Христовомъ.
 Или онъ посвящаетъ цѣлое
 письмо вопросу о пользѣ
 молитвы, о суетѣ мірской,
 о внутреннемъ общеніи съ
 Богомъ, о кротости и сми-
 реніи, о своей волѣ, о
 свѣтѣ «натуральномъ» и
 божественномъ, о трудно-
 сти обуздать скотскую
 жизнь, о «разсматриваніи»
 себя. (По изд. 1836 г., т. II,
 стр. 16, 22, 53, 56, 89, 122,
 139, 152; т. III, стр. 37.)

На склонѣ лѣтъ въ
 селѣ Тихвинскомъ Семенъ
 Ивановичъ велъ жизнь
 аскета и строгаго мистика.

Жилъ онъ очень бѣдно, въ холодной и сырой комнатѣ, отличался нищелюбіемъ,
 раздавалъ милостыню и поучалъ Священному Писанію тѣхъ, кто къ нему
 обращался. (Библиографическія Записки, 1859, т. II. стр. 80, Замѣтка Ря-
 бова.) Изъ писемъ Гамалѣя видно, что въ этотъ періодъ онъ иногда нуждался:
 при всей его скромности ему приходилось занимать деньги (т. II, стр. 63),
 онъ болѣлъ и тогда его не покидала мысль о смерти (тамъ же, стр. 140).
 Но вообще въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ молчаливъ и казался суровымъ

Символистическая картина. (Собрание Рум. Музея).
 Tableau symbolique.

философомъ, представляя собою контрастъ болѣе живому и впечатлительному Новикову. (Статья Афанасьева, Библиографическія Записки, 1858 г., т. I, 180.) До насъ дошло довольно много отзывовъ объ удивительно высокихъ нравственныхъ качествахъ Гамалѣя. Всѣ эти отзывы соотвѣтствуютъ его письмамъ, которыя проникнуты мыслью о необходимости нравственного самоусовершенствованія. Но старый кievскій бурсакъ не безъ труда превратился въ аскета: это превращеніе стоило ему борьбы. Впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ писемъ Гамалѣя утверждаетъ на основаніи своего опыта, что человѣкъ ко всему способенъ, то есть человѣкъ способенъ къ нравственному самоусовершенствованію. Такъ и онъ самъ нѣкогда былъ склоненъ къ «блудодѣянiю», но потомъ нашелъ въ себѣ силы побороть все это.

И наклонъ лѣтъ, какъ и въ годахъ кипучей дѣятельности въ Москвѣ, Гамалѣя пользовался высокимъ уваженіемъ окружающихъ и особенно мистиковъ. Одинъ изъ его учениковъ, Невзоровъ, съ большимъ благоговѣніемъ вспоминаетъ уже въ 1818 г. о полезной дѣятельности Гамалѣя на пользу русскаго масонства. Вліяніе Гамалѣя и значеніе его у мистиковъ отчасти можетъ быть констатировано по слѣдующему оригинальному случаю: не безызвѣстный мистикъ Лохвицкій въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что 8 марта 1810 г. онъ видѣлъ во снѣ Гамалѣя и радовался во снѣ, что увидѣлся съ Семеномъ Ивановичемъ. (Терновскій, Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи, Труды Кіевской Духовной Академіи, 1863, стр. 170.)

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни Гамалѣя наклонъ лѣтъ въ селѣ Тихвинскомъ передаетъ извѣстный архитекторъ Витбергъ. По совѣту Лабзина, онъ повезъ на одобреніе Новикова проектъ плана храма Христа Спасителя. Съ нѣкоторымъ волненіемъ молодой архитекторъ ѣхалъ на свиданіе съ старыми масонами. По рассказамъ Лабзина, онъ представлялъ ихъ строгими и неумолимыми стариками, особенно Гамалѣя. Но эта характеристика совершенно не оправдалась. Въ Гамалѣѣ Витбергъ нашелъ человѣка, исполненнаго любви и привѣта, хотя говорившаго мало и рѣзко. Новиковъ съ большимъ интересомъ отнесся къ проекту храма, Гамалѣя—съ большею холодностью. Новиковъ проявилъ живость, пламенность идеи, Гамалѣя—суровость мистика. «Всего лучше, — говорилъ архитектору Гамалѣя, высказывая свое сужденіе о проектѣ храма, — что вы расположили храмъ свой въ тройственномъ видѣ; ежели удастся выработать вамъ, то это будетъ хорошо». Онъ даже нѣсколько скептически относился къ увлеченію архитектора своимъ проектомъ, цѣня личное самоусовершенствованіе выше всего: «ежели вашъ проектъ будетъ избранъ, — говорилъ тономъ строгаго учителя Гамалѣя, — не опасаетесь ли вы тогда увлечься такъ вашими наружными занятіями и исполняя по совѣсти, какъ вѣрный сынъ отечества, сложныя и трудныя должности, что вы принесете имъ на жертву высшее, нежели чего онѣ достойны?» Въ этомъ сказалось

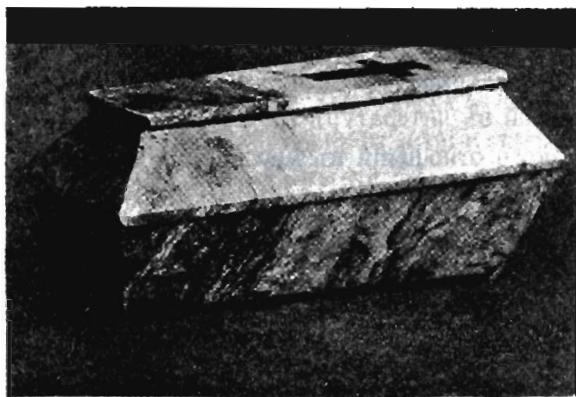
пренебреженіе Гамалѣя мірскими успѣхами и его преклоненіе передъ успѣхами духа.

Строгость Гамалѣя сказывалась даже въ мелочахъ: такъ, напримѣръ, Витбергъ не могъ уговорить его дать разрѣшеніе написать его портретъ.

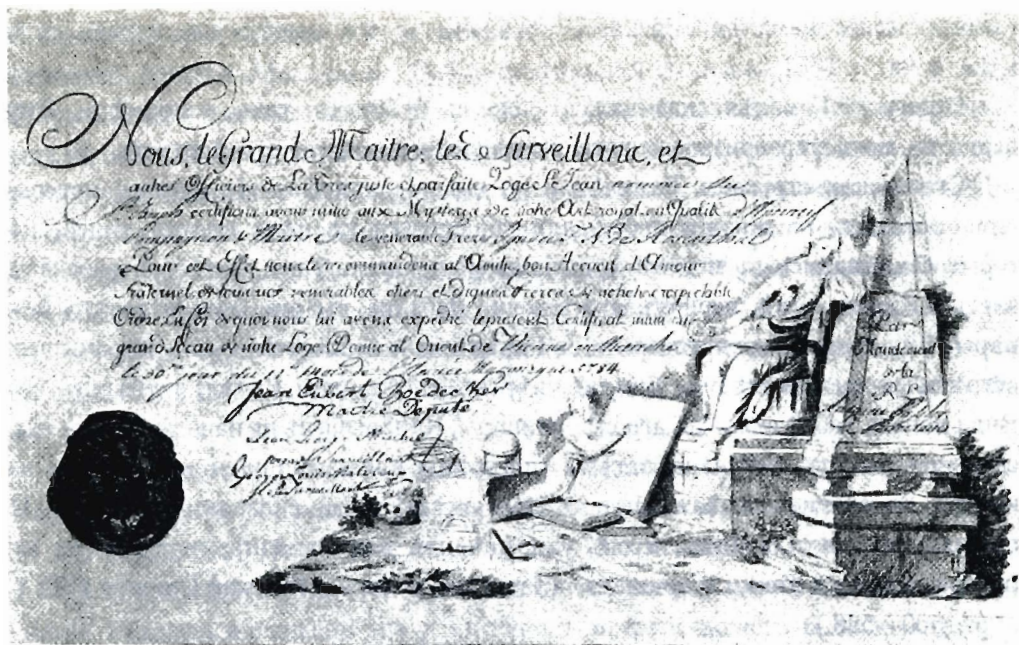
Стоическая строгость Гамалѣя и тѣ высокіе христіанскіе идеалы, которые онъ проводилъ въ жизни, побуждали обращаться къ нему такихъ людей, которые сомнѣвались въ истинѣ христіанской религіи. Такъ, Витбергъ разсказываетъ о Карамышевѣ, первомъ мужѣ жены Лабзина, что онъ былъ человѣкъ безъ вѣры. Ему совѣтовали поговорить съ Гамалѣемъ о безсмертіи души. Карамышевъ встрѣтился съ Гамалѣемъ, будучи увѣренъ въ безсиліи Гамалѣя убѣдить его. Видя передъ собой «маленькаго старичишку», Карамышевъ въ началѣ бесѣды едва сдерживался отъ смѣха, но затѣмъ «презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ, переходитъ въ уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: «довольно». Не прошло еще пяти минутъ, и онъ уже убѣдилъ меня вполнѣ, несмотря на всѣ предразсудки, съ коими я пришелъ». (Записки Витберга, Русская Старина 1872 г., апр., 560—568.)

Таковъ былъ этотъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ представителей стараго русскаго масонства.

М. Довнаръ-Запольскій.

Масонскій мраморный гробъ (Истор. Музей).
Cercueil maçonnique en marbre.

Масонская грамота.
Diplôme maçonnique.

М. М. Херасковъ.

Среди русских писателей XVIII в. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ занимаетъ исключительное положеніе: это единственный поэтъ-масонъ, который въ то время считался—справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ—крупной поэтической величиной въ литературѣ вообще, а не только въ масонской; люди, и не имѣвшіе никакого отношенія къ масонамъ, превозносили его, какъ знаменитаго, а иногда и какъ «первѣйшаго» поэта своего времени. Вполнѣ понятно, что при изученіи масонства нельзя обойти молчаніемъ этого забытаго теперь писателя.

Въ исторіи масонства Херасковъ имѣетъ значеніе какъ человѣкъ, какъ должностное лицо, облеченное довольно значительною властью и, наконецъ, какъ писатель.

Кроткій по характеру, гуманный по взглядамъ, онъ представлялъ собою личность, какъ нельзя болѣе подходящую для воспріятія нравственныхъ идей масонства.

И до глубокой старости сохранилъ онъ отзывчивость сердца, пылливость ума и удивительную трудоспособность. Онъ любилъ повторять характерную

для него фразу: «Человѣкъ можетъ состарѣться, но сердце его состарѣться не можетъ». Современники изумлялись, что его творческія способности съ годами не исчезали, не слабѣли. «Бывъ уже украшенъ сѣдинами, съ юношескою пылкостью, игралъ на златострунной лирѣ своей» ¹⁾. «Онъ и въ самую глубокою старость, едва ли не восьмидесяти лѣтъ,—разсказываетъ про него И. И. Дмитріевъ,—всякое утро посвящалъ музамъ, въ остальные же часы, кромѣ вечеровъ, любилъ читать... Я заставлялъ его почти всегда за книгою». Подъ вліяніемъ одной прочитанной имъ книги онъ радикально измѣнилъ свои взгляды на сущность драматическаго творчества и съ горечью говорилъ Дмитріеву, что сорокъ лѣтъ шелъ въ этомъ отношеніи по ложному пути. «Надобно было видѣть, замѣчаетъ, разсказывая это, Дмитріевъ, разрушеніе во всѣхъ чертахъ лица и во всемъ составѣ, слышать дрожащій голосъ его, чтобы понять, какъ въ эту минуту онъ меня тронулъ».

Что-то наивное, дѣтское было въ его «странностяхъ»: «кого онъ любилъ, тѣхъ, когда бывалъ съ ними вмѣстѣ, трогалъ пальцемъ,—напримѣръ: станеть, подойдетъ къ кому-нибудь и вдругъ тронетъ пальцемъ, или проходя мимо, то же дѣлалъ» ²⁾.

Нѣкоторыя его «странныя» находились въ связи съ опредѣленными числами, которымъ Херасковъ, очень возможно, придавалъ какой-то мистическій смыслъ.

Херасковъ очень мало тратилъ на себя лично, охотно помогалъ нуждающимся и, по словамъ одного біографа, не сказалъ «ни одного ядовитаго слова насчетъ ближняго».

Служебная его дѣятельность почти вся посвящена была Московскому университету. Двадцатидвухлѣтнимъ юношей при основаніи университета въ 1855 г. онъ былъ назначенъ ассесоромъ конференціи университета. (Родился онъ въ 1733 г. Самъ получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.) Съ 1763 по 1770 годъ былъ директоромъ университета, затѣмъ лѣтъ пять служилъ въ Петербургѣ. Въ 1775 г. вышелъ въ отставку и возвратился въ Москву. Въ іюнь 1778 г. назначенъ былъ четвертымъ кураторомъ при университетѣ. Первые три: Шуваловъ, Ададуровъ и Мелиссино жили въ то время не въ Москвѣ, и фактически Херасковъ принялъ ближайшее начальство надъ университетомъ и состоящими при немъ учрежденіями: двумя гимназіями: дворянской и разночинской, типографіей, книжной лавкой и т. д. Эту должность куратора онъ занималъ до 1802 г. Умеръ онъ въ 1807 г., черезъ 5 лѣтъ по выходѣ въ отставку. Такимъ образомъ, на службѣ Московскаго университета онъ пробылъ 39 лѣтъ.

¹⁾ Труды Общ. Люб. Рос. Сл. 1812 г. Ч. I.

²⁾ Москвитянинъ. 1850. № 3 стр. 74.

Въ 1775 г., а можетъ быть даже и раньше, Херасковъ вступилъ въ общество масоновъ. Въмѣстѣ съ кн. Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ, съ которымъ былъ близокъ, онъ принадлежалъ къ Рейхелевскимъ масонамъ; онъ же велъ

Изъ рукописи XVIII в. (Собр. С. П. Мельгунова, приобр. у Ланге въ Римѣ).

Du Manuscript Grand Ecossais Ang. ou Orai maître.

переговоры по дѣлу о соединеніи Рейхелевскихъ ложъ съ Елагинскими. Въ Петербургѣ онъ познакомился и сблизился съ Н. И. Новиковымъ. Получивъ 28 іюня 1778 г. званіе куратора Московскаго университета, онъ сдѣлалъ Новикову предложеніе снять университетскую типографію, и въ началѣ 1779 г., въ связи съ этимъ, Новиковъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и развернулась его просвѣтительная и общественная дѣятельность. Въ августѣ

1779 г., по ходатайству Хераскова, Шварцъ получилъ мѣсто профессора въ Московскомъ университетѣ. Пока Херасковъ былъ фактически единственнымъ кураторомъ, принимавшимъ близкое участіе въ дѣлахъ университета, Шварцъ пользовался полной свободой дѣйствія въ университетѣ и постоянно видѣлъ поддержку и сочувствіе въ Херасковѣ; гоненія на Шварца въ университетѣ начались съ возвращенія въ Москву другого куратора Мелиссино, который относился къ Шварцу враждебно и въ концѣ 1782 г. принудилъ его выйти въ отставку. Всѣ почти просвѣтительныя предпріятія Новикова и Шварца осуществлялись при содѣйствіи Хераскова. Такъ, по ходатайству Хераскова была учреждена при университетѣ «переводческая семинарія», проектъ которой былъ составленъ Шварцемъ.

Близокъ былъ Херасковъ Новикову и Шварцу и въ работахъ по организаціи масонскихъ ложъ. Въ концѣ 1780 г. онъ вмѣстѣ съ Новиковымъ и Шварцемъ организовалъ новую ложу «Гармонія», куда и входитъ въ числѣ первыхъ членовъ. Когда въ 1783 г. образовался въ Россіи и утвержденъ былъ «Златорозовый крестъ», Херасковъ вошелъ въ немногочисленное число (19) русскихъ розенкрейцеровъ.

Въ спискѣ высшихъ должностныхъ лицъ масонства за 1789 г., Херасковъ значился риторомъ при «Провинціальной ложѣ», т.-е. исполнялъ ту же должность, какую при «Управленіи теоретическимъ градусомъ» занималъ Н. И. Новиковъ. Кромѣ того, оба они входили членами въ «Капитулъ провинціи».

Лонгиновъ считаетъ Хераскова «однимъ изъ ревностнѣйшихъ мартинистовъ». Тѣмъ не менѣе, когда надъ московскими масонами разразилась гроза, Новиковъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ (просидѣлъ 4 года), Лопухинъ и Тургеневъ сосланы въ свои деревни, Херасковъ рѣшительно никакой карѣ не подвергся. Спасъ его Державинъ, который ходатайствовалъ за него у фаворита государыни Платона Зубова. До насъ дошло благодарственное письмо по этому поводу отъ Хераскова Державину (8 декабря 1791 г.). Въ этомъ письмѣ Херасковъ прикидывается простачкомъ, никогда и не слышавшимъ о масонствѣ; злые люди все на него наговорили:

«Чудно мнѣ, что нѣкто врагъ мой вздумалъ оклеветать меня какою-то Мартинизмоу, о чемъ я, по совѣсти, ни малаго свѣдѣнія не имѣю. — Когда мнѣ думать о мартинистахъ и подобныхъ тому вздорахъ? Когда?—будучи вседневно занята моей должностью—моими музами—чтеніемъ стихотворцевъ, моихъ руководителей. — Введена на меня убійственная ложь, лишающая меня чести».

Но нѣкоторое время и послѣ этого за Херасковымъ продолжали слѣдить. 7 июня 1792 года кн. Прозоровскій доносилъ государынѣ, что Херасковъ поѣхалъ въ подмошкскую и что тамъ онъ разбиралъ свои бумаги.

Переходимъ къ литературной его дѣятельности. Печать масонства лежитъ на очень многихъ произведеніяхъ Хераскова. Возьмемъ, напр., такой отрывокъ изъ оды:

Паду въ слезахъ передъ тобою—
Слеза сія есть сердца гласъ,
Что я не каждый день тобою,
Не каждый занимался часъ.
Но кто же вѣрность ей докажетъ?
Пускай другой придетъ и скажетъ:
«Я лучше Добродѣтель чтить!»
Въ грѣхахъ на свѣтѣ всякъ родится;
Но мнѣ вина моя простится,
Когда я ближняго простилъ.

.....
Творите добрыя дѣла;
Другъ друга искренно любите;
Коль зла терпѣть вы не хотите,
Не дѣлайте другому зла!

Изъ рукописи XVIII в. (Собр. С. П. Мельгунова, приобр. у Ланге въ Римѣ).

Du Manuscript Grand Ecossais Ang. ou
Oral maître.

Всѣ, чтущіе добродѣтель, безъ различія возраста,—и старцы и юноши—приглашаются вступить «во храмъ, отверстый Благодатью».

Съединой старцы умашенны
Когда вы правымъ шли путемъ,
Не молніей суетъ прельщенны,
Но Добродѣтели лучемъ:
Съ такою на челѣ печатью,

Во храмъ, отверстый Благодатью,
Не сомнѣвайтесь войти.
Какъ лозы, юноши, цвѣтите;
Но Добродѣтель сердцемъ чтите,
Да краше будете цвѣсти.

Обращаетъ на себя вниманіе употребленное здѣсь выраженіе «молнія суетъ»: въ обрядѣ посвященія въ масоны любопытна слѣдующая подробность: «при спаденіи повязки съ глазъ посвящаемаго онъ видѣлъ на мгновеніе вспыхнувшій и сейчасъ же угасшій свѣтъ»; «такъ проходитъ слава міра, всѣ удовольствія тлѣнной жизни, всѣ радости земли!» восклицалъ витія или мастеръ ложы¹⁾.

Самымъ замѣчательнымъ лирическимъ произведеніемъ Хераскова является извѣстный гимнъ «Коль славень». Въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій» (часть I) гимнъ этотъ названъ «Переложеніемъ псалма 64», но въ дѣйствительности тутъ мало общаго. Гимнъ этотъ, получившій широкое распространеніе, по происхожденію своему, несомнѣнно, является масонскою пѣснью, которая исполнялась въ собраніяхъ масонскихъ ложъ²⁾. Особенно характерную мысль встрѣчаемъ мы въ заключительной строфѣ:

О Боже! Во твое селенье
Да взыдутъ наши голоса!
И наше взыдетъ умиленье

Къ Тебѣ, какъ утрення роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ:
Тебя, Господь, поемъ и славимъ.

Двѣ промежуточные строфы, которыя при исполненіи гимна теперь часто опускаются, содержатъ намеки на застольный характеръ этой религіозной пѣсни:

Тебя Твой агнецъ элаторунный,
Тебя изображаетъ намъ!
... Ты насъ трапезой насыщаешь

И зиждешь намъ въ Сіонѣ градъ.
Ты смертныхъ, Боже, посѣщаешь
И плотію своей питаешь.

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ можно видѣть намекъ на «трапезы любви», совершаемыя масонами въ воспоминаніе Тайной Вечери. На этихъ трапезахъ происходило и причащеніе масоновъ.

Въ VII томѣ «Твореній» Хераскова, гдѣ собраны его стихотворенія, довольно значительный отдѣлъ представляютъ «оды нравоучительныя». Это все рассу-

¹⁾ Соколовская. Русское масонство. Стр. 96.

²⁾ Напр., въ торжественной ложѣ «Умирающаго Сфинкса» 11 дек. 1821 г. см. Рук. Имп. Публ. Б. F III, № 64.

жденія на различныя нравственныя темы, что видно изъ самихъ заглавій: «Добродѣтель», «Терпѣніе», «Честь», «Умѣренность», «Спокойство», «Правда» и т. д. Идеи, высказываемыя здѣсь, большею частью не отличаются оригинальностью; это все излюбленныя въ XVIII в. размышленія о тщетѣ земного, объ истинной и ложной славѣ, о равенствѣ всѣхъ передъ смертью.

Виньетка къ поэмѣ Хераскова «Владимиръ».
Vignette pour le poème de Kheraskoff «Woldemar».

Счастіе полагается въ неустанномъ дѣланіи добра:

Всѣ корысти въ мірѣ тлѣнны:
Бисеръ, золото, серебро;

Дѣлай и люби добро—
Въ немъ всѣ блага заключены.

Не слѣдуетъ падать духомъ, не слѣдуетъ наводить унынія на другихъ:

Любуясь прелестями счастья,
На свѣтлый лучъ его гляди;
Но взоромъ пасмурнымъ ненастья
Другимъ сердцама не наводи...

Фортуна будто сонъ минется;
Но если мы разумно спимъ,
На сердцѣ радость остается,
Коль счастье съ ближними дѣлимъ.

Въ другой одѣ («Спокойство») читаемъ:

Когда твой домъ обилень,
Со ближними дѣлись;

Когда въ народѣ силенъ,
О ближнихъ ты пекись.

Эта филантропическая жилка самая характерная особенность Хераскова, какъ одописца. Одинъ отдѣлъ VII тома названъ «Анакреонтическія оды»¹⁾, но мы напрасно искали бы здѣсь прославленія наслажденій жизни, какъ въ «Анакреонтическихъ пѣсняхъ» Державина. У Хераскова и въ этихъ одахъ та же проповѣдь воздержанія и нравственнаго самоусовершенствованія. Анакреонтическими же Херасковъ назвалъ ихъ, очевидно, не по содержанію, а по формѣ: въ противоположность нравоучительнымъ, онѣ написаны бѣлыми стихами (безъ рیمъ) и большею частью трехстопнымъ ямбомъ.

Изъ духовныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ Собраніи сочиненій Хераскова, обращаютъ на себя вниманіе «Три главы изъ премудростей Соломоновыхъ» и «Утѣшеніе грѣшныхъ». Въ первомъ осуждаются тѣ, кто мыслятъ ложно, что мы случайно въ свѣтъ рождены, что

Угаснетъ искра, тѣло будетъ	Цвѣты доколѣ не увянутъ,
Единый пепель, хладный прахъ;	Сплетемъ изъ нихъ себѣ вѣнецъ;
И міръ со временемъ забудетъ	Да въ сладость наши дни намъ
О нашей жизни и дѣлахъ...	станутъ...

Такія разсужденія приводятъ подобныхъ людей къ очерствѣнію сердца:

«Безсильныхъ, праведныхъ погонимъ,	Къ чему намъ праведникъ полезенъ?
И добродѣтель утѣсимъ;	Злословить наши онъ дѣла;
Къ старѣйшимъ слуха не приклонимъ,	И грѣхъ, который намъ любезенъ,
Печальныхъ вдовъ не пощадимъ.	Сей грѣхъ—въ его устахъ хула...

Но Богъ не потерпитъ нечестія и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Отверженъ будетъ нечестивый,	Онъ будетъ жребія причастенъ
И межъ святыми не вмѣщенъ;	Счастливыхъ жителей небесъ,
Гонитель кроткихъ, горделивый,	Кто подвигъ къ святости имѣетъ,
Отъ Бога будетъ отвращенъ...	Того благословится трудъ;
Блаженъ, кто не былъ сладострастенъ,	Какъ древо онъ цвѣтетъ и зрѣетъ,
Хотя плода и не принесъ;	Плоды его не отпадутъ.

Въ стихотвореніи «Утѣшеніе грѣшныхъ», имѣющемъ характеръ пѣсни, знаменательны самыя заглавія отдѣльныхъ главъ: «Исусъ всѣхъ грѣшниковъ пріемлетъ» (II гл.); «Порядокъ принятія грѣшниковъ» (V гл.); «Что есть принятіе» (VI); «Умножаетъ пріемлемыхъ». Послѣднія строчки отдѣльныхъ строфъ въ каждой главѣ большею частью совпадаютъ, что еще болѣе подчеркиваетъ

¹⁾ Ср. «Стихи анакреонтическіе» С. И. Г. (Гамалѣя?) «Магазинъ Свободно-каменщицкой», т. I, ч. 2.

ихъ пѣсенный характеръ. Указываетъ на это и заключительная строфа всего стихотворенія. Кто любить Бога, тотъ цѣлитъ раны Спасителя, кто равнодушно смотритъ на распятіе, умножаетъ Его муки. Послѣ этой мысли и идетъ заключительная строфа:

Исцѣлителя цѣлите,
Люди! вѣрою своей;
Плачемъ жажду утолите,
Страждетъ, страждетъ Агнецъ сей;
Раны токомъ слезъ омойте,

Плачьте вы и плача пойте:
Распятъ, Боже, ты за насъ,
На крестѣ и мы распнемся,
Да Твоими наречемся
Воскресенья въ страшный часъ!

Наибольшимъ уваженіемъ у масоновъ пользовалась мистическая поэма Хераскова «Владимиръ». Въ первоначальномъ видѣ она закончена была въ 1785 г., но потомъ старательно исправлялась и дополнялась авторомъ и въ третьемъ изданіи (1809 г.) состояла уже изъ восемнадцати пѣсень. «Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего «Владимира»,—писалъ Херасковъ въ предисловіи къ 3 изданію,—тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолеваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Не учительскимъ скучнымъ голосомъ преподаю наставленія, какъ достигать свѣта истины; не съ важностью проповѣдника, мнѣ неприличною, возвѣщаю, какъ возродиться человѣкъ можетъ; но въ духѣ, свойственномъ пѣснопѣвцу, робкому пѣснопѣвцу, единственно о христіанскомъ просвѣщеніи Владимира повѣдаю, Владимира, Россіи просвѣтителя и нареченнаго равноапостольнымъ. Повѣсть важна, велика и восторговъ достойна...»

Пламенѣющая звѣзда
Etoile flamboyante.

Хотя авторъ и заявляетъ, что не хотѣлъ давать наставленій и читать проповѣди, вся поэма проникнута характерною для масонства идеей необходимости

нравственнаго возрожденія. Противопологая «внутреннюю» церковь—церкви «внѣшней», масоны, какъ извѣстно, большею частью относились отрицательно къ духовенству: они находили, что громадное большинство русскаго духовенства христіанство свое выражаютъ только въ обрядахъ. Максимъ Невзоровъ писалъ: «духовные сдѣлались совершенными торгашами, стараются только умножить свои доходы...» Параллели подобнымъ мнѣніямъ щедро разсыпаны въ поэмѣ Хераскова.

Когда бы истинный людьми былъ познанъ Богъ,
Роскошествовать бы жрецъ, ни сѣять зла не могъ:
Но тамъ утратится благоустройства мѣра,
Гдѣ царствуетъ обрядъ...

Многое въ Ветхомъ Заветѣ толкуется въ поэмѣ въ переносномъ смыслѣ. Греческій мудрецъ, рассказавъ князю о томъ, какъ былъ созданъ человѣкъ и какъ онъ палъ,

Преподавъ онъ царю преданій смыслъ буквальный.
Потомъ открылъ и свѣтъ и духъ во буквахъ дальный.
Святыя письма, онъ рекъ, есть тайный храмъ.
Яснѣ самыхъ звѣздъ премудрость скрыта тамъ.
Во всю вселенную, какъ крылья простирая,
Премудрость Божія переходитъ въ край изъ края...
Тебѣ повѣдалъ я Адамово паденье,
Повѣдалъ грѣхъ его, повѣдалъ искушенье;
Но вѣдай, князь, и вѣрь, что древо и Адамъ
Не есть никто другой, но все сіе ты самъ...
Тебѣ о томъ плодъ, о князь, я возвѣстилъ,
Которымъ праотца лукавый змій прельстилъ...
Коварство, гордость, лѣсть, надменности ума,
Пороки скотскіе, болѣзнь и смерть сама,
Все крылось яко змій въ плодъ, толико маломъ;
И всякое добро своимъ убило жаломъ,
Единой не могло въ плодъ отравы быть,
Могущей изъ сердецъ надежду истребить.
Отъ кающихся Богъ не вовсе отвратился,
Онъ, весь надеждой ставъ, въ сердцахъ у нихъ свѣтился...

Затѣмъ мудрецъ рассказываетъ про два пути въ жизни, которыми идутъ всѣ люди. Одинъ путь «цвѣтушій», «ровный».

Тамъ слава громкая съ трубами смертныхъ ждетъ,
Тамъ гордость на поляхъ кровавы лавры жнетъ,
Тамъ злато, тамъ пиры, тамъ прелести плотскія;
Но въ вѣчный мракъ ведутъ веселости такія.
Взгляни, о государь! на тѣсный путь Христовъ:

Онъ скользокъ; нѣтъ на немъ ни злата, ни чиновъ,
 Но въ нѣдра самъ Господь идущаго приѣмлетъ...
 Есть стадо малое у Пастыря сего,
 Которое Творца и чувствуетъ и внимлетъ;
 Но весь оставшій міръ подъ тѣнью смерти дремлетъ.

Читатель-масонъ легко
 могъ подъ «стадомъ ма-
 лымъ» подразумѣвать ма-
 сонское братство. Герой
 поэмы—князь Владимиръ,
 какъ масонъ, проходитъ
 цѣлый рядъ ступеней бого-
 познанія. Узрѣлъ князь
 чудесный край:

Тамъ левъ покояся съ невин-
 нымъ агнцемъ спитъ,
 Колючій тернъ, созрѣвъ, не
 жалитъ, не вредитъ;
 Тамъ ястребъ горлицу не го-
 нитъ, не терзаетъ;
 Борей покоится, зефиръ струи
 лобзаетъ.

Масонскіе символы.
 Symboles maçonniques.

Но князь, втайнѣ руководимый праведнымъ Законестомъ и добродѣтель-
 нымъ старцемъ Идоломомъ, не остался въ этой роскошной долинѣ. Владимиръ
 проходитъ эти «мѣста прелестны».

Преходитъ, слѣдуя свѣтильнику возженну,
 И видитъ межъ цвѣтовъ тропинку проложенну;
 На все внимательный и тихій мечетъ взоръ;
 То Законестовъ былъ отверзтый первый дворъ,
 Гдѣ въ полной красотѣ казалася природа,
 Толико *скрытая отъ мудрыхъ и народа.*
 Владимиръ малыя въ преградѣ зреть врата,
 Непроходима есть сквозь оны тѣснота,
 Златыми буквами на нихъ изображенно:
Чье сердце чистою любовью возженно,
Кто въ Богѣ хочетъ жить, въ сіи врата гряди;
Но грѣшный челоуѣкъ страиись и не входи.

Отъ многого долженъ отрѣшиться человѣкъ, вступающій на путь спасенія: отъ жажды славы, отъ чувственности, но самый ужасный бичъ человѣчества—это самолюбіе.

Пороки, стараясь, какъ тѣни идутъ мимо,
Но самолюбіе вѣкъ неизлѣчимо.

Тѣ, кто во власти самолюбія,

Ни нѣжностей любви, ни дружества не знаютъ,
Собой кончаютъ мысль, собою начинаютъ.

Кто хочетъ спастись, обязанъ «усыпить» это чудовище при помощи чудеснаго зеркала: совѣсти.

Склонность къ аллегоріямъ и символамъ замѣтна у Хераскова и въ другихъ его произведеніяхъ. Такова, напр., поэма «Селимъ и Селима», гдѣ описываются чувства слѣпого, который считаетъ себя при слѣпотѣ своей счастливымъ, но потомъ онъ прозрѣлъ и тогда узналъ счастье, котораго раньше и представить себѣ не могъ. Поэма «Пилигримъ», гдѣ Херасковъ хотѣлъ перейти на несвойственный ему легкій, шутливый тонъ, кончается типичной для масоновъ мыслью, что счастье не во внѣшнихъ условіяхъ нашего существованія, а въ насъ самихъ, нужна не политическая свобода, а свобода духа.

Гдѣ ты любезная сіяешь добродѣтель,
Тамъ счастливы равно рабъ, плѣнникъ и владѣтель.

Въ поэмѣ-сказкѣ «Бахаріана», гдѣ герой,—Неизвѣстный,—послѣ длиннаго ряда приключеній, отыскиваетъ и освобождаетъ отъ власти злой волшебницы красавицу Фелану, слѣдуетъ, по указанію самого Хераскова, видѣть аллегорію. Неизвѣстный, плывущій въ лодкѣ,—это всякій человѣкъ, несущійся по морю житейскому въ брэнной ладѣ бытія. Фелана—непорочность, которую скрываютъ отъ человѣка страсти—прельщенія злой волшебницы; отыскать эту непорочность можно только при помощи истиннаго просвѣщенія.

«Наша жизнь», говоритъ Херасковъ въ заключеніе своей поэмы,—«лишь только сказка есть,

Чудная и баснословная,
Гдѣ мечты и привидѣнія

Появляются и царствуютъ,
Умъ приводятъ въ замѣшательство.

И въ «Бахаріанѣ» находимъ мы всюду любимыя нравственныя идеи Хераскова. Все исчезнетъ, все позабудется,—говоритъ онъ—все: «слава, пышность, сочиненія», «мимо идутъ небо и земля»; одно только не исчезнетъ вѣки вѣковъ: «добрыя дѣла душевныя». Интересны размышленія его о случаѣ, о безсмертіи души и т. д.

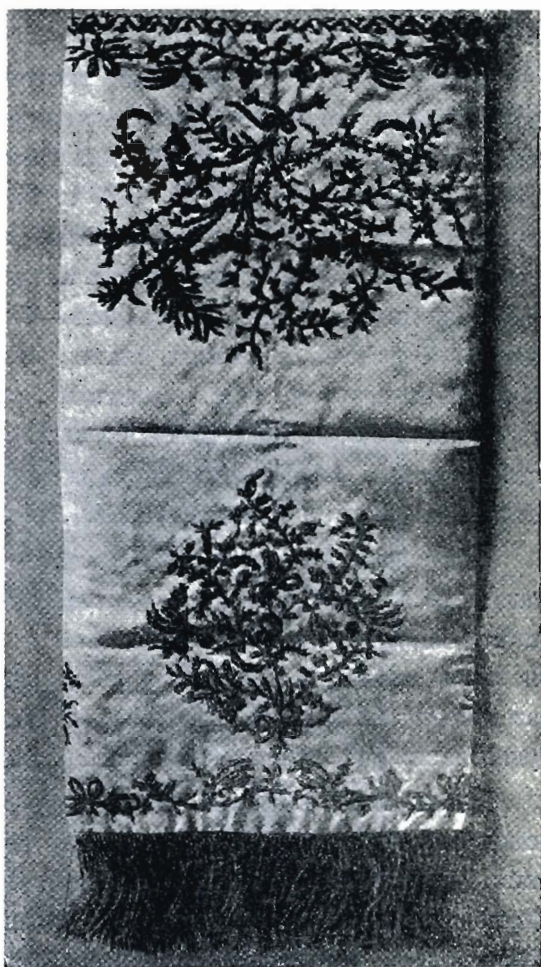
Въ мірѣ часто случай править всѣмъ;
 Что жъ такое въ мірѣ случай есть?
 Думаю,—то сила Вышняя,
 Во громадѣ всей вселенныя
 Тайныя пружины движуша,
 Бытіями управляюша.

По поводу безсмертія души онъ разсуждаетъ такъ: если въ матеріальной природѣ ничто не исчезаетъ совершенно, а только мѣняется свой видъ («горы стерты времени рукой, но еще ихъ существуетъ прахъ»), то какъ же допустить, чтобы могла исчезнуть душа Петра Великаго или разумъ Ньютона? Въ одахъ Хераскова мы встрѣчаемъ мысль о «міровой душѣ», или, какъ онъ выражался, «всеобщей».

Высокихъ горъ хребты сотрутся,
 Столпы порфирны распадутся,
 Престанетъ океанъ кипѣть;
 А что былинку оживляло,
 Лѣса и волны составляло,
 Сія всеобщая душа
 Жить будетъ, узы разрѣша.

Безспорно, Херасковъ съ полнымъ правомъ могъ бы примѣнить къ себѣ слова Гнѣдича: «ни словомъ единымъ безсмертной души не унижилъ».

Изъ повѣстей Хераскова наиболѣе интересна первая—«Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ», гдѣ данъ идеаль добраго и просвѣщеннаго государя. Несмотря на то, что написана эта повѣсть была въ 1768 г., когда Херасковъ еще не былъ масономъ и не чуждъ былъ раціонализма, много тутъ высказано было взглядовъ особенно дорогихъ и характерныхъ для масоновъ. Эпиграфомъ къ повѣсти онъ взялъ изреченіе: «Да памятуютъ всѣ человѣки, что они братья суть!»

Масонская сумка (Ист. Муз.).
 Porte-sac maçonnique.

Херасковъ уже и въ это время придаетъ цѣну внутренней религіи, а не внѣшней церкви. Храмъ благодѣтельной Весты, какъ разсказывается въ повѣсти, «не имѣлъ гордыхъ украшеній, и не блисталъ златомъ и другими каменьями, которые тщеславіе и подлая робость обыкновенно божеству посвящаютъ»; у жрецовъ этого храма «доброе житіе, попеченіе о неимуществующихъ и вспоможеніе бѣднымъ составляли лучшее упражненіе». Не чужды мистицизма и идеи нравственного возрожденія и другія повѣсти Хераскова: «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ».

Врядъ ли кто изъ русскихъ поэтовъ пользовался славой, столь громкой при жизни и столь безслѣдно потомъ исчезнувшей, какъ Херасковъ. Современники называли его «Россійскимъ Гомеромъ», поэтомъ «знаменитымъ», «великимъ» и т. д. Карамзинъ въ 1787 г. въ письмѣ къ Лафатеру называлъ его лучшимъ изъ русскихъ поэтовъ. Перечисляя своихъ любимыхъ авторовъ въ стихотвореніи «Поэзія», онъ указалъ на одного только русскаго (всѣ остальные—были англичане и нѣмцы) и этотъ одинъ—былъ Херасковъ. Въ кружкѣ Жуковского Андрей Тургеневъ развивалъ мысль, что Херасковъ принесъ больше пользы русской литературѣ, чѣмъ Карамзинъ, который привлекъ вниманіе читателей къ предметамъ малозначущимъ, отучилъ смотрѣть на литературу, какъ на средство внушенія важныхъ и серьезныхъ мыслей. Одинъ изъ поклонниковъ автора «Россіады» такъ описывалъ удовольствіе, доставляемое чтеніемъ этой поэмы:

«Прочитавши Россіаду, воображаемъ, что мы прогуливались въ прекрасномъ саду, гдѣ природа и искусство истощили дары свои, гдѣ различныя деревья и цвѣты, одни другихъ пріятнѣе, плѣняли наши взоры, услаждали обоняніе. Мы не знали, на чемъ остановиться, чему отдать предпочтеніе: все на своемъ мѣстѣ, все цвѣтеть и благоухаетъ! Выходя оттуда, общаемся снова насладиться такимъ удовольствіемъ». (Труды Общ. Люб. Рос. Слов., ч. I. 1812 г.).

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что Хераскова гораздо больше уважали, чѣмъ читали. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что, несмотря на свою знаменитость, престарѣлый поэтъ долго не могъ найти издателя для своей «Бахаріаны». Мало читали и Семена *Боброва*, единственнаго замѣтнаго въ поэзіи послѣдователя Хераскова¹⁾. Его поэмы «Таврида» (Херсониды) и «Древняя ночь вселенной» содержатъ цѣлый рядъ возвышенныхъ и благочестивыхъ мыслей. Вторая поэма «Древняя ночь вселенной или странствующій слѣпецъ» въ 2 томахъ (1807—1809 гг.) особенно близка къ творчеству Хераскова. Авторъ разсказываетъ о скитаніяхъ въ поискахъ истиннаго свѣта одного слѣпца. Это, конечно, аллегорія. «Главнѣйшій предметъ поэмы,—говоритъ авторъ,—истина безсмертія души». Какъ и у Хераскова (напр., въ поэмѣ «Селимъ и Селима») слѣпецъ, въ концѣ концовъ,

¹⁾ О С. Бобровѣ см. статью его друга масона М. Невзорова въ «Другѣ юношества» 1810 г. №№ 6 и 7.

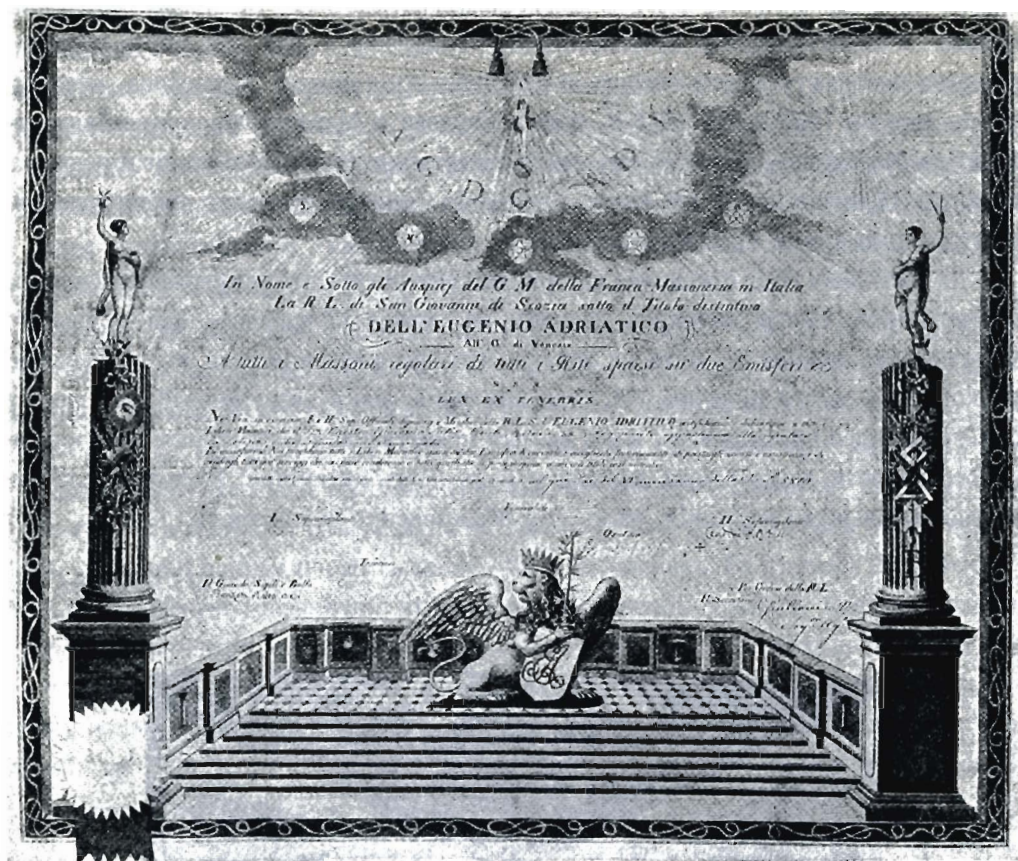
прозрѣваетъ. Въ 1810 году Бобровъ умеръ и по этому поводу нѣкоторые журналы, касаясь его литературной дѣятельности, отозвались о ней пренебрежительно, а черезъ пять лѣтъ дошла очередь и до славы его учителя, Хераскова, который умеръ еще въ 1807 г. Въ 1815 г. статьи Строева и Мерзлякова поколебали авторитетъ Хераскова, а затѣмъ ему стали совершенно отказывать въ поэтическомъ талантѣ. Пренебреженіе къ нему, порицанія, иногда довольно ожесточенныя, съ тѣхъ поръ стали въ порядкѣ вещей.

За послѣдніе годы отношеніе историковъ литературы къ нему стало нѣсколько справедливѣе. Когда начались нападки на автора «Россіады», одинъ изъ его защитниковъ замѣчалъ: «Кто не знаетъ, что бросаютъ камнями въ тѣ деревья, на которыхъ много плодовъ». И, безъ сомнѣнія, какъ незаурядный дѣятель на пользу родного просвѣщенія, какъ высоко нравственная и гуманная личность и, въ особенности, какъ самый видный у насъ поэтъ масонства, Херасковъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ ему обыкновенно оказываютъ.

И. Розановъ.

Масонскій запонъ изъ собр. Д. Г. Бурялина.
Tablier maçonnique.

Масонская грамота. (Нац. библиот. въ Парижѣ).
Diplôme maçonnique.

Масонскія системы.

«Единственная мечта масонства есть, быть счастливыми».

Маг. Своб. каменщ. 1784 г. ч. I, стр. 33.

«Братья, гоните мрачность и страх,
Свѣта ищите въ вашихъ сердцахъ».

Сборникъ масонск. пѣсень подъ заглавіемъ
«Пѣсни», № XXIV.

I.

Орденъ Свободныхъ Каменщиковъ есть всемірное, тайное собратство, поставившее себѣ цѣлью вести человѣчество къ достиженію земного эдема, златого вѣка, царства любви и истины, царства Астреи.

Исходя изъ мысли, что никакія общественныя отношенія не могутъ даровать всемірнаго благополучія людямъ, коихъ не томить жажда всеобщаго блага, коимъ невѣдомо чувство любви къ страждущему ближнему,—вольные каменщики полагали достичь рая на землѣ путемъ нравственнаго, умственнаго и физическаго совершенствованія каждой отдѣльной личности. Наподобіе каменщиковъ, которые заботятся о томъ, чтобы привести въ совершенство каждый отдѣльный камень, отесать его, обработать и затѣмъ уже приступить къ кладкѣ зданія,—вольные каменщики должны были обращать вниманіе на воспитаніе, въ духѣ орденскаго ученія, каждаго сочлена. «Масонство, это—перевоспитаніе взрослыхъ человѣковъ», говорили масоны, и мечтали, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, создать въ обществѣ большинство, которое, будучи проникнуто масонскими идеями, помогло бы установить взаимоотношенія, основанныя на любви къ всему людскому роду. Тогда, увѣряли масоны, сами собою отпали бы, какъ обветшалыя, уродливыя формы взаимоотношеній, основанныя на себялюбіи.

Поэтому-то, первымъ и обязательнымъ условіемъ для принятія въ Орденъ Вольныхъ Каменщиковъ было исканіе свѣта. При посвященіи «профана» въ каменщики, въ началѣ обряда онъ именуется «ищущимъ».

Сами масоны именовали себя строителями духовнаго храма премудрости въ сердцахъ человѣческихъ; ученіе свое они почитали преисполненнымъ духомъ Христовымъ. Эти мысли ярко выражены пѣсней:

«Если духъ твой благородный,
Возвышаясь къ небесамъ,
Есть тотъ каменщикъ свободный,
Что сердечный строить храмъ
Богу силъ для поклоненья
И безъ мрачнаго сомнѣнья
Работаетъ въ простотѣ,
Молятся о постоянствѣ,
О духовномъ христіанствѣ,

О тѣлесной чистотѣ,
И, когда живое слово
Могъ онъ въ сердцѣ ощутить,
Царствіе обрѣсть Христово...
И въ себѣ его вмѣстить...
«То безъ отрицанья можно
Христіаниномъ не ложно
И тебя признать тогда!»

Долговременное существованіе масонскаго ордена, широкое распространеніе каменщическаго ученія среди различныхъ народовъ, повели, однако, къ постепенному расколу первичнаго чистаго масонства. Какъ теченіе общественное и длительное, оно постоянно видоизмѣнялось, принимая то одну форму, то другую, и распалось на множество толковъ, въ которыхъ болѣе или менѣе затмѣнена была основная мысль. Эти различные толки названы *системами*.

Отдавая дань времени, подчиняясь иногда властной волѣ единичныхъ личностей, масонство восприняло въ себя ученія мистиковъ, теософовъ, алхимистовъ; первоначальный принципъ непротивленія злу уступалъ другому, рѣзко отъ него отличному, позволявшему борьбу со зломъ силою.

Въ самомъ лонѣ каменщического братства шли распри, возгоралась борьба, и рѣка масонства разбивалась на множество ручьевъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое теченіе, свои особенности. Поэтому-то, о масонствѣ нельзя говорить, какъ о чемъ-то цѣломъ, недѣлимомъ.

Говоря о средствахъ, которыми пользовались вольные каменщики для проведенія въ жизнь своихъ завѣтовъ, приходится говорить о различныхъ системахъ и объяснять эти системы.

Выдающіеся по духу и жизни, братья вольные каменщики, въ поученіяхъ своихъ, нерѣдко отмѣчаютъ досадное разногласіе среди братьевъ, скорбятъ, что споры касаются даже высшей цѣли ордена, о которой споровъ уже «никоимъ образомъ быть не должно». «Мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли Ордена столь разнообразны, что описать онія во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высшемъ благѣ»,—воскликаетъ одинъ изъ масоновъ-главарей.

II.

Масонская идеологія не была чѣмъ-либо своеобразнымъ. Этическія начала, проповѣдуемая вольными каменщиками, являются принадлежностію и другихъ нравственныхъ ученій. Своеобразность ученія вольныхъ каменщиковъ заключается въ томъ, что оно проводило въ жизнь свои гуманитарно-философскія идеи, воплощая ихъ въ цѣлый рядъ символовъ и обрядовъ. «Символь предоставляетъ мысли свободу, просторъ; догматъ сковываетъ, подчиняетъ»,—изъясняли масоны-риторы.

«Языкъ въ ложахъ нашихъ иносказательный», говорили масоны. И, дѣйствительно, были установленныя условныя наименованія не только для предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ обрядамъ, но и къ внутреннему распорядку, къ обиходу. На этой-то терминологіи вольныхъ каменщиковъ я остановлюсь нѣсколько для большей ясности послѣдующаго изложенія; попутно самымъ краткимъ образомъ изложу основы масонскаго внутренняго устройства.

Невзирая на различіе въ системахъ, терминологія и основы устройства были общими для всего братства.

Помѣщенія, въ которыхъ собирались братья-каменщики для производства своихъ работъ, назывались *ложами*. Ложами именовались такъ же союзы братьевъ, отдѣльные замкнутые кружки, сплотившіеся въ извѣстную организацію. Для отличія каждой ложѣ присваивалось какое-нибудь названіе: 1) въ честь людей, отличившихся святостію жизни, великими добродѣтелями; такъ, въ Рос-

си была ложа св. Георгія и Моисея, Елисаветы къ добродѣтели и Александра благотворительности къ коронованному Пеликану, Петра къ Истинѣ и т. п.; 2) въ память миѳическихъ божествъ, какъ выразителей различныхъ идей,—Озириса, Латоны, Изиды, Гигіи, Кастора и Полукса, Астреи были посвящены ложи и въ Россіи; 3) въ память особо чтимыхъ масонами символовъ Пламенѣющей Звѣзды, свѣтоноснаго Треугольника, Феникса, Сфинкса, Орла, Пеликана, Солнца, Розы, сѣкиры, меча и пр.; 4) иногда въ напомниманіе какой-нибудь добродѣтели; такъ, напримѣръ, въ Отечественную войну въ русскихъ войскахъ была военно-походная ложа «Военной Вѣрности».

Работами вольные каменщики называли свершеніе различнѣйшихъ обрядовъ, какъ то: пріемъ въ орденъ профановъ и дальнѣйшія посвященія въ болѣе высокія степени; инсталлаціи, т.-е. учрежденіе и освященіе новой ложи; столовыя ложи или братскія трапезы; усыновленіе младенцевъ; траурныя ложи въ воспоминаніе объ усопшихъ братьяхъ; административныя, совѣщательныя или семейныя ложи и ложи поучительныя. Подъ «работою» разумѣлось также стараніе просвѣтиться, стремленіе совершенствоваться. Самопознаніе, самоусовершенствованіе называлось «работою надъ дикимъ камнемъ». Человѣкъ, погрязшій въ плотскихъ страстяхъ, необузданная воля, непросвѣщенный разумъ,—все это понималось подъ дикимъ камнемъ. Всѣ работы должны были производиться каждымъ особо и всѣми сообща. Поддержкою слабому брату была вся братская цѣпь.

Востокомъ называлось высшее управленіе: «ибо Востокъ край избранія», откуда съ сѣдой древности «изливалась высшая мудрость». Подъ Востокомъ понимали также всякій городъ, либо мѣстечко, гдѣ происходили масонскія работы; даже и въ томъ случаѣ, если бы тамъ и не было никакого масонскаго высшаго правленія, говорилось: «ложа Ключа къ Добродѣтели на Востокѣ Симбирска», хотя въ Симбирскѣ работала всего одна ложа.

Конституціей называлась учредительная грамота, выдававшаяся ложамя отъ высшаго правленія или Востока. Она означала также законоположенія, масонскіе статуты и власть ограничительную, напр., Ложа Петра къ Истинѣ работаетъ подъ конституціей Великой ложи Астреи, т.-е. подъ ея властью, повинуюсь ея законоположеніямъ.

Справедливою, совершенною признается всякая ложа, получившая право на существованіе отъ какого-либо высшаго масонскаго правленія, такъ чтобы соблюдено было преемство, и она явилась бы новымъ звеномъ неразрывной братской цѣпи. Въ противномъ случаѣ, самовольно образовавшаяся ложа, какъ бы стары и правильны ни были ея уставы и обрядники, называлась самочинною, незаконною, побочною.

Для учрежденія совершенной ложи опредѣленное число (смотря по мѣстамъ большее или меньшее) вольныхъ каменщиковъ подавали сообща просьбу въ Великій Востокъ о разрѣшеніи имъ образовать ложу подъ такимъ-то отличитель-

нымъ наименованіемъ и о выдачѣ устава и обрядниковъ для работы въ такихъ-то степеняхъ. Рассмотрѣвъ просьбу, управляющій союзомъ отвѣчалъ согласіемъ или отказомъ. Въ случаѣ послѣдовавшаго разрѣшенія, назначался день для освященія новаго храма или ложи.

Инсталлація новой ложи производилась по особому, утвержденному обряду самимъ управляющимъ союзомъ или его представителемъ. Читается громогласно дарованная ложѣ конституція, въ которой наименованы: система, коей слѣдовать будетъ новая ложа, языкъ, на коемъ будутъ вестись работы, отличительное названіе ложи и описаніе знака, наконецъ, провозглашается избранный ложею девизъ. Девизомъ опредѣляется характеръ будущихъ работъ. О таковой, законно учрежденной ложѣ циркулярно объявляется всѣмъ союзнымъ и дружественнымъ ложамамъ и имъ же сообщается номеръ, подъ которымъ новая ложа зачислена въ списокъ ложъ.

Во главѣ каждой ложи стоялъ *управляющій, мастеръ* стула, венерабль, префектъ, настоятель, предсѣдатель. Пособникъ управляющаго назывался намѣстнымъ мастеромъ. Остальныя должностныя лица въ ложахъ, или, какъ ихъ именovali—чиновники, офицеры, официалы были: 1-й и 2-й надзиратели или сюрвельяны, секретарь или хранитель печати, витія или риторъ, обрядоначальникъ, пріуготовитель, вводитель или братъ ужаса, казначей или казнохранитель, попечитель о бѣдныхъ, милостыне-собиратель или стуартъ и помощники его—діаконы. Аталанами звались музыканты и пѣвцы, они же—братья гармоніи. Сыновья масоновъ носили прозваніе луфтоновъ, безразлично, были ли они сыновьями по рожденію или по «масоническому усыновленію».

Входъ въ ложу охранялся братомъ-служителемъ, привратникомъ или кропельщикомъ.

Въ зависимости отъ сложности обряда составъ должностныхъ лицъ увеличивался: бывали герольды, канцлеры, хранители или блюстители храма, короны, лампы, мечи, наугольника, хоругви, шпоры и т. д.

Управляющій цѣлымъ союзомъ ложъ величался Гросмейстеромъ, т.-е. Великимъ мастеромъ, Гермейстромъ, Обермейстромъ; если же союзъ подчинялся высшему орденскому правленію, заставлявшему въ другой мѣстности или въ другомъ государствѣ, то союзъ ложъ именовался областнымъ или провинціальнымъ, а стоявшій во главѣ его мастеръ—*Провинціальнымъ* Великимъ мастеромъ. Въ 1772 г., напримѣръ, отъ «главныя Аглинскія ложи былъ учрежденъ Великимъ провинціальнымъ мастеромъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ» для всего союза русскихъ ложъ, подчинившихся Великой ложѣ Англіи.

При наличности многихъ ложъ, для большаго единенія и порядка, ложи образуютъ одну Великую ложу или высшее управленіе. Это управленіе затѣмъ уже выдѣляетъ «директорію», «орденскій совѣтъ», «капитулъ» и тому подобныя учрежденія высшей правящей власти. Всѣ ложи, объединившіяся подъ

управленіемъ одной Великой ложы, называются союзными или соединенными и имѣють одно общее внутреннее устройство.

Устройство Великихъ ложъ бываетъ: 1) іерархическое и тогда оно представляетъ власть верховную, учредительную и законодательную, или 2) представительное, конституціонное, ограниченное основнымъ законоположеніемъ союза. Великая ложа обычно учреждалась въ главномъ работающемъ центрѣ масонства

Въ масонской ложѣ.

«Et tenebra eam non comprehenderunt»...

Изъ «I liberi muratori commedia di Ferling Isac Grens» 1785.

Dans une loge maçonnique.

данной страны и обзаводилась особымъ постояннымъ помѣщеніемъ для своихъ собраний, иногда засѣданія происходили поочередно въ помѣщеніяхъ союзныхъ ложъ.

Великія ложы заключали другъ съ другомъ *конкордаты*, т.-е. условія взаимоотношеній: такой конкордатъ былъ даже напечатанъ въ 1817 году двумя Великими ложами Россіи ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ конкордатѣ подробнѣе будетъ изложено въ статьѣ о развитіи и организаціи масонскихъ ложъ при Императорѣ Александрѣ I.

Въ масонскомъ союзѣ существуютъ: всеобщіе основные законы или установленія, имѣющіе силу для всего вообще ордена; особые законоположенія или уставы для каждаго союза ложъ, и частные законы для каждой ложи въ частности. Были еще тайныя инструкціи для управляющихъ и должностныхъ лицъ, наконецъ, «должности» для «наблюденія за всѣми посвященными» въ вольнокаменническія таинства или въ какія-либо опредѣленные степени. Эти должности означали правила жизни; наблюденіе ихъ предписывалось законами, въ ихъ исполненіи приносилась клятва на Евангеліи, мечѣ, наугольникѣ. Такъ, напримѣръ, система строгаго послушанія предписывала «безусловное, слѣпое повиновеніе», степень мастера Іоанновскихъ ложъ—«любовь къ смерти» и т. д. (См. рис. на стр. 60 ¹⁾).

Въ своихъ законоположеніяхъ масоны тщатся быть консервативными. Однако, законы время отъ времени подвергаются пересмотру, при чемъ исправляются въ мелочахъ согласно требованіямъ времени, но коренной ихъ смыслъ не мѣняется. Памятниками законоположеній русскихъ масоновъ можетъ служить напечатанное въ 1818 году Уложеніе Великой ложи Астреи, вышедшее на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ²⁾: образцомъ договоровъ ложъ можетъ быть «Актъ взаимныхъ отношеній» двухъ Великихъ русскихъ ложъ, Астреи и Провинціальной, того же времени. Слѣдуетъ еще объяснить, что союзъ вольныхъ каменщиковъ иногда называютъ братствомъ, собратствомъ, иногда же орденомъ. Старѣйшее, первоначальное названіе было братство; названіе «орденъ» возникло позднѣе, въ серединѣ XVIII вѣка съ образованіемъ высокихъ степеней.

Коренными, основными степенями масонства почитаются три: ученическая,

¹⁾ По черному полю вышиты серебряныя слезы, гробъ убиеннаго мастера съ возложеною на него акаціей и надписью М. В. N.; черепъ и скрещенныя берцовыя кости, наугольникъ, циркуль и молотокъ, а также палица и масштабъ. Смыслъ всего ковра—была печаль по исчезновеніи истины изъ среды людей. Возникновеніе преданія объ убійствѣ великаго мастера, строителя Соломонова храма Гирама, Гирамъ Абифа или Адонирама относится къ XVII или началу XVIII вѣка; преданіе имѣетъ нѣсколько разносказаній, но сущность одна: возмущились лѣнныя, нетерпѣливыя и алчныя подмастерья, желая не по заслугамъ, а силою добиться высшей заработной платы, которую выдавали только мастерамъ, т.-е. совершеннымъ работникамъ. Съ этою цѣлью подмастерья напали на Адонирама, дабы подъ угрозой смерти принудить его открыть имъ тайну мастерскаго слова и прикосновенія, зная которыя, они могли получить желанную плату. «Ибо Гирамъ, великій строитель Соломонова храма, имѣлъ такое множество работниковъ, съ коими должно было разсчитываться, что не могъ онъ упомянуть всѣхъ, а потому, всякой степени работниковъ (по искусству ихъ въ ремеслѣ) далъ онъ особое слово и знакъ, дабы при платѣ признавать ихъ было легче». Ударами масштаба, наугольника и молотка, а по другимъ изъясненіямъ—кирки, циркуля, палицы, Адонирамъ былъ убитъ, но не предалъ тайны. Акація, символъ вѣчности—духа и добрыхъ дѣлъ, возложена на убиенномъ; буквы М. В. N. означаютъ тлѣнность тѣла, оболочки духа; мертвая голова и кости изъяснялись такъ: «дабы образъ смерти насъ не утешалъ, предлагается сіе печальное знаменіе, но чтобы мы должныю свою къ Ордену не полагали выше, нежели жизнь свю, которую обязаны мы жертвовать для Ордена и для благополучія и безопасности братьевъ». По позднѣйшимъ толкованіямъ подъ убиеннымъ мастеромъ разумѣлись всѣ мученики идеи.

²⁾ Кромѣ, конечно, изданія на русскомъ языкѣ подъ титуломъ: «Уложеніе великой масонской ложи Астреи на В.-С.-Петербурга». 5815 года.—Братья-масоны могли получать эту книгу за 10 руб., назначаемые на благотворенія. *Ред.*

товарищеская и мастерская. Въ символизмѣ этихъ степеней заключены всѣ нравственныя положенія вольно-каменщического ученія. Все ученіе сводится къ умственному и духовному развитію человѣческой личности. Покровителемъ этихъ степеней почитается св. Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ духовнаго возрожденія, и главнымъ торжествомъ считается Іоанновъ день 24 іюня, являющійся общимъ орденомъ празднествомъ. Въ честь Высокаго Покровителя—степени называются іоанновскими и служатъ основою всѣхъ системъ. Число степеней въ

Въ масонской ложѣ.
«In silentio in spe fortitudo nostra»...
(Grens 1785.)
Dans une loge maçonnique.

различныхъ системахъ не одинаково, ихъ бывало 5, 7, 9, 33, 99; какъ видимъ, обычно ихъ нечетное число, и всѣ эти числа имѣютъ особое значеніе въ вольно-каменщической символикѣ.

Три степени, непосредственно слѣдующія за іоанновскими, обыкновенно называются шотландскими, на основаніи преданія о нахожденіи ихъ въ этой странѣ¹⁾, и андеевскими въ честь своего покровителя, Андрея Первозваннаго, патрона Шотландіи. Въ большинствѣ системъ съ высокими степенями, шотландскія степени служили переходной ступенью къ рыцарскимъ, тамплиерскимъ или розенкрейцерскимъ. Въ шотландскихъ степеняхъ начинались работы умозри-

¹⁾ См. статьи по западно-европейскому масонству, т. I. *Ред.*

тельные¹⁾, болѣе или менѣе относившіяся къ области герметической философіи и теософіи; въ нихъ же вырабатывались «насадители» каменщицкаго ученія, пропаганда масонства возводилась въ должность. Въ рыцарскихъ, воительствующихъ степеняхъ, посвященные приготавливались къ выступленію борцами со зломъ міра въ различныхъ его проявленіяхъ. Наконецъ, степени Креста и Розы представляли кабалѣ, магіи и даже практическимъ алхимическимъ работамъ.

III.

Системы назывались въ честь страны и государства, въ которомъ зародились и развились. Такъ существовала система англійская, французская, шведская; иногда системы назывались въ память главнаго организатора и инициатора; извѣстны системы Фесслера, Сенъ-Мартена, Циннендорфа, Шредера, Мелиссино и др. Наконецъ, наименованіе системы заключало указаніе на цѣль и характеръ работъ: такъ были, напримѣръ, наименованія системы «Духовнаго рыцарства» Лопухина, «иллюминатовъ», т.-е. просвѣтленныхъ, Вейсгаупта, «Розенкрейцеровъ», т.-е. Розы и Креста. Роза—символь вѣчности матеріи, возрождающихся силъ природы, надъ распознаніемъ законовъ коихъ работали розенкрейцеры; крестъ—символь духа, истинное происхожденіе и назначеніе коего розенкрейцеры также стремились познать. Наконецъ, существовали и случайныя наименованія системъ отъ первоначальнаго мѣста собраній, напримѣръ «клермонтская система».

Нѣтъ возможности переименовать всѣ существовавшія до нашихъ дней системы и хотя бы вкратцѣ изложить исторію ихъ образованій, преобразованій, развѣтвленій; для этого потребовалось бы большее число страницъ, нежели то, коимъ располагаю я въ данномъ очеркѣ. Предыдущіе очерки уже ознакомили съ историческимъ ходомъ развитія и распространенія масонства на Западѣ и у насъ, я же выдвину лишь нѣкоторыя системы.

Многія изъ системъ не оставили почти что и слѣда, быстро отцвѣтали «яко цвѣтъ селѣный», другія же властно собирали себѣ сторонниковъ во всѣхъ государствахъ.

Такъ, чрезвычайное, почти всемірное распространеніе получила древнеанглійская система, почитавшаяся всѣми истинными вольными каменщиками за чистоту своего ученія, простоту обряда и внутренняго распорядка.

Какова была цѣль англійскаго масонства, англійской системы, не приходится повторять; положенія основныхъ завѣтовъ вольно-каменщицкаго собратства приведены въ первыхъ строкахъ настоящаго моего очерка.

¹⁾ См. ст. И. М. Хераскова. *Ред.*

Дѣятельность англійскихъ ложъ сводилась къ благотворенію и взаимному дружеству, т.-е. нравственной и матеріальной поддержкѣ; просвѣщеніе сердца и ума должно было наполнять ихъ работы.

Коверъ 3-й степени Іоанновскаго масонства.
Tapis du 3-me degré des maçons de St. Jean. T. C.

На первыхъ же порахъ въ англійскомъ собратствѣ ярко обнаруживается стремленіе «расширить предѣлы царственной науки».

Сильно распространившись на островахъ Великобританіи, англійская система перекинулась на материкъ Европы и обошла государства быстрымъ завоеваніемъ: она проникла и въ Россію, по преданьямъ, при Петрѣ Великому;

на основаніи же документовъ пока съ достовѣрностію лишь можно сказать, что правильно организованныя ложи англійской системы уже работали въ 1731 году.

Въ I томѣ изданія (см. фронтисписъ) было приведено символическое изображеніе англійскаго вольнаго каменщичество, приносящаго вселенной миръ. Могучая сила масонства представлена полубогомъ греческихъ мифовъ: Геркулесъ, вооруженный палицею, съ наброшенной на правое плечо шкурой побѣжденнаго имъ царя звѣрей льва (побѣда надъ звѣринымъ царствомъ, грубой нравственностью, мракомъ невѣдѣнія и фанатизма) держитъ въ приподнятой правой рукѣ масличную вѣтвь, символъ мира и культуры. Изображеніе храма премудрости виднѣется въ привѣшанномъ медальонѣ; тамъ же представленъ человекъ, пронзенный лучомъ сіяющаго солнца истины, т.-е. ученіемъ свободныхъ каменщиковъ.

Въ Англіи двадцатые годы XVIII вѣка по преимуществу были годами преобразованія, очищенія древняго вольнаго каменщичество строительныхъ братствъ. Ремесленные обычаи строительныхъ ложъ получали смыслъ духовный, нравоучительный; старыя законоположенія приспособлялись къ требованіямъ времени, къ характеру нравственно-философскаго сообщества и въ 1723 году былъ изданъ въ Лондонѣ сводъ установленийъ подъ заглавіемъ «Книга масонскихъ конституцій Андерсона» ¹⁾.

Вѣками существовавшія правила строительныхъ ложъ были присвоены и духовнымъ каменщикамъ. Такъ, посвящаемый обязывался вѣрить въ Бога и любить ближняго, подъ какимъ бы именемъ этотъ ближній ни призывалъ Всевышняго (т.-е. признавалась полная вѣротерпимость); въ «должность» возводились: почитаніе государя, помощь чужестранному брату и т. д.

Отголоскомъ вѣротерпимости англійской системы служить всемірная молитва, признававшаяся еще и въ XIX вѣкѣ русскими масонами англійскихъ ложъ. Въ ней имѣются поистинѣ великія по идеѣ строки:

Отецъ, кого чтутъ всѣ языки,
Во всѣхъ вѣкахъ. во всѣхъ странахъ,
Кого святой мудрецъ и дикій
Въ различныхъ славятъ именахъ!»

Рабочіе инструменты строителей не забылись, они превращены были въ драгоценнѣйшіе клейноды,—символы высшей общественной нравственности.

Ритмъ извѣстной масонской пѣсни въ честь руководителей работъ—воскрешаетъ стукъ давно смолкшихъ звуковъ каменщическихъ молотковъ древнихъ каменотесовъ, съ благоговѣйнымъ трудомъ возводившихъ храмы во славу Вѣчной

¹⁾ См. ст. Х е р а с к о в а—гл. Англійское масонство XVIII вѣка (1717—1813).

Истины. Слова мудрости и красоты вливаютъ руководители въ сердца братьевъ вольныхъ каменщиковъ, молотокъ—это власть убѣжденія надъ сердцами, по масонскому изъясненію. Въ іоанновскихъ, трехстепенныхъ ложахъ братья пѣли:

«Отъ Востока принимайте
Словъ животныхъ сладкій звукъ.
Такъ удары повторяйте,
Чтобъ въ сердцахъ былъ слышенъ стукъ,
Чтобы стукъ сей троекратный,
Силой бодрой, непонятной,
Умертвля соборъ страстей,
Свѣтъ открылъ любви лучей.

Тьма на Западѣ глубока,
Если солнце не взойдетъ;
Лучъ пріемля отъ Востока,
Вы на насъ ліете свѣтъ.

Братья вѣрны, продолжайте
Быть столпами всѣхъ работъ,
Бодро Западъ украшайте
И съ трудовъ собирайте плодъ.

Пусть вѣки раздается,
Пусть и въ вѣчность понесется,
Звукъ священныхъ молотковъ,
Сила звука, сила словъ».

Надъ созиданіемъ англійской системы и ея одухотворенія трудились три ученыхъ мужа: выдающійся естествоиспытатель, членъ Королевской академіи наукъ, Теофиль Деагюлье, богословъ Джемсъ Андерсонъ и археологъ Георгъ Пайнъ.

Первоначальные отличительные цвѣта іоанновскаго масонства были цвѣтъ золота и небесной лазури; отсюда и названіе англійскаго трехстепеннаго масонства «голубое масонство».

Управленіе въ ложахъ установилось выборное; его составляли мастера и надзиратели союзныхъ ложъ съ выборнымъ Великимъ мастеромъ во главѣ. Всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Когда въ Россіи учреждена была Великая Провинціальная ложа въ зависимости отъ Англіи, организація оставалась такою же,—это было въ 1772 году. Елагинъ отмѣчаетъ понравившееся ему легкое правленіе англійской Великой ложи: «всѣ общія англійскія Великія ложи постановленія предписуютъ намъ не частную, единого человѣка власть, ниже какихъ-либо и гдѣ-то неизвѣстныхъ начальниковъ, но начальство легкое, равносильными голосами братьевъ, управляющихъ частными ложами и составляющихъ ея собраніе, уважаемое».

Памятникомъ зависимости русскихъ ложъ отъ Великой ложки Англіи служить дипломъ, выданный сенатору Ивану Перфильевичу Елагину. Дипломъ Елагина сохраняется въ С.-Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ—на пергаментѣ, подклеенъ синимъ шелкомъ и обложенъ золотымъ плетешкомъ.

Этимъ дипломомъ И. П. Елагинъ былъ утвержденъ въ званіи Великаго Провинціального мастера всѣхъ Россійскихъ ложъ, работавшихъ по англійской системѣ. Назначеніе Елагина на столь отвѣтственный постъ окончательно было утверждено въ Лондонѣ, въ собраніи 84 ложъ 28 февраля 1772 года.

На помѣщаемомъ дипломѣ имѣется подпись Гросмейстера Великой ложки Англіи герцога Генриха Соммерсетъ, герцога де-Бофора, занимавшего эту высокую должность съ 1767 по 1772 годъ.

И. П. Елагинымъ учреждено въ Россіи до 20 ложъ по англійской системѣ, для которыхъ имъ выдавались учредительныя грамоты.

Въ I томѣ изданія помѣщенъ фотографическій снимокъ съ подлинной учредительной грамоты, выданной И. П. Елагинымъ въ 1772 году петербургской ложѣ «Музь». Въ верхнемъ лѣвомъ углу грамоты подлинная подпись Елагина. Символическія изображенія на печати, а также и тѣ, которыя служатъ украшеніемъ грамоты—обычныя для іоанновскихъ степеней: шнуръ братства—циркуль разумнаго труда, союзъ и единеніе въ пожатіи рукъ, наугольникъ совѣсти и закона, отвѣсъ—равенство всѣхъ членовъ ложки передъ масонскимъ закономъ. Буквы П. В. М. означаютъ: Провинціальный Великій Мастеръ, а П. В. С., Провинціальный Великій Секретарь.

Подобно диплому, присланному И. П. Елагину изъ Англіи, грамота для ложки Музь—на пергаментѣ и подклеена голубымъ шелкомъ. Обращаетъ вниманіе разрѣшеніе Елагина работать во многихъ степеняхъ, что являлось уже уклоненіемъ отъ первоначальнаго строгаго трехстепеннаго масонства.

Дѣйствительно, со временемъ, подъ вліяніемъ общаго увлеченія высокими степенями, многія ложки Англіи признали нѣкоторыя высокія степени, но подъ наименованіемъ *англійской системы*, обычно разумѣется *трехстепенное, символическое масонство*.

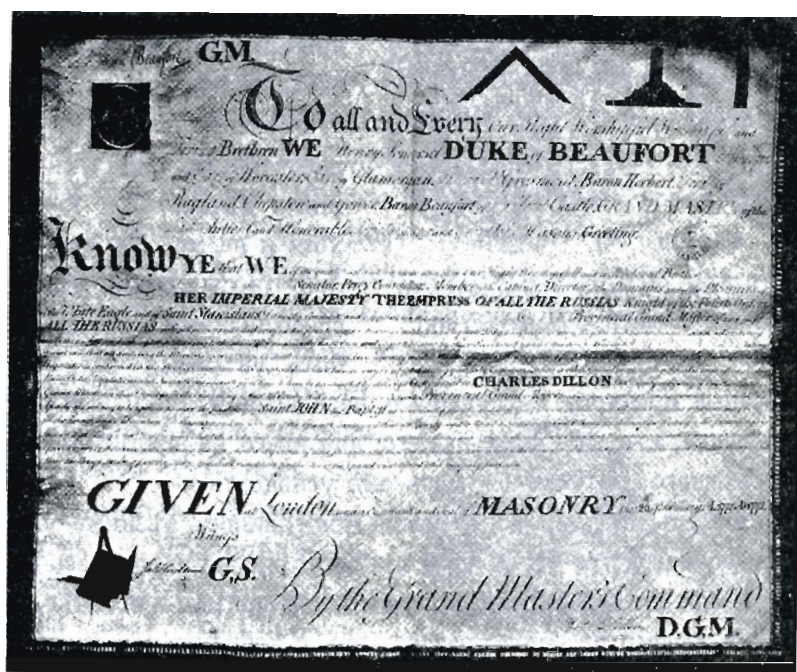
Упомяну о первой высокой степени, принятой англійскими ложами.

Къ началу 50-хъ годовъ введена была степень умозрительнаго масонства подъ наименованіемъ «Королевская Арка». Насколько эта степень приобрѣла значеніе въ глазахъ многихъ членовъ Вольно-Каменщическаго собратства видно изъ девиза, начертаннаго на коврѣ этой степени: «Nulla salus extra».

Доступъ къ посвященію былъ ограниченъ. «Въ эту высокую степень не принимать никого, кромѣ людей наилучшаго образа мыслей и воспитанія, чисто-сердечныхъ, великодушныхъ, благородно мыслящихъ и истинныхъ друзей чело-вѣчества, которые прошли черезъ три пробныя степени и предсѣдательствовали

въ качествѣ мастеровъ, имѣвшихъ должность»,—гласить 2-й § законовъ 1782 года. Тогда какъ для вступленія въ іоанновскую ученическую степень достаточно было поручительства одного вольнаго каменщика, за вступающаго въ степень «Королевской Арки» должны были поручиться не менѣе двухъ членовъ, уже посвященныхъ въ эту же степень. Закономерность работъ признавалась лишь при 79 членахъ не болѣе, слѣдовательно, число посвященныхъ было ограничено.

О цѣли и занятіяхъ этой первой высокой степени англійской системы узнаемъ изъ капитулярнаго окружнаго посланія 1782 года ко всѣмъ сочленамъ «Ко-

Дипломъ на званіе Великаго провинціального мастера, выданный Великой ложей Англіи въ 1772 г. И. П. Елагину (Гос. Арх.).
Diplôme du Grand Maître Provincial donné à I. P. Elaguine par le Grand-Orient d'Angleterre en 1772. Т. С.

ролевской Арки». «Цѣль умозрительнаго масонства—работать надъ всѣми науками и искусствами, насколько способенъ къ тому человѣческій разумъ въ этой несовершенной жизни»,—объявлялось въ капитулярномъ посланіи; въ немъ же изъяснялось, что степень заключаетъ въ себѣ столько отдѣловъ, сколько существуетъ наукъ и искусствъ; преподаваніе, поученіе велось также іероглифически, какъ и въ символическихъ степеняхъ: были условные знаки и слова.

Въ средѣ своей всѣ посвященные должны были наблюдать «единство, миръ и согласіе», они же обязывались никогда не удаляться «отъ пути чести и добродѣтели», но быть «сіяющими примѣрами всего, что есть высокаго и добраго». Великая степень «Королевской Арки» вѣнцомъ, вершиною каменщичествова, англій-

скіе масоны въ изъясненіяхъ ея значенія вновь возвращаются къ мечтаніямъ іоанновскаго масонства: «чтобы великіе и благіе примѣры (подвизающихся въ дѣлахъ свѣта и истины) были настолько многочисленны, что смогли бы соединить весь человѣческій родъ въ едино стадо великаго пастыря душъ». Этими же разъясненіями выясняется отличіе степени Королевской Арки отъ іоанновскихъ: задача работъ расширяется, посвященные должны не только приуготовлять для

грядущихъ поколѣній «царство Божіе на землѣ и искать его въ собственныхъ сердцахъ», но они призываются къ исканію небснаго эдема за вратами смерти, «къ приуготовленію себя» къ тѣмъ торжественнымъ таинственнымъ явленіямъ вѣчности, о которыхъ мы хотя и не можемъ себѣ составить понятія съ нашими человѣческими способностями, однако можемъ быть увѣрены, что найдемъ въ

Печать Великой ложи Англіи. Іоркъ 1776—79.
Sceau du Grand-Orient d'Angleterre. York.

нихъ безконечные предметы высочайшаго наслажденія для нашей просвѣтленной эфирной части, т.-е. для духа нашего, для коего на землѣ нѣтъ ничего непрестаннаго, вѣчнаго, на чемъ бы могъ онъ успокоиться».

Какъ мы видимъ, степень Королевской Арки явилась рѣзкимъ уклоненіемъ отъ іоанновскаго масонства въ область мистики; она не родилась въ Англіи, но была перенесена изъ Франціи изъ клермонтской системы и позднѣе, на англійской уже почвѣ, подверглась преобразованіямъ и дополненіямъ въ духѣ рыцарскихъ степеней.

Собранія степени Королевской Арки назывались капитулами, такъ же какъ и помѣщенія, въ которыхъ происходили ея работы. Цвѣтъ одеждъ былъ красный и главное дѣйствующее лицо обрядовъ, представлявшее библейскаго «Зорова-веля», было одѣто въ алое сукно, подбитое пурпуромъ, и опушенное чернымъ мѣхомъ.

IV.

О Клермонтской системѣ, породившей вообще высокія степени въ орденѣ Вольныхъ Каменщиковъ, нельзя не привести нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Къ срединѣ XVIII вѣка въ западно-европейскомъ масонствѣ совершается большое движеніе: надъ первоначальнымъ простымъ англійскимъ масонствомъ нарастаетъ и быстро прививается масонство многостепенное. Многія сотни

ревностнѣйшихъ братьевъ искренно увѣровали въ недоступную человѣческому разуму «сверхнатуральную силу» высокихъ степеней, одно посвященіе въ кои даровало безграничную власть надъ природой и духами. Обрѣсть «ключъ къ тайнствамъ натуры», содѣлаться повелителями силъ природы—было такъ безконечно заманчиво и, главное, вѣрнѣйшимъ средствомъ переустроить міръ въ самомъ близкомъ будущемъ на благо всему роду человѣческому!..

Обрядность, ученія высокихъ степеней постепенно ткались многоцвѣтными нитями теософіи, магіи, кабалы, мистики, піэтизма, политики по старой основѣ мудрости великихъ философовъ древности, и формулы заклинаній, клятвъ вѣрности и откровеній древнихъ мистерій слились съ воинственными кликами духовнаго рыцарства средневѣковья, съ политикой расчета новѣйшихъ временъ. Первая многостепенная система извѣстна подъ наименованіемъ «клермонтской» и народженіе ея приписываютъ партіи изгнаннаго англійскаго короля Іакова II Стюарта. Король продолжительное время жилъ во Франціи близъ Парижа, въ Сень-Жерменѣ и зачастую искалъ отдохновенія и успокоенія духа въ Іезуитской Клермонтской Коллегіи. Здѣсь-то словно бы и зародились высокія степени въ собиравшейся для тайныхъ работъ королевской ложѣ; окраска работъ была мистическая съ примѣсью политики; иначе и не могло быть, потому что въ большинствѣ члены ложи состояли изъ сторонниковъ Стюартовъ, изгнанныхъ Якобитовъ. Первою высокою степенью въ собратствѣ Клермонтской Высокой Коллегіи, т.-е. королевской ложѣ была степень Шотландскаго мастера. За нею слѣдовали: 2) Избранный рыцарь Орла, 3) Знаменитый рыцарь храма, 4) Высочайшій рыцарь Божій. Позднѣе—наименованіе степеней нѣсколько измѣнилось и число ихъ увеличилось:

1) Шотландскій мастеръ, 2) Избранный мастеръ, 3) Рыцарь Востока, 4) Рыцарь розоваго креста, 5) Рыцарь тройственнаго Креста, 6) Рыцарь царственнаго кивота (Королевской Арки или Царственнаго архитектора, какъ называется иногда эта степень, въ послѣдствіи вошедшая въ составъ и другихъ многостепенныхъ системъ). Девизомъ высокихъ рыцарскихъ степеней былъ кличъ первыхъ крестоносцевъ «Божья воля» (*Dieu le veut*). Устройство и обрядность имѣли большое сходство съ свойственными средневѣковымъ духовнымъ орденамъ.

Семигранная медаль въ ознаменованіе союза ложи «Св. Алек. Шотланд.» съ ложей «Общ. договоровъ».

(L'Histoire de la fondation du Grand-Orient de France. Paris 1812).

Medaille en mémoire de l'union de l'Orient «du St. Alexandre d'Ecosse» avec celui «du contrat social».

Вскорѣ же клермонтская система послужила образованію извѣстнѣйшей системы «Строгаго послушанія», внесшей великій разладъ въ вольно каменщическое сообщество. Образовалось два враждебныхъ лагеря, и приверженцы старо-англійскаго масонства были названы защитниками «Слабаго послушанія», «*Observantia lata*».

Система Строгаго Наблюденія, «*Observantia Stricta*», почитала себя прямою наслѣдницею средневѣковыхъ Рыцарей Храма. Основаніемъ такого утвержденія

Медаль въ честь основанія ложи «Общественный договоръ».

(L' Hist. de la fond. du Grand-Orient de France Paris 1812).

Medaille à l'honneur de la fondation de l'Orient «Contrat social».

было преданіе, что во время уничтоженія ордена Храмовниковъ нѣсколько рыцарей спаслись въ Шотландію и тамъ продолжали работы истребленнаго ордена. Цѣпь великихъ орденомеестровъ никогда не прерывалась, и организація и тайности блестящаго, воинствовавшего ордена передались по наслѣдству избраннымъ братьямъ изъ среды шотландскихъ вольныхъ каменщиковъ.

Изслѣдователи исторіи распространенія масонства въ XVIII вѣкѣ не пришли еще до нашего времени къ соглашенію по поводу начального образованія высокихъ степеней. Возникновеніе системы строгаго послушанія, замѣнившей въ очень многихъ ложахъ свободу англійской системы, большинство изслѣдователей однако связываетъ съ именами Гунда и Рамзая, очень извѣстными въ средѣ вольныхъ каменщиковъ.

Михаиль-Андрей Рамзай (род. 1681†1743) шотландскій баронетъ, былъ извѣстнымъ историческимъ писателемъ и публицистомъ; онъ видѣлъ въ масонствѣ великую силу, способную овладѣть міромъ; въ своихъ мечтаніяхъ онъ отождествлялъ масонскій союзъ съ «народомъ высшихъ интеллектовъ», для него орденъ долженъ былъ соединить всѣхъ людей науки и искусства. Однако «вольность» англійскихъ ложъ, отсутствіе властнаго руководителя, вѣрнѣе повелителя, который бы по личному усмотрѣнію могъ руководить собратствомъ, отсутствіе строгой дисциплины—вотъ что казалось Рамзаю помѣхой развитію орденовскихъ работъ. Живя почти постоянно во Франціи (гдѣ даже былъ обращенъ въ католичество знаменитымъ архіепископомъ Фенелономъ), Рамзай въ подробности ознакомился съ системою Клермонтской Коллегіи и возымѣлъ мысль влить въ нее храмов-

ничество, т.-е. ввести часть организациі и все, что сохранилось отъ ученія знаменитаго ордена Храмовыхъ Рыцарей. Бывъ временно близкимъ лицомъ къ претенденту Карлу-Эдуарду (претенденту на англійскую корону), какъ воспитатель его сыновей, Рамзай словно бы старался ввести въ масонство политическій элементъ и создать сторонниковъ Стюартамъ, лишеннымъ короны. Какъ бы то ни было, но въ высокихъ степеняхъ строгаго послушанія въ соотвѣтствіи со стремленіями Рамзая отразилось несомнѣнно желаніе дать пищу уму, привлечь интеллекты, а организациа преобразована была на подобіе храмовнической.

Въ работахъ Рамзаю пособникомъ былъ въ началѣ 40-хъ годовъ баронъ Г. В. фонъ-Маршалль, членъ Тюбингенской масонской ложи. Новообразованная система, въ послѣдствіи насчитывавшая тысячами своихъ сочленовъ, впервые обнаружилась въ Саксоніи, гдѣ учреждена была по ея обряду первая ложа «Архимеда».

Окончательно разработано строгое послушаніе было барономъ Карломъ Гутфельдомъ фонъ-Гундомъ, уроженцемъ Лузациі (род. 1722 г.), членомъ Парижской Клермонтской Коллегиі. Ритуалы приняли особо блестящую форму, была составлена новая конституція изъ уставовъ Клермонтской Коллегиі и уцѣлѣвшихъ статутовъ Храмовниковъ. Всѣхъ степеней установлено было 6, три іоанновскія, 4-я Шотландскій мастеръ, 5-я Послушникъ, 6-я Рыцарь храма трехъ отдѣловъ, *Eques* (рыцарь), *Socius* (товарищъ), *Armiger* (оруженосецъ). При посвященіяхъ въ рыцарскія степени, отличавшихся необычайнымъ великолѣпіемъ, давался девизъ и орденское имя, подъ которымъ и зачислялся въ орденской книгѣ вновь посвященный. Самъ Гундъ носилъ прозваніе рыцаря меча «*Eques ab Ense*».

Гундъ въ высокой степени обладалъ умѣніемъ вліять на умы, подчинять своему мнѣнію и своей волѣ, хотя не отличался выдающимся умомъ. Честный и добродушный, изъ богатой дворянской семьи, Гундъ былъ натурою увлекающейся и со страстью отдающейся своему увлеченію. Масонское ученіе его увлекло, неразгаданная таинственность поразила легко возбуждаемое воображеніе, а первые успѣхи въ лонѣ ордена разбудили тщеславіе.

Получивъ патентъ на званіе Гермейстера Строгаго Послушанія для всей Германіи, Гундъ приложилъ много старанія для распространенія новой системы, что ему и удалось. Вскорѣ же большая часть германскихъ ложъ подчинилась ему. Уставъ Строгаго Послушанія отличался большою строгостію: онъ требовалъ безотвѣтнаго повиновенія младшихъ сочленовъ старшимъ и всѣхъ членовъ вообще главѣ ордена или же неизвѣстнымъ высшимъ властямъ; кромѣ того, предписывалась полная обособленность отъ вольнокаменническихъ собратствъ другихъ системъ, т.-е. въ законъ вводилась нетерпимость.

Имѣя стремленіе распространить новую систему среди всѣхъ народностей, главари новаго движенія предварительно раздѣлили всю Европу на 9 провин-

цій: 1) Аррагонію, 2) Овернь, 3) Лангедокъ, 4) Ліонъ, 5) Бургундію, 6) Бретань, 7) Эльбу и Одеръ съ Прускою Польшею, Лифляндією и Курляндіей, 8) Рейнь, По, Тибръ со всею Италією и Сицилією, 9) Грецію съ Архипелагомъ. Всѣ провинціи должны были раздѣлиться на епархіи, а епархіи на командорства, что однако не было выполнено полностью. Шестидесятые и семидесятые годы истинѣ могутъ считаться расцвѣтомъ системы Строгаго Послушанія; многія сотни масоновъ увѣровали происхожденію каменничества отъ ордена Храмовниковъ и къ старо-англійской системѣ относились съ недовѣріемъ, породившимъ распри въ лонѣ ордена.

Въ 1764 году былъ созванъ первый великій съѣздъ приверженцевъ Строгаго Наблюденія въ Альтенбургѣ, затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ интересныхъ

съѣздовъ: въ Коло въ 1772 году, въ 1773 году въ Берлинѣ, затѣмъ въ Брауншвейгѣ 1775 и въ 1782 году въ Вильгельмсбадѣ.

На съѣздѣ въ Коло замѣстителемъ Гунда въ званіи Обермейстера былъ избранъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, членъ многихъ ложъ различныхъ системъ, высоко уважаемый вольными каменщиками различныхъ

Медаль, выбитая въ честь Камбассареса, Гросмейстера Шотланд. философ. ритуала. Портретъ отличается, по увѣренію современниковъ, сходствомъ.

(L'Hist. de la fondation du Grand-Orient de France. Paris 1812.)

Medaille faite à l'honneur de Kambassaresse, Grand Maître du Rit philosophique ecossés.

толковъ. Герцогъ въ союзѣ «строгаго наблюденія» носилъ прозваніе «Eques a viktoria». Болѣе широкихъ кругозоровъ нежели Гундъ, герцогъ лелѣялъ мечту объединить масоновъ всѣхъ системъ и потому принялъ мѣры къ сближенію съ ложами иныхъ направленій.

Конвентъ въ Берлинѣ долженъ былъ работать въ этомъ именно направленіи и дѣйствительно выработалъ нѣкоторыя положенія для предупрежденія въ будущемъ рѣзко враждебныхъ выступленій сторонниковъ различныхъ системъ.

Берлинскій конвентъ примѣчателенъ не только по содержанію работъ, но и по своему личному составу: создано было 27 великихъ каменщиковъ обоихъ главныхъ направленій масонства (т.-е. слабого и строгаго наблюденія), «мужи» высокаго положенія въ области государственной, общественной дѣятельности и въ наукѣ. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ принцъ Брауншвейгскій, Фридрихъ-Августъ, коему дѣятельно помогалъ извѣстный мистикъ Іоганнъ-Христофоръ фонъ-Вельнеръ. Въ орденскихъ дѣлахъ предсѣдатель нерѣдко имено-

ванъ: «Eques a leone aureo», а секретарь «eques a sibо». Представителемъ системы «Observantia stricta» былъ принцъ Гессенъ-Дармштадскій, Людвигъ-Георгъ Карлъ, а системы «Observantia lata», герцогъ Мекленбургскій, Георгъ-Августъ.

Черезъ девять лѣтъ происходилъ Вильгельмсбадскій съѣздъ, чрезвычайно важный въ исторіи системы Строгаго Наблюденія и въ исторіи масонства Россіи.

Циркулярно разслана была обширная программа работъ предстоявшаго съѣзда: рѣшенію подлежало много вопросовъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: выясненіе истиннаго происхожденія системы строгаго наблюденія, отношеніе вольнаго каменщичества, какъ самостоятельной обособленной, замкнутой организации къ правленію разныхъ государствъ; установленіе обрядовъ и обычаевъ, поднятіе значенія ордена выборомъ соответствующей дѣятельности.

Съѣздомъ постановлено было, что Вольное Каменщичество несравненно древнѣе Храмовничества, которое лишь временно хранило въ орденѣ ученіе великой мудрости, дошедшее до него изъ тьмы вѣковъ. Но орденъ Храмовниковъ былъ однимъ изъ звеньевъ неразрывавшейся никогда цѣпи великаго знанія, орденъ сохранилъ и передалъ тайное знаніе потомству, въ чемъ и заключается его значеніе. Эту-то связь древняго Вольнаго каменщичества съ Храмовничествомъ должна была представлять степень «Благотворительныхъ Рыцарей», которой поручалось управленіе тремя іоанновскими степенями. Степени символическаго масонства и степень шотландскаго мастера были утверждены съѣздомъ, требники просмотрѣны и частью исправлены. Изъ провинцій, на которыя первоначально раздѣлена была Европа, главарями системы Строгаго Послушанія были уничтожены три за бездѣйствіе: Аррагонія, Британія и Ліонъ, утверждены двѣ новыя и одна оставлена свободною: новый списокъ былъ таковъ: 1) Нижняя Германія, Пруссія и Польша, 2) Овернь, 3) Окситанія, 4) Италія и Греція, 5) Бургундія и Швейцарія, 6) Верхняя Германія, 7) Австрія и Ломбардія, 8) Россія и 9) свободная для Швеціи.

Не всѣ ложи, принимавшія участіе въ съѣздѣ, признали его постановленія. Въ числѣ недовольныхъ оказалась главнымъ образомъ Швеція, въ которой господствовала такъ называемая «Шведская система», организованная по системѣ строгаго послушанія и отождествлявшая себя съ храмовымъ рыцарствомъ. Когда конвентомъ было отвергнуто тождество вольнаго каменщичества съ храмовничествомъ и работы по шведской системѣ были запрещены на трехлѣтній срокъ, приговору съѣзда Швеція не подчинилась; вскорѣ отказались повиноваться рѣшенію конвента и многія другія ложи, непоколебимо стоявшія за храмовое рыцарство.

Система «Строгаго Послушанія» хотя и разбилась, но осколки его остались, и эти-то осколки глубоко вонзились въ другія системы. Мы встрѣчаемъ строгое послушаніе въ двухъ системахъ, игравшихъ выдающуюся роль въ Россіи на протяжении нѣсколькихъ десятилѣтій; я разумѣю Розенкрейцерство и Шведскую

систему. Обѣ эти системы проникли въ Россію къ началу восьмидесятыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка и приобрѣли огромный кругъ послѣдователей и не прекратили своего существованія тотчасъ же послѣ запрещенія масонскихъ собраній въ 1822 году.

VI.

Очеркъ дѣятельности московскихъ розенкрейцеровъ выдѣленъ въ особую статью,—біографіи выдающихся розенкрейцеровъ или мартинистовъ, какъ ихъ именovali въ Россіи, удѣлено такоже значительное мѣсто, а потому я не буду

въ подробностяхъ касаться исторіи системы златорозоваго креста, но болѣе подробно остановлюсь на Шведской системѣ.

Рѣшеніемъ Вильгельмсбадскаго конвента Россія признана была самостоятельной провинціей ордена, по счету 8-й, за-

Медали въ память основанія ложи «Св. Александра Шотландскаго».

(L'Hist. de la fond. du Grand-Orient de France. Paris 1812).
Medailles en mémoire de la fondation du Grand-Orient Ecossé.

висимость ея отъ Швеціи, столь неугодная правительству Императрицы Екатерины II и столь тягостная для большинства русскихъ масоновъ, была уничтожена. Но съ уничтоженіемъ подчиненности высшему шведскому правленію не исчезла изъ русскаго обихода Шведская система, и увлеченіе ея ученіемъ спорило съ увлеченіемъ Розенкрейцерствомъ.

При посредствѣ извѣстнаго своею выдающеюся педагогическою дѣятельностью, профессора Ивана Григорьевича Шварца, учредился въ Москвѣ орденъ Златорозоваго Креста. Къ 1782 году, согласно постановленіямъ Вильгельмсбадскаго конвента, организація системы была такова: первыя три іоанновскія степени—ученикъ, товарищъ и мастеръ, одна высшая шотландская степень мастера и обособленно стоявшая тайно отъ остальныхъ каменщиковъ, совершавшая многія свои работы—Теоретическая степень Соломоновыхъ наукъ. Изъ этой-то таинственной степени набирались члены Розенкрейцерскихъ ложъ.

Любопытенъ неоцѣненный еще изслѣдователями фактъ существованія ложъ Теоретической степени въ Россіи не только въ XVIII вѣкѣ при небываломъ расцвѣтѣ розенкрейцерства въ Западной Европѣ и въ частности въ Новиковскомъ кругу въ Москвѣ, но и въ царствованіе Императора Александра I. Эти

ложи работали втайнѣ на протяженіи 30 лѣтъ и не примкнули къ союзамъ, разрѣшеннымъ правительствомъ. На нихъ я останавливаю вниманіе.

По толкованію франкъ-масоновъ, Теоретическая степень соломоновыхъ наукъ есть посредствующее звено между свободнымъ каменщицествомъ и высшимъ собратствомъ избранныхъ просвѣтленныхъ, т.-е. «внутреннимъ орденомъ». Въ системахъ съ высокими степенями такой внутренней орденъ существовалъ подъ различными наименованіями: въ шведской системѣ онъ назывался капитуломъ просвѣтленныхъ, иногда невидимымъ капитуломъ, изъ коего выдѣлялся орденскій совѣтъ, т.-е. правленіе ордена, его верховное судилище и проч. Въ системѣ «Старого принятаго шотландскаго обряда» онъ разумѣлъ три послѣднія степени, включавшія администрацію ордена, наконецъ, главнымъ образомъ подъ внутреннимъ орденомъ разумѣлось братство Златорозоваго Креста, и теоретическая степень была его преддверіемъ; въ ней занимались теоріей алхиміи; она же служила для переоцѣнки всѣхъ масонскихъ достоинствъ братьевъ. Являясь пробнымъ камнемъ для братьевъ, она рѣшала дальнѣйшую ихъ судьбу: достойнымъ отверзались врата во внутреннее святилище премудрости, недостойныхъ же предлагалось «на сей степени оставить и ихъ свободно и безпрепятственно дальнѣйшей ихъ судьбѣ предать». Пріемъ, посвященіе въ эту важную степень предпринимался безъ вѣдома намѣченнаго къ принятію брата: «сего ради,—указано въ орденскихъ уставахъ,—долженствуютъ теоретическіе братья сколь возможно дружелюбно обходиться съ масонами нижнихъ степеней, и когда ложи въ томъ мѣстѣ находятся, яко братья посѣтители въ ихъ собранія ходить, дабы они узнали, какъ воспитательное училище къ общему благу работаетъ и дабы изъ среды ихъ могли они извлекать лучшихъ членовъ».

Итакъ, къ принятію въ теоретическіе философы избирались достойнѣйшіе питомцы масонскаго при-

готовительнаго училища, іоанновскіе мастера; однако имъ предоставлялось еще время пройти одну или двѣ (смотря по системѣ) степени шотландскаго масонства, «дабы къ философскимъ работамъ способными содѣлать». Въ параграфѣ о принятіи теоретическихъ братьевъ установлено, чтобы къ приему не допускался никто, «кромѣ экосскихъ старыхъ мастеровъ, оказавшихъ довольные опыты страха Божія, честности, челоуколюбія и прилѣпленія къ премудрости». Безъ вѣдома намѣченнаго экосскаго мастера проис-

Знакъ ложи «Латона» XVIII в. въ Москвѣ. (Собр. гр. И. И. Толстого, Спб.)

Symbole (Signe) de l'Orient «Latona» à Moscou. XVIII s. Т. С.

ходила закрытая баллотировка въ общемъ собраніи теоретическихъ философовъ и избранному большинствомъ голосовъ «съ надлежащею осторожностью дѣлалось предложеніе вступить въ эту степень».

Въ русскихъ архивахъ сохранились многочисленные списки предметовъ занятій въ степени теоретическихъ братьевъ, но многіе изъ нихъ писаны шифромъ и трудно поддаются толкованію: не всегда возможно угадать границу между иносказаніемъ и дѣйствительностью. Таковы, напримѣръ, подробнѣйшія описанія «созданія гомункула въ хрустальныхъ ретортахъ изъ майской росы и человѣческой крови», предписанія, «какимъ образомъ возможно вызвать злыхъ и

добрыхъ духовъ и подчинить ихъ волѣ человѣческой», пространныя лекціи въ видѣ діалоговъ между посвящающимъ и посвящаемымъ «о мірозданіи, о небесномъ мірѣ, о Духѣ міра, всесильномъ, едино-великомъ Творцѣ жизни», объ элементахъ, наконецъ, цѣлая наука чиселъ. Теософія, мистика увлекали посвященныхъ въ бездонныя глубины и изъ многихъ «сотворяли духовидцевъ», по выраженію

Знакъ ложи «Озирисъ» въ Москвѣ XVIII в. (Собр. гр. И. И. Толстого, Спб.).

Symbole de l'Orient «Osiris» à Moscou XVIII s. T. C.

теоретическихъ философовъ, каждый человѣкъ можетъ достигнуть познанія тайнъ бытія, и лицезрѣнія Творца Вселенной, развивая въ себѣ особую способность ума и сильную волю при помощи духовнаго упражненія, самоуглубленія, а также при выполненіи цѣлаго ряда нравственныхъ и физическихъ правилъ жизни.

Присяга требовала поклоненія Великому Творцу Вселенной, посвященіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, всѣхъ матеріальныхъ средствъ и самой жизни на службу ордена; прилежанія къ наукамъ, дающимъ познаніе себя, натуры и Творца.

Въ противовѣсъ свѣтлому, красивому убранству ложъ іоанновскаго масонства и причудливой обстановкѣ красныхъ шотландскихъ ложъ, ложи, предназначавшіяся для засѣданій теоретическихъ братьевъ, были мрачны, ихъ убрали чернымъ сукномъ и чернымъ шелкомъ. Не привлекали взглядъ золотые, іоанновскіе клейноды давно забытыхъ каменщицескихъ работъ: на столѣ блѣдно мерцали въ семивѣтвенныхъ свѣтильникахъ тонкія восковыя свѣчи, въ крошечной пятиконечной солонкѣ бѣлѣла соль—символь премудрости. У входа въ черные покои братья омывали руки въ серебряной чашѣ, дабы забыть хотя бы на время міръ и прелести его.

Въ 1821 году въ Россіи была открыта послѣдняя ложа теоретической степени, работавшая въ «большой сокровенности и тиши». Работы открыли графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій и Сергѣй Степановичъ Ланской.

Впервые же степень «теоретическая» была введена въ Германіи въ 1766 году въ извѣстной ложѣ «Трехъ Глобусовъ».

VII.

Шведская система рѣзко отличалась отъ англійской: это не есть Великій всечеловѣчскій союзъ союзовъ, широко раскрывающій врата всѣмъ жаждущимъ свѣта, всѣмъ стремящимся воздвигнуть храмъ челоуѣчества на опорахъ мудрости, силы, красоты. Пропускъ строгъ, врата открываются лишь передъ тѣмъ, кто можетъ сказать: я—христіанинъ по святому обряду крещенія. Исключительно христіане могли искать посвященія въ ложѣ шведской системы; слѣдуетъ добавить еще, что ложаамъ различныхъ государствъ представлялось право еще большаго ограниченія; при посвященіяхъ ложи могли допускать лишь лицъ, исповѣдующихъ господствующую въ странѣ религію. Были и другія обязательныя условія для пріема, но они главнымъ образомъ относились уже къ высокимъ степенямъ; такъ, на примѣръ, посвящаемый въ VI-ую степень долженъ былъ имѣть въ своей родословной не менѣе четырехъ поколѣній дворянъ, не принадлежать къ Мальтійскому ордену, имѣть достаточныя средства и пр., словомъ, въ высокихъ степеняхъ шведская система по замыслу была союзомъ богатаго дворянства.

Обрядники связываютъ шведскую систему со средневѣковымъ орденомъ Рыцарей Храма, обряды, таинства и завѣты Храмовниковъ якобы переданы масонамъ шведской системы черезъ посредство цѣлаго ряда лицъ, сохранившихъ непрерывность посвященія и преемства. Поэтому-то, тогда какъ въ чистомъ англійскомъ масонствѣ тайна масонства разумѣла первоначально лишь тайну символовъ, тайну нравственныхъ положеній, смѣнившихъ тайны строительнаго искусства, тайны ремесленнаго цеха, въ шведскомъ масонствѣ особенно ярко и рѣзко выдвигается именно обладаніе тайной, познать которую можно лишь въ высшихъ степеняхъ. Главари шведскаго масонства конца XVIII вѣка утверждали, что имъ открыто тайное знаніе, Gnosis.

По одному преданію, передаваемому обрядами, Спаситель міра открылъ избраннымъ изъ среды апостоловъ тайну жизни и смерти, тайну бытія, творенія и Творца; имъ же сообщилъ «Великій Учитель и Пастырь» сокровенный, истинный смыслъ Священнаго Писанія, но столь великое знаніе, подъ печатью строжайшей тайны, передавалось якобы изустно и дошло до Храмовниковъ, а отъ

нихъ уже до масоновъ. По другому разсказу, первосотворенный человѣкъ Адамъ Кадмонъ, заключавшій въ себѣ одни духовныя только свойства и несоединенный еще съ матеріей, получилъ высшую мудрость непосредственно отъ Творца міра; послѣ грѣхопаденія, т.-е. соединенія съ матеріей, отъ великаго свѣта мудрости онъ сохранилъ въ душѣ своей лишь едва мерцающій, едва теплящійся огонекъ. Однако, этотъ отблескъ божественной премудрости былъ преисполненъ еще великою благодатью и озарялъ умъ высшимъ, божественнымъ знаніемъ, достичь котораго невозможно никакими усиліями человѣческаго разума, никакимъ искусствомъ, никакою наукою. Вотъ этотъ-то свѣтъ премудрости передавался и хранился избранными мудрецами и постепенно дошелъ до масоновъ. Сохранился рисунокъ масонскаго родословнаго дерева, которое позволяетъ прослѣдить ростъ ордена и всѣ вѣтви и развѣтвленія его.

Шведская система—сложное мозаиковое произведеніе, но главныя составныя ея части—англійское масонство въ нижнихъ степеняхъ, розенкрейцерство въ высшихъ и система строгаго послушанія, давшая яркую окраску всѣмъ степенямъ.

Отличаясь нетерпимостью, основанная на самовластіи высшаго правленія, на несмѣняемости и неотвѣтственности должностныхъ лицъ, на безпрекословномъ повиновеніи младшихъ старшимъ, шведская система къ работамъ надъ собою присоединила занятія оккультными науками. Ученіе Якова Бема и Эмануила Сведенборга отразилось особенно примѣтно въ высокихъ степеняхъ. Восторгъ мистическаго экстаза и духовидѣніе составляли предметъ пространнѣйшихъ разсужденій наипросвѣщеннѣйшихъ братьевъ. Просвѣтленные «русскіе масоны, члены высокихъ степеней шведскаго масонства не находятъ достаточно выразительныхъ словъ для начертанія восторговъ сверхнатуральнаго состоянія», т.-е. экстаза, во время котораго нерѣдко бывали имъ видѣнія.

Въ развитіи и организаціи шведской системы принималъ выдающееся участіе король Густавъ III и братъ его герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, впоследствии король Карлъ XIII. Союзъ получилъ большое распространеніе, вліяніе его распространялось даже на государственную жизнь Швеціи.

Работы по организаціи системы закончились въ 1780 году, когда и утверждены 10 степеней: 1, 2, 3—ученикъ, товарищъ и мастеръ Іоанновскаго масонства, 4) избранные ученики и товарищи, 5) Великій избранный шотландецъ или шотландскій мастеръ Андреевскаго масонства, 6) братья стуарты или рыцари Востока и Іерусалима, 7) Рыцари Запада или ближніе Соломона, 8) ближніе св. Іоанна или рыцари бѣлой ленты, 9) ближніе св. Андрея или рыцари фіолетовой и пурпурной ленты, 10) рыцари командоры Краснаго креста, которыхъ было три класса: 1) члены капитула, не занимавшіе должностей, 2) великіе офиціалы во главѣ со вторымъ по значенію лицомъ въ государствѣ и 3) Глава Ордена, со званіемъ Викарія Соломона мудраго изъ мудрыхъ. Такимъ образомъ 10-я степень составляла высшее правленіе.

Послѣдній бликъ, придавшій необычайный блескъ шведской системѣ, былъ положенъ королемъ въ залъ Стокгольмской биржи въ присутствіи 400 великихъ каменщиковъ: король обѣщалъ ордену свое покровительство и, лично возложивъ на брата своего, герцога Карла Зюдерманландскаго, знаки достоинства Викарія Соломона, облачилъ его въ горностаевую мантию и этимъ призналъ царственность вольнокаменническаго ученія. Послѣдующіе монархи Швеціи принимали по наслѣдію главенство надъ орденомъ.

Въ 1797 году король Густавъ IV Адольфъ утвердилъ для великихъ каменщиковъ Швеціи особое одѣяніе, которое могли носить всѣ имѣвшіе не менѣе восьми степеней, не только дома, но и въ «профанскомъ свѣтѣ». Носился: темно-синій фракъ на красной подкладкѣ, съ краснымъ воротникомъ и красными обшлагами; фракъ застегивался рядомъ золотыхъ пуговицъ съ буквою Т. (Templier); одѣяніе довершали бѣлый жилетъ, желтые штаны, лакированные сапоги съ краками и шпорами, бѣлая перевязь съ нагрудною бляхой, украшенной символическими изображеніями, шпага и треугольная высокая шляпа.

27 мая 1811 года былъ учрежденъ Орденъ Карла XIII за вольнокаменническія добродѣтели. Число орденскихъ кавалеровъ было ограничено 30, изъ нихъ 3 должны были принадлежать къ духовному званію. Орденъ давался каменщикамъ, имѣвшихъ отроду не менѣе 36 лѣтъ.

Посвящаемый въ рыцарскія степени давалъ обѣтъ «чистой жизни» и нищелюбія:

«Буди ревностный, огненный, неустрашимый борецъ», восклицалъ обрядоначальникъ, постепенно облачая рыцаря Востока и Іерусалима въ рыцарскіе доспѣхи. Облекшись въ эти ритуальныя одежды, онъ обращался въ неутомимаго борца за солнце правды съ тьмою фанатизма и суевѣрія.

Длинень списокъ русскихъ вельможъ, посвященныхъ въ шведское масонство XVIII вѣка, богатые бары истрачивали огромныя деньги на устройство ложъ; деньги поглощала утонченная роскошь убранства блистательныхъ капитуловъ, весь сложный ритуалъ рыцарскихъ посвященій, красота доспѣховъ, пурпуръ епанчей, шелкъ камзоловъ, пышность вѣющихъ перьевъ...

Къ пріѣзду шведскаго короля Густава III, въ Петербургѣ, въ многолюдной ложѣ Аполлона пріуготовлены были великолѣпныя торжества; король посѣтилъ ложу и былъ данъ блестящій каменническій праздникъ.

Большая печать ложы Аполлона.
(Собр. бар. Н. А. Тинольта, Спб.).
Grand sceau de l'Orient d'Apollon.
T. C.

При возрожденіи вольнаго каменщичества въ XIX вѣкѣ шведская система явилась преобладающей, ея акты, за исключеніемъ наивысшихъ степеней, были разрѣшены правительствомъ въ 1810 году.

VIII.

Русскіе вольные каменщики также попробовали свои силы въ созданіи новыхъ системъ: боевой артиллерійскій генералъ П. И. Мелиссино создалъ чрезвычайно фантастическую многостепенную систему, извѣстную подъ его

Медаль на учрежденіе военно-походной ложи въ Садогурахъ бар. Гартеностомъ (Собр. И. И. Толстого).
Medaille en memoire de la fondation de l'Orient du camp militaire. T. C.

именемъ. Сенаторъ И. П. Елагинъ создалъ систему со многими степенями по образцу англійской, а сенаторъ И. В. Лопухинъ, выдающійся общественный дѣятель, основалъ систему «Духовнаго рыцарства».

Въ концѣ XVIII вѣка появляется цѣлый рядъ преобразователей масонства, пытавшихся вернуть масонству исконную чистоту и простоту. Извѣстны имена барона Франца фонъ-Диттура, Фридриха Людвига Шредера и Игнатія-Аврелія Фесслера.

Системы вольнаго каменщичества значительно разнятся одна отъ другой, но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ группамъ.

Первая группа, сохранившая въ наибольшей чистотѣ вольнокаменщическое ученіе, занимается работами исключительно нравственно-философскими; она же отличается простотою обрядовъ и внутренняго распорядка. Въ большинствѣ системъ, относящихся къ этой группѣ, управленіе было представительное, «легкое», по масонскому выраженію. Глава братства являлся отвѣтственнымъ, смѣняемымъ исполнителемъ и хранителемъ законовъ вольнокаменщического союза. Три іоанновскія степени ученика, товарища и мастера признавались *едино истинными*.

Вторая группа, кромѣ трехъ іоанновскихъ степеней, признавала законными *неопредѣленное число высокихъ степеней*, въ которыхъ вольные каменщики посвящали себя работамъ умозрительнымъ на основаніяхъ герметической философіи или теософіи. Нерѣдко даже практическія алхимическія работы производились посвященными въ высокія степени. Обрядность была изысканная, сложная и блестящая. Во главѣ союза стоялъ самовластный неограничен-

ный управитель, пожизненной власти коего братство обязывалось безпрекословнымъ повиновеніемъ. Иногда, вмѣсто одного начальника, извѣстнаго всѣмъ сочленамъ, союзомъ руководилъ одинъ либо нѣсколько безызвѣстныхъ правителей, имена которыхъ подъ клятвой молчанія узнавали лишь избранные, посвященные наивысшей степени.

Вопросы религіи и политики, исключенные первоначальными законоположеніями изъ работъ вольнокаменщического собратства, однако временами властно вліяли на эти работы. Въ особенности высокія степени различныхъ системъ нерѣдко всею обрядностью своею, всѣми символами представляли борьбу религіозную и гражданскую.

Между приверженцами высокихъ степеней и тѣми, кто видѣлъ необходимость ограничиваться тремя іоанновскими степенями во всѣхъ странахъ, во всѣ времена происходила борьба. Эта-то борьба, мѣшавшая единенію всѣхъ сочленовъ братства, нерѣдко бывала причиною упадка вольнокаменщическихъ работъ въ различныхъ государствахъ. Въ распряхъ о частностяхъ забывалось цѣлое, упускалась изъ вида конечная цѣль.

Такъ было и въ Россіи.

. Тира Соколовская.

Масонскій запонъ изъ собр. Д. Г. Бурылина.
Tablier maçonnique.

Масонская грамота (Нац. биб. въ народѣ).
Diplôme maçonnique.

Обрядность вольныхъ каменщиковъ.

«Человѣки суть существа чувствительныя, допускающія управлять собою посредствомъ «живыхъ» впечатлѣній воображительной силы «лучше, нежели посредствомъ хладныхъ заключеній разсудка».

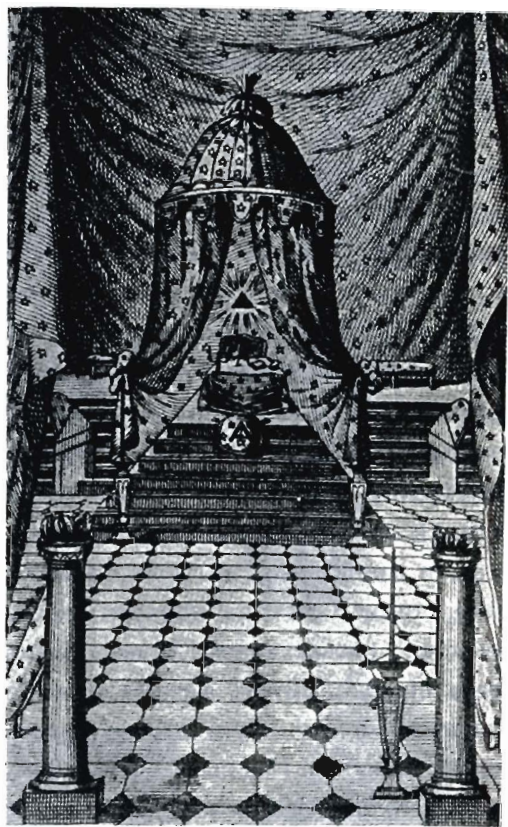
Магазинъ Своб. Каменщицкой 1784 г., ч. I, стр. 34.

I.

Общество Вольныхъ Каменщиковъ было тайною организаціею и держало свои обрядники подъ тремя замками, подъ тремя ключами. Полный текстъ обрядовъ вручался лишь управляющимъ мастерамъ и братьямъ-обрядоначальни-

камъ. Поэтому-то, даже въ богатѣйшихъ масонскихъ архивахъ такъ рѣдки полные обрядники какой-либо системы: несравненно чаще встрѣчаются отрывки обрядовъ, скрѣпленные, однако, печатями.

Что такое собственно былъ масонскій обрядъ? Обрядъ выражалъ въ драматической формѣ идеи Вольно-Каменщического общества, и должностнымъ лицамъ масонскаго братства назначались какъ бы роли и сообщался текстъ этихъ ролей. Эти-то роли или частицы обрядовъ находились въ рукахъ должностныхъ братьевъ, какъ-то: ритора, старшаго и младшаго надзирателя, секретаря, казначея, обоихъ стуартовъ или милостыне-сбирателей и другихъ, смотря по тому, къ какой системѣ принадлежалъ обрядникъ. Какъ бы ни была коротка и малозначительна роль, текстъ ея утверждался управляющимъ ложею: уцѣлѣло много тонкихъ тетрадокъ XVIII вѣка, прошитыхъ шелкомъ, скрѣпленныхъ большими сургучными печатями логи и управляющаго мастера. Иногда въ этихъ тетрадкахъ всего двѣ страницы рукописнаго текста, но заголовокъ неизмѣнно написанъ красиво; нерѣдко даже весь прописными, вычурными буквами. Чѣмъ большею тайною окружалась какая-либо степень и чѣмъ труднѣе былъ доступъ къ ней, тѣмъ тщательнѣе оберегались ритуалы и тѣмъ меньше ихъ довѣряли бумагѣ и перу: ихъ передавали изустно. А потому-то, никто изъ непосвященныхъ въ Орденъ

Въ масонской ложѣ.

Изъ «Le vraie maçonnerie d'adoption»
(Paris. 5807.)

L'intérieur d'une loge maçonnique.

Вольныхъ Каменщиковъ, какъ бы велики ни были его познанія, добытыя долгимъ изученіемъ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ, не можетъ утверждать: «я знаю все о той или иной степени». Въ лучшемъ случаѣ онъ съ чистою совѣстью можетъ сказать: «я полагаю, что мнѣ извѣстно почти все». Выдающийся русскій масонъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій въ одной изъ своихъ поучительныхъ бесѣдъ въ 1818 году выразился такъ: «можно имѣть нѣкоторыя знанія о масонствѣ, но самого масонства не знать».

Писанные обрядники уже являлись отступленіемъ отъ первоначальнаго масонства, нарушеніемъ первичныхъ установленій и законовъ. Въ «старыхъ» законахъ подѣ страхомъ смертнаго наказанія воспрещалось предавать масонскія тайности перу, кисти, рѣзцу, допускалась одна только устная передача тайнъ послѣ предварительной клятвы въ храненіи молчанія. Не довѣряя свои идеи, мечтанія, замыслы перу, кисти, рѣзцу, Вольные Каменщики довѣрили ихъ символическимъ изображеніямъ!—Символы они называли—«языкомъ ока», «языкомъ души», «внѣшнимъ чертежемъ великихъ сокровенныхъ истинъ». Символы были мысли, не облеченныя въ слова: «лучшія наши мысли въ мертвыхъ письменахъ замирають», объясняли еще Гердеръ.

Съ глубоко разсчитанною постепенностью открывали обряды посвященія цѣлый рядъ символовъ, возбуждая цѣпь идей; постоянная же повторяемость символовъ заставляла мысль работать въ извѣстномъ, желанномъ для Ордена направленіи. Одному символу можно было придать многоразличныя значенія въ зависимости отъ идей, заключенныхъ въ степени; такъ и поступали масоны. Приведу одинъ примѣръ: циркуль, открытый на 60 градусовъ, какъ символъ высшаго разума, носился всѣми членами Ордена. «Памятуйте (читаемъ въ Вольно-Каменщическомъ уставѣ), что совершенный Великій Мастеръ далеко распространитъ циркулемъ своимъ размѣряетъ и испытуетъ вашу работу; для сего размѣряйте сами дѣйствія свои циркулемъ разума».—Такимъ образомъ при взглядѣ на циркуль, масонъ одновременно вспоминалъ и Великаго Строителя міра, и данные имъ въ ложѣ обѣты вести строго обдуманную жизнь. Однако, этимъ значеніе циркуля не исчерпывалось, онъ знаменовалъ еще доволство ниспосланною Провидѣніемъ долею; въ рукахъ управляющаго мастера циркуль имѣетъ важное значеніе: онъ напоминалъ каждому брату предназначенный ему кругъ дѣйствія, онъ призывалъ къ братскому единенію и общественности. Наконецъ, подѣ циркулемъ представляли солнце (головка—дискъ солнца, ножки—его лучи), св. Іоанна Крестителя, Януса, огонь, Меркурія, духъ, волю, сердце, красоту.

Вилльямъ Гучинсонъ такъ объясняетъ значеніе символовъ: «Многіе Каменщики, яко работники въ должностяхъ нравственныхъ и яко служители Великаго Строителя міра, сами представили очамъ нашимъ символы, долженствующіе безпрестанно напоминать намъ, что мы есть и что отъ насъ требуется. Великое значеніе обрядовъ и символовъ подтверждается всѣми выдающимися масонами, особенное значеніе придавалъ имъ и графъ М. Ю. Вильгорскій, поучавшій братьевъ: «Каменщикъ долженъ всячески вникать въ таинственные обряды нашихъ ложъ, гдѣ каждый предметъ, каждое слово имѣетъ пространый кругъ значеній и сіе поле расширяется подобно, какъ всходя на высоту, по мѣрѣ того какъ возвышаешься, то видимый нами горизонтъ распространяется».

Сами Вольные Каменщики не почитали свершеніе обрядовъ пустымъ время-

Масонскія принадлежности.
Les attributs maçonniques.

провождѣніемъ; символическіе знаки ими почитались «Клейнодами», малѣйшее отступленіе въ обрядовыхъ одеждахъ противъ уставовъ строго преслѣдовалось. Для масоновъ камзолы и епанчи, запоны и ленты, далматики и латы, все имѣло символическое значеніе и не было пестрымъ маскарадомъ. Вотъ почему, для пониманія масонства, для проникновенія въ его сокровеннѣйшія глубины, необходимо изучать обряды и научиться языку символовъ. Если бы мы знали всѣ знаки гіероглифическаго языка Вольныхъ Каменщиковъ, эти безгласные теперь знаки рассказали бы намъ несравненно больше тайнъ, нежели подробнѣйшіе обрядники, будь они трижды три раза прошиты яркими шелками и скрѣплены красивыми печатями въ прочныхъ кустодіяхъ.

II.

Обрядность трехъ низшихъ степеней, т.-е. іоанновскаго масонства, была несравнимо проще обрядности всѣхъ остальныхъ степеней. Въ степеняхъ іоанновскаго ученика, товарища и мастера преобладала символика этическихъ началъ Вольнаго Каменщичества ¹⁾, началъ равенства, братства, всечеловѣческой любви и непротивленія злу.

Обрядность высокихъ степеней, т.-е. андреевскаго или шотландскаго масонства, символизировала борьбу за идеальную силу, славу мученичества за идею, нещадную жестокость къ врагамъ и предателямъ.

Іоанновское масонство называлось голубымъ. Члены іоанновскихъ ложъ были мечтательные проповѣдники, надѣявшіеся путемъ совершенствованія каждой отдѣльной личности достигнуть рая на землѣ. «Сѣйте сѣмена царствія свѣта», былъ ихъ пароль.

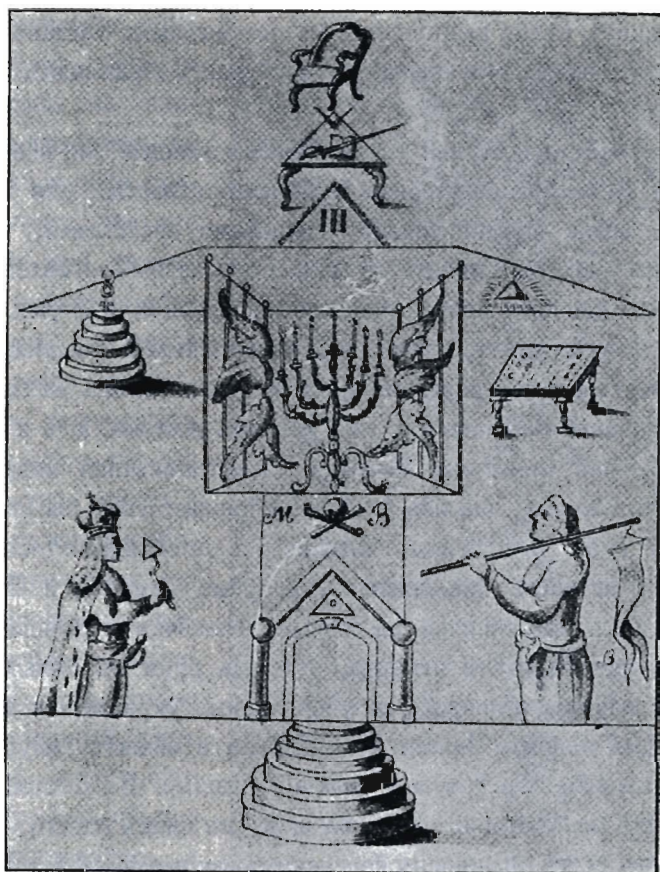
Андреевское или шотландское масонство называлось краснымъ. Члены красныхъ ложъ должны были быть неустрашимыми борцами за идеи съ девизомъ: «Vincere aut mori».

Патрономъ-покровителемъ всего Ордена Свободныхъ Каменщиковъ почитался Іоаннъ Креститель. Ему посвящены были первыя три степени символическихъ ложъ, въ которыхъ всѣ обряды и символы знаменовали страстный призывъ къ покаянію, къ самосовершенствованію. Болѣе высокія степени, въ которыхъ масоны обязывались клятвенно выходить на брань со зломъ, не щадя жизни, посвящены были св. апостолу Андрею Первозванному. Нѣкоторыя ложи осо-

¹⁾ Я ограничиваю описаніе обрядовъ однимъ столѣтіемъ, начиная съ 20-хъ годовъ XVIII вѣка и кончая тридцатыми годами XIX столѣтія.

бенно чтили еще св. Іоанна Евангелиста. Орденскими праздниками почитались 24 іюня, 30 ноября и 27 января.

Для празднованія всѣхъ трехъ праздниковъ существовалъ ритуаль, выработанный до мельчайшихъ подробностей. Особой торжественностью отличалось торжествованіе Іоаннова дня, въ продолженіе коего всѣ члены Ордена, къ какимъ бы толкамъ они ни принадлежали, должны были находиться вмѣстѣ

Масонскій коверъ.
Tapis maçonniques. Т. С.

«для вящаго процвѣтанія Ордена». Въ Россіи масонскіе праздники праздновались съ большою пышностью. Сохранились обряды для «Іоаннова дня» послѣдней четверти XVIII вѣка и первыхъ 30 лѣтъ XIX столѣтія.

Убранство ложъ было не одинаково.

Въ іоанновской ложѣ первой ученической степени, лазурь тканей и золото символическихъ украшеній ласкали взоръ. Стѣны затягивались голубыми тканями, подвѣшенными на золотомъ шнурѣ, связанномъ большимъ кафинскимъ узломъ, какъ разъ на самой срединѣ стѣны, обращенной къ востоку. Тутъ же,

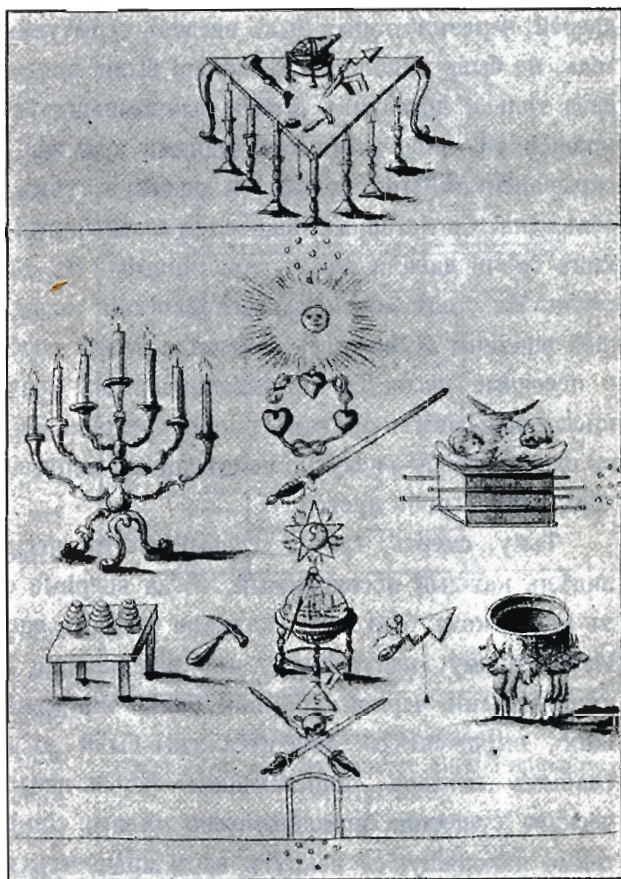
на востокъ, на возвышеніи о трехъ ступеняхъ былъ престолъ, масонскій жертвенникъ, а за нимъ кресло управляющаго ложею. На престолъ лазоревое, шелковое покрывало съ густою золотою бахромой. Балдахинъ, осяняющій престолъ и кресло великаго мастера, также голубого шелка, испещренного золотыми звѣздами, среди коихъ, въ сіяніи яркихъ золотыхъ лучей, сверкаетъ треугольникъ со священнымъ именемъ Великаго Зодчаго Вселенной. На престолъ раскрытая Библия у первой главы отъ Іоанна. Обнаженный мечъ, золотой циркуль и наугольникъ рѣзко выдѣляются на потемнѣлыхъ листахъ святой книги; мечъ положенъ первымъ; онъ словно не допускаетъ страницамъ перевернуться, закрыться.

Деревянные кресла и стулья крыты бѣлымъ лакомъ: они обиты лазоревымъ бархатомъ для Великихъ Мастеровъ и бѣлымъ атласомъ для прочей братіи. Въ ложахъ съ очень ограниченными денежными средствами, ткани бывали проще или даже вовсе замѣнялись окраскою дерева въ соответствующіе цвѣта. Столы должностныхъ лицъ покрашены голубой краской и форма ихъ треугольная. На полу, посреди ложи, разостланъ символическій росписной коверъ. Въ золоченыхъ, треугольныхъ трехсвѣчникахъ зажжены девять желтыхъ восковыхъ свѣчей. Свѣтильники озаряютъ мягкимъ свѣтомъ востокъ, югъ и западъ; сѣверная часть залы—въ полутьмѣ. Большая, шестиконечная звѣзда спускается съ потолка надъ ковромъ; она изъ золоченой бронзы; цѣпь, на которой она подвѣшена, также густо позолочена, матовая, съ блестящими острыми гранями ромбоидальныхъ звеньевъ. На братьяхъ голубые камзолы и бѣлые кожаные запоны, крошечныя каменщицки желѣзныя лопаточки подвѣшены на бѣлыхъ ремешкахъ къ третьей петлѣ камзола, у всѣхъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ. Управляющаго мастера отличаетъ голубая шляпа, украшенная золотымъ солнцемъ или бѣлымъ перомъ. Запонъ его подбитъ и обшитъ голубымъ шелкомъ, на запонѣ же нашиты три голубыя большія розетки. Въ петлицѣ камзола, на голубой ленточкѣ золотая лопаточка; на шеѣ, въ знакъ власти,—ключикъ слоновой кости и въ знакъ подчиненія орденскимъ законамъ—золотой наугольникъ. Въ правой рукѣ его—круглый молотъ бѣлой кости.

Какимъ же образомъ совершался пріемъ профана въ ученики іоанновскаго масонства?

«Возымѣвшій настоятельное желаніе содѣлаться вольнымъ каменщикомъ», изыясняютъ масонскіе уставы, долженъ былъ заручиться рекомендаціей кого-либо изъ членовъ той ложи, въ которую онъ желалъ быть принятымъ, и черезъ его посредничество подать о томъ просьбу управляющему ложею. Просьба вручалась рекомендующимъ не съ глазу на глазъ мастеру стула, а въ присутствіи братьевъ, когда, послѣ окончанія работъ въ ложѣ, обносилась, такъ-называемая, кружка-предлагательница, куда опускалась просьба. По открытіи предлагательницы, всѣ просьбы и заявленія прочитывались секретаремъ во всеуслышаніе и,

если случалось заявленіе о желаніи профана быть посвященнымъ въ таинства масонства, то имя профана выставлялось въ залѣ ложи, гдѣ и оставалось на виду двѣ недѣли. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль на обязанности всѣхъ членовъ ложи лежало разслѣдованіе о нравственности, характерѣ, гражданскихъ и семейныхъ «добродѣтеляхъ» предложеннаго къ приему. Поручитель же, которымъ являлся въ большинствѣ случаевъ предложившій профана, «долженствовалъ прилежать» произвести перемѣны въ его нравѣ, буде то необходимо, «дабы не оставить его еще погрязшимъ въ какія-нибудь склонности, противныя всему тому, что онъ будетъ слышать при своемъ принятіи». По истеченіи обязательнаго срока, слѣдовала баллотировка, если не имѣлось никакихъ порочащихъ свѣдѣній. Уже одинъ черный шаръ могъ отдалить приемъ и вызвать новые разслѣдованія, если только заявленная мастеру стула причина не оказывалась настолько незначительною, чтобы онъ своею властью могъ черный шаръ облечь. При наличности трехъ черныхъ шаровъ обычно въ приемѣ отказывалось, и лишь черезъ извѣстный промежутокъ времени, иногда въ нѣсколько лѣтъ, профанъ могъ возобновлять свое ходатайство. О забаллотированіи профана тотчасъ поставлялось въ извѣстность все братство Вольныхъ Каменщиковъ, а въ случаѣ благопріятнаго исхода, всѣ члены ложи, а иногда и дружественныя ложи, приглашались къ приему профана въ орденъ, т.-е. къ присутствованію при торжественномъ посвященіи въ первую степень іоанновскаго ученика.

Масонскій коверъ.
Tapis maçonnique. Т. С.

Обрядовъ посвященія было нѣсколько видовъ, но по замыслу тождественныхъ. Приведу обрядъ посвященія, какимъ онъ былъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, въ союзѣ Великой Національной ложи и во многихъ ложахъ начала XIX вѣка.

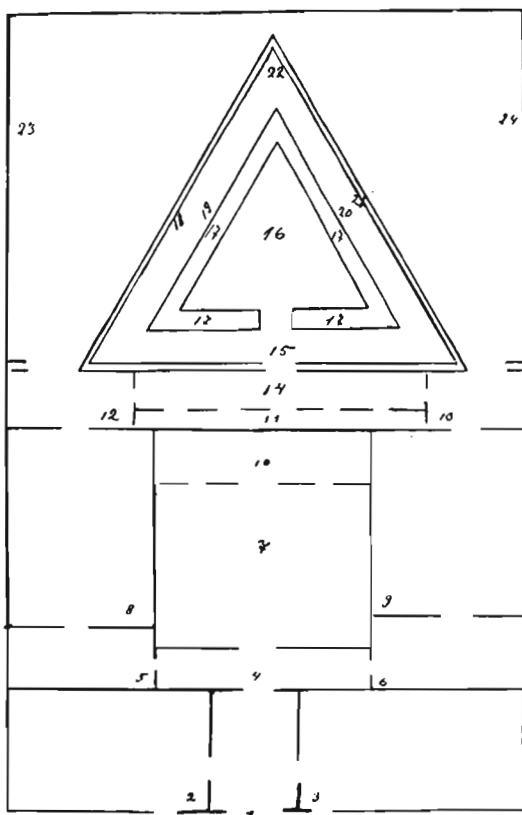
Въ назначенный день и часъ поручитель, завязавъ профану глаза, везъ его въ помѣщеніе ложи, гдѣ всѣ приглашенные вольные каменщики уже находились въ сборѣ. По пріѣздѣ онъ тотчасъ отводилъ его въ, такъ-называемую, «черную храмину», гдѣ и оставлялъ его одного, предваривъ, что онъ имѣетъ право снять наложенную на его глаза повязку лишь тогда, когда стихнетъ совершенно всякій шумъ, не слышенъ будетъ даже малѣйшій отзвукъ удаляющихся шаговъ.

Черная храмина, или храмина размышленія, была не велика, безъ оконъ; дверей, черезъ которыя былъ введенъ испытуемый и въ которыя вышелъ поручитель, не было видно: такъ искусно были они замаскированы. Потолокъ сводомъ едва только позволялъ стоять выпрямившемуся средняго роста человѣку. Покрашенная, либо затянута тканями храмина была однообразно черная, чѣмъ скрывался дѣйствительный ея размѣръ, тѣмъ болѣе еще, что она была едва освѣщена. Съ потолка свѣшивался «лампадъ триугольный», въ которомъ три тонкихъ свѣчи давали «свѣтъ трисіанный». Въ одномъ углу—черный столъ и два стула. На столѣ—берцовыя человѣческія кости и черепъ, изъ котораго въ глазныя впадины выбивалось синеватое пламя горѣвшаго спирта. Тутъ же—библія и песочные часы. Въ противоположномъ углу—человѣческій скелетъ съ надписью надъ нимъ: «ты самъ таковъ будешь». Въ двухъ другихъ углахъ по гробу; въ одномъ гробу—искусно поддѣланный мертвецъ съ признаками тлѣнія, въ другомъ углу—гробъ пустой.

Тьму, смерть, тлѣніе, слабый свѣтъ, часы и отверстую библію—вотъ что видѣлъ каждый посвящаемый, когда впервые снималъ съ очей своихъ повязку въ масонскомъ братствѣ. Истекало четверть часа, и входилъ обрядоначальникъ. Изумленному, испуганному или равнодушно взиравшему профану онъ изъяснялъ значеніе черной храмины болѣе или менѣе витіевато, нерѣдко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вы посажены были въ мрачную храмину, освѣщенную слабымъ свѣтомъ, блистающимъ сквозь печальные остатки тлѣннаго человѣческаго существа, помощью сего малаго сіянія вы не болѣе увидѣли, какъ токмо находящуюся вокругъ васъ мрачность и въ мрачности сей разверстое Слово Божіе. Можетъ статься, вы вспомнили тутъ слова Священнаго Писанія: «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ». Человѣкъ наружный—тлѣнень и мраченъ, но внутри его есть нѣкая искра нетлѣнная, придерживающаяся Тому Великому, Всецѣлому Существу, Которое есть источникъ жизни и нетлѣнія, Которымъ содержится вселенная. Вступя къ намъ въ намѣреніи просвѣтиться, при первомъ шагѣ получили вы нѣкое весьма изобразительное поученіе, что желающій свѣта долженъ прежде узрѣть тьму, окружающую его, и, отличивъ ее отъ истиннаго свѣта, обратить къ нему все вниманіе. Повязка, наложенная тогда на ваши глаза, заградила то чувство, которое едва ли не болѣе прочихъ развлекаетъ наше вниманіе, дабы вы, устраняясь отъ наружныхъ вещей, сильно дѣйствующихъ на наши чувства, всего себя обратили внутрь себя къ источнику вашей

жизни и блаженства». Цѣль ордена троякая: сохраненіе и преданіе потомству таинства (тайнаго знанія); исправленіе членовъ ордена, исправленіе собственнымъ примѣромъ и внѣ общества находящихся, а также весь родъ человѣческій. Орденъ требуетъ исполненія 7 должностей¹⁾: повиновеніе, познаніе самого себя, отверженіе гордыни, любовь къ человѣчеству, щедротолубіе, скромность, любовь къ смерти. Риторъ пространно изъясняетъ важность этихъ «должностей», ихъ неразрывность, а затѣмъ тотчасъ же требуетъ доказательства первой, третьей и пятой; въ знакъ послушанія испытуемый долженъ позволить завязать себѣ глаза, въ знакъ отверженія гордыни—снять верхнія одежды, эти отличія земной жизни; въ знакъ щедрости—отдать всѣ деньги и драгоценности. Приставивъ къ обнаженной лѣвой груди остріе меча, риторъ выводитъ посвящаемого изъ черной храмы.

«Труденъ путь добродѣтели», такими словами почти неизмѣнно начиналъ риторъ свои наставленія во время шествія въ ложу. Необычное зрѣлище являло это шествіе: вели разутаго, полураздѣтаго человѣка съ завязанными глазами, неуверенно ступавшаго, не взирая на дружески направлявшую руку руководителя, одѣтаго вычурно, украшеннаго различными знаками и лентами, въ круглой шляпѣ и

Планъ приѣмной ложи²⁾.
(Denkwürd. und Bekenntnisse eines Freimaurers.
Leipzig. 1836).
Plan de la loge de réception. T. C.

¹⁾ Въ обрядахъ различныхъ системъ нѣсколько измѣнялись порядокъ должностей и даже нѣкоторыя не были общими для всѣхъ, такъ отверженіе гордыни въ ритуалахъ ложъ Союза Великой Провинціальной ложи 1815—1822 гг. замѣнялось непоколебимымъ мужествомъ.

²⁾ Планъ масонскаго дома.—1) Входъ.—2) и 3) Помѣщеніе для служащихъ братьевъ.—4) Вестибюль.—5) Приѣмная.—6) Помѣщеніе для служителей, не посвященныхъ въ масонскій орденъ.—7) Главный дворъ.—8) Большое зало.—9) Кухня.—10) Конюшни и сараи.—11) Мѣсто для храненія символическихъ предметовъ.—12) Восточный вестибюль.—13) Западный вестибюль.—14) Вестибюль ложи.—15) Полночь.—16) Зало для ритуальныхъ работъ.—17) Трапезный столъ.—18) Востокъ.—19) Мѣсто для учениковъ.—20) Мѣсто для мастеровъ.—21) Западъ.—22) Полдень.—23) Дворъ для братьевъ низшихъ степеней и ихъ работъ.—24) Дворъ для братьевъ высокихъ степеней и ихъ работъ.

сь накинута на плечи епанчею; длинный, сверкающій мечъ держаль руководитель въ протянутой свободной рукѣ и остриемъ его слегка касался обнаженной груди посвящаемого. Одинъ невѣрный шагъ, неосторожность и пораненіе неизбѣжно, а между тѣмъ путь не ровень,—то «каменные крутизны», то куда-то «въ неизвѣстныя глубины низходящія скользкія ступени». «Елико возможно должно тѣснить путь испытуемаго»,—гласятъ уставы,—«вести его противу всѣхъ свирѣпствующихъ стихій на испытаніе духа и воли его».

Но кончается трудный путь; слышно пѣніе:

«Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмы наши не являйтесь,
Которы правды не хранятъ!»

«Входъ воспрещенъ злomu вольнодумцу, рабу пороковъ и страстей, для злобныхъ сердцемъ властолюбцевъ, сыновъ нѣги, сластолюбцевъ не растворятся врата масонской ложи».

Другая пѣснь смѣняетъ первую,—это не угроза приближающемуся профану, а ободреніе посвященнымъ.

«Мужайтесь, братія избранны,
Небесной мудрости сыны,
Помыслите, къ чему вы званны,
Что были, есть и быть должны».

Тремя ударами въ дверь риторъ проситъ доступа въ ложу. Пѣснь смолкаетъ.

Пріоткрывъ двери, братъ стрегущій вопрошаетъ: «Кто нарушаетъ покой нашъ?», и вводитель, отъ имени ищущаго, отвѣтствуетъ: «Свободный мужъ, который желаетъ быть принятъ въ почтенный Орденъ Свободныхъ Каменщиковъ».

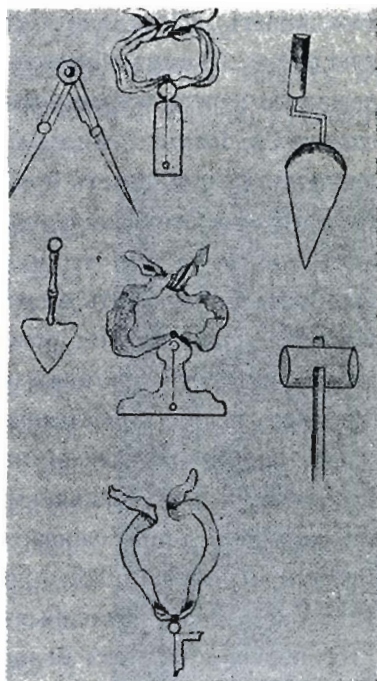
Тогда Великій Мастеръ предлагаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые такъ же, какъ и отвѣты на нихъ, передаются чрезъ посредство перваго надзирателя и стрегущаго брата.

«Какъ зовутъ? Сколько отъ роду лѣтъ? Гдѣ родился? Какого закона? Гдѣ жительство имѣетъ? Какого званія въ гражданскомъ обществѣ?» Еще не отзвучалъ послѣдній отвѣтъ, какъ Великій Мастеръ восклицаетъ: «Впустите его!»

Тогда вводитель отступаетъ отъ посвящаемого и немного спустя второй надзиратель вкладываетъ въ его правую руку свою обнаженную шпагу, направивъ ея остріе къ лѣвой обнаженной груди; такъ доводитъ онъ испытуемаго до ковра, у котораго его останавливаетъ, придавъ ногамъ положеніе прямого угла. Посвящаемый долженъ отвѣтить на шесть вопросовъ: «Первѣйшимъ ли вы признаете долгомъ, чтобы Высочайшее Существо, Источникъ всякаго порядка и согласія почитать, страшиться и любить?» «Признаете ли начертанное въ Откро-

веніи Слово Его за истинное къ высочайшему совершенству путеводство?» «Согласны ли все сіе вами тако признаваемое въ самыхъ дѣяніяхъ вашихъ съ крайнею вѣрностію наблюдать и исполненію всецѣлую жизнь посвятить?» «Признаете ли всѣхъ людей вообще за братію свою?» «Думаете ли, что служить и благотворствовать имъ есть дѣло волею Божіею взыскуемое и собственное блаженство ваше составляющее?» «Первѣйшею цѣлію исполненіе сихъ должностей почитать согласны ли?» «Данное вами слово свято ли для васъ?»—Послѣ утвердительныхъ отвѣтовъ, Великій Мастеръ возглашаетъ: «Слышите, любезные братья, что этотъ свободный человѣкъ въ намѣреніяхъ своихъ твердъ. Добровольно соглашается онъ посвятить себя должностямъ нашимъ, подчиненію. Согласны ли вы на то, чтобы онъ былъ принятъ въ общество наше?» Выражается согласіе, заканчивающееся троекратнымъ: «Ей, тако!»

Великій Мастеръ повелѣваетъ второму надзирателю совершить съ испытуемымъ три символическихъ путешествія вокругъ ложи: 1-е путешествіе—отъ запада чрезъ сѣверъ, востокъ и полдень, вновь на западъ; 2-е—черезъ полдень, востокъ и сѣверъ, а 3-е—подобно первому; при каждомъ путешествіи водящій тихимъ голосомъ наставляетъ испытуемаго о трудности пути къ добродѣтели и премудрости, о необходимой отвагѣ и стойкости въ слѣдованіи по пути, съ котораго вспять воротиться съ честью нельзя. Затѣмъ подводится совершившій путешествіе къ Великому Мастеру, гдѣ съ него берется обязательство скромности и вѣрности: «Ничего объ Орденѣ отнюдь не открывать никому, не удостовѣрившись тщательнымъ испытаніемъ, что онъ истинный свободный каменщикъ»; «ложѣ навсегда пребыть вѣрнымъ, съ крайнимъ послушаніемъ наблюдать обрядъ ея, благу оной всечасно споспѣшествовать, отъ всякаго вреда посильно охранять»; «Союзъ братства со всѣми свободными каменщиками ненарушимо сохранять и отъ часу большому утвержденію онаго всѣми силами споспѣшествовать»; «всѣмъ людямъ, наипаче же собратьямъ, помогать во всякихъ случаяхъ, никогда не отрекаться, развѣ что таковая помощь имѣетъ послужить ко вреду благонравія и чести вашей».

Отличительные знаки должностныхъ лицъ: управляющаго ложи (молотокъ и наугольникъ), обоихъ надзирателей (отвѣсы), старшаго діакона (циркуль), ученика (грубая желѣзная лопаточка), мастера (изящная золотая лопаточка). (Госуд. Арх. М. И. Дѣлъ. Собрание Елагина).

Signes distinctifs de différents degrés. T. C.

Управляющій мастеръ изъясняетъ всю важность обѣта; еще не поздно отрѣшиться отъ посвященія, но разъ произнесенный обѣтъ связываетъ съ братствомъ и даетъ братству полную власть карать за невыполненіе онаго. Но ищущій свѣта неустрашимъ; онъ упорствуетъ въ требованіи посвященія, и Великій Мастеръ восклицаетъ: «Преклоните колѣна предъ жертвенникомъ нашимъ, подайте правую руку». Лѣвымъ обнаженнымъ колѣномъ становится испытуемый на подушку, лежащую передъ жертвенникомъ; правую руку возлагаетъ на отверстое первую главою Св. Іоанна Евангеліе. Къ обнаженной груди его приставляется отверстый циркуль. Онъ обѣщаетъ принять на себя всѣ обязательства во всей силѣ ихъ и все требуемое свято исполнить. «Ей, обѣщаюся въ томъ и столь свято, сколь любезно для меня имя честнаго человѣка». Испытуемаго поднимаютъ, къ языку прикладывается печать молчаливости. «Узрите насъ впервые», говоритъ Великій Мастеръ торжественно; повязку снимаютъ и въ полутьмѣ ложи, освѣщенной лишь пламенемъ сжигаемаго на жертвенникѣ спирта, посвящаемый различаетъ блестящіе мечи, устремленные на него. «Видите всѣ устремленные на васъ орудія наши, на случай, ежели паче чаян्या измѣните обязанностямъ? Не въ томъ намѣреніи, чтобы думали мы когда обагрить руки свои кровію вашей, судъ страшнѣйшій того ожидаетъ васъ. Казнь беззаконныхъ въ руцѣ Божіей». Громко по всей ложѣ трижды разносятся повторяемые братьями послѣдніе слова о казни беззаконныхъ. Вновь завязываются глаза посвящаемому, и ложа ярко освѣщается, пока Великій Мастеръ говоритъ: «Сколь мщеніе ужасно преступнику, столь обрадователенъ благочестивому свѣтъ. Да узритъ свѣтъ!» Повязка снята; вспыхиваютъ яркимъ свѣтомъ фальшфейры и быстро угасаютъ при возгласѣ: «Тако угасаетъ свѣтъ и всѣ утѣхи съ нимъ, но хранящій волю Божію пребываетъ во вѣки!»

Всѣ братья обращаютъ мечи вверхъ остриемъ, высоко поднявъ ихъ надъ головами.

«Мы всякое земное величіе, всѣ чувственныя забавы и утѣхи почитаемъ ни чѣмъ, не большей цѣны и прочности, какъ и оное, на мигъ осѣнившее васъ пламя и исчезнувшій уже по немъ дымъ».

«Обѣтъ вашъ вѣрности запечатлѣйте, соединивъ кровь вашу съ кровью всѣхъ братій».

Вновь повергаютъ испытуемаго на колѣни передъ жертвенникомъ; самъ онъ долженъ приставить циркуль къ обнаженной груди, обрядоначальникъ подставляетъ кровавую чашу, а Мастеръ, ударяя по головкѣ циркуля молотомъ, трижды говоритъ: «Во имя Великаго Строителя міра; въ силу данной мнѣ власти и достоинства моего; по согласію всѣхъ присутствующихъ здѣсь и по всему земному шару разсѣянныхъ братій, принимаю я васъ въ свободные каменчики ученики». И, протянувъ черезъ жертвенникъ обѣ руки, полагаетъ ихъ на плечи принимаемаго, говоря: «Достояніе твое и часть твоя

да будетъ Господь Богъ твой», а всѣ братья восклицаютъ: «Господь благословляетъ праведные и наказуетъ беззаконные».

«Знайте», заканчиваетъ Великій Мастеръ обрядъ посвященія, «знайте, что все, завистѣвшее доселѣ отъ доброй воли вашей наблюденіе указанныхъ вамъ семи должностей стало долгомъ вашимъ. Жребій вашъ рѣшился!»

Новопринятаго уводятъ, чтобы вернуть ему одежды и вновь вводятъ въ ложу для изъясненія смысла обряда, для врученія лопаточки, запона, рукавицъ и отличительнаго знака ложи, а также для изъясненія символовъ, изображенныхъ на коврѣ.

Риторъ изъясняетъ сокровенный смыслъ пріема: «Путь изъ черной храмины въ ложу, это—путь изъ тьмы къ свѣту, отъ безобразія къ красотѣ, отъ слабости къ силѣ, отъ невѣжества къ премудрости, отъ земной юдоли къ блаженной вѣчности. Благій посланникъ, направляющій, предостерегающій—это искра Божества въ совѣсти человѣческой, это гласъ патрона Ордена, Іоанна Крестителя, взывающій къ покаянію, гласъ, слышимый въ сердцѣ каждаго, это благодать Всевышняго черезъ испытаніе препятствій, огорченій земной жизни, приводящая къ вратамъ Эдема, въ сонмѣ избранныхъ, потому-то посвященные—всѣ въ свѣтѣ яркомъ ложи и лишь посвящаемый во тьмѣ завязанныхъ очей. Путешествія вокругъ ложи—тѣ же горести земной жизни, но, свершая съ посвящаемымъ кругъ, надзиратель знакомить духъ принимаемаго съ понятіемъ о вѣчности. Слѣпо вѣрить долженствуетъ посвящаемый слову Великаго Мастера, когда съ него требуется клятва на Священномъ Писаніи, ибо глаза у него заграждены повязкой земныхъ страстей, заблужденій, мѣшающихъ видѣть Священную Сокровищницу Премудрости, книгу словъ Божіихъ. Но какъ только будетъ дана имъ клятва, какъ доказательство слѣпой вѣры въ Провидѣніе, на этой, лишь чувствуемой, таинственной, невѣдомой книгѣ,—повязка спадаетъ и онъ уже различаетъ окружающее; онъ сознаетъ позоръ зла и святость добра. Наконецъ, даютъ ему узрѣть полный свѣтъ, причемъ онъ видитъ, что вся слава земли переходитъ, яко дымъ; видитъ все строеніе храма премудрости, постигаетъ тайну бытія, тайну жизни и смерти, и сопричисляется къ сонму избранныхъ, просвѣтленныхъ духовъ въ нѣдрахъ непреходящаго Блага».

Секретарь читаетъ запись о исканіи доступа въ Орденъ и о принятіи новопосвященнаго, который съ удивленіемъ слышитъ, что въ «лѣто-

Перевязь мастерской степени.

(Собр. Об. Л. Др. П.).
Une bande du degré de maître. T. C.

писи»¹⁾ Ордена занесена вся прежняя жизнь его. «Ни одна черта жизни человеческой, ни мысли, ни дѣянія его—не возмается изъ великой книги бытія», говоритъ секретарь. «Все въ ней записано».

Секретаря смѣняетъ обрядоначальникъ. Онъ вручаетъ принятому бѣлый кожаный запонъ, какъ знакъ, что профанъ вступилъ въ братство каменщиковъ, созидающихъ великій храмъ человечества; лопаточку серебряную, неполированную, «ибо ополіруетъ ее прилежное употребленіе при охраненіи сердецъ отъ нападенія расщепляющей силы пороковъ»; пару бѣлыхъ мужскихъ рукавицъ—въ напомниманіе того, что лишь чистыми помыслами, непорочною жизнью, можно надѣяться возвести храмъ премудрости; пару женскихъ рукавицъ обрядоначальникъ предлагаетъ передать избранницѣ сердца, непорочной женщинѣ. «Иные по невѣжеству или недальновидности не усматриваютъ въ семъ обрядѣ сокровеннаго смысла», говоритъ обрядоначальникъ, «но я вамъ, любезный братъ, долженъ сказать, вамъ надлежитъ избрать себѣ соотрудницу, подругу, обручиться ей яко невѣстѣ, сочетаться чистымъ и священнымъ бракомъ съ премудростію, съ небесною дѣвою Софіею. Да будетъ она вамъ неразлучною спутницею²⁾, единою вашею избранницею».

И мастеръ стула, и витія говорятъ рѣчи, красивыя рѣчи о трехъ великихъ столбахъ, на коихъ держится храмъ премудрости.—Они говорятъ о мудрости, силѣ и красотѣ. Говорятъ еще о безмѣрной любви ко всему человечеству, «тѣмъ побѣдимъ свѣтомъ», восклицаетъ Великій мастеръ, и трижды три раза въ знакъ общности мыслей рукоплещутъ братья. Стройный хоръ братьевъ гармоніи, подъ звонъ музыкальныхъ инструментовъ, не громкими торжественными напѣвами упокоиваетъ страсти. Ясныя мысли претворяются въ неясныя грезы.

Чувство истины живое
Васъ въ священный храмъ влекло;
О, стремленіе святое!
Сколь ты чисто, сколь свѣтло!
Разгони пороковъ мрачность,
Возроди любви прозрачность,
Ею въ насъ зажги сердца;
Да любовью воспаленны,
Въ ней согласно погруженны,
Воспоемъ всѣхъ благъ Отца.
О, восторги несравненны,
Каковыхъ не знаетъ міръ.
Чувства здѣсь любви безцѣнны
Устрояютъ свѣтлый пиръ.

¹⁾ Такъ называлась книга, въ которую заносились біографическія свѣдѣнія о посвящаемыхъ.

²⁾ Это изъясненіе встрѣчается въ обрядникахъ въ видѣ исключенія, но въ тайныхъ наставленіяхъ обрядоначальника объ изъясненіи обрядовъ оно включено.

Здѣсь утѣхи безъ отравы,
 Безъ раскаянья забавы,
 Лють отраду въ нашу кровь,
 Гдѣ же чувствъ такихъ пріятство?
 О живи вовѣки, братство!
 Царствуй, царствуй въ насъ любовь.

Хоръ поетъ и братья, вновь посвященные, забываютъ міръ.

«Порокамъ гдѣ ужаснымъ
 Всегдашній ставятъ пиръ,
 Чтя титломъ ихъ прекраснымъ».—

Такова голубая іоанновская ложка, первая ступень масонской лѣстницы. Цвѣтъ лазури, цвѣтъ неба—символь возвышенности стремленій, жажды духовнаго совершенствованія; золото—благороднѣйшій металлъ, и Вольные Каменщики избрали его какъ символъ чистоты своихъ побужденій. Въ 1734 г. въ Англіи лазоревый цвѣтъ былъ присвоенъ іоанновскому масонству; въ іоанновскихъ ложахъ французской системы, работавшихъ у насъ въ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX вв., ленты мастеровъ были голубыя, запоны также обшиты и подбиты голубымъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображена чрезплечная лента мастера французской системы, гдѣ акація и звѣзды вышиты золотомъ, сама лента голубого шелкового муара. Къ концу ленты привѣшивался циркуль и наугольникъ. По объясненію риторовъ, лента изображала поясъ зодіака, акація—являлась солнцемъ; солнце же символизировали буквы М. В., означавшія Мас-Венае, мастерское слово; наконецъ, циркуль также изображалъ солнце, а наугольникъ—часть земного шара, освѣщеннаго солнцемъ. Въ этомъ пространствѣ, между циркулемъ и наугольникомъ, надлежало искать истинныхъ масоновъ: «Одѣянія ихъ не боятся свѣта истины, солнечнаго свѣта правды», утверждалъ витія. На мастерскомъ запонѣ нашивались три голубыя розетки, какъ это видно на таблицѣ №000, или же онѣ красиво расшивались тѣми же эмблемами, какъ и упомянутыя чрезплечныя ленты. На запонѣ (см. прил. рис.) мы замѣчаемъ: солнце, луну, вѣтвь акаціи, циркуль и наугольникъ въ установленномъ ритуаломъ соединеніи; лопаточка и молотокъ указываютъ, что запонъ носился управляющимъ мастеромъ. Въ іоанновскомъ масонствѣ вообще главными символическими знаками были: пламенѣющая звѣзда,

Перевязъ мастерской степени.
 (Собр. Об. Л. Д. Пис.).

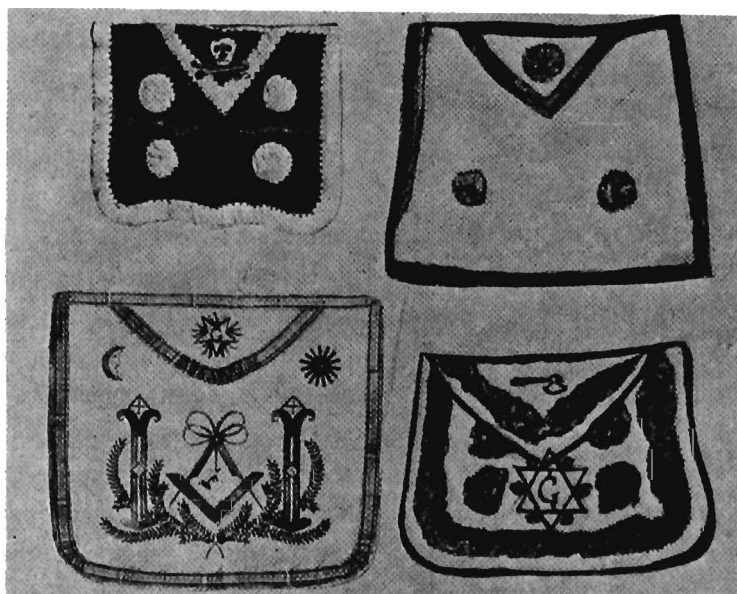
Une bande du degre de maitre. T. C.

солнце, луна, треугольникъ, циркуль, наугольникъ, отвѣсъ, 24-дюймовый масштабъ, линейка, улей съ пчелами, лопаточка, молотокъ, дикій и кубическій камни, чертежная доска, гробъ, слезы, золотой шнуръ, связанный кафинскимъ узломъ, свѣтильники, столбы, лѣстница, мозаиковый полъ, шляпа, шпага, запонъ и перчатки. Всѣ эти символы изъяснялись посвящаемому во время приѣма его въ ложу и для большей наглядности обряда—начальникъ разстилалъ на полу передъ новичкомъ коверъ, на которомъ были изображены всѣ символы, заключавшіе сокровенный смыслъ степени. Не только іоанновская ученическая степень имѣла коверъ, но и каждая степень (за весьма немногими исключеніями) имѣла свой особый коверъ. Однако, обычай ковровъ, такъ же, какъ писанныхъ обрядниковъ, былъ позднѣйшій: первоначальное, англійское масонство не знало ковровъ; это было противно духу, смыслу орденовыхъ установленій, безусловно запрещающихъ «открытіе таинствъ» перомъ, кистью, рѣзцомъ. Но, съ теченіемъ времени, ковры сдѣлались достояніемъ различнѣйшихъ системъ и степеней, условно изображая идеально устроенную ложу, съ богатымъ и полнымъ инвентаремъ символическихъ предметовъ. Изображать на коврѣ «совершенную» ложу, было несравненно легче, нежели устроить таковую въ дѣйствительности, а потому-то ковры, или какъ ихъ даже русскіе масоны называли «Тапіи», получили такое широкое распространеніе. До введенія ковровъ «совершенная» ложа чертилась мѣломъ на полу для каждаго собранія и, по окончаніи его, чертежъ смывался; нѣкоторыя ложи ограничивались символическими предметами, изготовленными изъ дерева, мѣди, олова и т. п.; ихъ разставляли въ ложѣ въ опредѣленномъ порядкѣ. Бывали ковры роскошные: по дорогому шелку они расписывались извѣстнѣйшими художниками-масонами; были и весьма невзрачные, плохо отпечатанные на дешевой клеенкѣ; все зависѣло отъ усердія членовъ ложи, отъ ихъ щедротолубія.

Приостановлюсь на важнѣйшихъ символахъ іоанновскаго масонства. Блистающая или пламенѣющая звѣзда знаменовала «Духъ», наполняющій всю природу, жизненную силу, умъ, освѣщающій дѣяніе масоновъ, направляющій ихъ исканія на вѣрный путь. «На подобіе Вифліемской звѣзды, она указываетъ путь къ Истинѣ и символически представляетъ наше шествіе къ Зиждителю міра», говорилъ риторъ. Солнце изображало истину, мужество, правосудіе, дѣйствующую силу; луна—чистую любовь, матерію, природу ¹⁾; «безъ сихъ трехъ главнѣйшихъ добродѣтелей.—мужества, правосудія и воздержанія (т.-е. чистой любви) имя Каменщика есть пустое титуло, мыльный пузырь»,—гласила масонская мудрость. Семь звѣздъ означали «то эфирное жилище Премудрости, которое закрыто отъ глазъ смертныхъ небесною твердью». Подъ звѣздами разумѣлись еще семь

¹⁾ Иногда солнцу, какъ и звѣздѣ, придавалось значеніе всеоживляющаго духа; оно означало еще масонскій орденъ и изображалось кругомъ съ точкою въ центрѣ; луна означала еще Христа и истину.

даровъ духа святаго: Премудрость, разумъ, совѣсть, крѣпость, наука, страхъ Божій и любовь. Взирая на свѣтила дня и ночи каменщикъ долженъ былъ помнить, что работа надъ самоусовершенствованіемъ не терпитъ роздыха, а также и то, что «служенію человечеству онъ долженъ посвящать всѣ часы скоротечной жизни». Во французской системѣ изображеніе небесныхъ свѣтилъ означало

Запоны 4-хъ степеней: 1) товарищей Іоанновскихъ ложъ; 2) избранныхъ товарищей Андреевскихъ ложъ (Собрание В. В. Федорова въ Витебскѣ); 3) мастеровъ Іоанновскихъ ложъ (Собр. Общ. Любит. Древн. Письмен.); 4) Мастеровъ Андреевскихъ ложъ (Арх. Гл. Воен. Суд. Упр.).

Tabliers de 4 degrés de compagnon et de maître des Orient de St. Jean et de St. André. T. C.

«силы и дѣйствія природы». Кафинскимъ узломъ связанный шнуръ былъ символомъ единенія всѣхъ членовъ Вольно-Каменщического Ордена: «въ единеніи сила», привѣтствовали взаимно другъ друга братія во многихъ ложахъ». Мозаиковый полъ, «прекрасное основаніе масонской ложи, изображаетъ богатство творенія и божественныхъ благодѣяній такъ же, какъ переменчивый и неизвѣстный ходъ жизни, и разнообразныя внѣшнія отношенія людей, которые по рожденію и смерти всѣ равны». Библия, слово Божескихъ законовъ для человечества, лежитъ «отверзтою передъ очами Каменщиковъ, дабы не могли сказать они, что заблуждаются отъ невѣдѣнія»¹⁾. «По твердымъ правиламъ Высшей истины долженъ Каменщикъ располагать свои дѣянія; Библия высочайшій во-

¹⁾ Въ ученической степени Библия была открыта на 1-й главѣ отъ Іоанна, въ другихъ же степеняхъ открывались различныя главы. На Библии приносилась клятва вѣрности.

датель». Три свѣтильника (иногда ихъ ставилось трижды три) означали священную Троицу, или троичность во всемъ существующемъ; иногда вмѣсто отдѣльныхъ свѣтильниковъ мы видимъ «трехсвѣщникъ», онъ знаменовалъ духовное начало и почитаніе строителя міра въ «чистотѣ эдемской, служеніе подѣ законами моисеевыми, освобожденными отъ идолопоклонства, и христіанское откровеніе». Число свѣтильниковъ, вѣтвей на нихъ и число зажженныхъ свѣчей имѣло символическое значеніе; чѣмъ сложнее былъ ритуаль посвященія, чѣмъ пышнѣе обставленъ, тѣмъ свѣчей зажигалось больше. Такъ въ «блистательномъ капитулѣ Феникса» въ 1817 году въ одной залѣ горѣла 81 свѣча.

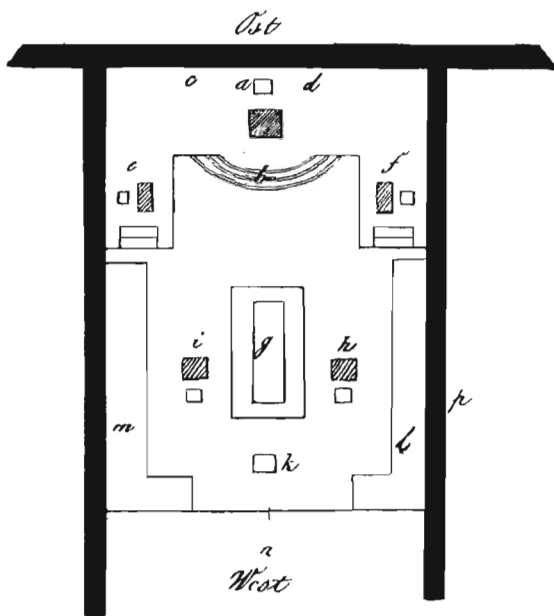
Масштабомъ провѣрялось, «соотвѣтствуютъ ли дѣянія масоновъ законамъ вѣчныхъ истинъ»; 24 дѣленія масштаба соотвѣтствуютъ 24-мъ часамъ сутокъ. Каменщикъ всегда, во всякое время долженъ быть готовъ къ служенію страждущему человѣчеству, а тѣмъ паче брату Каменщику. Наугольникъ—символь закона и совѣсти, *lignum vitae*; уровень или отвѣсъ означалъ равенство, «ибо каменщики должны имѣть единое правило и единый чинъ, безъ всякихъ различій гордости и титуловъ, ибо добрыя дѣла надъ всѣмъ счастіемъ міра превышаются».

Дикій камень, это—грубая нравственность, хаосъ; кубическій камень—нравственность «обработанная»; чертежная доска—планомѣрность работы, власть добраго примѣра. Молотокъ служилъ для обработки дикаго камня, для отсѣченія ненужнаго матеріала, онъ же означалъ совѣсть, искру Божества, тлѣющую въ мрачной храминѣ человѣка, преданнаго грѣху. Лопаточка—снисхождение къ слабостямъ сочеловѣковъ и строгость къ себѣ. Всѣ инструменты каменщического ремесла означали святость труда. Улей, окруженный роемъ пчелъ—символь трудолюбія, разумнаго труда, основаннаго на знаніи. Вѣтвь акаціи—безсмертіе; гробъ, черепъ и кости—презрѣніе къ смерти и печаль объ исчезновеніи истины.

Бѣлая одежды, запоны, перчатки изображали чистоту нравовъ, «безвредность душевную». «Облачаясь въ свѣтлыя одежды, Каменщики тѣмъ признаютъ себя чадами свѣта и обязуются никогда къ дѣяніямъ мрака не обращаться. Одежды ихъ изображаютъ добродѣтель». Круглыя шляпы—символь вольности. Обнаженный мечъ—карающій законъ; въ рукахъ братьевъ мечи означали не только наказаніе злодѣевъ и предателей, но и защиту невинности.

Ниже приведенъ общепринятый планъ ученической ложи. А—мѣсто управляющаго ложею и престоль, в—три ступени, ведущія къ престолу и означающія вѣру во Христа, надежду на спасеніе, любовь ко всему человѣчеству, совершенствованіе сердца, ума, духа. Эта лѣстница ведетъ къ небу. Символомъ неба былъ голубой балдахинъ, освѣщавшій престоль и кресло Великаго мастера. G.—мѣсто для ковра. С и d—мѣста для намѣстныхъ мастеровъ и почетныхъ посѣтителей, е—мѣсто секретаря, f—ритора, K—перваго над-

зирателя, h—второго, тутъ же поставлялись два столба—символы силы и стойкости, жизни и смерти, добра и зла; i—мѣсто брата-привратника въ нѣкоторыхъ ложахъ. На приведенномъ планѣ не указаны три столба, возвышавшіеся въ ложѣ и символически служившіе ей опорой: столбъ мудрости, тосканскаго ордена, изображавшій Соломона, на Востокъ; столбъ силы, дорического ордена, на западѣ, царя тирскаго Гирама, и столбъ красоты, коринѣскаго ордена, на югѣ, архитектора Соломонова храма, Гирамъ-Абифа или Адонирама. Т—указываетъ скамьи учениковъ; онѣ помѣщены на сѣверѣ, «ибо на сѣверѣ менѣе освѣщается лучами солнца премудрости», на югѣ же, буква l—указываетъ мѣста мастеровъ и товарищей. Трапезныя комнаты устраивались по желанію управляющаго ложею съ южной или сѣверной стороны, въ прилегающихъ комнатахъ, отмѣченныхъ буквами p и o.

Планъ приѣмной ложи.
(«Denkwürdigkeiten und. Bekenntnisse eines Freimaurers». Leipzig. 1836).
Plan de la loge de réception. T. C.

Ложа имѣла форму продолговатаго прямоугольника, четыре стороны котораго, по словамъ масоновъ-главарей,—символизировали «всемірность масонства». «Длина ложи отъ Востока до запада, ширина отъ сѣвера до юга, высота отъ земли до неба, глубина отъ поверхности земли до ея центра», гласить объясненіе старо-англійскихъ ритуаловъ—XVIII вѣка; эти же объясненія сохранялись и русскими масонами XIX вѣка. Глядя на столь простой, не сложный символическій знакъ, какимъ былъ прямоугольникъ, Каменщикъ всегда невольно вспоминалъ основную идею чистаго масонства—соединить всѣ народы земного шара въ одну семью и стереть красочныя различія странъ и народовъ.

Высшею степенью іоанновскаго масонства была третья, степень мастера.

При приѣмѣ въ эту степень, ложа вся затягивалась черными тканями; на стѣнахъ—черепа и кости съ надписью «помни смерть», на полу черный коверъ съ нашитыми золотыми слезами и посреди ковра открытый гробъ; трехсвѣчные свѣтильники поддерживались человѣческими скелетами, «коихъ всегда поставлялось три». По правую сторону отъ жертвенника, на искусственно сдѣланномъ земляномъ холмѣ сверкала золотая вѣтвь акаціи. Всѣ братья были одѣты

въ черные камзолы, въ черныя длинныя епанчи и круглыя шляпы съ опущенными полями. Вся обстановка символизировала глубокое горе: это было горе по убиенномъ великомъ строителѣ Соломонова храма, Адонирамѣ, или Гирамѣ, или Гирамѣ-Абифѣ. Обрядъ посвященія изображалъ убійство Адонирама, при чемъ посвящаемый выполнялъ его роль. Легенда объ убійствѣ искуснаго мастера-строителя передавалась такъ: паденіе Адама было тройственное, по духу, душѣ и тѣлу; въ первомъ палъ онъ по воображенію, во второмъ, когда уснулъ, въ третьемъ—когда прельстился змѣемъ. Адамъ, включавшій въ себѣ мужское и женское начало, однако не имѣлъ тѣла въ смыслѣ земной, преходящей матеріи и, лишь прельстившись змѣемъ, т.-е. соединясь съ матеріей, онъ утратилъ подобіе Духа Зиждителя, создавшаго его, и принялъ образъ смертнаго существа. Однако, память была ему сохранена о красотахъ Эдема и высшихъ божественныхъ познаніяхъ; онъ въ сердцѣ, съ источникомъ жизни, сохранилъ лучъ свѣта, освѣщавшій покинутый имъ рай и продолжавшій озарять его благодатью всезнанія. Адамъ передалъ дѣтямъ своимъ этотъ лучъ свѣта, но, по мѣрѣ того, какъ умножались, уплотнялись частицы матеріи, лучъ терялъ свою яркость; лишь нѣкоторые избранные мужи, которыхъ томила тоска объ утраченномъ Эдемѣ, сохранили въ сердцахъ яркій лучъ благодати; боязнь, дабы знаніе высшихъ таинствъ не утратилось на вѣки съ теченіемъ времени, побудила нѣкоторыхъ избранныхъ мудрецовъ заключить его въ символы; символы эти, какъ неоцѣненное хранилище святыни всезнанія Адама до грѣхопаденія, передавались мудрецами избраннымъ послѣ долгихъ испытаній. Мудрый Соломонъ былъ однимъ изъ избранныхъ, и задумалъ воздвигнуть великій храмъ и такъ построить его, чтобы онъ символически передалъ потомству, всѣмъ жаждавшимъ познать истину, божественныя познанія. Для постройки храма были вызваны 130.000 рабочихъ различныхъ націй, но работами руководилъ Адонирамъ, ученикъ египетскихъ мудрецовъ, также обладавшій знаніемъ «божественной истины». Адонирамъ раздѣлилъ работниковъ на три степени: учениковъ, товарищей, т.-е. подмастерьевъ, и мастеровъ. Каждой степени были присвоены отличительные знаки, слова и правила. Дабы работа ихъ была сознательна, Адонирамъ знакомилъ работниковъ съ познаніями избранныхъ мудрецовъ, предлагая имъ символы и изъясняя ихъ; степень познанія была соразмѣрна степенямъ ученика, подмастерья и мастера. Мастера получали высшую плату, что вызвало желаніе трехъ товарищей попытаться обманомъ или силою мастерское слово у Адонирама. Однажды вечеромъ, когда храмъ былъ уже пустъ, Адонирамъ пришелъ для обычнаго осмотра. У южныхъ дверей подступилъ къ нему одинъ изъ заговорщиковъ, и, не попытавъ у него слова мастера, ударилъ молоткомъ; у сѣверныхъ дверей другой товарищъ нанесъ ему ударъ киркою; тогда Адонирамъ, предвидя свою гибель, потщился сохранить отъ непосвященныхъ мастерское, древнее слово, и бросилъ золотой треугольникъ, символъ всесовершенства духа, божеское начало, въ колодезь.

На треугольникъ было таинственное изображеніе имени Іеговы. Тогда-то третій взбунтовавшійся товарищъ бросился на искуснаго архитектора и нанесъ ему смертельный ударъ циркулемъ у восточныхъ дверей. Убійцы унесли и схоронили

Въ масонской ложѣ.

Изъ «I liberi muratori commedia di Ferling Isac Grens» (1785).

Dans une loge maçonnique.

тѣло Адонирама. Узнавшій о гибели своего помощника, Соломонъ пришелъ въ великую печаль и повелѣлъ найти тѣло Великаго Мастера. Въ знакъ невинности своей въ убіеніи, рабочіе явились въ бѣлыхъ перчаткахъ. Тѣло было найдено, ибо земля оказалась рыхлою, и воткнутая вѣтвь акаціи, которою убійцы отмѣ-

тили себѣ мѣсто погребенія Адонирама, чтобы впослѣдствіи перенести и сокрыть убитого въ болѣе отдаленномъ мѣстѣ,—зазеленѣла. Мастера изъ боязни, что древнее мастерское слово уже потеряло значеніе, содѣлавшись, можетъ быть, извѣстнымъ многимъ, «рѣшили его замѣнить первымъ, которое будетъ къмѣ-либо изъ нихъ произнесено при открытіи тѣла погибшаго мастера». Въ это мгновеніе открылось тѣло и, увидѣвъ признаки тлѣнія, раздался возгласъ присутствовавшихъ: «Плоть отъ костей отдѣляется». Это-то выраженіе и было принято отличительнымъ словомъ мастерской степени.

Въ мастерскомъ обрядѣ тремя ударами молота посвящаемый повергается въ гробъ¹⁾, удары наносятся обычно предсѣдающимъ мастеромъ, иногда же, согласно сказанію объ Адонирамѣ, надзиратели выполняютъ роль бунтующихъ товарищей и при обходѣ посвящаемымъ помѣщенія ложи, на югѣ, сѣверѣ и востокѣ наносятъ ему удары, слегка прикасаясь своими молотками. Положеннаго во гробъ покрываютъ красною, какъ бы окровавленную тканью; на сердце возлагаются: золотой треугольникъ съ именемъ «Іегова» и вѣтвь акаціи или терновника (въ древности посвященнаго солнцу, какъ источнику жизни), а въ головахъ и ногахъ гроба помѣщаютъ циркуль и наугольникъ. Посвящаемого вынимаютъ изъ гроба пятью приѣмами; это пятикратное поднятіе знаменуетъ, что должны совершенствоваться всѣ пять чувствъ.

Въ ритуалѣ читаемъ: «мастерская степень благія размышленія возбуждать долженствуетъ. Всѣ іероглифы оной представляютъ подъ покрывами смерти будущую жизнь; взгляды на все, что являетъ намъ мастерская ложа, должны произвести въ насъ смятеніе, а сіе смятеніе—первоначало Премудрости; смятеніе, какъ золотыя слезы пробиваются на мрачномъ коврѣ, должно пробиться сквозь нашу чувственность и возродитъ падшія духовныя силы. Кто сей Адонирамъ? не есть ли это нѣкое существо, сокрытое въ человѣкѣ, существо вѣчно пребывающее, сей гласъ, который ободряетъ токмо тѣ твои дѣла, кои относятся къ чему-нибудь вѣчному, постоянному, и который уязвляетъ тебя при думаніи тщетнаго, преходящаго? Но гласъ сей умолкаетъ подъ ударами трехъ злодѣевъ: гордости, корыстолюбія и сластолюбія!»

Чрезвычайно многосложны разъясненія обряда мастерской степени, но обряды этой степени, какъ они изъяснялись въ русскихъ ложахъ, символизировали и восхваленіе неустрашимости, готовности жертвовать всѣми благами земной жизни въ борьбѣ за распространеніе идей свѣта, презрѣніе смерти тѣла въ чаяніи вѣчной жизни безсмертнаго духа. Символическій обрядъ убіенія и воскресенія мастера означалъ также, что надо умереть грѣху, дабы ожить для жизни духа; «новое» мастерское слово—«плоть отъ костей отдѣляется»—означало именно, что духъ долженъ отдѣлиться отъ всего истлѣвающаго, грѣховно-

¹⁾ См. т. I, стр. 55 и 80.

бреннаго, дабы обрѣсть высшую Премудрость всевѣдѣнія. «Не явно ли и въ наружной, естественной смерти, что тлѣнное не входитъ въ животъ; пороки, страсти—не суть ли они прахъ и тлѣнь, тѣло истлѣвающее?», говоритъ риторъ посвящаемому въ мастера.

Но мастерская степень имѣла еще другого рода значеніе: посвященный всецѣло отрекался отъ своей личности, исполнѣ отдавался служенію Ордена. Взамѣнъ того онъ, послѣ извѣстнаго искуса, опредѣленнаго времени пребыванія «въ мастерахъ», получалъ власть управлять ложею, «яко Адонирамъ распредѣляетъ рабочихъ», т.-е. братьевъ вольныхъ каменщиковъ, собирать ихъ въ засѣданія, учреждать новыя ложи; ему, какъ постигшему всѣ тайны трехъ символическихъ степеней, доступъ во всѣ ложи этихъ степеней, по всему міру, былъ свободенъ. Въ системахъ многостепенныхъ власть Іоанновскаго мастера была болѣе ограничена. Достоинъ вниманія, что характеръ голубого іоанновскаго масонства, какъ нельзя болѣе ярко, выраженъ въ рассказѣ о смерти Адонирама: онъ не противится злу силой, но, не избѣгнувъ его, покоряется ему, жертвуетъ собой. Іоанновскіе масоны распространяли свои идеи съ горячностью, но держась принципа непротивленія злу.

Многихъ Каменщиковъ никогда не вели выше іоанновскаго масонства, имъ открыты были лишь символы кристаллически чистаго ученія нравственнаго усовершенствованія и служенія на пользу страждущаго человѣчества. Были, однако, системы и степени въ Орденѣ Вольныхъ Каменщиковъ, которыя привлекаютъ вниманіе страстною проповѣдью борьбы со зломъ силою.

Послѣднею ступенью масонской лѣстницы степеней въ «Старомъ принятомъ шотландскомъ обрядѣ» была 30-ая. Она носила названіе «Рыцарь бѣлаго и чернаго Орла, Великій Избранникъ, Кадошъ». Подъ наименованіемъ «Кадошъ» масоны разумѣли «едино избранныхъ сверхъ человѣковъ, очистившихся отъ скверны предразсудковъ». Нѣтъ почти сочиненія, написаннаго «для разоблаченія страшныхъ тайнъ Вольно-Каменщического Ордена», въ которомъ бы не приводилась въ примѣръ степень «Кадошъ». Эта степень потому обращала на себя вниманіе, что готовила посвящаемыхъ въ мстители за поправныя права человѣчества и была далека отъ миролюбиваго масонства голубыхъ ложъ. Я остановлюсь на этой степени и объясню ея значеніе по подлиннымъ архивнымъ документамъ.

По обрядникамъ десятихъ годовъ XIX вѣка, цвѣтъ тканей и символическихъ украшеній ложи былъ цвѣтомъ печали, крови и смерти. Ложу убирали пурпурными тканями и по нимъ вышивали «золотые языки огневаго пламени и серебряныя слезы». Кресло Великаго Командора, трижды могучаго Властодержца, почти совершенно скрывалось за тяжелымъ, чернымъ бархатомъ балдахина, взоръ приковывали «кроваво-красные», «тевтоническіе» кресты; ими усыянь былъ мрачный балдахинъ. Ни сверкающій золотомъ и лазорью священный треугольникъ съ окомъ Провидѣнія, ни пламенѣющая звѣзда съ многознач-

щей буквою G,—не вѣнчали балдахинъ; надъ нимъ царилъ вѣнчанный золотою короною двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями. Это былъ грозный орелъ непреклонной борьбы; въ его сжатыхъ когтяхъ былъ мечъ. На груди орла, въ небольшомъ треугольникѣ начертано было священное имя «Адонай» и латинскій девизъ—обращалъ вниманіе блистаніемъ серебряныхъ буквъ «Nec prodetor nec prodetur, innocens foveo». Степень Великаго Избранника была богата девизами; еще два девиза были вышиты на знаменахъ, развѣвавшихся по обѣ стороны балдахина. На бѣломъ знамени съ зеленымъ крестомъ былъ девизъ «Dieu le veut», на зеленомъ съ краснымъ крестомъ «Vincere aut mori».

Одѣяніе Великаго Командора было царственное, пурпурное, но его прикрывала черная мантия, украшенная на сторонѣ сердца краснымъ крестомъ; корону, вѣнецъ мудрости, Командоръ возлагалъ на голову въ торжественныхъ засѣданіяхъ. Всѣ рыцари одѣты были въ короткіе далматики чернаго цвѣта, опоясанные красными поясами съ золотой бахромой; въ иныхъ ложахъ далматики бывали бѣлые съ черною каймою, а пояса черные съ серебряной бахромой, на груди и на спинѣ бѣлыхъ далматиковъ нашивался красный осьмиугольный крестъ. Въ наиболѣе строгихъ ложахъ рыцари бѣлаго и чернаго Орла носили одежды средневѣковыхъ Рыцарей Храма и все вооруженіе—отъ шлема до шпоръ—было красивымъ повтореніемъ рыцарскихъ доспѣховъ. Большинство ложъ, однако, предпочитало далматики, и въ такихъ ложахъ Рыцари одѣвали черныя шляпы съ опущенными полями. Украшеніемъ шляпъ служило золотое солнце и красныя буквы N. A., знаменовавшія слова «Nekam Adonai» ¹⁾.

На черныхъ шелковыхъ лентахъ, чрезплечныхъ и шейныхъ, на запонахъ и отличительномъ знакѣ, тевтоническомъ крестѣ, были все тѣ же девизы непреклоннаго рѣшенія борьбы на смерть съ врагами своихъ идеаловъ, все тѣ же символы печали, крови, смерти.

Цвѣтъ одежды посвящаемаго былъ сѣрый или черный. Босой, съ веревкой вокругъ шеи медленно слѣдовалъ онъ за водителемъ и входилъ въ полутемный залъ ложи; чадно и неровно мерцали и разгорались факелы въ рукахъ неподвижно стоявшихъ рыцарей. Зажженный факель былъ и въ правой рукѣ водителя, въ лѣвой онъ держалъ конецъ «верви», свободною петлею накинутой на шею посвящаемаго. Раздавалось негромкое бряцаніе мечей и вновь смолкало: это рыцари вынимали и вновь вкладывали въ ножны мечи, словно сгорая желаніемъ привѣтствовать посвящаемаго, но сдерживаемые осторожностью, боязнью встрѣтить предателя вмѣсто брата и друга. Различныя испытанія предлагались посвящаемому съ цѣлью увѣриться въ его безстрашіи и преданности Ордену: на жаровнѣ въ сосудѣ серебрился расплавленный свинецъ (въ дѣйствительности

¹⁾ «Возмездіе, Господи» (объясненіе этихъ словъ я привожу въ описаніи священныхъ словъ степени Рыцаря Солнца стр. 109).

ртуть); испытующему приказывали безтрепетно опустить въ каленую массу свою руку. «Что значить рука въ сравненіи съ жизнью, коей пожертвовалъ нашъ Великій мастеръ?»—восклицалъ витія. Были и другія испытанія.

Послѣ клятвы и различныхъ церемоній, одѣвали испытующаго въ ритуальныя одежды и вручали ему отличительное украшеніе Кадоша, красный эмалированный восьмиугольный крестъ съ перламутровымъ или жемчужнымъ оваломъ въ центрѣ. На одной сторонѣ овала виднѣлось черное изображеніе мертвой головы, пронзенной кинжаломъ, въ напоминаніе рыцарямъ о данной ими

Нашейная лента степени Кадошъ или рыцаря бѣлаго и чернаго Орла XXX ст. древняго Шотландскаго обряда. (Собр. В. В. Федоровскаго въ Витебскѣ).

Ruban de cou du degré Kadoche ou du chevalier de l'Aigle blanc et noir. T. C.

клятвѣ не отступать передъ ужасами смерти, если повстрѣчались они на пути къ намѣченной цѣли. Буквы J. M., изображенныя на другой сторонѣ овала, означали Жака Молэ, послѣдняго гросмейстера Ордена храмовниковъ. Этого-то, глубоко чтимаго гросмейстера (какъ символа непоколебимой вѣрности данному обѣту), погибшаго въ пламени костра въ 1314 г., и изображаетъ посвящаемый при входѣ въ ложу: его словно ведутъ на казнь. Веревка вкругъ шеи напминаетъ о висѣлицахъ, къ которымъ были подвѣшены осужденные храмовники; горящіе факелы въ рукахъ рыцарей символизировали пылающіе костры, пла-

менемъ коихъ были сожжены и другіе Храмовники, осужденные на смерть совместно со своимъ grosмейстеромъ. «Вѣчная слава мученику за добродѣтель»,— восклицали братья по окончаніи обряда, привѣтствуя вновь принятаго рыцаря чернаго и бѣлаго Орла... Виновникамъ же гибели средневѣковыхъ храмовниковъ, французскому королю Филиппу Красивому и папѣ Клименту V, Великіе избранники клялись «воздать должное по дѣламъ ихъ». Но король и папа, много вѣковъ тому назадъ уже представшіе на судъ Высшаго Неземного Судіи, были лишь символы, и подъ этими символами разумѣлась борьба на смерть противъ «Деспотизма гражданскаго и церковнаго».

Однако, содержаніе степени Кадошъ не исчерпывалось приуготовленіемъ безстрашнаго воителя съ мракомъ фанатизма и насилія: «ковалась сильная воля, освобождался духъ отъ путъ суевѣрій, полировался разумъ». Великіе избранники именovali себя «сынами свѣта», «сынами солнца», коимъ открыто Великое знаніе», Gnosis, познаніе тайнъ бытія. Какой трудъ надо положить, чтобы достичь безмятежнаго счастья «всезнающаго», указывала символическая, таинственная лѣстница въ четырнадцать ступеней, устанавливавшаяся въ пріемной ложѣ. По этой знаменательной лѣстницѣ, соединявшей «земное ничтожество» съ небеснымъ величіемъ, незнаніе со всевѣдѣніемъ, заставляли всходить посвящаемого. Выше представлена черная нашейная лента съ серебряными каймами; эта, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся, лента расшита всѣми эмблемами степени «Кадошъ»; не забыта и лѣстница. Каждая ступень отмѣчена двумя буквами, являющимися первоначальными буквами символическихъ наименованій ступеней. Не выписывая полностью словъ, объясню лишь ихъ значеніе. Первая ¹⁾, нижняя ступень обозначена Ch—что означаетъ скромность, храненіе тайны; 2-ая Ga—терпѣніе, выносливость, упорство; 3-я Ha—самопознаніе, совершенствованіе сердца; 4 Em—вѣрность даннымъ обѣтамъ, стойкость убѣжденій; 5 Ma—тихость нрава, кротость; 6 S. C.—непорочность; 7 T. S. правосудіе; 8 As—Астрономія, 9 Mu—музыка; 10 Io—логика; 11 Ge—геометрія; 12 Ar—Арифметика; 13 Rh—риторика; 14 Gr—грамматика. Если вспомнимъ товарищескую лѣстницу голубого масонства, то замѣтимъ, что науки, къ коимъ предлагается «прилежать», нѣсколько разнятся отъ выше перечисленныхъ: №№ 10, 13 и 14, замѣнили рисованіе, архитектуру и стихотворство, товарищамъ іоанновскихъ ложъ предписывалось, кромѣ того, убѣгать 7 пороковъ: гордости, скупости, неумѣренности, похоти, корыстолюбія, праздности, гнѣва; во всѣхъ же ложахъ придерживавшихся какой-либо изъ системъ съ наблюденіемъ «Stricte observanze» Строгаго Послушанія, 7 должностей слѣдовали въ такомъ порядкѣ: повиновеніе, познаніе самого себя, от-

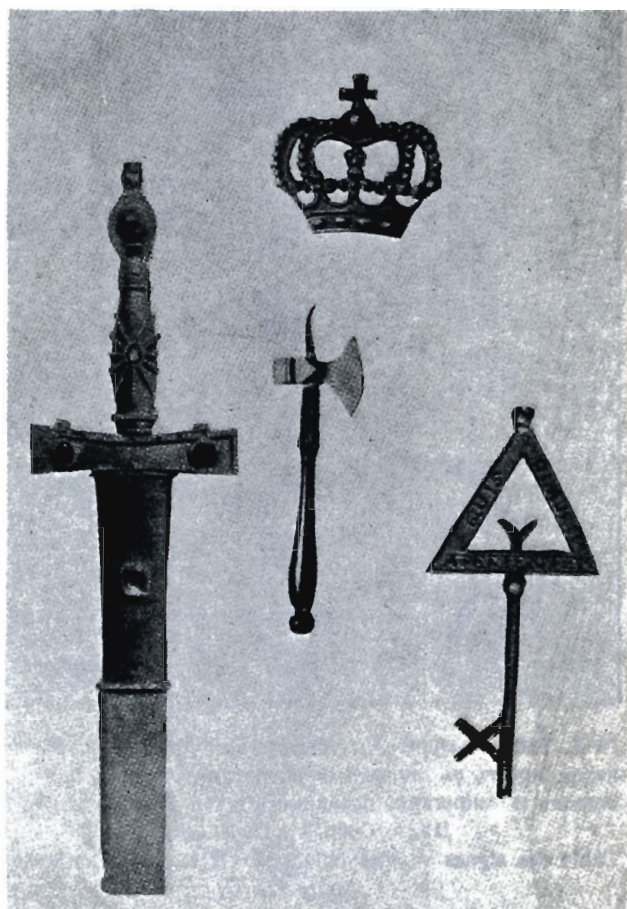
¹⁾ Въ нѣкоторыхъ обрядникахъ номерація ступеней встрѣчается другая; такъ, первую ступенью считается правосудіе, а послѣднюю астрономія; однако, приведенная мною постепенность была болѣе принята.

верженіе гордыни, любовь къ человечеству, щедротолубіе, скромность и любовь къ смерти.

Съ большою витіеватостью, весьма логично изъясняются въ масонскихъ обрядникахъ (для руководства управляющимъ мастерамъ и тѣмъ изъ братьевъ, кому поручается новопосвящаемый для руководства) значеніе этихъ семи должностей, ихъ взаимная связь и пр. Въ 1788 году витія говорилъ братьямъ о великой важности должностей: «Седмъ должностей, кои намъ при самомъ вступленіи въ Орденъ преподаются, столько важны, что на оныхъ вся Каменщическая наука основывается». Витія пояснялъ, что даже число ихъ имѣетъ значеніе: «самое число ихъ есть нѣчто важное, ибо число 7 есть число величайшаго совершенства».

Я привела объясненіе степени Кадошъ, какъ яркой выразительницы духа, оживлявшаго большинство высокихъ степеней. Символы высшаго, андеевскаго масонства были: корона—знаменіе высшаго просвѣтленія, мудрости; ключъ золотой—знакъ познаній тайнъ бытія; мечъ—воительства; боевая сѣкира—безжалостнаго отсѣченія вредныхъ членовъ общества (табл. № 1). Крестъ съ изображеніемъ

св. апостола Андрея Первозваннаго носился въ напoминаніе клятвы «разнасаждать ученіе Вольныхъ Каменщиковъ, не щадя своей жизни» (табл. № 2); фонарь напoминалъ свѣтъ разума; крестъ обычной прямой формы, съ прямою перекалиной, былъ символомъ духа, страданія, побѣды

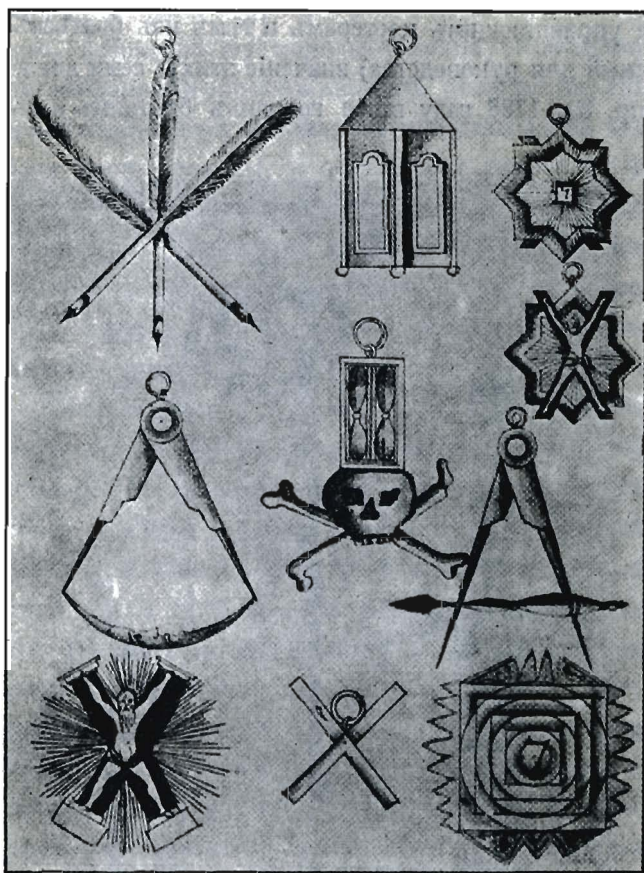

№ 1. Таблица отличительныхъ знаковъ высокихъ степеней шведской системы (Мечъ изъ Собр. Общ. Л. Др. Пис.; сѣкира, корона и ключъ изъ собр. Соколовской).
Table des signes distinctifs de hauts degrés du système suédois.

надъ плотью, борьбы духа съ матеріей; роза означала вѣчность матеріи, любовь; пеликанъ—Спасителя міра, законъ высочайшей мудрости, законъ благо-

дати; орелъ — неустрашимость, царственность искусства Вольныхъ Каменщиковъ (табл. № 3).

Символическіе знаки изготовлялись изъ дерева позолоченой мѣди, бронзы, золота, серебра, слоновой кости или перламутра; нерѣдко они изукрашены эмалью, финифтью, драгоценными и самоцвѣтными камнями (табл. 3, знакъ розенкрейцерскій украшенъ красными и бѣлыми стразами). Но не только въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ бывали символы Каменщиковъ; какъ мы видѣли выше, ими расписывались ленты, запоны, одѣянія, они вышивались золотомъ, серебромъ, шелкомъ и мишурою по цвѣтному бархату, атласу, муару, по замшѣ и лайкѣ; наконецъ, гравировались на мѣди, золотѣ, серебрѣ и хрусталѣ, вырѣзались

№ 2. Таблица знаковъ и предметовъ ритуала Андреевскихъ ложъ: крестъ съ лицевой и оборотной стороны, знаки мастеровъ и секретаря, потайные фонари. (Гос. Арх. М. Ин. Дѣль. Собр. И. П. Елагина).

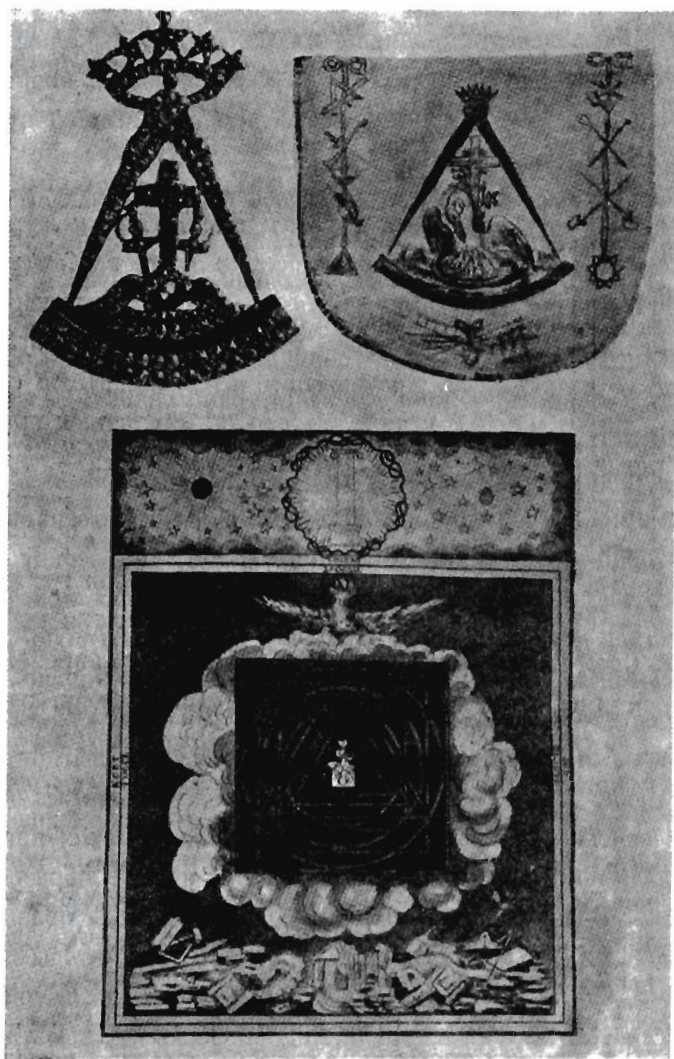
Table des signes et des objets du Rit des Orient de St. André. T. C.

въ деревѣ и кости. Нѣтъ почти такого предмета житейскаго обихода, на которомъ Каменщики не изображали своихъ символовъ, но всего чаще встрѣчаются табакерки, перстни, брелоки, часы, пуговицы.

III.

Для распознаванія въ постороннемъ человѣкѣ члена Вольнокаменническаго Ордена и опредѣленія его масонской степени, Вольные Каменщики употребляли

три способа: знак—для зрѣнія, слово—для слуха, прикосновеніе—для осязанія. Всякій членъ Ордена имѣлъ право входа во всѣ ложи міра. Поэтому, находясь на чужбинѣ, масонъ могъ требовать для себя, такъ называемой, опо-

№ 3. Ритуальные предметы рыцарей Орла и Пеликана или Золото-розового креста. Завѣса (Госуд. Арх. собр. Елагина). Запонъ (собр. Д. Г. Бурылина); отличительный знакъ (И. П. Щукина).

Objets du Rit des chevaliers de l'Aigle et du Pélican. T. C,

знавательной ложи. Въ ней испытуемый подвергался провѣркѣ въ знаніи всѣхъ знаковъ, словъ и прикосновеній пройденныхъ имъ степеней; послѣ этого передъ нимъ разстилали множество масонскихъ ковровъ съ символическими изображеніями; изъ нихъ лишь часть была настоящими, или какъ выражались масоны,

«справедливыми и законными», а остальные были фальшивые. Испытуемый долженъ былъ отобрать всѣ ковры, относящіяся до его степеней. Если онъ выходилъ побѣдителемъ послѣ этого испытанія, председатель закрывалъ ложу такими словами: «братья, мы должны себя поздравить, что узнали одного изъ нашихъ братьевъ». Передъ признаннымъ братомъ отмыкались двери ложъ, посторонніе вчера люди открывали сегодня свои сердца и кошельки опознанному брату, оказывая ему помощь нравственную и матеріальную, смотря по тому, въ чемъ онъ нуждался.

Каждая масонская степень имѣла свой особый знакъ, особое прикосновеніе и особое слово, которымъ обучали посвящаемого послѣ принесенія имъ клятвы ненарушимаго молчанія. Чѣмъ выше была степень, тѣмъ вообще условные знаки были сложнѣе и труднѣе для запоминанія слова. Такъ, напримѣръ, въ 29-й степени Старога Принятаго Шотландскаго обряда, Великій мастеръ Свѣта долженъ былъ запомнить 7 знаковъ, 4 прикосновенія, одно священное слово и 4 проходныхъ. Чтобы дать понятіе о характерѣ знаковъ и словъ, я приведу описаніе ихъ согласно обряднику начала XIX вѣка. Знакъ первый—земли: наклонивъ слегка голову, провести по лбу ладонью правой руки, отогнувъ большой палецъ. Знакъ второй—воды: приложить правую руку къ сердцу и, протянувъ ее на уровнѣ груди, внезапно опустить ее, какъ бы дѣлая привѣтствіе. Знакъ третій—удивленія и ужаса: повернуть голову влѣво, смотря въ землю, и поднять обѣ сложенные вмѣстѣ руки, отклонивъ ихъ немного вправо. Знакъ четвертый—огня: сплести всѣ десять пальцевъ ладонями наружу, закрыть руками лицо. Отвѣтомъ на этотъ знакъ служилъ знакъ воздуха: вытянутая на высотѣ плеча правая рука. Знакъ пятый—восторга: возвести очи къ небу, поднявъ обѣ руки надъ головой, лѣвую руку, однако, немного ниже; приподняться на пяткѣ лѣвой ноги такимъ образомъ, чтобы лѣвое колѣно образовало наугольникъ съ правымъ. Знакъ шестой—солнца: большой палецъ правой руки положить на правый глазъ, и вытянуть первый палецъ такъ, чтобы образовать наугольникъ и, какъ будто цѣлясь, произнести: «я измѣряю разстояніе до солнца». Знакъ седьмой: скрестить руки на груди Андреевскимъ крестомъ, концами пальцевъ вверхъ.

Священнымъ словомъ было: «Nekaman», означавшее, по толковникамъ масоновъ, призывъ къ мести. «Господь, взываю къ Тебѣ обѣ отмщеніи врагамъ».

Проходныя слова означали генія огня, генія воздуха, генія воды и генія земли: Ardarel, Casmaran, Talliud, Turlae.

Прикосновенія происходили такъ: 1) взаимно дотронуться поочередно къ тремъ суставамъ указательнаго пальца правой руки, произнося по буквѣ: j-a-k-i-n—jakin, слова первой степени іоанновскаго масонства, знаменовавшаго крѣпость; 2) взаимно и постепенно дотронуться до перваго, второго и третьяго сустава средняго пальца, говоря буквы: B-o-h-a-z—Bohaz, слова това-

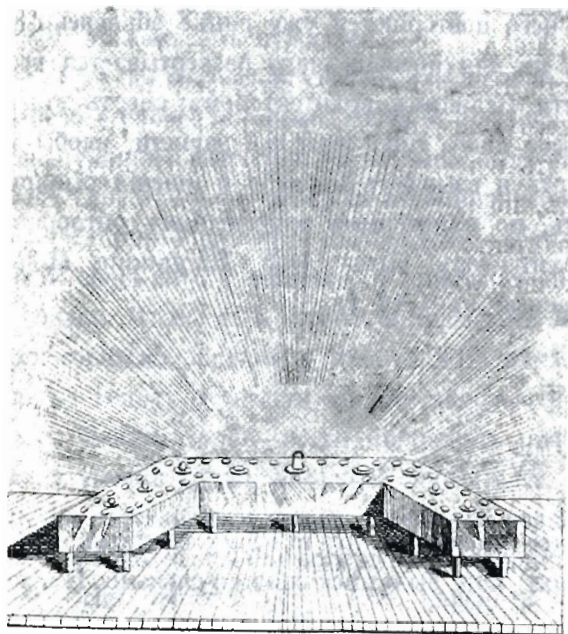
рищеской степени іоанновскихъ ложъ, означавшаго силу; 3) взять указательный палецъ за первый суставъ, произнося поочередно Ма и Ве; затѣмъ, взявъ за суставъ мизинца, одинъ масонъ говоритъ На, а другой—Макепа, слово іоанновскихъ мастеровъ, означавшее смерть Великаго архитектора; 4) то же прикосновение, лишь слово другое: первый говоритъ Не, второй Ка, потомъ первый вновь Мап, и второй произносить все священное слово,—Некамап, значеніе коего уже объяснено. Для непосвященнаго непонятнымъ кажутся, напримѣръ, слова трехъ первыхъ прикосновений, для чего повторяются уже ранѣе объясненные слова давно прошедшихъ степеней, но для посвященнаго разворачивается вся картина строенія храма премудрости Великимъ архитекторомъ; смерть этого архитектора, павшаго жертвою своего долга подъ ударами зависти, злобы и насилія. За эту-то неповинную смерть и вызываютъ къ небу о мщеніи рыцари свѣта, а первыя буквы трехъ словъ, по нѣкоторымъ изъясненіямъ риторовъ, указываютъ, что оплакиваемый архитекторъ былъ Іacob Burgundius Molè, Гросмейстеръ Храмовниковъ, сожженный въ 1314 г.

IV.

Масонскихъ обрядовъ было такое множество, что въ краткой статьѣ нѣтъ возможности перечислить и описать ихъ, хотя бы и нѣсколькими словами. Все же я останавлиюсь на нѣкоторыхъ.

Кто не слыхалъ о масонскихъ пирахъ? Въ совершеніи фантастическихъ оргій обвинялись уже «фреймазоны» XVIII вѣка; не избѣгли подобныхъ обвиненій и русскіе масоны стародавнихъ дней. Всѣ толки были порождены масонскими столовыми собраніями, происходившими въ ложахъ по окончаніи засѣданій. Дѣйствительно, братскія трапезы заканчивали обыкновенно и посвященія профановъ, и повышенія старыхъ братьевъ въ болѣе высокія степени, и даже поучительныя бесѣды. Это дѣлалось (по изъясненію масоновъ) для «вящаго скрѣпленія узла братства», и трапезы устраивались въ ученическихъ ложахъ, чтобы могли присутствовать самые младшіе члены братства. Въ Каменническихъ уставахъ не забыты предписанія относительно столовыхъ ложъ, а въ обрядникахъ включались подробные ритуалы. Такъ, напримѣръ, въ «Законахъ для совершенной и справедливой ложки св. Іоанна» времени царствованія импер. Александра I, читаемъ—глава XV, § 189. Правила для столовой ложки: «Ежели истинный свободный Каменщикъ стремится къ тому, чтобы отличить себя отъ профановъ чистотою понятій, желаній, побужденій, намѣреній, дѣйствій и разговоровъ, то обязанность его есть—вводить сіе отличіе въ тѣ упражненія, кои служатъ къ его отдохновенію и увеселенію внѣшняго человѣка. По

сему самому надлежить, чтобы обѣды и ужины, подъ именемъ столовыхъ ложъ въ собраніяхъ братскихъ отправляемыхъ, отличались отъ обѣдовъ и ужиновъ профанскихъ, т.-е. служили бы не къ прельщенію, но къ умѣренному насыщенію тѣла» (§ 190). Руководствуясь симъ правиломъ постановляется: 1) при торжественной столовой ложѣ, днемъ отправляемой, употреблять не болѣе 7 блюдъ; 2) при торжественной столовой ложѣ, вечеромъ отправляемой,—не

Планъ столовой логи.
(Denkw. und Bekentnisse eines Freimaurers.
Leipzig. 1836).
Plan de la loge à manger. T. C.

болѣе 5 блюдъ, 3) при обыкновенныхъ столовыхъ ложахъ, всегда вечеромъ отправляемыхъ,—не болѣе 3-хъ блюдъ; 4) вина на каждого брата ставится полбутылки.

Не только имѣлось указаніе числа блюдъ, но въ нѣкоторыхъ ложахъ даже предписывалось, какія подавать и при какихъ именно случаяхъ. Число здравницъ, перечисленныхъ ритуаломъ, достигало 9, но, кромѣ нихъ, «Великій мастеръ можетъ произнести такія здравія, какія заблагоразсудитъ, памятуя при томъ драгую умѣренность». Первая здравница неизмѣнно, въ царствованіе императора Александра I, провозглашалась и пилась стоя «за всевысочайшія здравія Его Императорскаго

Величества и ихъ Императорскихъ Высочествъ»; послѣ этой здравницы слѣдовало троекратное рукоплесканіе. (За Высочайшія здравія пилось, конечно, лишь въ тѣхъ государствахъ, гдѣ масонскія логи были терпимы правительственной властью.)

Въ промежутокъ между здравницами пѣлись пѣсни, распisanіе коихъ было заранѣе составлено мастеромъ стула и обрядоначальникомъ. На обрядоначальникѣ вообще лежали обязанности «маршала, эконома, кастеляна». Все, что касалось церемоній и хозяйства, было въ его вѣдѣніи. Онъ бралъ обыкновенно въ помощники 2-го стуарта и уже совмѣстно съ нимъ устраивалъ столовыя логи: заказывалъ билеты, опредѣлялъ ихъ цѣну и раздавалъ билеты желающимъ принять участіе въ трапезѣ. Въ русскихъ ложахъ обыкновенно наивысшая стоимость билета не превышала 12 рублей.

Въ зависимости отъ богатства ложи бывало украшеніе трапезной залы и сервировка стола. Такъ, на примѣръ, въ богатой петербургской ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели въ 1812 году столоваго серебра было приобрѣтено на 500 рублей, и въ торжественные дни гирлянды цвѣтовъ и красивые транспаранты украшали трапезную залу. Столъ обыкновенно ставился покоемъ, а «приборы, яства и питіе» располагались правильными, параллельными рядами. Хрустальные бокалы и фарфоровая посуда, употреблявшаяся въ столовыхъ ложахъ, были украшены всевозможными символическими изображеніями. Сохранились даже ножи съ масонскими эмблемами.

Бокалъ ритуальный. (Собр. П. И. Щукина въ Москвѣ).
Fougère du Rit maçonnique.

Всѣ предметы во время столовыхъ собраній носили особыя наименованія въ зависимости отъ системы, которой слѣдовали братья. Мѣста за столомъ во всѣхъ ложахъ были распределены почти одинаково. Управляющій мастеръ садился на Востокъ, всѣ присутствующіе братья, имѣвшіе степень мастера,—на югъ, ученики—на сѣверъ, а товарищи по обѣимъ сторонамъ. Посѣтители занимали почетныя мѣста ближе къ востоку. Обрядоначальникъ помѣщается противъ мастера стула, оба надзирателя занимали мѣста на концахъ стола, а остальные должностные братья располагались по порядку около мастера.

Столовая ложа, какъ и другія масонскія засѣданія, открывалась установленными вопросами о времени. Мастеръ стула спрашивалъ: «Братъ, 1-й надзиратель, который часъ?» и отвѣтъ непременно, всегда, былъ одинаковъ: «Самый полдень».

Ложа объявлялась открытой, и братья «въ тишинѣ творили молитву». Молчаливую, безсловесную молитву смѣняла хоровая пѣснь на голосъ «Коль славенъ»

«Отецъ любви, міровъ Строитель»,
«Услышь смиренный гласъ рабовъ»,
«Будь нашъ наставникъ, оживитель»,
«Будь намъ помощникъ и покровъ!»
«Пронзи насъ истиной святою»,
«Да дышимъ и живемъ Тобою!»

«Да видимъ въ сихъ дарахъ безцѣнныхъ,
«Какую благодѣль Ты послалъ,
«Въ тѣлахъ, чрезъ пищу подкрѣпленныхъ,
«Чтобъ Духъ Твой вѣчный обиталъ.
«Да мы, имѣя душу здраву,
«Все здѣсь творимъ Тебѣ во славу».

Послѣдній куплетъ пѣсни не поется при открытіи ложи, его поютъ передъ ея закрытіемъ, когда составляется братская цѣпь. Братская цѣпь—символь неразрывнаго единенія всѣхъ членовъ Ордена безъ различія ихъ общественнаго положенія, а потому въ составленіи братской цѣпи принимали участіе и служащіе братья, которые становились между обоими надзирателями. Цѣпь образовывалась такъ: каждый братъ подавалъ свою правую руку стоявшему по лѣвую его сторону, а лѣвую руку—стоящему по правую.

Не разрывая цѣпи и трижды или трижды три раза дѣлая кругъ, братья пѣли послѣдній куплетъ пѣсни, начатой при открытіи.

«Какъ знаки зримъ Твоей любви
«Въ тѣлесной пищѣ въ сихъ мѣстахъ,
«Такъ намъ, смиреннымъ уготови
«Нетлѣнну пищу въ небесахъ!
«Да тамъ съ Тобой соединимся,
«Въ любовь Твою да погрузимся!»

«По пропѣніи мастеръ предлагаетъ послѣднюю здравицу за всѣхъ братьевъ, разсѣянныхъ по шару земному, съ желаніемъ больнымъ облегченія, здоровымъ—умѣренности, страждущимъ—утѣшенія, счастливымъ—смиренія, а тѣмъ, кои предъ вратами смерти,—твердости и живой вѣры, съ которою каждый свободный Каменщикъ да повергнется въ объятія Спасителя своего».

Едва стихалъ голосъ мастера, какъ братья гармоніи запѣваютъ пѣснь, всегда напѣваемую при сборѣ для бѣдныхъ:

«Блаженъ, кто страждущимъ внимаетъ
«И помощь бѣднымъ подаетъ;
«Кто слезы сирыхъ осушаетъ,
«Тотъ рай въ самомъ себѣ найдетъ».

Подъ призывныя слова пѣсни братья—собиратели милостыни обходятъ ложу. Очень часто сборы на бѣдныхъ бывали крупные, особенно послѣ торжественныхъ ложъ.

Закрытіе столовыхъ ложъ, какъ и ихъ открытіе, совершалось установленными ритуаломъ, вопросами и отвѣтами. Мастеръ стула спрашивалъ 1-го надзирателя, который часть, и получалъ отвѣтъ: «самая полночь». Въ рѣчи одного изъ масонскихъ риторовъ объясняется значеніе словъ «полдень» и «полночь». Когда бы

ни происходили масонскія работы, всегда полдень, ибо свѣтъ истины освѣщаетъ стезю, ведущую въ храмъ премудрости, но «коль скоро престаеи Каменщикъ работать для вѣчности, погружается онъ въ тьму пороковъ, страстей, ложа закрывается, наступаетъ мракъ полночи».

Въ шотландскихъ степеняхъ, начиная съ 4-ой, столовыя ложи получаютъ мистическій оттѣнокъ и «явства ставятся ритуальныя», а здравицъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, вовсе не провозглашается. Столу придавалась форма греческаго

Масонская кружка (Собр. Д. Г. Бурылина).
Cruches maçonniques.

креста, и его затягивали чернымъ шелкомъ. Рѣчи риторовъ касались исключительно почти тайны бытія, тайны міровыхъ законовъ.

Въ 7-ой степени столовыя ложи уже обращались въ «трапезы любви въ воспоминаніе Тайной Вечери Господней». Въ XVIII и XIX вв. русскіе масоны совершали это «великое торжество» въ Великій четвертокъ на страстной недѣлѣ. Сохранились приглашенія къ этой церемоніи и записи о «совершеніи» ея въ протоколахъ. Дневники масоновъ упоминаютъ объ этомъ таинственномъ обрядѣ, который тщательно скрывался братьями высокыхъ степеней отъ низшихъ собратьевъ по Ордену. На братьевъ, впервые принимавшихъ участіе въ этомъ торжествѣ, оно производило большое впечатлѣніе.

Къ Великому четвертку помѣщеніе для «свершенія торжества» раздѣлялось на двое. Въ первомъ, такъ называемомъ, преддверіи накрывался столъ для всѣхъ приглашенныхъ братьевъ, имѣвшихъ степени отъ 4-ой и выше. Всѣ братья являлись въ ритуальныхъ одеждахъ и украшеніяхъ по степенямъ. Только высшей степени братья размѣщались за столомъ, прочіе братья ѣли стоя. На столъ подавали: «зелень, печенаго агнца и хлѣбнаго», а также вино и соль.

«По снѣденіа агнца», гласить ритуаль, «братія» высшихъ степеней, начиная отъ 7-ой, шествуютъ по два въ придѣлъ, прочіе остаются въ тишинѣ, внимая приличному поучительному слову одного изъ старшихъ между ними». Всѣ избранные совершать «великій обрядъ» снимали съ себя орденскую, ритуальную одежду и оставляли ее въ преддверіи, «дабы предстать во смиреніи, оставивъ тлѣнность міра». Шествіе открывалъ Великій Риторъ, затѣмъ шествовали префектъ и всѣ братья попарно. У входа во второе отдѣленіе помѣщенія, называвшееся придѣломъ, шествіе приостанавливалось у большого сосуда съ водой. Префектъ, окунувъ три перста правой руки въ воду, окроплялъ ею братьевъ и говорилъ: «Господи, омой насъ отъ нечистоты страстей и даждь сердце чуждое пороку». Двери придѣла растворялись и братья обступали приготовленный трапезный столъ. Столъ былъ покрытъ не бѣлымъ покрываломъ-іоанновскихъ ложъ, символомъ чистоты нравовъ, не чернымъ покровомъ шотландскихъ ложъ, символомъ тайны бытія: багроваго цвѣта сукно съ нашитымъ бѣлымъ крестомъ св. Іоанна покрывало столъ. Кротовый цвѣтъ сукна и крестъ, по словамъ витіи, служили напоминаніемъ, что «законъ Благодати распространень кровію». Никакихъ «явствъ» не было на столѣ, кромѣ хлѣба и вина. На золотомъ блюдѣ лежалъ хлѣбъ, прикрытый бѣлымъ полотномъ; золотая вѣтвь акаціи была возложена на полотно: акація служила символомъ солнца, Спасителя міра, неумирающей жизни, духа и природы. Хрустальная чаша съ символическими украшеніями была наполнена до краевъ краснымъ виномъ и также прикрыта бѣлымъ полотномъ. Префектъ начиналъ обрядъ молитвою: «Милосердый Господи, мы и отцы наши согрѣшихомъ, и подвергохомся гнѣву Твоему, но не воспомяни грѣховъ нашихъ. Спасій и примирившій насъ, помощи намъ недостойнымъ, освяти насъ Св. Духомъ». Послѣ краткаго слова къ собравшимся братьямъ, префектъ преломлялъ хлѣбъ и раздавалъ его, произнося: «по примѣру нашего Великаго Мастера (Спасителя міра) преломляемъ хлѣбъ и ѣдимъ во упованіе на Святое имя Его. Да даруетъ намъ Всевышній Отецъ, ради Сына Своего, отпущеніе грѣховъ и вѣчное блаженство». Когда весь хлѣбъ былъ розданъ, префектъ поднималъ надъ головою чашу съ виномъ и говорилъ: «Мы всѣ, яко одушевленные единою любовью къ Спасителю міра, и взаимною другъ ко другу искренностію, піемъ отъ единыя чаши, вкушая въ видѣ вина кровь Спасителя, во отпущеніе прегрѣшеній нашихъ». Когда допита была послѣдняя капля братской чаши, префектъ восклицалъ: «Господь, днесъ соединившій насъ, къ торжественному подтвержденію нашего обѣта братолубія, да будетъ посреди насъ и да сохранить насъ въ томъ расположеніи души нашей, каковому подобаетъ быть при Вечерѣ Его. Аминь».—Въ знакъ свершенія «не устами, а сердцами тайной вечери» братія возобновляютъ обѣтъ братолубія и вѣрности Ордену.

Тѣмъ же порядкомъ, какъ братья входили въ придѣлъ, они возвращаются изъ него, и префектъ возвѣщаетъ громогласно,—что братья, «яко первенствующи

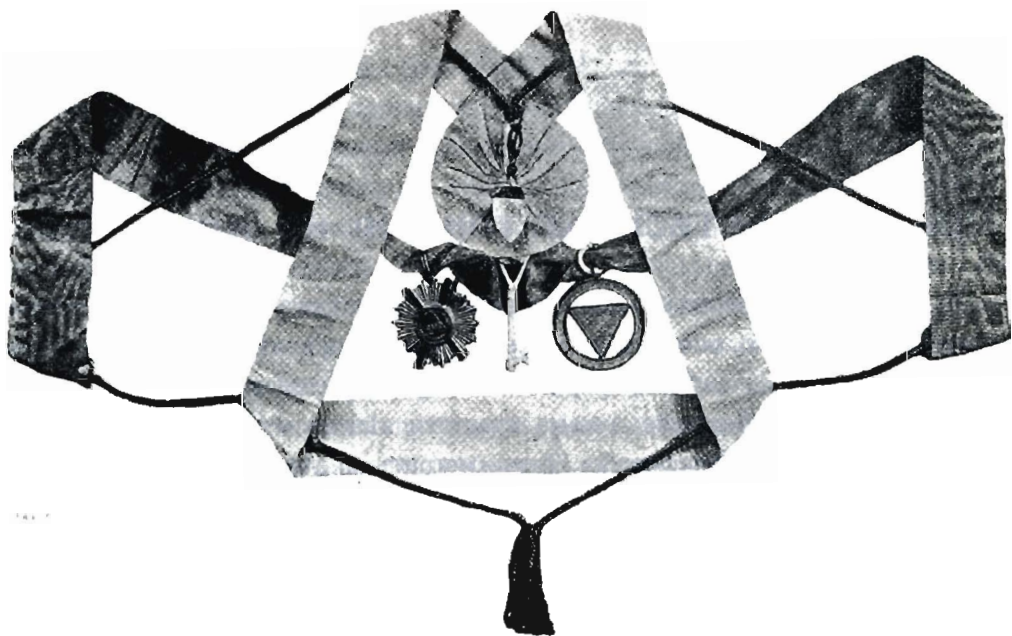
щіе члены братской цѣпи, исполнили священнодѣйствіе съ подобающимъ сердечнымъ сокрушеніемъ и укрѣпились внутреннимъ чувствомъ». «Мы увѣряемъ васъ», торжественно поднявъ «три перста правой руки», говоритъ префектъ, «что мы будемъ всѣми нашими силами споспѣшествовать изящно-доброму упражненію истинныхъ, Свободныхъ Каменщиковъ и стараться о возвышеніи онаго».

Рѣчь префекта иногда бывала пространнѣе, иногда же ограничивалась этимъ краткимъ объѣмомъ. Но послѣдняя молитва была всегда одна и та же. «Всемогущій Господи, къ Коему нашъ духъ на крыльяхъ вѣры воспаряетъ, даруй намъ по милосердію Твоему крѣпость исполнить наше намѣреніе. Просвѣти умъ нашъ и исполни сердца наши теплотою, да связь любви, завѣщанная Тобою, оживляетъ и нашъ союзъ навсегда ненарушимо. Аминь». Братское цѣлованіе оканчивается обрядъ. Префектъ лобызаетъ стоящихъ подлѣ него съ обѣихъ сторонъ, говоря: «Пріимите залогъ, утверждающій союзъ любви, въ коемъ мы нынѣ возобновлены. Да будетъ онъ навсегда узломъ, соединяющимъ насъ между собою».

Въ своемъ краткомъ очеркѣ обрядности, я не задавалась цѣлью прослѣдить возникновеніе обрядовъ, зарожденіе символовъ, и постепенное ихъ развитіе; это настолько сложная задача, что рѣшить ее можетъ лишь многотомное изслѣдованіе.

Я остановила вниманіе на тѣхъ обрядахъ и символахъ, которые наиболѣе характерны для различныхъ направленій работъ Вольныхъ Каменщиковъ.

Т. Соколовская.

Масонская грамота.
Diplôme maçonnique.

Правительственные гонения на масоновъ.

За русскимъ масонствомъ еще съ конца XVIII вѣка установилась традиція о гоненіяхъ, которымъ оно подвергалось со стороны правительства. Сами главы стараго масонства въ сильной мѣрѣ способствовали созданію такой традиціи. Извѣстному масону Лопухину весьма нравится вѣнецъ мученичества, и этимъ взглядомъ проникнуты его записки. Такъ смотритъ на дѣло и знаменитый Иванъ Перфильевичъ Елагинъ: «Воздвигалась,—разсказываетъ онъ,—мрачная негодованія туча, и на всю братію, особливо на соборъ Московскій, громъ запрещенія тайныхъ собраній испустила». Многіе современники изъ немасонской среды, какъ извѣстный канцлеръ князь Безбородко, Н. М. Карамзинъ и др.,

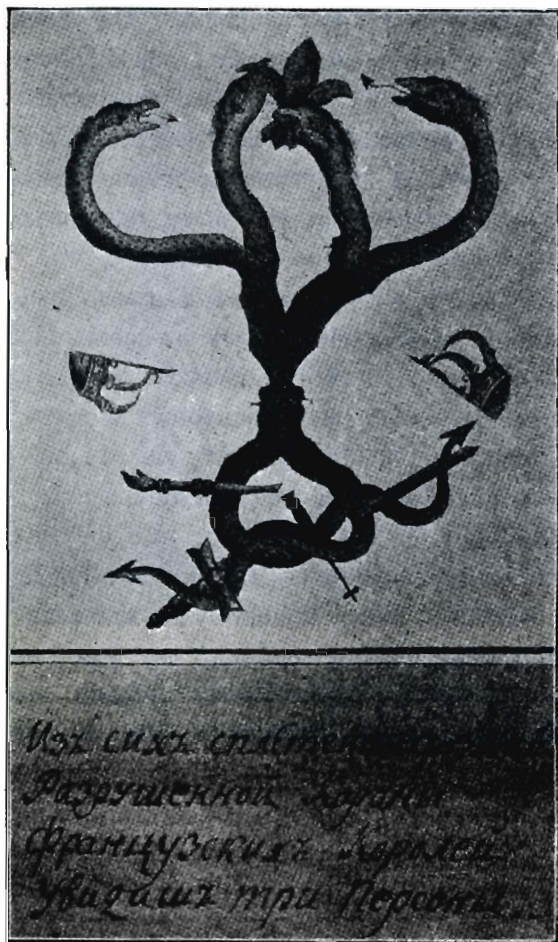
осуждали Екатерининское правительство за воздвигнутыя имъ гоненія на масоновъ.

Но надо строго различать дѣло Новикова и дѣло масонства. Новиковъ пострадалъ очень сильно, конечно, не за масонство, но за свои политическіе и общественные идеалы. Гоненія на масоновъ за ихъ собственно масонскую дѣятельность были весьма незначительны, но даже и та немилость, въ которую попали масоны у Екатерининскаго правительства, была сильнымъ для нихъ наказаніемъ, незаслуженнымъ, потому что чистое масонство, безъ той окраски, которую придавалъ ему Новиковъ, было, разумѣется, безвреднымъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Мы, прежде всего, остановимся на той позиціи, которую постепенно заняла Екатерина II по отношенію къ масонамъ. Сначала она не отдѣляла дѣла Новикова отъ дѣла всего масонства, но, познакомившись съ тѣмъ и другимъ, она отчетливо расчленила оба явленія.

Надо помнить, что Екатерина II, по самому характеру склада своего ума, холоднаго и наклоннаго къ раціонализму, не могла не относиться враждебно къ масонству: она не понимала и не любила ничего мистическаго, туманнаго. Всякаго рода проявленія мистицизма, особенно если онъ складывался въ секту, съ присоединеніемъ чего-либо чудеснаго, необычнаго,—все это, по ея мнѣнію, было обманомъ. Съ другой стороны, всякаго рода просвѣщеніе, въ томъ числѣ и масонство, будило умы, требовало для нихъ простора, что уже затрагивало абсолютизмъ императрицы (Пыпинъ, «Времена Екатерины». В. Е. 1895 г., № 7, стр. 272—273). Какъ извѣстно, такое отношеніе къ масонству она высказала въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, и уже въ «Шаманѣ сибирскомъ» императрица-публицистъ высказываетъ угрозы по адресу «обольстителей» (Семека, «Русскіе Розенкрейцеры») ¹⁾. Съ другой стороны, хотя либерализмъ Екатерины II въ началѣ ея царствованія бесспоренъ, но ея взгляды постепенно измѣнялись. Еще до Пугачевского бунта увлеченіе западно-европейскими философами нѣсколько охлаждается въ Екатеринѣ II. Правда, переписка съ ними продолжается, но она уже не имѣетъ прежняго серьезнаго значенія. Пугачевскій бунтъ, съ принесенными имъ потрясеніями, внесъ въ понятія Екатерины II еще большее разочарованіе. Отсюда—недовѣріе и вражда ко всякому свободному движенію личности. Какъ разъ такое настроеніе Екатерины II совпадаетъ съ первыми свѣдѣніями о французской революціи. Правда, она не сразу разобралась въ ходѣ французскихъ событій. Въ первыхъ признакахъ революціоннаго движенія во Франціи она не видѣла еще ничего особеннаго. Она переписывается съ Неккеромъ о французскихъ дѣлахъ, порицаетъ расточительность Версальскаго двора,

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1902 г. февраль стр. 345—400. *Ред.*

держится не очень высокаго мнѣнія о французскомъ королѣ и временами даже признаетъ мысль о собраніи нотаблей «великолѣпной». Но взятіе Бастиліи и послѣдующія событія «отрезвили» русскую императрицу. Она уже сравниваетъ членовъ Учредительнаго Собранія съ Пугачевымъ и рѣшаетъ вопросъ довольно просто: «До сихъ поръ считали заслуживающимъ висѣлицы

Аллегорическое изображеніе.
Allégorie (Музей П. И. Щукина).

того, кто будетъ замышлять разрушеніе страны, а тутъ занимается этимъ цѣлая нація, или лучше сказать, тысяча двѣсти депутатовъ этой націи. Если бы повѣсили изъ нихъ нѣсколько человѣкъ, то я думаю, что остальные бы образумились» (Пыпинъ, «Времена Екатерины II». В. Е. 1895 г., іюнь, стр. 753—763).

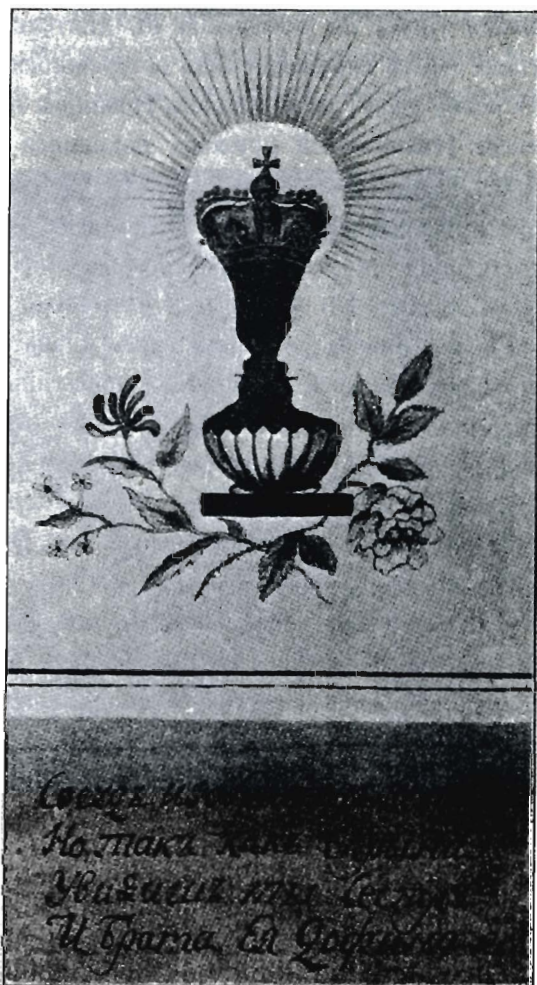
Такое отношеніе императрицы къ французскому движенію, корни котораго она не могла не видѣть въ предшествующемъ общественномъ и просвѣтительномъ движеніи во Франціи, дѣлали императрицу особенно внимательной къ аналогичнымъ движеніямъ внутри ея монархіи. Къ этому надо добавить, что въ 80-хъ годахъ въ Германіи началось усиленное преслѣдованіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ отношеніе къ масонству или иллюминатству. Иллюминатамъ вмѣнялось обвиненіе въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, въ стремленіи низвергать троны и алтари, въ отравленіяхъ и убійствахъ. Въ борьбѣ съ предста-

вителями тайныхъ обществъ нѣмецкія правительства не примѣняли никакихъ выработанныхъ юридическихъ нормъ, преслѣдуя ихъ законными и незаконными способами (Пыпинъ, «Русское масонство». В. Е., 1867 г., № 12, стр. 42—43). Очень естественно, что Екатерина, зная всѣ обвиненія, которыя на Западѣ раздавались противъ иллюминатовъ и вообще противъ масонства, сдѣлалась подозрительной и по отношенію къ московскимъ движеніямъ, не провѣряя того

отличія, которое отдѣляетъ его отъ крайности иллюминатства. «Забывая все различіе между двумя разрядами понятій,—говорить по этому поводу Пыпинъ,—которые она смѣшивала, между шарлатанскимъ или простодушнымъ мистицизмомъ и стремленіями къ просвѣщенію и раціонализму, ей представилось опаснымъ то, что было только именно младенческимъ порывомъ зарождавшейся общественной мысли и дѣятельности» (Пыпинъ, «Русское масонство», «Вѣстникъ Европы», 1867 г., № 12, стр. 47 и 48).

Надо замѣтить, что Екатерина была не одинока въ своемъ подозрительномъ отношеніи къ масонству. Многіе изъ ея современниковъ даже еще болѣе подозрительно и недовѣрчиво относились къ этому движенію. Изъ многихъ свидѣтельствъ этого рода сошлемся на записки Лопухина, которыя подробно описывали отношенія тогдашняго общества къ масонству. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что «люди, какъ бы почитающіе себя за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и еще больше тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму».

Такъ, естественно, выясняется та позиція, на которую стала Екатерина II въ отношеніи къ Новикову и московскимъ масонамъ, которыхъ она до конца дѣла не отдѣляла отъ Новикова. Познакомившись съ дѣломъ, произведя слѣдствіе, Екатерина уяснила себѣ это различіе, чѣмъ и объясняется неодинаковый исходъ дѣла по отношенію къ разнымъ лицамъ. О Новиковѣ Екатерина выразилась, что онъ «умный, но опасный человѣкъ» и «мартинистъ хуже Радищева». Даже еще во время слѣдствія ее не могли разубѣдить нѣко-

Аллегорическое изображеніе.
Allégorie (Музей П. И. Шукіна).

торые благоприятные доводы въ пользу Новикова, такъ что и послѣ доклада архіепископа Платона ¹⁾ Екатерина отозвалась о Новиковѣ «с'est un fanatique». Поэтому, по существу, въ преслѣдованіи масоновъ нужно различать два дѣла: дѣло самого Новикова и дѣло всего масонства.

Теперь намъ остается прослѣдить внѣшнюю исторію постепенно надвигавшейся грозы по отношенію къ дѣятельности Новикова и вообще масонства. Надо отдать справедливость осторожности, съ которой Екатерина II подходила къ этому дѣлу. Дѣятельность Новикова обратила ея вниманіе уже въ 1784 году, когда Новиковскій кружокъ находился еще подъ покровительствомъ московскаго главнокомандующаго графа Чернышева. Въ августѣ этого года, въ особомъ указѣ своемъ на имя Чернышева, императрица говоритъ, что содержатель типографіи Московскаго университета, Николай Новиковъ, напечаталъ въ своей типографіи въ Москвѣ нѣсколько книгъ, изданныхъ комиссіей о народныхъ училищахъ, что нарушаетъ права комиссіи и ея доходы, посему приписывается взыскать съ издателя понесенные убытки. Новиковъ далъ объясненіе, что книги ²⁾ напечатаны по распоряженію московскаго главнокомандующаго. Черезъ мѣсяцъ уже получился новый указъ, воспрещавшій печатать въ Москвѣ «ругательную исторію» ордена іезуитовъ, такъ какъ этотъ орденъ взятъ государыней подъ ея покровительство. Это опять касалось Новикова, который, дѣйствительно, тогда печаталъ исторію ордена ³⁾.

Отношеніе правительства къ масонамъ становилось все менѣе благоприятнымъ. Это отражалось на отношеніяхъ къ нимъ московскихъ главнокомандующихъ, смѣнившихъ графа Чернышева. Первымъ преемникомъ его былъ графъ Брюсъ, который считалъ мартинистовъ людьми весьма опасными въ политическомъ отношеніи. Онъ подозрѣвалъ, что подъ покровомъ этого ученія кроются стремленія, клонящіяся къ ущербу власти и нарушенію порядка. Таково было мнѣніе самой императрицы, на что указалъ Брюсъ Лопухину передъ его отставкой (Лонгиновъ, стр. 246—247). Правда, преемникъ Брюса, старый воинъ Еропкинь, вступившій въ званіе главнокомандующаго въ 1786 году, довольно терпимо относился къ масонамъ (тамъ же, стр. 268). Но въ 1790 году главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Прозоровскій, человекъ весьма нерасположенный къ Новиковскому кружку и усердствовавшій въ проведеніи взглядовъ императрицы. Самъ Прозоровскій охотно вѣрилъ всѣмъ тѣмъ рассказамъ и слухамъ ⁴⁾,

¹⁾ См. т. I 241—242 стр. «Масонство».

²⁾ Это были—«Сокращенный катехизисъ» и Руководство къ чистописанію. Документы по этому дѣлу приведены у Лонгинова «Новиковъ и Шварцъ», стр. 18—20. *Ред.*

³⁾ Документы—см. Лонгиновъ «Новиковъ и Шварцъ», стр. 21. *Ред.*

⁴⁾ Нелѣпые слухи и всяческія обвиненія масонства нашли себѣ яркое выраженіе въ длинномъ стихотвореніи: «Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ». Орывки—см. *Ешевскій*. Сочиненія по русской исторіи изд. Сабашниковыхъ—стр. 173—175. Полностью стихотвореніе это напечатано въ «Чт. общ. ист. и др». 71 г. *Ред.*

которые въ обществѣ ходили о мартинистахъ (тамъ же, стр. 301). Неудивительно поэтому, что онъ выказалъ въ немъ особое усердіе. При такихъ внѣшнихъ условіяхъ проходилъ процессъ Новикова. Онъ представляетъ собою слѣдующіе этапные пункты.

Во второй половинѣ 1785 года графъ Брюсъ и архіепископъ московскій Платонъ получили два указа, которые требовали духовной и свѣтской ревизіи всѣхъ частныхъ школъ и училищъ въ Москвѣ, а затѣмъ и ревизіи книгъ, вышедшихъ изъ Новиковской типографіи. Въ указѣ говорилось, что въ школахъ допускается «суевѣріе, развращеніе и обманъ», а среди книгъ печатаются «многія странныя книги»; затѣмъ требовалось, чтобы впредь не появлялись книги, въ которыхъ заключается «коллобродство, нелѣпыя умствованія и расколъ». Сверхъ того, архіепископу предписывалось испытать Новикова въ законѣ Божіемъ. Это было первое серьезное предостереженіе, сдѣланное императрицей. Московскій губернскій прокуроръ А. А. Тейльсъ нашелъ только двѣ вредныя книги, напечатанныя въ университетской типографіи Новикова, другія же вредныя книги печатались въ компанейской типографіи, или въ типографіи Лопухина. Такъ какъ всѣ эти типографіи находились въ распоряженіи Новикова, то

Митрополитъ Московскій Платонъ (Собр. С. П. Виноградова).
Archiéarque Platon de Moscou.

очень возможно, что компанія избѣгала печатать въ университетской типографіи наиболѣе опасныя книги. Впрочемъ, на этотъ разъ въ руки слѣдователей еще не попали книги, напечатанныя въ тайной типографіи безъ надлежащихъ разрѣшеній; эти книги какъ разъ имѣли наиболѣе важное значеніе. Въ общемъ Тейльсъ опечаталъ, считая нужнымъ подвергнуть разсмотрѣнію, 461 названіе книгъ, продававшихся въ книжной лавкѣ Новикова. Книги были разсмотрѣны цензорами, назначенными архіепископомъ Платономъ. Въ Управѣ благочинія Новикову пришлось давать показанія о печатаніи книгъ въ его типографіяхъ. Съ другой стороны, Платонъ нашелъ среди книгъ, предложенныхъ ему для раз-

смотрѣнія, частью книги зловредныя, частью книги мистическія, которыхъ архіепископъ, по его собственному сознанию, не понимаетъ, и частью книги полезныя для общества.

Весь этотъ розыскъ кончился для Новикова на этотъ разъ довольно благополучно. Архіепископъ Платонъ призналъ Новикова хорошимъ христіаниномъ, найдя удовлетворительными всѣ его отвѣты касательно вѣры.

Книги, признанныя Платономъ зловредными, не особенно испугали императрицу, потому что среди нихъ были сочиненія энциклопедистовъ и т. п. Указъ 27-го марта 1786 г. запрещалъ продажу только шести книгъ, какъ разъ книгъ масонскаго направленія. Тотъ же указъ вообще заключалъ въ себѣ угрозу по адресу Новикова и его типографій, запрещая печатать книги, исполненныя «странныхъ мудрованій».

Но одновременно центральное правительство стало преслѣдовать и благотворительную дѣятельность Новиковскаго кружка. Указомъ отъ 23-го января 1786 г. повелѣвалось всѣ частныя школы и больницы въ Москвѣ, кромѣ имѣющихъ особыя привилегіи и состоящихъ въ особомъ правленіи свѣтскаго или духовнаго начальства, подчинить вѣдомству Приказа Общественнаго Призрѣнія и вообще повелѣвалось имѣть наблюденіе за всѣми учрежденіями Новиковскаго кружка (Лонгиновъ, стр. 250—260).

Въ слѣдующемъ году преслѣдованія приняли уже болѣе серьезное направленіе. Повидимому, раздача Новиковымъ хлѣба простому народу въ голодный 1787 годъ послужила толчкомъ къ интенсивнымъ мѣрамъ противъ кружка. Въ этомъ году послѣдовало запрещеніе печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги ¹⁾, относящіяся къ церковному или священному писанію, запрещена продажа этихъ книгъ въ частныхъ лавкахъ, что грозило совершеннымъ прекращеніемъ издательской дѣятельности Новиковскаго кружка; наконецъ, послѣдовало запрещеніе отдавать Новикову университетскую типографію (Лонгиновъ, стр. 279—289). Въ 1791 году въ Москвѣ появляется извѣстный графъ Безбородко, имѣвшій цѣлью негласно произвести слѣдствіе о масонахъ. Онъ имѣлъ очень широкія полномочія, но удалился изъ Москвы для доклада императрицѣ, не начавъ формальнаго слѣдствія, видимо, не считая его нужнымъ (Записки Лопухина въ «Русскомъ Архивѣ», стр. 34—35).

До 1792 года у правительства былъ рядъ подозрѣній, но, повидимому, не было еще прочныхъ уликъ. Въ этомъ году оно освѣдомилось о продажѣ въ московскихъ лавкахъ какой-то запрещенной книги, а также и о томъ, что у Нови-

¹⁾ Указъ Сенату о воспрещеніи *печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги, касающіяся вѣры*—былъ изданъ еще 23 янв. 1786 г., а 27 іюля 1787 былъ изданъ указъ Синоду, воспрещавшій *продажу* такихъ книгъ: «не продавать молитвенники и книги церковныя, изданныя не отъ Синода, и книги, касающіяся вѣры, священнаго писанія, толкованія закона или же не изданныя отъ комиссіи народныхъ училищъ». *Ред.*

кова, въ селѣ Авдотѣинѣ, имѣется тайная типографія (Лонгиновъ, стр. 317 ¹⁾). Начались розыски, и Прозоровскій установилъ фактъ продажи въ московскихъ лавкахъ «Новой Киропедіи», экземпляры которой были конфискованы у Новикова при первомъ допросѣ. Послѣдовали обыски и арестъ самого Новикова, который тогда находился въ своемъ подмосковномъ селѣ Авдотѣинѣ. Розыски обнаружили тайную продажу 20 запрещенныхъ книгъ и 48 книгъ, напечатанныхъ безъ указаннаго разрѣшенія. Продажа запрещенныхъ книгъ происходила какъ въ лавкахъ Новикова, такъ и въ лавкахъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе (Лонгиновъ, стр. 313—315). Князь Прозоровскій самъ занялся допросомъ арестованнаго Новикова. По наблюденіямъ князя, Новиковъ оказался человѣкомъ «натуры острой, догадливой», онъ робѣлъ на допросѣ, но не «замѣшивается»; онъ показался Прозоровскому человѣкомъ «коварнымъ и лукавымъ». Къ дѣлу были привлечены книгопродавцы (Кольчугинъ и др.), продававшіе запрещенныя книги, взятые ими у Новикова (Лонгиновъ, стр. 315—318). Послѣ перваго же допроса Прозоровскаго, Новиковъ съ большими предосторожностями, кружнымъ путемъ, былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ и здѣсь попалъ въ руки извѣстнаго слѣдователя Шешковскаго. Основная цѣль Шешковскаго заключалась въ томъ, чтобы установить, не преслѣдовалъ ли Новиковскій кружокъ политическихъ цѣлей или цѣлей противурелигіозныхъ. Извѣстно, что слѣдствіе кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость на 16 лѣтъ.

Одновременно съ арестованіемъ Новикова, Прозоровскій производилъ слѣдствіе о его сообщникахъ. Тургенева тогда не было въ Москвѣ. Поэтому, допросу прежде всего подверглись князь Н. Н. Трубецкой и И. В. Лопухинъ. Послѣдній въ своихъ запискахъ передаетъ подробности допроса. Самъ Лопухинъ вынесъ впечатлѣніе, что московскій главнокомандующій «ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя государственнаго и надѣялся, что доведется меня арестовать». Изъ первыхъ словъ Прозоровскаго Лопухинъ могъ усмотрѣть, какую важность онъ придаетъ всему этому дѣлу. Лопухинъ самъ писалъ отвѣтъ на вопросы, заготовленные въ Петербургѣ при участіи императрицы. Много разъ во время допроса Лопухину пришлось заявлять о своей вѣрно-подданнической преданности и вѣрности государынѣ и о томъ, что онъ не уступитъ ни князю Прозоровскому, ни кому другому въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества.

Лопухину, Трубецкому и Тургеневу, согласно указу императрицы, угрожала ссылка. Но, повидимому, на Екатерину показанія Лопухина произвели очень благопріятное впечатлѣніе и ссылка его не состоялась. Онъ оставленъ въ Москвѣ подъ присмотромъ полиціи. Трубецкой и Тургеневъ были сосла-

¹⁾ Книга, о которой идетъ рѣчь, — «Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ». Указъ о допросѣ и обыскѣ у Новикова см. Р. Арх. 66 г., стр. 74. *Ред.*

ны ¹⁾. Князь Н. В. Репнинъ, котораго переписка съ Шредеромъ сдѣлалась извѣстной императрицѣ, оставленъ былъ въ подозрѣніи, и въ послѣдующее время уже не пользовался милостями государыни.

Окончивъ допросъ ближайшихъ сотрудниковъ Новикова, князь Прозоровскій продолжалъ розыски запрещенныхъ книгъ. По его распоряженію два цензора со стороны университета и два—со стороны духовенства разсматривали книги во всѣхъ московскихъ лавкахъ, руководясь строгой инструкціей главнокомандующаго. Найдено было новое отдѣленіе въ Гендриковскомъ домѣ, гдѣ оказались недозволенные книги, нѣсколько книгъ въ книжныхъ лавкахъ были признаны «весьма недостойными существовать», въ томъ числѣ и Карамзинскій переводъ «Юлія Цезаря» (Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. 2, стр. 56).

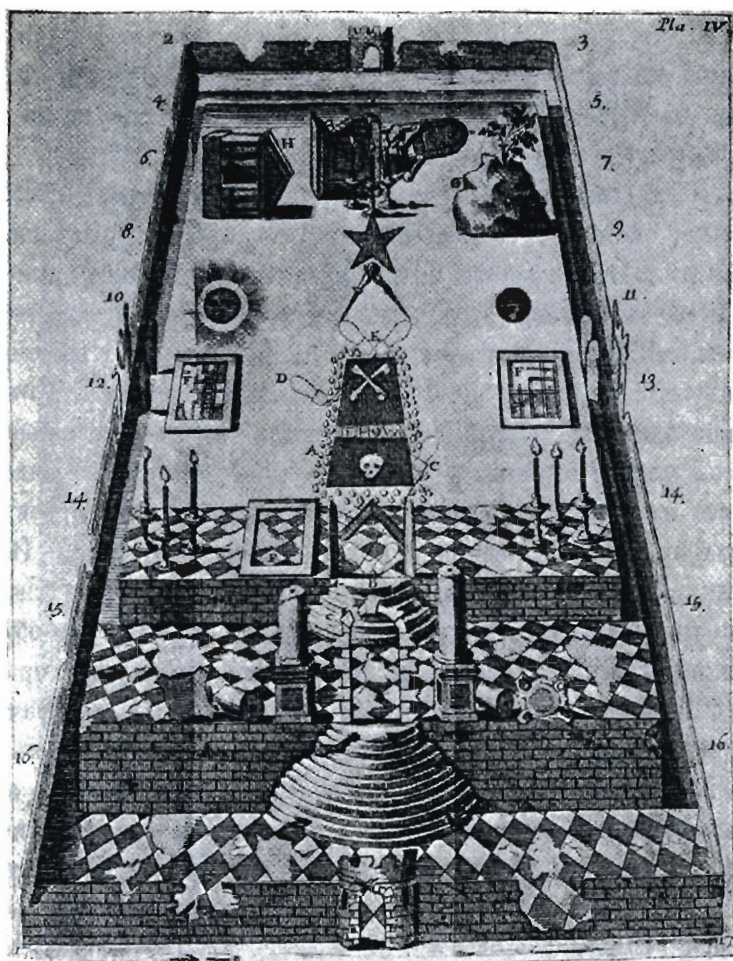
Изъ другихъ сотрудниковъ Новикова, правительство оставило въ покоѣ А. М. Кутузова ²⁾, жившаго въ Берлинѣ по масонскимъ дѣламъ, извѣстнаго купеческаго сына Походяшина, истратившаго свое состояніе на предпріятія Новиковскаго кружка. Гамалѣя подвергся легкому допросу полицейскихъ чиновниковъ, князь Енгальчевъ, В. В. Чулковъ, О. А. Поздѣвъ, кураторъ Московскаго университета М. М. Херасковъ и многіе другіе, прикосновенные къ дѣлу, отдѣлались только однимъ испугомъ (Лонгиновъ, стр. 352—354).

Значительно большее вниманіе было удѣлено двумъ молодымъ воспитанникамъ Новиковскаго кружка, только что возвратившимся изъ-за границы послѣ 4-лѣтняго здѣсь ученія, Невзорову и Колокольникову. Оба они были арестованы въ Ригѣ и немедленно доставлены въ Петропавловскую крѣпость. Оба были подвергнуты строгимъ допросамъ. Допросу былъ подвергнутъ и докторъ Багрянскій, тоже изъ числа воспитанниковъ Новиковскаго кружка, въ то время находившійся, какъ врачъ, при больномъ Новиковѣ. Слѣдствіе стремилось выяснить отношеніе этихъ молодыхъ людей къ Новикову и его кружку, равно и отношеніе ихъ къ масонству. Показанія этихъ молодыхъ людей интересны лишь какъ біографическій матеріалъ, такъ всѣ трое были слишкомъ далеки отъ участія въ масонской дѣятельности и сами были воспитанниками Новиковскаго кружка. Невзоровъ и Колокольниковъ заболѣли во время допроса и ихъ перевели въ Обуховскую больницу, гдѣ Колокольниковъ скоропъ умеръ. Невзоровъ нѣкоторое время оставался въ больницѣ, какъ душевно-больной. Его послѣдніе отвѣты на слѣдствіи производятъ безспорное впечатлѣніе отвѣтовъ душевно-больного. Багрянскій же получилъ разрѣшеніе ухаживать за Новиковымъ въ крѣпости (Лонгиновъ, стр. 355; Сб. И. Р. И. О-ва, II).

¹⁾ Кн. Николай Трубецкой и бригадиръ И. П. Тургеневъ высланы были въ свои имѣнія—первый въ село Никитовку Воронежскаго намѣстничества, второй—въ село Тургеневъ Симбирской губ. *Ред.*

²⁾ См. статью Е. И. Тарасова «Московское Общество Розенкрейцеровъ. Второстепенные дѣятели масонства». *Ред.*

Ликвидировавъ дѣла съ представителями Новиковскаго кружка и съ самимъ Новиковымъ, правительство занялось ликвидаціей финансовыхъ дѣлъ Новиков-

Ложа мастеровъ.

L'Orient des Maitres représentant le temple de Salomon ¹⁾.

(Les franc-Maçons ecrasés. Amsterd. 1747).

ской компаніи. Конфискованныя книги, напечатанныя тайно или напечатанныя съ разрѣшенія, а затѣмъ запрещенныя, были сожжены въ количествѣ 18656 экземпляровъ. Въ 1794 году въ Гендриковскомъ домѣ было открыто еще одно помѣщеніе съ книгами, ранѣе неизвѣстными, и часть этихъ книгъ также была сожжена.

¹⁾ Ложа мастеровъ представляетъ храмъ Саломона съ его тремя стѣнами... Но храмъ въ состояніи разрушенія, со взломленными работами, съ проломленными стѣнами, съ разрушенной лѣстницей и колоннадой и разобранный флагомъ; солнце, луна и звѣзды въ фазѣ затмѣнія; окна разбиты; жертвенникъ и алтарь опрокинуты. По серединѣ гробъ, окруженный слезами и девятью зазаконными свѣчами.

Дѣла компаніи были въ весьма разстроенномъ состояніи. Личное имущество Новикова было невелико, компанія же оказалась имѣющей большія долговыя обязательства, значительно превышающія ея имущества. Попытки продать съ публичныхъ торговъ домъ компаніи, ея аптеку, типографію, оказались неудачными, ибо не было охотниковъ торговаться (Лонгиновъ, стр. 359). Всѣ матеріальныя дѣла Новиковской компаніи были ликвидированы въ окончательномъ видѣ при императорѣ Павлѣ.

Сдѣлавъ общій обзоръ преслѣдованій, необходимо теперь особо выдѣлить дѣло Новикова, отношеніе его къ остальному масонству. Такъ какъ въ наукѣ долгое время дѣло Новикова въ представленіи ученыхъ совершенно сливалось съ дѣломъ всего масонства, то для многихъ суровое осужденіе Новикова казалось величайшей несправедливостью. Но, думается, что Новиковъ вовсе не нуждается въ оправданіи, и что историку не приходится выступать въ роли обвинителя императрицы. Въ этомъ дѣлѣ получилось то, что всегда бываетъ, когда представитель власти стремится удержать существующій порядокъ вещей, оберегаетъ его отъ тѣхъ элементовъ, которые способны внести новую прогрессивную струю въ общественныя или политическія соотношенія. И Екатерина поступила такъ, какъ только и могъ поступить государь съ убѣжденіями, въ которыя онъ вѣровалъ, а Новиковъ подвергся обычной участи общественнаго и политическаго дѣятеля, пошедшаго въ разрѣзъ съ курсомъ правительства, безъ надежды на возможность убѣдить его въ правотѣ своихъ идеаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія вопроса въ наукѣ такова. Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей, Лонгиновъ, считалъ Новикова совершенно невиновнымъ и искалъ причины его заточенія въ нерасположеніи къ масонамъ фаворита императрицы графа Дмитріева-Мамонова. Онъ же говоритъ о недоброжелательствѣ къ дружескому обществу куратора Московскаго университета, графа Мелиссино (Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты», стр. 269 и др.). Недавно профессоръ Иконниковъ высказалъ мысль, что первое дѣло, возникшее противъ Новикова въ концѣ 1785 года, было результатомъ внушенія лица, желавшаго сдѣлать непріятность архіепископу Платону порученіемъ ему испытать Новикова въ религіи (Иконниковъ, «Значеніе царствованія императрицы Екатерины II», стр. 87). Съ особенной обстоятельностью останавливался на дѣлѣ Новикова покойный академикъ Пыпинъ, обращая вниманіе на моральную сторону дѣла. Онъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что участь Новикова была рѣшена безъ формальнаго суда. Это замѣчаніе правильно, но напомнимъ, что тогдашній судъ нашелъ бы въ Уложеніяхъ и воинскихъ артикулахъ еще болѣе суровую форму наказанія для Новикова. Пыпинъ настаиваетъ на томъ, что никакихъ неоспоримыхъ доказательствъ для взведенныхъ на Новикова обвиненій найдено не было, не было найдено никакихъ указаній на какіе-либо сокрытые замыслы. Такимъ образомъ, Новиковъ былъ осужденъ за печатаніе

неразрѣшенныхъ книгъ, что въ глазахъ правительства большого значенія не имѣло. Оправдывая Новикова, Пыпинъ однако не можетъ не признать того,

Обезкураженный масонъ.

Сатирич. изобр. изъ «Les Francs-Masons ecrasés» (изд. XVIII в.).

что обвиненія были направлены противъ общественной дѣятельности Новикова, но отрицаетъ за нимъ «какія-нибудь политическія затѣи» (Пыпинъ, «Времена Екатерины II», «Вѣстникъ Европы», 1895 г., № VII, стр. 292—293). Впрочемъ, по существу, въ объясненіи этого вопроса Пыпинъ слѣдовалъ за мнѣніемъ,

уже ранѣе его высказаннымъ Якушкинымъ (Сборникъ «Починъ», стр. 173). Для Незеленова, который очень много разъяснилъ въ этомъ дѣлѣ, суровое осужденіе Новикова сравнительно съ судьбой, постигшей главу этого ордена князя Трубецкого, не совсѣмъ ясно. Поэтому авторъ высказываетъ догадку, что Новикова судили какъ журналиста за убѣжденія, высказанныя имъ въ журнальныхъ статьяхъ (Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ; стр. 431—432). Напротивъ, новѣйшіе изслѣдователи прямо указываютъ на общественно-преобразовательный элементъ въ дѣятельности Новикова (Семека, «Русскіе розенкрейцеры», стр. 6), даже на политическій элементъ (напримѣръ, проф. Сиповскій, хотя, по его мнѣнію, «Екатерина не могла обличить Новикова, судя по обнародованнымъ документамъ». Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника», приложение I, стр. 16).

Дѣйствительно, въ дѣлѣ Новикова и во всей его дѣятельности общественная и политическая сторона должна быть поставлена на первомъ планѣ, и самъ Новиковъ хорошо это понималъ, называя ее «осью всего дѣлопроизводства» (Лонгиновъ, стр. 074). Даже болѣе того, масонство самого Новикова, послѣ изслѣдованія Незеленова, можетъ быть заподозрѣно; по крайней мѣрѣ, чистота его. По характеру своему Новиковъ и не могъ быть чистымъ масономъ, ибо не признавалъ орденскихъ обрядовъ, ему приходилось отрекаться со слезами отъ своей «умственности», отъ вѣры въ свои силы, каяться въ небреженіи объ обученіи братіи (Незеленовъ, тамъ же, стр. 242, 243 и 312). Какъ журналистъ, Новиковъ проводилъ многія передовыя идеи, которыя не могли не вызвать тревоги въ Екатеринѣ II. Но императрица не касалась вопросовъ журнальной дѣятельности во время производства слѣдствія. Слѣдствіе дало иной матеріалъ, который хотя и не далъ правительству удовлетворительнаго отвѣта на многіе изъ поставленныхъ вопросовъ, но оно во многихъ случаяхъ могло убѣдиться въ томъ, что арестованные безъ вреда для себя и не могутъ дать отчетливаго отвѣта.

Такъ, для слѣдователя было очень важно выяснить отношенія Новикова и его кружка къ иллюминатству. Новиковъ на слѣдствіи очень отрицательно отзывался объ иллюминатахъ, тѣмъ не менѣе, въ рукахъ слѣдователей были документы противоположнаго характера (Сб. И. Р. Ист. Общ., т. II, стр. 128). Въ научныхъ взглядахъ на этотъ вопросъ существуетъ разногласіе. Пыпинъ, напримѣръ, сомнѣвался, что у насъ были послѣдователи иллюминатовъ («Вѣстникъ Европы», 1895 г., VI, стр. 46—47). Напротивъ, новѣйшій изслѣдователь проф. Сиповскій въ дѣятельности Шварца видитъ отраженіе тенденцій иллюминатства, находя подтвержденіе своему мнѣнію и въ его біографіи (Карамзинъ и пр., стр. 12). Тѣ же черты практической дѣятельности на почвѣ политическаго обновленія русскаго общества характеризуютъ такую же и Новикова (тамъ же, стр. 15).

Въ дѣлѣ Новикова не все шло такъ гладко и невинно, какъ это иногда представляютъ изслѣдователи. Нельзя не обратить, на примѣръ, вниманія на то, что даже въ своихъ показаніяхъ Новиковъ далеко выходитъ за предѣлы той дѣятельности, которая была бы свойственна чистому масонству. Онъ, по собственному признанію, выпускаетъ въ свѣтъ «мерзкія» книги, принимаетъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ съ Павломъ, имѣетъ въ рукахъ бумаги, отъ которыхъ самъ приходитъ въ «ужасъ», однако, переписываетъ и сохраняетъ ихъ. Въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому, Новиковъ нѣсколько разъ хитритъ, запирается, говоритъ неправду, два раза онъ давалъ подписку о томъ, что не будетъ продавать запрещенныхъ книгъ и все же продавалъ. Въ рукахъ правительства были еще какія-то бумаги, уличавшія Новикова. (Сиповскій, Карамзинъ, приложение I, стр. 14—15).

Но разумѣется, въ вопросныхъ пунктахъ Новикову особо важное значеніе придавалось его сношеніямъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Показанія самого Новикова о сношеніяхъ его съ великимъ княземъ Павломъ, какъ это естественно ожидать, отличаются величайшею осторожностью. Ясно одно, что Новиковъ еще раньше и по собственному почину подносилъ великому князю книги. Новиковъ не отрицалъ и того, что архитекторъ Баженовъ былъ въ милости у великаго князя и велъ съ нимъ какіе-то переговоры. Нельзя было скрыть и того, что великій князь милостиво относился къ самому Новикову. Сношенія Новикова съ великимъ княземъ не были его личнымъ дѣломъ: о каждомъ шагѣ въ этихъ сношеніяхъ онъ совѣщался съ княземъ Ю. Н. Трубецкимъ и вообще со старшею братьею, ничего въ этомъ дѣлѣ не предпринималъ безъ своего друга Гамалѣи. При этихъ сношеніяхъ принимались мѣры крайней предосторожности. По своему обыкновенію, Новиковъ въ отвѣтныхъ пунктахъ обо многомъ отзывался запамятованіемъ. Но онъ не могъ скрыть того, что всякаго рода пересылки отъ масоновъ къ великому князю принимались послѣднимъ очень милостиво. Въ одномъ изъ докладовъ Баженова было что-то «конфузное», было что-то такое, что заставило Новикова съ Гамалѣею «испугаться», такъ что пріятели «тогда же бы ее (бумагу, записку Баженова) сожгли отъ страха» и не сожгли только потому, что надо было записку показать князю Трубецкому. Въ запискѣ было что-то такое написано, что Новиковъ не отдалъ ее въ подлинномъ видѣ даже князю Трубецкому, но самъ переписалъ ее и нѣсколько «оранжировалъ», сократилъ, и «все невѣроятное выкинулъ». Конечно, были приняты мѣры къ тому, чтобы чья-нибудь болтливость не выдала дѣла (Сб. И. Р. И. О., II, стр. 120, 121).

Новиковъ, очевидно, показалъ то, что необходимо было показывать, что скрывать было бы бесполезно и вредно. Тайнственные документы, фигурировавшие въ дѣлѣ, до насъ не дошли. Но и изъ этихъ показаній ясно, что сношенія съ великимъ княземъ выражались не въ одной пересылкѣ книгъ, и очевидно

имѣли какую-то политическую подкладку. Недаромъ самъ Новиковъ признавалъ себя достойнымъ жесточайшаго наказанія. И слѣдователи Новикова внесли общее впечатлѣніе, что въ его отвѣтахъ «есть нѣчто сокрытымъ быть желающее» (Пекарскій, стр. 136).

Не входя въ подробности, напомнимъ, что цесаревичъ Павелъ, дѣйствительно, былъ окруженъ ревностнѣйшими масонами, которые потомъ въ его царствованіе играли первенствующую роль (Соколовская, «Русское масонство», стр. 10). Новиковъ не только подносилъ великому князю книги, но нѣкоторыя посвящалъ ему, напримѣръ, «Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ»; онъ принималъ горячее участіе въ поднесеніи конституціонныхъ плановъ наслѣднику (Лѣтопись Русск. Литер. и Древности, т. V, стр. 92). Еще Шварцъ предлагалъ признать великаго князя великимъ провинціальнымъ мастеромъ, на что тогда не рѣшились, но все же должность мастера русской провинціи оставалась вакантною (Лонгиновъ, стр. 116). Масонскія пѣсни¹⁾ очень часто обращаются къ Павлу. Въ нихъ Павелъ для масоновъ представляется «зракомъ ангела», будущимъ отцомъ, въ Павлѣ масоны видѣли идеалъ царя.

Въ такомъ видѣ представляется дѣло Новикова, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая намъ теперь извѣстна. Но, безспорно, правительству Екатерины II были извѣстны еще нѣкоторыя подробности, не дошедшія до насъ, и болѣе того: оно было увѣрено въ томъ, что Новиковъ далеко не открылъ всего того, что могъ бы сдѣлать. Свое окончательное сужденіе по этому дѣлу Екатерина II высказала въ указѣ на имя князя А. А. Прозоровскаго, отъ 1 августа 1792 года²⁾. Здѣсь она, частью на основаніи показаній самого же Новикова, по-

¹⁾ См., напр., въ «Магазинѣ Св.-Каменщическомъ», стр. 132. Ешевскій. Статьи по русской исторіи. Изд. Сабашникова 198 стр. *Ред.*

²⁾ Приводимъ изъ указа обвинительные пункты: *Первое.* Они дѣлали тайныя сборища, имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ цѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностью и повиновеніемъ ордену Златорововаго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣвать мученіе и казни. Указанія о семъ, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. *Второе.* Мимо законной Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя чертогу Брауншвейгскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. *Третье.* Имѣли они тайную переписку съ принцемъ Гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Зѣльнеромъ изобрѣтенными ими шифрами и въ такое еще время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство. Изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ двое и по нынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая чрезъ то долгъ законной присяги и вѣрность подданства. *Четвертое.* Они употребляли разные способы, хотя вообще, къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ osoby; въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ упомянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. *Пятое.* Издавали печатныя у себя, непозволенные, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣ-

вторяеть свои обвиненія по адресу масонства, которыя она высказывала еще въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. На первомъ планѣ стоитъ обвиненіе масонства въ примѣненіи таинственныхъ обрядовъ и клятвъ, обвиненіе въ томъ, что они подчинили себя герцогу Брауншвейгскому, что они пользовались шифромъ при перепискѣ, что они пытались уловить въ свой орденъ великаго князя, равно и то, что они печатали запрещенныя правительствомъ книги, но главный упрекъ заключается въ томъ, что Новиковъ далеко не открылъ своихъ сокровенныхъ замысловъ (Лонгиновъ, стр. 0114). Это—официальный указъ, въ которомъ Екатерина хотя говоритъ многое, но не все договариваетъ. Слѣдователи новиковскаго дѣла, особенно Прозоровскій, въ интимной перепискѣ идутъ гораздо дальше въ своихъ предположеніяхъ относительно того, что было утаено Новиковымъ на слѣдствіи. Такъ, князь Прозоровскій былъ увѣренъ въ томъ, что Новиковъ и его друзья—«совершенные іезуиты»; поэтому онъ былъ увѣренъ въ томъ, что масоны таили тѣ политическіе замыслы, которые ими были тщательно скрыты на слѣдствіи. Прозоровскій тогда уже приписывалъ масонамъ умыслы противъ жизни Екатерины, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если бы имъ уда-

Кн. А. А. Прозоровскій. (Изд. в. к. Ник. Мих.).
Prince Alexandre Prozorowsky.

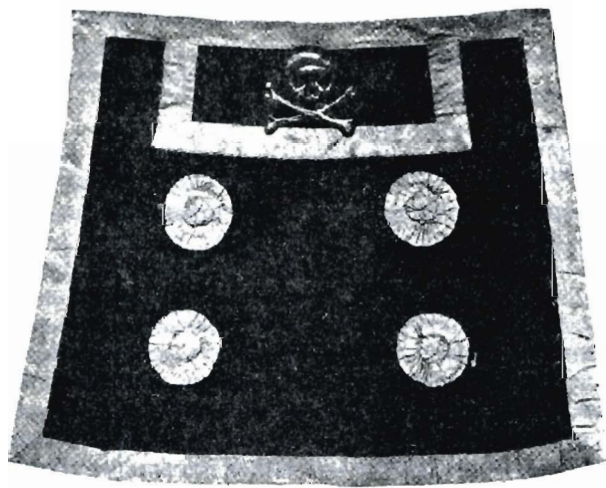
ланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать оныя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. *Шестовъ*. Въ уставѣ соборницъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе, и прочія установленія и обряды внѣ святой нашей церкви не позволительные. Новиковъ утверждаетъ, что въ соборницахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ не существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для пріобрѣтенія ордену ихъ вѣщаго уваженія и повиновенія, но симъ самымъ доказываются коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ поколебанія и развращенія. Впрочемъ, хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственнo имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни. Мы однакожъ, и въ семъ случаѣ слѣдуя сродному намъ чело-вѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость...» *Ред.*

лось залучить въ свою среду и наслѣдника престола: «Если бы успѣли они персону привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злему своему намѣренію, то бѣ хуже сдѣлали французскаго краля». Быть можетъ, и сама Екатерина доходила до этихъ предположеній.

Подводя итоги тому, что вскрылось въ дѣлѣ Новикова въ связи съ его общественной дѣятельностью, мы можемъ подчеркнуть прежде всего то обстоятельство, что дошедшіе до насъ матеріалы не даютъ еще права высказать окончательнаго сужденія. Ясно только, что Екатерининское правительство отдѣляло Новикова и отъ масонства, и даже отъ членовъ Новиковскаго кружка, и имѣло на это основанія.

Сравнительно съ духомъ и правомъ даннаго періода, правительство поступило относительно мягко. Что же касается вопроса о виновности или невинности Новикова, то онъ совершенно не нуждается въ оправданіи. Это былъ крупный общественный дѣятель, сознательно положившій свою жизнь на дѣло широкаго общественнаго развитія, быть можетъ и въ цѣляхъ, хотя бы отчасти, содѣйствовать политической перестройкѣ общественныхъ соотношеній. И какъ всегда, трудные и важные процессы общественнаго развитія требуютъ жертвъ; такою жертвою для блага общества и былъ Новиковъ.

М. Довнаръ-Запольскій.

Масонскій запонъ (Ист. М.).
Tablier maçonnique.

Масонская грамота.
Diplôme maçonnique.

Императоръ Павелъ I и масонство.

Въ жизни и дѣятельности императора Павла еще много сторонъ, не вполне выясненныхъ изслѣдователями. Къ числу ихъ относится и вопросъ объ отношеніяхъ императора къ масонству. Для яснаго, удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса собрано слишкомъ мало фактическаго матеріала, и, быть-можетъ, онъ никогда не будетъ собранъ въ достаточномъ количествѣ. Не говоря уже о тайнѣ, которою масоны вообще старались облечь свою организацію и свою дѣятельность, масса документовъ объ отношеніяхъ Павла къ масонству была своевременно уничтожена заинтересованными лицами, въ томъ числѣ самимъ Павломъ, когда онъ охладѣлъ къ масонству, замѣтивъ, что «орденъ свободныхъ

каменьщиковъ» не совмѣстимъ съ излюбленнымъ имъ идеаломъ полицейскаго государства. Но и сохранившихся матеріаловъ намъ кажется совершенно достаточно для того, чтобы біографы императора Павла вопросъ о принадлежности его къ масонскому ордену рѣшили въ утвердительномъ смыслѣ и могли въ общихъ чертахъ прослѣдить исторію его отношеній къ масонскому братству.

Извѣстно, что въ Россіи второй половины XVIII вѣка масонство развилось на почвѣ противодѣйствія сухой, матеріалистической философіи того времени, выразившейся въ твореніяхъ энциклопедистовъ. Стремленіе указать важность и законность духовныхъ стремленій человѣка, связать нравственный и религіозный его міръ съ данными опытной его науки, съ міромъ внѣшнимъ, чувственнымъ, создать этические идеалы—проявлялось у масоновъ подъ самыми разнообразными формами. «Въ самомъ масонствѣ,—писалъ впослѣдствіи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ масоновъ начала XIX вѣка, графъ М. Ю. Віельгорскій,—бываютъ иногда мнѣнія противоположныя и, такъ сказать, самое масонство порождаетъ разныхъ чадъ, а потому-то орденъ и масонство—весьма различны, что и пребываетъ великой тайной». Сходясь между собой въ отрицаніи разумности началъ матеріализма и въ признаніи важности духовнаго совершенствованія человѣка, масонскіе кружки отнюдь не проявляли единства въ своихъ цѣляхъ и средствахъ: чистая наука процвѣтала въ нихъ на ряду съ алхіміей, возвышенныя религіозныя начала—съ оккультными науками, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, къ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности—съ крайними политическими теоріями иллюминатовъ. «Великая тайна» ордена сокрыта была для непосвященныхъ, понималась ими на разные лады, но объединяла въ борьбѣ со зломъ, царившемъ въ обществѣ и государствѣ, людей съ чуткимъ умомъ и сердцемъ, чувствовавшихъ ничтожность единичныхъ своихъ усилій. Внѣшнимъ выраженіемъ этого объединенія являлась вся обрядовая сторона масонства съ его мистическимъ, аллегорическимъ антуражемъ, возбуждавшая среди поклонниковъ ученія энциклопедистовъ, вырабатывавшихъ у себя трезвый, «философскій» взглядъ на вещи, саркастическое къ себѣ отношеніе. Блестящая и просвѣщенная покровительница Вольтера, Дидро и д'Аламбера, императрица Екатерина смѣялась надъ «нелѣпостями» масонства, надъ «соединеніемъ религіозныхъ обрядовъ съ ребяческими играми», надъ «обѣтами, чудачествами, странными и нелѣпыми одѣяніями» ихъ. «Перечитавъ,—писала она,—въ печати и рукописяхъ, всѣ скучныя нелѣпости, которыми занимаются масоны, я съ отвращеніемъ убѣдилась, что, какъ ни смѣйся надъ людьми, они не становятся оттого ни образованнѣе, ни благоразумнѣе». Эта благодушно-презрительная точка зрѣнія императрицы на «свободныхъ каменьщиковъ» помогла безпрепятственному внѣдренію и развитію масонства въ Россіи въ теченіе первыхъ двадцати-пяти лѣтъ ея царствованія, до тѣхъ поръ, пока она подъ «чудачествами» и «странными одѣяніями»

не стала прозрѣвать вольномыслия, опаснаго для самодержавной своей власти: въ дѣйствіяхъ масоновъ она увидѣла рѣзкое проявленіе новой, только что нарождавшейся общественной силы, и среди масоновъ—почти всѣхъ лицъ, ко-

Н. И. Панинъ (Собр. в. кн. Н. Мих.).
N. I. Panine.

торыя извѣстны были несочувствіемъ ея правительственной системѣ и ея личному матеріалистическому «умоначертанію», а во главѣ ихъ—своего сына и наслѣдника, великаго князя Павла Петровича.

Умъ великаго князя Павла Петровича, религіозный, выпренній, склонный къ экзальтаціямъ, былъ противоположною холоднаго, скептическаго ума его матери. Масонство влекло его къ себѣ не только сущностью своего ученія, своей борьбой съ матеріализмомъ вѣка, но и мистической, таинственной своей обрядностью, своимъ религіознымъ характеромъ. Трагическая смерть отца, императора Петра III, отчужденіе отъ матери, печальныя обстоятельства перваго его брака, усилили въ Павлѣ религіозное и мрачное настроеніе духа, а опальное положеніе цесаревича, его постоянно критическое отношеніе къ системѣ управленія императрицы, заставляли всѣхъ недовольныхъ ея правленіемъ группироваться около него или прикрываться его именемъ. Если Екатерина была вольтерьянкой, какъ почти всѣ ея приверженцы, то сыну ея естественно было стать масономъ, ибо масонами были всѣ недовольные его матерью, всѣ *его* приверженцы. Одна партія пользовалась властью, наслаждалась ея радостями и выгодами, другая—подавленная, приниженная, скорбѣла о настоящемъ и мечтала о будущемъ; удѣломъ одной была жизнерадостная философія эпикурейцевъ и матеріалистовъ, другая же—въ «молчаніи» (главная масонская добродѣтель) должна была упражняться въ добродѣтели. «Собранія наши невеселыя,—писалъ Віельгорскій,—братья также, говоримъ мы о вещахъ, которыя намъ никакъ не лъстятъ, напротивъ же открываютъ намъ все болѣе и болѣе нашу гнусность. Конечно, въ семь есть особливая и неисповѣдимая благодѣньность Божеская, которая, по мѣрѣ собственнаго нашего желанія и воли, открываетъ намъ таковую нашу гнусность и въ то же время посылаетъ необходимыя для исправленія нашего средства, предписывая наисладчайшія для души нашей добродѣтели, какъ-то любовь къ ближнему и проч.»¹⁾

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ дѣтства окруженъ былъ обществомъ масоновъ, которымъ легко было нечувствительно внушить ему сочувствіе къ «свободнымъ каменщикамъ» и уваженіе къ ихъ «нелѣпостямъ». Во главѣ ихъ былъ главный его воспитатель и руководитель, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, а также братъ его, графъ Петръ Ивановичъ, извѣстный «враль и персональный оскорбитель» Екатерины, бывший великимъ помѣстнымъ мастеромъ масонскаго ордена въ Россіи. Правой рукой Панина при воспитаніи Павла былъ также масонъ, Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, состоявшій въ должности информатора при великомъ князѣ тринадцать лѣтъ. Нѣтъ надобности останавливаться на характеристикѣ обоихъ графовъ Паниныхъ, прославившихся и своими заслугами, и систематическимъ, хотя и тайнымъ, противодѣйствіемъ Екатеринѣ, которой они много повредили въ умѣ ея сына и наслѣдника. Остервальдъ, бывший креатурой Никиты Панина, по отзывамъ современниковъ, не годился по

¹⁾ «Изъ афоризмовъ масона», напечатанныхъ по рукописи Віельгорскаго Т. О. Соколовской въ «Русской Старинѣ».

своимъ качествамъ и недостаточному образованію въ воспитатели великому князю, хотя былъ честнымъ и аккуратнымъ нѣмцемъ; жену его Екатерина прозвала «лютеранской проповѣдницей» и, шутя, предрекла ей смерть отъ голода, а ему—отъ воздержанія. Большимъ значеніемъ при Павлѣ пользовался и родственникъ Паниныхъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, дипломатъ и полководецъ, извѣстный своей преданностью масонамъ «до глупости» (*par les sottises*). Не пользуясь расположеніемъ императрицы и платя ей тою же монетою, Репнинъ, бывая въ Петербургѣ, часто навѣщалъ великаго князя, благодаря своей близости къ Панину, и пріобрѣлъ надъ нимъ вліяніе. Репнинъ и Петръ Панинъ настолько пользовались довѣріемъ Павла Петровича, что, когда они надолго оставили Петербургъ, онъ вступилъ съ ними въ длительную переписку, спрашивая ихъ мнѣнія о преобразованіяхъ, задуманныхъ имъ по военной части. Послѣ Репнина, вниманіемъ Павла пользовался другой родственникъ Паниныхъ, князь Г. П. Гагаринъ, занимавшій послѣ И. П. Елагина одну изъ высшихъ степеней въ русскомъ масонствѣ. Когда въ 1773 году императрица задумала

П. И. Панинъ (Изд. в. кн. Ник. Мих.).
P. I. Panine.

«очистить свой домъ» и, по случаю вступленія великаго князя въ первый бракъ, удалила почетнымъ образомъ Никиту Ивановича отъ двора Павла, посредникомъ между старымъ воспитателемъ и его питомцемъ явился молодой князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, внукъ Панина, товарищъ игръ и ученія Павла Петровича, прозванный имъ своею «душою». Куракинъ этотъ только что явился въ это время ко двору изъ-за границы, гдѣ завершалъ свое образованіе, и тотчасъ принять былъ, не безъ участія Н. И. Панина, имѣя всего 21 годъ отъ роду, въ масонскій орденъ тамплиеровъ, а именно въ петербургскую его ложу, такъ называемую, *Capitulum Petropolitanum*, заимствованную И. П. Елагинымъ изъ Англіи и подчиненную съ 1772 года ложѣ-матери. Въ 1776 году ложа эта слилась съ другими петербургскими ложами въ одну, подъ именемъ великой провинціальной или національной ложи, подъ управленіемъ Елагина и графа П. И. Панина. Повѣренный думъ Павла Петровича, князь А. Б. Куракинъ несомнѣнно посвятилъ его въ таинства масонства и содѣйствовалъ окончательному обращенію его въ вольные каменщики. Ближайшимъ помощникомъ Ку-

ракину въ этомъ дѣлѣ явился новый другъ великаго князя—Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, капитанъ флота, назначенный состоять при наслѣдникѣ престола по званію его генераль-адмирала изъ состава константинопольскаго русскаго посольства, гдѣ онъ находился въ свитѣ кн. Репнина. Плещеевъ былъ на морской службѣ съ 1764 года, служилъ, между прочимъ, въ англійскомъ флотѣ, съ графомъ А. Г. Орловымъ совершилъ походъ въ Архипелагъ, принять былъ въ масоны въ Ливорно и, какъ масонъ, пользовался покровительствомъ кн. Репнина и имъ рекомендованъ былъ Павлу Петровичу. Въ 1776 году Павелъ имѣлъ случай познакомиться съ прусскими масонами въ Берлинѣ, куда онъ, сопровождаемый Куракинымъ, совершилъ поѣздку для знакомства съ предназначенной невѣстой, принцессой виртембергской Софіей-Доротеей, впоследствии великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. Павелъ Петровичъ встрѣченъ былъ Фридрихомъ II съ величайшими почестями, и путешествіе его въ Берлинъ оставило въ немъ глубокіе слѣды, зародивъ въ то же время чувство привязанности къ Пруссіи и прусскому королевскому дому, два члена котораго были масонами: наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и дядя принцессы Софіи-Доротеи, принцъ Фердинандъ, стоявшій по свидѣтельству императрицы Екатерины во главѣ прусскихъ масоновъ. Принцъ Фердинандъ, какъ будущій родственникъ, съ особымъ вниманіемъ принялъ наслѣдника русскаго престола въ замкѣ своемъ Фридрихсфельде. Приѣмъ этотъ тогда же нашелъ себѣ выраженіе въ брошюрѣ берлинскаго француза Le Bauld de Nans подъ заглавіемъ: «Prologue pour la reception de Son Altesse Impériale M-r le Grand Duc de Russie à Friedrichsfelde le 1 août 1776, Berlin». Въ Берлинѣ указали Павлу и на другого родственнаго ему высокаго масона, шведскаго короля Густава III.

Быть-можетъ не безъ умысла, графъ Никита Ивановичъ Панинъ въ томъ же 1776 году предложилъ императрицѣ послать для извѣщенія стокгольмскаго двора о бракосочетаніи великаго князя съ Маріей Ѳеодоровной именно князя А. Б. Куракина. Куракинъ получилъ отъ петербургскихъ вольныхъ каменщиковъ полномочіе вести переговоры съ главной стокгольмской ложей и принять отъ нея посвященіе въ «вышіе градусы»; въ качествѣ секретаря при посольствѣ приданъ былъ Куракину извѣстный въ то время масонъ Вильгельмъ Розенбергъ, братъ Георга Розенберга, учредителя гамбургской ложи «Трехъ золотыхъ розъ». Порученіе масонскихъ братьевъ исполнено было блистательно молодымъ камеръ-юнкеромъ. Братъ шведскаго короля Карль, герцогъ Зюдерманландскій, посвятилъ князя Куракина въ таинства шведскаго масонства, при чемъ было условлено, чтобы князь былъ гроссмейстеромъ русской провинціальной ложи съ правомъ передать свое званіе кн. Г. П. Гагарину и съ подчиненіемъ этой ложи главному шведскому капитулу. Въ письмѣ по этому поводу графъ Левенгауптъ, членъ шведскаго масонскаго капитула, выражалъ князю Куракину надежду, что «пріѣздъ нашего монарха въ вашу страну будетъ много

способствовать вашимъ масонскимъ работамъ»¹⁾. Густавъ III, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Петербургъ въ слѣдующемъ 1777 году для свиданія съ императрицей и былъ торжественно встрѣченъ петербургскими масонами. По случаю этого пріѣзда происходили блестящія соединенныя собранія въ ложѣ Аполлона. Кн. Куракинъ учредилъ въ Петербургѣ ложу св. Александра, по шведской системѣ, а въ 1779 году, по той же системѣ, появилась русская великая провинціальная ложа подъ управленіемъ кн. Г. П. Гагарина, и ему въ 1780 году была прислана особая инструкция за подписью короля и графа Бьелке²⁾.

Извѣстно, что личность Густава III не внушала симпатій великому князю Павлу Петровичу, но все же коронованный масонъ долженъ былъ произвести на него впечатлѣніе, указывая своимъ примѣромъ путь, по которому долженъ былъ итти и наслѣдникъ русскаго престола. Цесаревичъ рѣшился вступить самъ въ ряды вольныхъ каменищиковъ. Совѣты кн. Куракина и наставленія графа Н. И. Панина играли при этомъ главную роль³⁾. Въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи, при-

Имп. Всероссійскій Павелъ Петровичъ, Великій Магистръ
Державнаго ордена Святого Іоанна Іерусалимскаго
(Собр. П. И. Щукина).

Paul I, Grand Maître de l'Ordre de St. Jean de Jérusalem.

¹⁾ Архивъ кн. О. А. Куракина. Кн. VIII, 302.

²⁾ Тамъ же, VIII.

³⁾ Въ одной запискѣ, безъ даты, въ дѣлѣ Новикова (Госуд. Арх., VIII, 218), говорится слѣдующее: «Письмо герцога Гессенъ-Кассельскаго, въ оригиналѣ писанное Шварцу въ 1782 г.,

водимой В. И. Семева и носящей характеръ офиціознаго документа, прямо указывается, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ былъ *келейно* принять въ масоны сенаторомъ И. П. Елагинымъ въ собственномъ его домѣ, въ присутствіи графа Панина ¹⁾. Это извѣстіе кажется намъ самымъ правдоподобнымъ среди другихъ версій о вступленіи Павла Петровича въ масонское братство уже потому, что вступленіе это дѣйствительно произошло и должно было произойти въ тайнѣ и не за границей, а именно въ Россіи, среди русскихъ людей, чѣмъ устранялось всякое толкованіе объ иностранныхъ вліяніяхъ ²⁾. Вѣроятнѣе всего также, что событіе это совершилось вскорѣ послѣ отъѣзда шведскаго короля изъ Петербурга, лѣтомъ 1777 года, и, во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1779 года. На двухъ портретахъ императора Павла съ масонскими атрибутами, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, фигурируетъ статуя богини правосудія и справедливости, Астреи. Масоны любили повторять преданіе, что богиня Астрея ушла съ земли, возмущенная людскою неправдой. Въ честь этой-то богини и существовала въ Петербургѣ съ 1775 года ложа съ наименованіемъ Астреи, которая въ 1779 году, вмѣстѣ съ прочими, слилась съ великой провинціальною ложей. На одномъ изъ портретовъ Павелъ Петровичъ держитъ въ правой рукѣ золотой треугольникъ съ изображеніемъ Астреи, который служилъ почетнымъ знакомъ для великихъ офиціаловъ въ великой ложѣ Астреи въ Александровское время. «Къ сожалѣнію, — говоритъ изслѣдовательница русскаго масонства, Т. О. Соколовская, — знаки ложъ Астреи XVIII вѣка не обнаружены, и потому нельзя провѣрить, таковъ ли былъ знакъ у Великой ложи Астреи XIX вѣка, какимъ онъ былъ у простыхъ ложъ Астреи XVIII столѣтія» ³⁾. Какъ бы то ни было, но указаніе на Астрею въ двухъ совершенно различныхъ по композиціи и исполненію масонскихъ портретахъ императора Павла является не случайнымъ.

Для иностранныхъ дипломатовъ обращеніе Павла Петровича въ масоны не осталось тайной, какъ едва ли осталось оно такимъ и для императрицы Екатерины. Одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ спѣшилъ даже учесть вытекавшія изъ этого факта послѣдствія для внѣшней политики Россіи, а именно, сближеніе Павла Петровича съ наслѣдникомъ Фридриха II, коронованнымъ масономъ, прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. «Со времени путешествія Фридриха-Вильгельма (въ 1780 г.) въ Петербургъ, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, между обоими наслѣдниками установились дружественныя и довѣрчивыя отношенія, а также тайная переписка, интимность которой

доказываетъ ихъ братскую переписку. Изъ него видѣть можно, что кн. Куракинъ употребленъ былъ инструментомъ по приведенію великаго князя въ братство».

¹⁾ «Минувшіе годы». 1807, II, 71.

²⁾ Имѣются данныя о томъ, что Павелъ былъ принятъ въ масоны въ Вѣнѣ въ 1872 г. *Leopold Engel. Geschichte des Illuminaten.* стр. 192. *Ред.*

³⁾ «Два портрета императора Павла». «Русская Старина», 1908, X, 87.

увеличивается еще болѣе вслѣдствіе принадлежности обоихъ принцевъ къ сектѣ иллюминатовъ. Близость между принцами существовала всегда, но она еще тщательнѣе поддерживается братьями этой же секты»¹⁾.

Императрица Екатерина не осталась равнодушной къ дошедшимъ до нея слухамъ объ увлеченіи Павла масонствомъ. Беберъ, секретарь великой провинціальной ложи, въ запискахъ своихъ говоритъ слѣдующее: «Такъ какъ масонство привлекало къ себѣ очень многихъ изъ самыхъ знатныхъ лицъ, то это возбуждало въ императрицѣ нѣкоторое недовѣріе, въ особенности потому, что князья Куракинъ и Гагаринъ были извѣстные любимцы великаго князя Павла Петровича, и она выразила свою щекотливость по этому предмету сначала сатирическими брошюрками, изъ которыхъ одна называлась «Противо-нелѣпное общество» («Тайна противо-нелѣпаго общества»), и потомъ, по поводу одной статьи, напечатанной въ гамбургской газетѣ, выразила такъ громко, что тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, бывшій членомъ ордена, посовѣтовалъ намъ оставить работы (т.-е. масонскія собранія) и покинуть прекрасно устроенное помѣщеніе ложи». Когда вслѣдъ затѣмъ явился въ Петербургъ наслѣдный принцъ прусскій, тепло встрѣченный великимъ княземъ, то императрица не постѣснялась отнестись къ нему пренебрежительно и вынудила его сократить свое пребываніе въ Петербургѣ. Затѣмъ подверглись немилости императрицы графъ Панинъ и князь Гагаринъ. Князь Куракинъ, сопровождавшій великокняжескую чету въ ея путешествіи за границу (въ 1781—1782 гг.), по возвращеніи своемъ въ Россію, сосланъ былъ на житіе въ саратовскую свою деревню Надеждино по ничтожному поводу и, лишь послѣ просьбы великаго князя, Екатерина разрѣшила ему пріѣзжать въ Петербургъ для свиданія съ царственнымъ своимъ другомъ въ два года одинъ разъ. Едва ли можно сомнѣваться, что, дѣйствуя такимъ образомъ, императрица была раздражена дошедшимъ до нея извѣстіемъ, что сынъ ея сдѣлался членомъ общества, которое она, какъ истая вольтерьянка, отъ души презирала. Не могло ей нравиться и то, что опальный цесаревичъ нашель себѣ приверженцевъ, хотя отъ политическихъ опасеній она была еще далека.

Масоны, однако, не унывали, празднуя свое торжество: въ Россіи они думали увидѣть на тронѣ своего брата—масона, какъ это было уже въ Швеціи и какъ произошло это потомъ въ Пруссіи въ 1786 году послѣ смерти вольтерьянца, стараго короля Фридриха II. Свои ожиданія, не совсѣмъ лестныя для самой императрицы, они рѣшились выразить публично. Въ масонскихъ сборникахъ рукописныхъ произведеній появилось слѣдующее стихотвореніе, изъ котораго видно, какъ мало масоны знали и понимали великаго князя. Впрочемъ, въ это время характеръ Павла Петровича еще не обрисовался во всей своей жесткости

¹⁾ Pierre Morane: «Paul I de Russie avout l'avenement», 342.

и перемѣнчивости; тѣмъ менѣе извѣстны были обществу его взгляды на управление.

Не чудно возложить оковы
На слабы смертныхъ тѣлеса,
Но взять подъ власть сердца свободны
Прямые зрятся чудеса.

* * *

А если обладать душою
Того, кто участью своею
На свѣтѣ превосходить всѣхъ,
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ!

* * *

О, старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце Царско ввелъ.

* * *

Вѣнчанна, мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою
И что есть смертный вразумилъ,
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.

Не мни, что рабствомъ угѣсенный
Тебя ласкаетъ слабый льстецъ—
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искренность сердецъ.

* * *

Въ порфирѣ дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колико приобрѣлъ друзей!

* * *

Погибъ отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ.
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно! онъ—масонъ!

* * *

Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ златой.

Стихотвореніе это, ходившее въ рукописи, очевидно, не удовлетворило масоновъ: они хотѣли гласнаго выраженія своего восторга. И дѣйствительно, въ «Магазинѣ свободнокаменщицескомъ» 1784 года (т. I, ч. 1, 132) появилась слѣдующая пѣснь Павлу, написанная, кажется, И. В. Лопухинымъ:

Залогъ любви небесной
Въ тебѣ мы, Павелъ, зримъ;
Въ четѣ твоей прелестной
Зракъ ангела мы чтимъ.

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Судьба благоволила
Петровъ возвысить домъ
И насъ всѣхъ одарила,
Даря тебя плодомъ.

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ!
Безъ страха да явятся
Предъ трономъ нищъ и сирь.

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Уже ты видишь ясно
Врата безсмертныхъ въ храмъ,
Къ которому опасно
Ступаютъ по трудамъ.

Тебѣ Минерва мать,
Ты можешь путь скончать!

Петрова кровь безцѣнна,
 Богини русской сынъ,—
 О, отрасль вождельнна,
 Теки, какъ исполинъ,
 Блаженства вѣчный свѣтъ
 Куда тебя ведетъ!

Екатеринѣ не нужно было читать въ сердцахъ, чтобы оцѣнить смыслъ стихотворенія, постояннымъ припѣвомъ котораго было:

«Украшенный вѣнцомъ,
 Ты будешь намъ отцомъ!»

Запонъ (Собр. Д. Г. Бурылина).
 Tablier maçonnique.

На масоновъ надвигалась гроза...

Съ начала 80-хъ годовъ XVIII столѣтія дѣятельность русскихъ масоновъ сосредоточилась преимущественно въ Москвѣ, вокругъ Новикова, Шварца и Типографической компаніи. Императрицу стали беспокоить не столько масонскія «дурачества» московскихъ мартинистовъ, сколько ихъ широкая благотвори-

тельная и просвѣтительная дѣятельность, въ которой она увидѣла проявленіе новой, опасной для правительства, общественной силы. Похвалы Павлу, раздававшіяся изъ московскаго масонскаго лагеря, усугубили ея вниманіе. Начался рядъ мѣръ, стѣснительныхъ для масоновъ, и дѣятельность ихъ подверглась контролю правительства: уже въ 1785 году повелѣно было осмотрѣть въ Москвѣ частныя школы, испытать Новикова въ православіи и составить роспись его изданій. Бурю эту мартинисты выдержали довольно спокойно, но, съ пріѣздомъ въ 1786 году кн. Н. В. Репнина, задумали вступить въ сношенія съ будущимъ своимъ «отцомъ», великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Строитель его Каменноостровскаго дворца, Баженовъ, привезъ ему отъ Новикова для поднесенія книгу Арндта объ истинномъ христіанствѣ и избранную библіотеку для христіанскаго чтенія. Великій князь, однако, зналъ уже объ отношеніяхъ матери къ московскимъ масонамъ и принялъ это подношеніе такъ, что Баженовъ, возвратясь въ Москву, сказалъ кое-что «конфузно», что онъ былъ принятъ милостиво и книги отдалъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ годовъ Баженовъ снова привезъ Павлу Петровичу подносныя книги отъ масоновъ изъ Москвы. При этомъ Павелъ спрашивалъ у Баженова, что увѣренъ ли онъ, что между масонами нѣтъ ничего худого. Баженовъ увѣрялъ цесаревича, что ничего худого нѣтъ, а Павелъ Петровичъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорилъ, что «можетъ-быть, ты не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и самихъ себя обманываютъ». Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ ничего худого, и наслѣдникъ заключилъ разговоръ словами: «Богъ съ вами, только живите смирно». Но вслѣдъ затѣмъ разразилась французская революція 1789 года, и уже весной 1791 года Екатерина приказала собрать точныя свѣдѣнія о мартинистахъ, которыхъ въ то время смѣшивали съ иллюминатами. Когда, зимою 1791—1792 годовъ, Баженовъ въ третій разъ явился изъ Москвы къ Павлу, то нашелъ его въ великомъ гнѣвѣ на мартинистовъ, о которыхъ великій князь запретилъ ему и упоминать, сказавъ: «Я тебя люблю и принимаю какъ художника, а не какъ мартиниста; о нихъ же и слышать ничего не хочу, и ты рта не развѣвай о нихъ говорить». Великій князь чувствовалъ, что связь его съ масонствомъ вообще можетъ обойтись ему дорого и что масоны пострададутъ, прежде всего, за сношенія съ нимъ. Дѣйствительно, когда весной 1792 года Новиковъ былъ арестованъ и начались допросы мартинистамъ, то слѣдователи болѣе всего хотѣли уяснить связь, существовавшую между ними и великимъ княземъ, и предлагали съ этою цѣлью вопросы: «Вопросы,—разсказываетъ самъ И. В. Лопухинъ,—списаны были очень тщательно. Сама государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширенія завѣсы. Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ началась эта матерія, и кн. Прозоровскій, отдавая мнѣ его, дрожащею, правда, немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что вы

на это скажете?»—«О, на это отвѣчать всего легче!»—сказалъ я и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, (что) послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы». На допросахъ мартинисты тщательно умалчивали о связяхъ Павла съ русскимъ масонствомъ, но, не сговорившись заранѣе, противорѣчили другъ другу. Въ дневникѣ Храповицкаго отъ 26 мая 1792 года записано: «Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобы не выбирать въ grand-prieur его высочества государя наслѣдника по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще и не масонъ. Замѣшанъ въ дѣло сіе князь Александръ Борисовичъ Куракинъ». Эта «пьеса» не помѣшала князю Трубецкому дать другое показаніе: «Покойный Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи, а я предъ Богомъ скажу, что, предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единого того, чтобы имѣть покровителя въ ономъ». Впрочемъ, убѣдившись, что Павелъ не имѣлъ никакихъ отношеній къ Новикову, императрица уже не обращала вниманія на разнорѣчіе показаній и поспѣшила закончить дѣло закрытіемъ масонскихъ ложъ. Существуетъ современный рассказъ, что при разборѣ бумагъ Новикова слѣдственной комиссіей въ Петербургѣ, одинъ изъ мелкихъ ея чиновниковъ, кн. Григорій Долгоруковъ, разсматривая книгу, въ которую записаны были члены общества, нашелъ листъ, на которомъ великій князь собственной рукой вписался въ члены. Долгоруковъ, отойдя съ книгой въ сторону, вырвалъ этотъ листъ, зажевалъ и проглотилъ. Члены комиссіи, однако, заподозрѣли его, и подозрѣніе въ принадлежности цесаревича къ обществу осталось, тѣмъ болѣе, что великій князь былъ будто бы на другой день на дому у Долгорукова. Долгоруковъ подвергся опалѣ императрицы, а императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, даже забылъ о его существованіи ¹⁾. Рассказъ этотъ носить на себѣ всѣ признаки плохо сочиненнаго анекдота, но свидѣтельствуешь о всеобщемъ убѣжденіи, господствовавшемъ въ то время, о безспорной принадлежности Павла къ масонскому обществу.

Императрица обращалась къ самому великому князю за разъясненіями показаній масоновъ, но отвѣтъ Павла доказалъ ей, что на искренность его ей разсчитывать было нельзя. Возвращая матери записанный масонами разговоръ свой съ Баженовымъ, цесаревичъ писалъ ей: «Votre Majesté peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi même en lisant le papier qu'Elle a eu la bonté de me confier, d'un ramas de paroles de moitié vides de sense, et l'autre de paroles dont on a fait apparemment un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un qui aura voulu s'appuyer de son très humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demandé-

¹⁾ «Русская Старина», 1874, IX, 157—158.

le prix du comestible, ou bien des nouvelles monitoires même sur une secte dont certainement il n'a pas été. Il aurait fallu ou être fou, ou imbécile pour avoir été, pour quelque chose dans tout ceci autrement qu'avec des propos d'antichambre. D'ailleurs toute explication ultérieure me semblerait inutile¹⁾. Къ этой запискѣ императрица Екатерина приложила собственноручную записку: «приложенный пасквиль у Новикова найденный показано мною Великому Князю и онъ оный прочтя ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулою, изъ которой оказывается что на него всѣ вышеписанный пасквиль всклѣпалъ и солгалъ чему охотно вѣрю и нахожю вяще виновнымъ сочинителя онаго»²⁾.

Катастрофа, постигшая Новикова, заключеннаго въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ, заставила Павла Петровича искать религіозно-мистическаго утѣшенія у себя въ семьѣ. Но великая княгиня Марія Ѳеодоровна, женщина практическая, исполненная здраваго смысла, не могла отвѣчать на его духовные запросы. Духовный руководитель цесаревича, единственный масонъ, остававшійся при его дворѣ, Плещеевъ, напрасно предлагалъ ей лучшіе, по его мнѣнію, образцы масонской литературы, хотя великая княгиня и любила повторять: «J'aime toujours être à l'unisson avec mon mari». «Нѣтъ, мой добрый и достойный другъ,—писала она ему,—какъ ни проникута я убѣжденіемъ въ истинности и святости моей религіи, но, признаюсь, я никогда не позволю себѣ читать мистическія книги, во-первыхъ, я не понимаю ихъ и, во-вторыхъ, я боюсь, что онѣ внесутъ сумбуръ въ мою голову». На убѣжденія Плещеева Марія Ѳеодоровна возражала: «Чтеніе мистическихъ книгъ я въ сущности нахожю опаснымъ, такъ какъ ихъ идеи способны кружить головы... Есть много прекрасныхъ моральныхъ книгъ, чтеніе которыхъ доставляетъ мнѣ удовольствіе; но я люблю ихъ простоту и признаюсь, что я чувствую паническій страхъ къ мистическимъ книгамъ. Я называю мистическими тѣ, которыя слишкомъ восторженны, неудобопонятны, и мысли свои я высказывала только по отношенію къ нимъ»³⁾. И самъ Павелъ Петровичъ, оставаясь религіознымъ человѣкомъ, также начиналъ скучать «письмами и моральными сентенціями» Плещеева, находя бѣльшее удовлетвореніе въ бесѣдѣ съ живой, умной фрейлиной Нелидовой, прекрасно понимавшей впе-

¹⁾ Вы, Ваше Величество, вѣроятно заранѣе сказали себѣ то же самое, что приходило мнѣ въ голову, когда я читалъ документъ, который Вамъ угодно было милостиво мнѣ доверить. Съ одной стороны этотъ документъ представляетъ собою нагроможденіе бессмысленныхъ словъ, съ другой—онъ составленъ явно съ злымъ умысломъ. И составитель его, мнѣ думается, воспользовался своей ролью «покорнѣйшаго слуги» (*своимъ покорнѣйшимъ слугою?*). А этому «покорнѣйшему слугѣ» въ пору только справляться, почему провизія на рынокъ да, въ лучшемъ случаѣ, собирать сплетни насчетъ свѣжихъ обличительныхъ церковныхъ посланій, направленныхъ противъ преслѣдуемой секты, членомъ которой самъ онъ, конечно, никогда не состоялъ. Только сумасшедшій да дуракъ, я такъ полагаю, способенъ впутаться во всю эту исторію *безъ явно клеветнически-лакейскихъ намѣреній*.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, XXVIII, 398—399.

³⁾ Шумигорскій: «Императрица Марія Ѳеодоровна», I, 328.

чатлительнаго, мятущагося цесаревича. Страстно любимое имъ военное дѣло, заключавшееся въ обученіи по прусскому образцу небольшой арміи «гатчинцевъ», чередовалось съ религіознымъ чтеніемъ и молитвой. Въ Гатчинскомъ дворцѣ показывали мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами; паркетъ былъ положительно вытертъ въ этихъ мѣстахъ. Но онъ не выдержалъ ни опальнаго своего положенія при дворѣ матери, ни ужасовъ революціи, поразившихъ Францію и Европу. Характеръ его дѣлался мрачнѣе и раздражительнѣе, масонскій катехизисъ потерялъ свое обаяніе; онъ приходилъ къ убѣжденію, что «людьми слѣдуетъ править пушками и шпицрутенами». Вокругъ цесаревича появились люди не масонской складки и понятій: Растопчинъ, Аракчеевъ, Кутайсовъ, Линденеръ и др. вмѣсто любезнаго, живого и чуткаго на запросы жизни цесаревича, выросла грозный деспотъ, признававшій высшимъ закономъ для всѣхъ одну лишь свою неукротимую и перемѣнчивую волю. Могъ ли онъ отозваться на братскую просьбу масоновъ:

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ?

Первое время по восшествіи своемъ на престолъ императоръ Павелъ, дѣйствительно, показалъ себя покровителемъ масоновъ, въ особенности тѣхъ, которые пострадали за него. На другой день послѣ смерти Екатерины онъ освободилъ Новикова, удостоилъ его аудіенціи, а съ нимъ освобождены были и всѣ, замѣшанные въ дѣло мартинистовъ. Кн. Куракинъ, кн. Репнинъ, Баженовъ, Лопухинъ, были вызваны ко двору и щедро вознаграждены. Руководителемъ совѣсти императора, казалось, остался одинъ Плещеевъ, вспомошествоваемый императрицей Маріей и Нелидовой. Масоны торжествовали... Но люди, лучше ихъ знавшіе характеръ и міросозерцаніе новаго государя, уже готовили имъ паденіе. Однимъ изъ первыхъ въ ихъ числѣ былъ Растопчинъ, умѣвшій угождать вкусамъ императора и его настроенію и отлично изучившій его міросозерцаніе. «Я воспользовался случаемъ,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—который мнѣ представила поѣздка наединѣ съ нимъ, въ каретѣ, въ Таврической дворецъ. Возразивши на одно его замѣчаніе, что Лопухинъ былъ только глупцомъ, а не обманщикомъ, какъ товарищи его по вѣрованіямъ, я затѣмъ рас-

Митр. Мих. Десницкій
(Собр. С. П. Виноградова).
Mitr. Michel Desnitsky.

пространился о многих обстоятельствах, сообщил о письмѣ изъ Мюнхена объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій (убить императрицу), о ихъ таинствахъ и проч., и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ разговоръ нанесъ мартинистамъ смертельный ударъ и произвелъ сильное броженіе въ умѣ Павла, крайне дорожившаго своей самодержавной властью и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ зародыши революціи. Лопухинъ, успѣвши написать всего одинъ указъ о пенсіи какой-то камеръ-юнгферъ, отправленъ въ Москву сенаторомъ, Новиковъ, котораго, по освобожденіи его изъ тюрьмы, императоръ полюбопытствовалъ видѣть, былъ затѣмъ высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ, священникъ (Матвѣй Десницкій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій) остался при своемъ церковномъ служеніи; но многіе лишились прежняго вліянія, потеряли всякое значеніе и стали жертвами весьма язвительныхъ насмѣшекъ государя. Неудивительно, что въ его мнѣніяхъ произошла такая скорая перемѣна: существуютъ классъ людей и родъ услугъ, которые нравятся наслѣдникамъ престола до ихъ воцаренія, но отъ которыхъ они отворачиваются послѣ, даже наказывая тѣхъ, кто казался необходимымъ, а потомъ въ награду получаетъ одно только презрѣніе¹⁾.

Расстопчинъ, очевидно, переоцѣнилъ значеніе своего извѣта. Павелъ измѣнился еще до своего воцаренія, и масоны, не умѣвшіе примѣнить своего катехизиса къ придворной атмосферѣ, должны были бы уйти отъ двора и безъ доносовъ Расстопчина. Знавшіе характеръ новаго государя остались при немъ, несмотря на опалу, постигшую Новикова и Лопухина, и среди нихъ сохранилъ свое значеніе на нѣкоторое время даже Плещеевъ, котораго Расстопчинъ выставлялъ главнымъ покровителемъ масонства. Хорошо знакомый съ ученіемъ русскихъ масоновъ, Павелъ, безъ сомнѣнія, умѣлъ отличить ихъ отъ иллюминатовъ школы Вейсгаупта, но онъ, еще будучи наслѣдникомъ, возненавидѣлъ въ ихъ дѣятельности проявленіе общественной силы, независимой отъ верховнаго правительства, ясно усмотрѣлъ за «чуждачествами» масоновъ проявленіе общественнаго самосознанія, а въ нихъ самихъ—лицъ, дѣйствовавшихъ «скопомъ». Выдѣливъ изъ среды масоновъ Лопухина, какъ «глупца, менѣе виновнаго, чѣмъ прочіе», Расстопчинъ не замѣтилъ, что Лопухинъ-то собственно одинъ и подвергся удаленію отъ двора именно за свой смѣлый языкъ, за свое неукротимое желаніе «вѣщать правду» монарху. Между тѣмъ, это былъ, выражаясь современнымъ языкомъ, самый благонамѣренный почитатель и охранитель стараго строя, даже въ большей степени, чѣмъ самъ Расстопчинъ. «Все,—писалъ онъ незадолго до смерти Екатерины въ одной изъ своихъ брошюръ,—все намъ вопіетъ о есте-

¹⁾ Записка о мартинистахъ, представленная въ 1811 г. графомъ Расстопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ («Р. Арх.», 1875, III, 75).

И. П. Тургеневъ.
I. P. Tourgueneff.
(Собрание Академіи Наукъ).

Символистическія изображенія изъ изслѣдованія Грабельна и Рихтельна 1696 г., представляющія изъясненіе трехъ принциповъ и міровъ въ человѣкѣ.

Въ прилагаемыхъ изображеніяхъ каждый можетъ увидать, какъ въ зеркалѣ, подѣ властью чего находится его жизненный обликъ.

Рис. 1. «Земной естественный и темный человѣкъ въ звѣздахъ и стихіяхъ». См. аналогичные рисунки «Практика совершенія человѣка» въ I т

Image symbolique.

Символистическія изображенія изъ Грабельна и Рихтельна.

Рис. 2. «Перерожденный человекъ». Здѣсь выясняется, какой видъ придаетъ внѣшнему облику вѣра, дошедшая до центра въ сердцѣ. Рисунки заимствованы изъ 2 изд. 1779 г. (Берлинъ и Лейпцигъ). Воспроизведены нами, какъ и первые два въ I томѣ «Масонства», изъ коллекции *И. М. Фадѣева*.

Image symbolique.

С. И. Гамал'я.

S. I. Gamal'ia.

Миніатюра въ Историческомъ Музеѣ.

М. М. Херасковъ.

М. М. Heraskoff.

(Собрание С. П. Виноградова.)

И. П. Елагинъ.

I. P. Elaguine.

(Собраніе С. П. Виноградова.)

Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій
Charles, duc de Sudermanland,

(впослѣдствіи король Карлъ XIII), глава шведскаго масонства въ концѣ
XVIII в.

Chef de la maçonnerie suédoise en XVIII в.

**Циннендорфъ,
Zinnendorf**

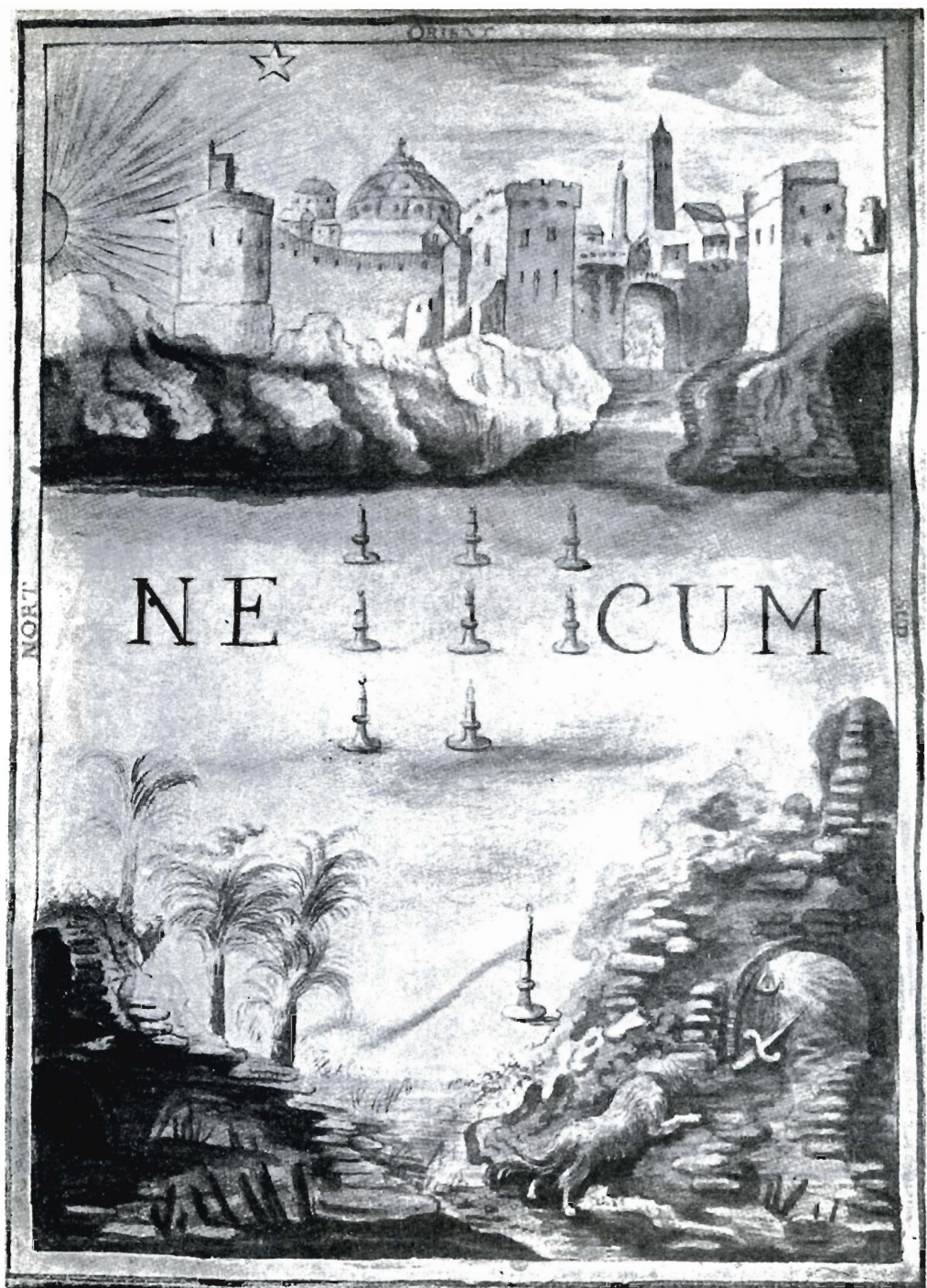
основатель масонской системы. (Нац. библ. въ Парижѣ.)
fondateur du système maçonnique.

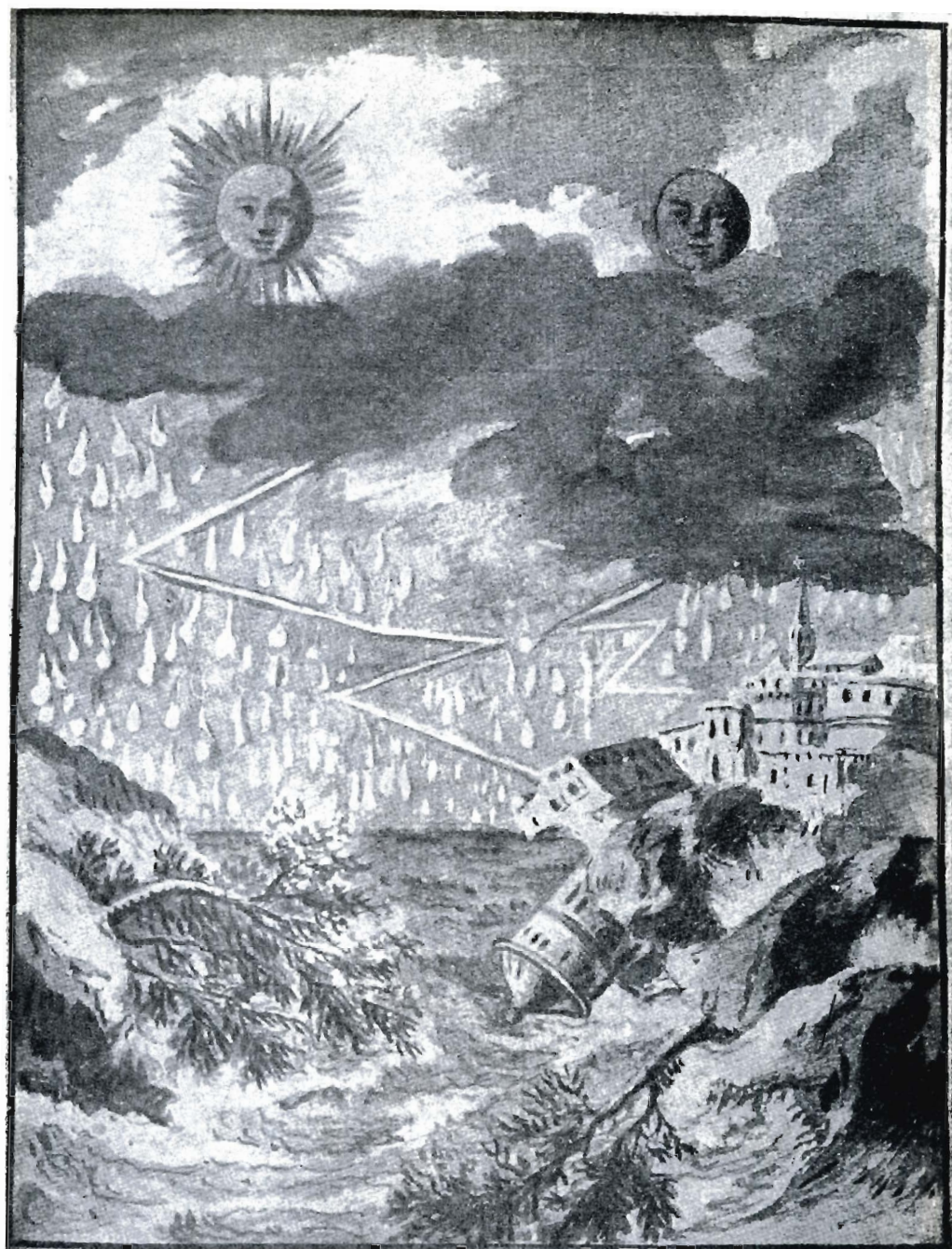
Запонъ

Tablier maçonique.

(Изъ собранія С. П. Мельгунова).

СВѢТЪ масонскаго ученія.
La lumière de la science maçonnique.
(Собрачіе Государ. Архива).

Разрушеніе града нечестиваго.
La destruction de la ville impie.

Масонская аллегорія Собр. И П. Елагина, въ Государ. Архивѣ.

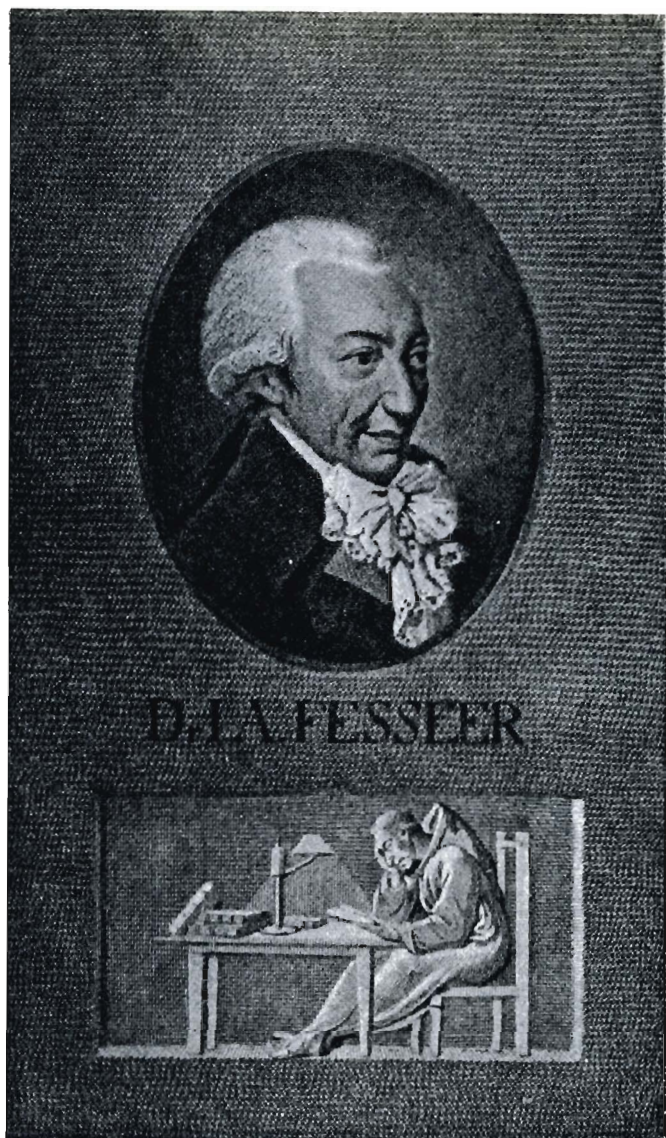
1. Der erste Kommandant von Malta, 2. Der Kommandant der spanischen Flotte, 3. Der Kommandant der spanischen Armee, 4. Der Kommandant der spanischen Flotte, 5. Der Kommandant der spanischen Armee, 6. Der Kommandant der spanischen Flotte, 7. Der Kommandant der spanischen Armee, 8. Der Kommandant der spanischen Flotte, 9. Der Kommandant der spanischen Armee.

Подземелье въ Мальтѣ.

1. Великій командоръ испанской Мальты съ своей духовной свитой.
2. Мавры, выходящіе, какъ пиитменъ, изъ пещеры.
3. Очаги и кухни.
4. Квашня.
5. Водопои для скота.
6. Печи.
7. Конюшни.
8. Одушины.
9. Входъ въ пещеру.

Проф. Фесслеръ.

Prof. J. Fessler.

Собрание кн. Васильчикова въ Историч. Музеѣ.

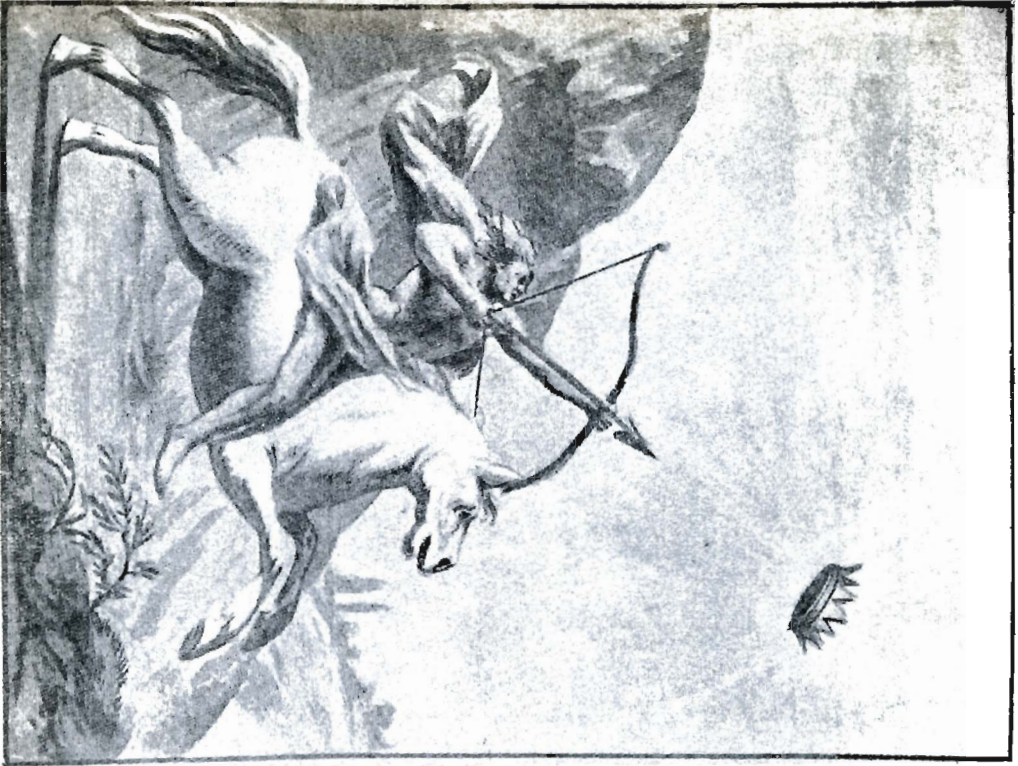
См. его портретъ въ I т. стр. 109.

Ф. П. Ключаревъ.

F. Klutchareff.

(Рук. От. Рум. Музея).

Масонскія аллегорическія изображенія.

Allegories maçonniques.

Собраніе И. П. Елагина въ Государ. Архивѣ.

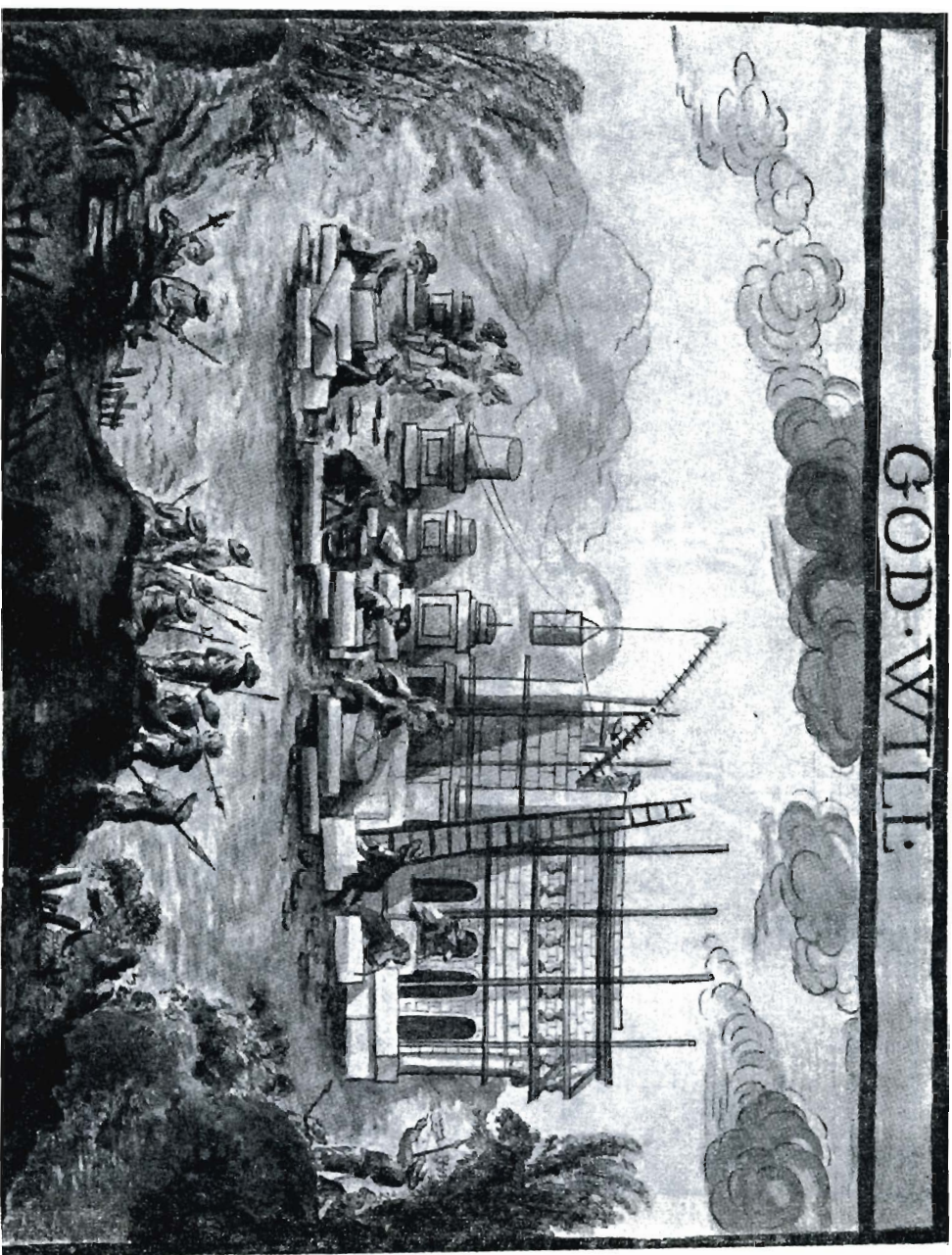

Масонская аллегорическая картина.

Allégorie maçonnique.

Собрание И. П. Елагина въ Государ. Архивѣ.

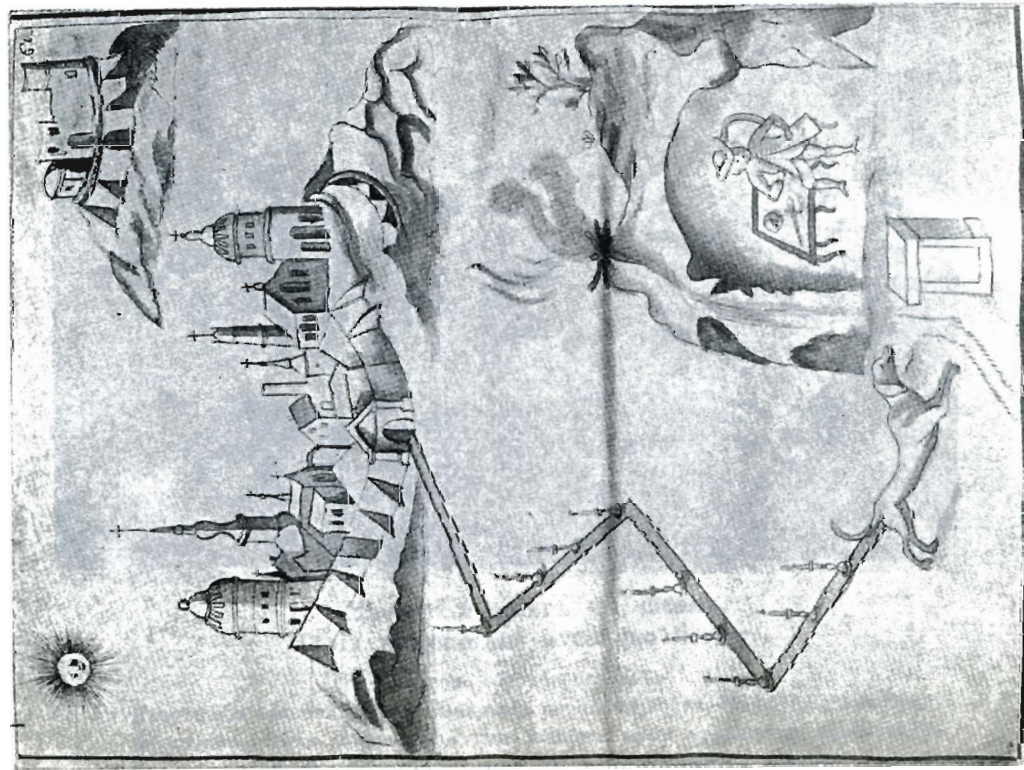
GOD·WILL.

Построєніє масонскаго храма.

La construction d'un temple maçonnique.

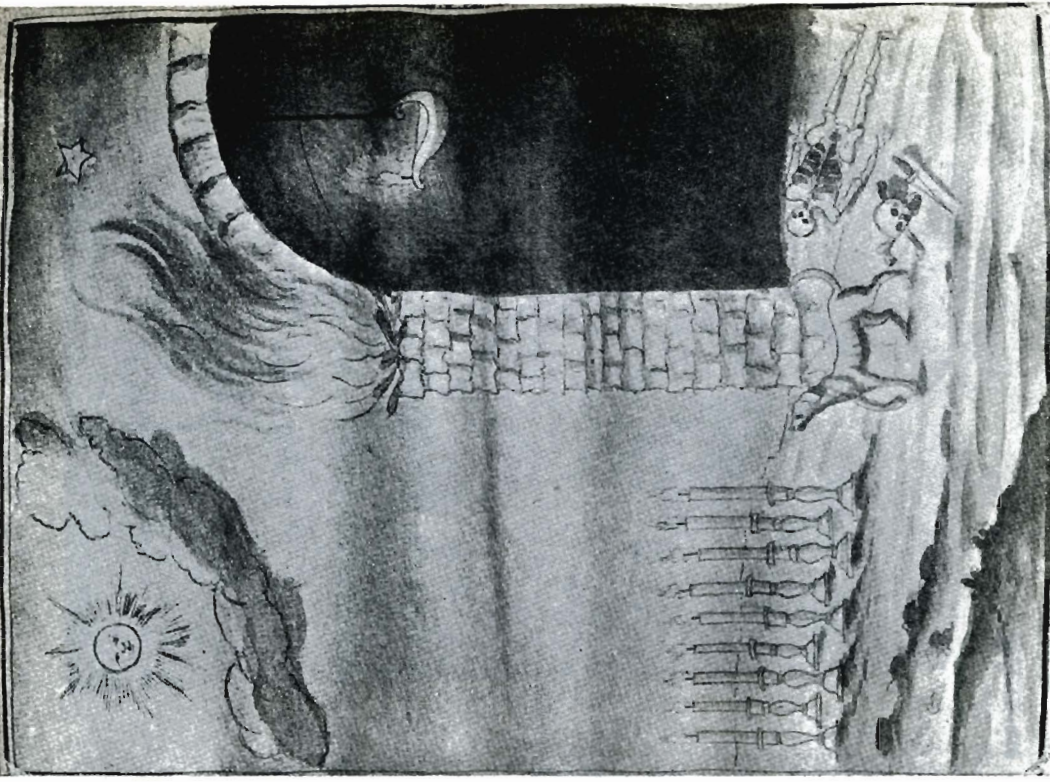
Собрание И. П. Елагина въ Государ. Архивъ.

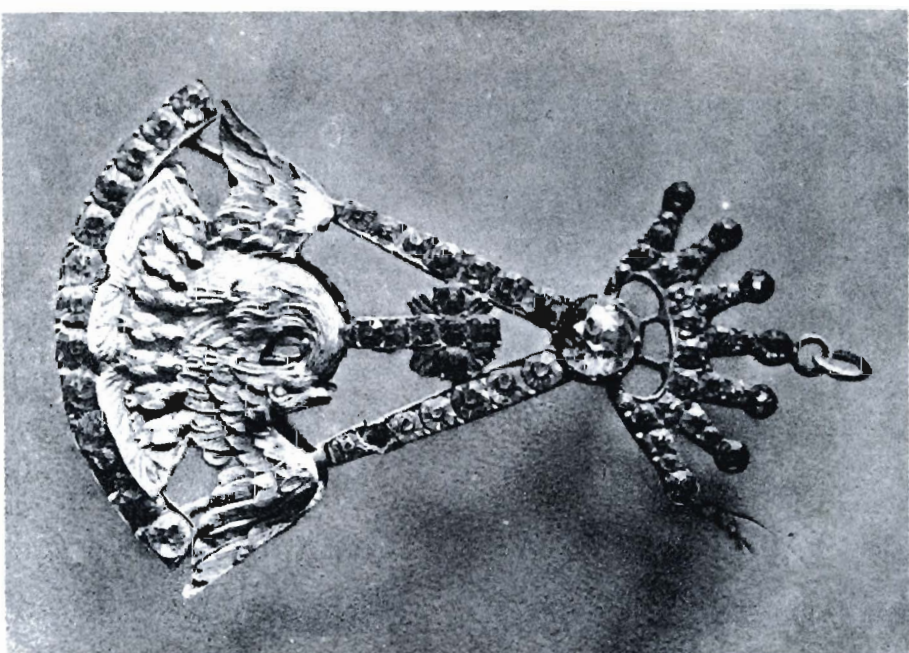
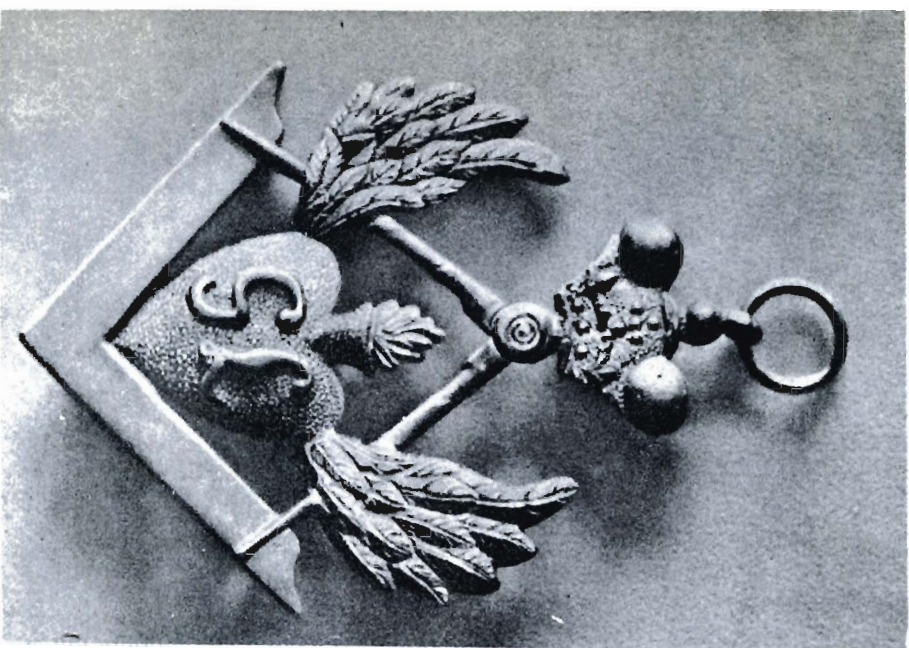

Масонская аллегорія.

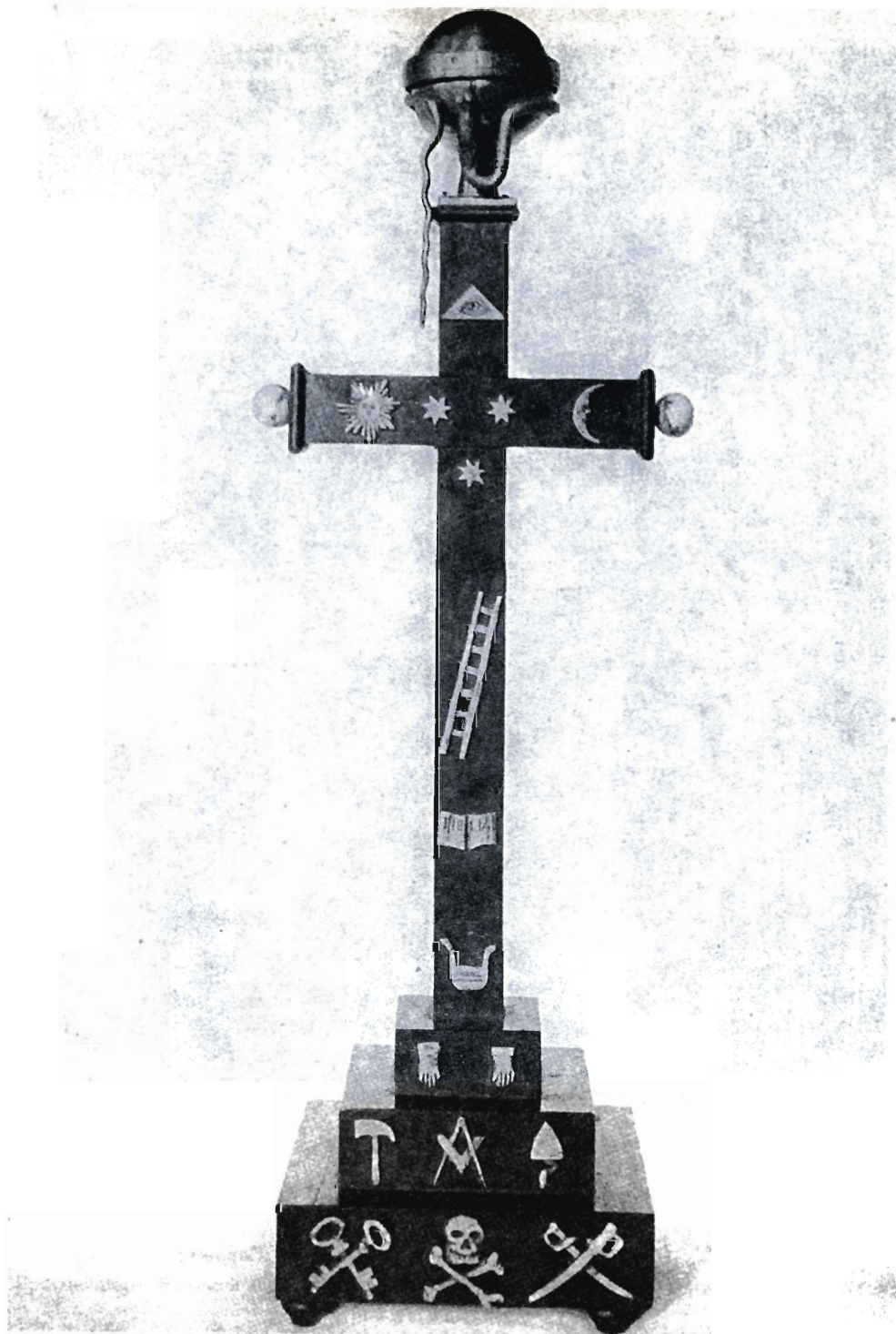
Allégorie maçonnique.

Собрание И. П. Елагина в Государ. Архивѣ.

Масонскіе знаки.
Objets maçonniques.
(Собрание Врублевскаго).

Масонскій крестъ съ часами.
Croix maçonnique avec une horloge.

(Собр. Врублевскаго).

Крестъ изъ эбенова дерева. Знаки изъ слоновой кости. Надъ крестомъ бронзовые часы. Змѣя показываетъ часы жаломъ; шаръ вращается, змѣя стоитъ на мѣстѣ. Заводятся внизу подъ пьедесталомъ креста.

Юганнъ Андреа.

I. Andrae.

(Гравюра изъ собранія Нац. библ. въ Парижѣ)

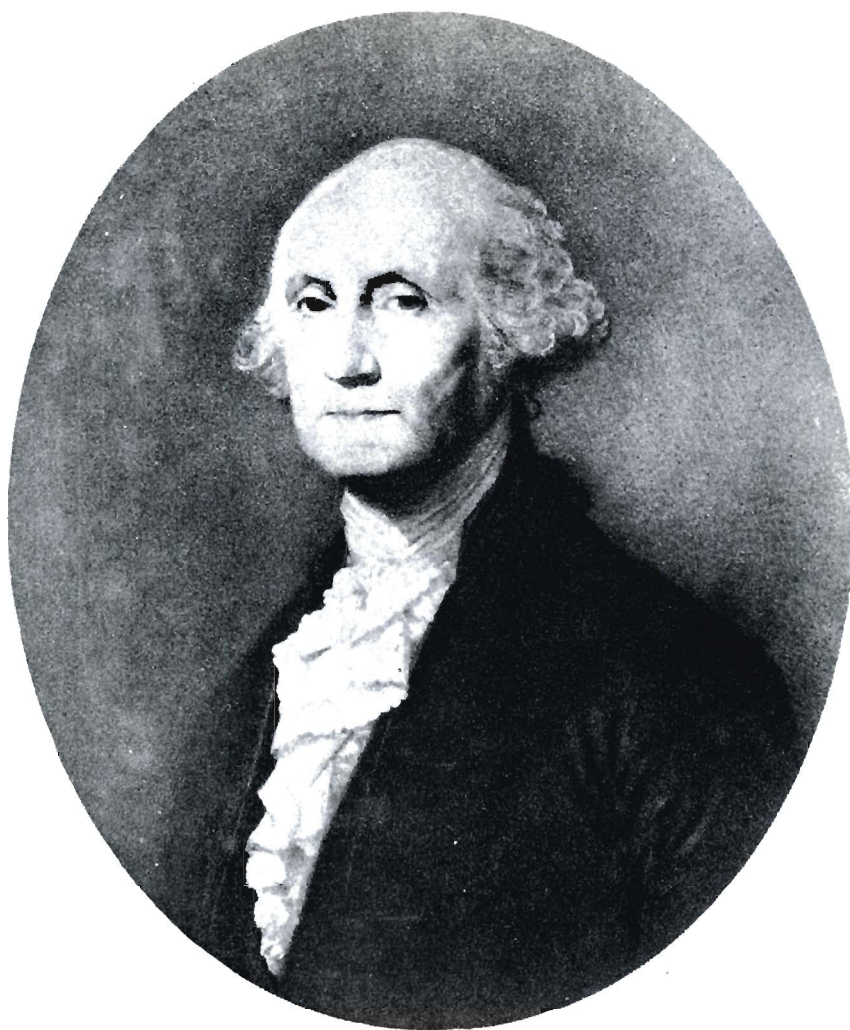
См. ст. Хераскова въ I т.

Теофилъ Дезагюлье,
Т. Desaguliers.

Гросмейстеръ Великой Ложи въ Англіи 1719. (Нац. библ. въ Парижѣ). См. ст. Хераскова
въ I т. стр. 17.

Grand Maître du Grande Orient d'Angleterre 1719 г.

Георгъ Вашингтонъ
G. Washington.

(Нац. библ. въ Парижѣ).

ственности первенства. Все намъ возвѣщаетъ необходимость, пользу подчиненія и власти, коихъ взаимное дѣйствіе есть душа порядка... Божественное единство, вселенною управляющее, освящаетъ свое подобіе въ земныхъ Царяхъ и величествомъ ихъ вѣнчается». Участъ Лопухина испыталь въ скоромъ времени и другой масонъ, о качествахъ котораго не посмѣлъ изрыгнуть хулу даже ядовитый языкъ врага масоновъ: это былъ князь Н. В. Репнинъ, преданный императору со временъ его дѣтства, но осмѣлившійся выразить на парадѣ мнѣніе, что погода стояла холодная. Павелъ осудилъ масонство, какъ учрежденіе, противное началамъ абсолютной его власти и излюбленному имъ полицейскому строю государственной жизни.

Вотъ почему намъ кажется безусловно вѣрною версія о закрытіи масонскихъ ложъ, сообщаемая въ уже цитированной запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи. По этой версіи, императоръ Павелъ, пріѣхавъ въ Москву на коронацію, повелѣлъ профессору Маттеи, управлявшему ложей Трехъ Мечей, созвать всѣхъ главныхъ масоновъ. Государь пріѣхалъ на собраніе и предложилъ присутствующимъ высказаться, не признаютъ ли они за лучшее прекратить масонскія собранія въ виду распространившихся со времени французской революціи правилъ и продолжающихся покушеній на общее мнѣніе. Всѣ отвѣтили отрицательно, только провинціальныи великій мастеръ рижскихъ ложъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ высказалъ, что мѣра, предложенная государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, куда могутъ проникать всякаго рода люди. Государь остался доволенъ заявленіемъ Штернберга и сказалъ: «Не собирайтесь болѣе до моего повелѣнія». По другой версіи (Рейнбека) императоръ, явившись въ Москвѣ на собраніе вліятельнѣйшихъ масоновъ, обошелся съ ними весьма любезно, подаль каждому руку и сказалъ: «Въ случаѣ надобности пишите мнѣ просто, по-братски и безъ всякихъ комплиментовъ». Братья же просили съ открытіемъ ложъ повременить. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ

Пис. Ивашкевичъ.

Кн. Н. В. Репнинъ (Изд. в. кн. Ник. Мих.).
Le prince N. Repnine.

Унгернъ-Штернбергъ высказалъ, что мѣра, предложенная государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, куда могутъ проникать всякаго рода люди. Государь остался доволенъ заявленіемъ Штернберга и сказалъ: «Не собирайтесь болѣе до моего повелѣнія». По другой версіи (Рейнбека) императоръ, явившись въ Москвѣ на собраніе вліятельнѣйшихъ масоновъ, обошелся съ ними весьма любезно, подаль каждому руку и сказалъ: «Въ случаѣ надобности пишите мнѣ просто, по-братски и безъ всякихъ комплиментовъ». Братья же просили съ открытіемъ ложъ повременить. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ

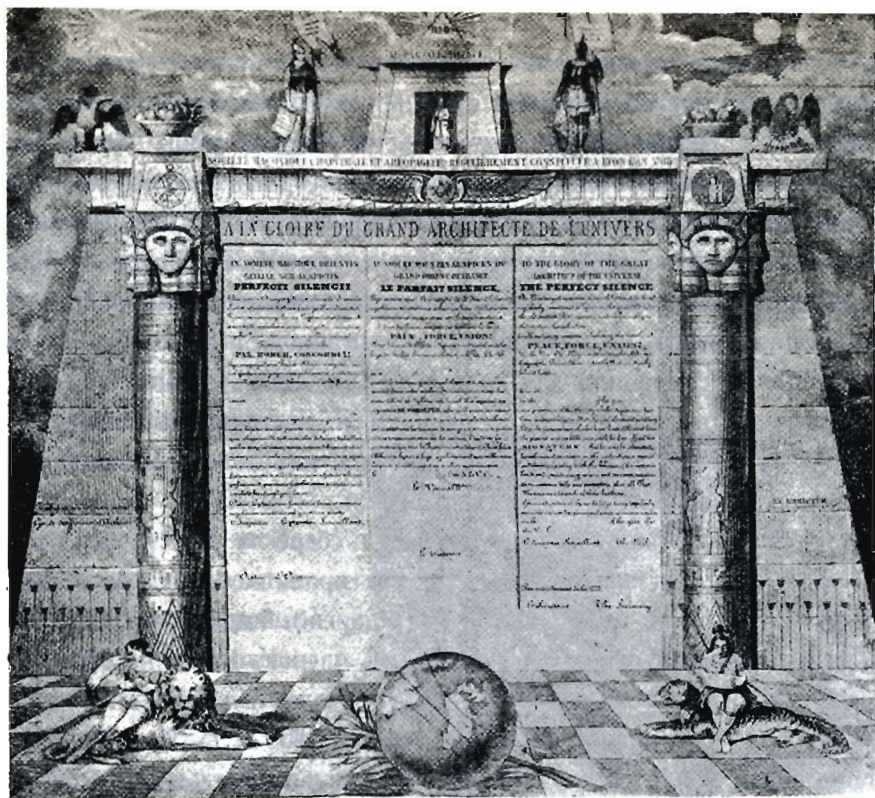
кратковременное царствованіе императора Павла, русскіе масоны обречены были на безгласное существованіе.

Очеркъ свой мы должны закончить опроверженіемъ заgrabной клеветы на масоновъ. По темному преданію, Павелъ I, какъ нарушившій клятву ордена каменщиковъ, не покровительствовалъ имъ и не разрѣшавшій имъ собраній, былъ присужденъ масонами къ смерти. Какъ ни увлекательно это преданіе для талантливаго романиста, для историка оно не можетъ имѣть никакого значенія: въ огромной литературѣ о смерти Павла I нѣтъ ни малѣйшаго слѣда на участіе въ этомъ дѣлѣ масонскаго ордена. Истина заключается развѣ въ томъ, что среди недовольныхъ правленіемъ Павла были лица, принадлежавшія ранѣе къ масонскимъ ложамя, но, повторяя слова Карамзина, мы спросимъ, кто же въ Россіи оплакивалъ смерть императора Павла?

Е. Шумигорскій.

Собраніе Д. Г. Бурлына.

Масонская грамота (Собрание Д. Г. Бурылина).
Diplôme maçonnique.

Раннее Александровское масонство.

Возрождение масонства.

«Нынѣ, когда фениксъ масонничества подъ благотворнымъ скиптродержаніемъ благословеннѣйшаго изъ монарховъ получилъ новое бытіе свое, мы видимъ ежедневно нашъ Востокъ озаряющимся новымъ блескомъ славы и добродѣтелей первѣйшихъ мужей въ государствѣ, приступившихъ къ нашимъ братскимъ работамъ».

Рѣчь князя М. П. Баратаева.

I.

«Sous le sceptre tolérant et pacificateur de notre Auguste Monarque, la lumière bienfaisante de la vraie et véritable Franche-Maçonnerie, qui sans jamais s'éteindre pour toujours se retire quelquefois dans le sein d'une obscurité mystérieuse pour éviter la profanation et les persécutions, eclaire de nouveau l'Orient de St.-Petersbourg, l'antique Capitale de la Russie et les provinces les plus éloignées de ce vaste Empire».

Печатный циркуляръ ложи Елисаветы къ Добродѣтели.

На утренней зарѣ царствованія императора Александра I, русскіе масоны, различныхъ направленій, объединены были одною мыслью: вернуть Ордену Вольныхъ Каменщиковъ утраченное имъ въ Россіи значеніе.

Кругъ вольныхъ каменщиковъ, работавшихъ втайнѣ со времени заключенія Николая Ивановича Новикова въ 1792 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, былъ невеликъ. Недовольство правительства императрицы Екатерины II было великимъ оселкомъ стойкости: большинство братій поколебалось въ вѣрности орденомъ и прекратило собранія въ ложахъ. Однако, какъ показало будущее, эти «слабые духомъ братія», не вовсе порвали связь съ орденомъ, а лишь благоразумно выжидали для каменщическихъ работъ «благопріятнѣйшихъ временъ». Кругъ мужей испытанной вѣрности, не прерывая тайныхъ собраній, сохранилъ для масоновъ XIX вѣка духовные масонскіе заветы, важнѣйшіе орденоскіе акты, обрядники и символическіе предметы; эти вѣрные братья, «столпы ордена», какъ именовали ихъ вольные каменщики, сберегли искру масонства подъ пепломъ запрещенія.

Ложа Пеликана къ Благотворительности сберегла заветы шведской системы ¹⁾; акты братства златорозоваго креста хранились у И. А. Поздѣва и А. Θ. Лабзина, который въ послѣдній годъ царенія императора Павла Петровича усиленно старался о привлеченіи новыхъ членовъ въ тайно образованную имъ розенкрейцерскую ложу; старанія его увѣнчались успѣхомъ...

На самомъ рубежѣ двухъ вѣковъ, 15 января 1800 г. въ Петербургѣ открылись работы ложи «Умирающаго Сфинкса» подъ молоткомъ А. Θ. Лабзина ²⁾.

По необходимости работая втайнѣ первое пятилѣтіе своего существованія, ложа А. Θ. Лабзина принимала большія предосторожности, чтобы ея собранія не были обнаружены. На случай, если бы кто изъ членовъ перемѣнилъ взгляды и пожелалъ выйти изъ братской цѣпи, онъ обязывался, какъ честный членъ, ничего о ложѣ «не открывать, какъ бы вовсе оной не существовало» запрещалось разглашать о работахъ не токмо въ міру профанскомъ, но и въ средѣ вольныхъ каменщиковъ, если они не были ритуально приняты въ ложѣ «Умирающаго Сфинкса» или къ ней присоединены по всѣмъ правиламъ масонскимъ.

Власть Лабзина, какъ управляющаго мастера тайной ложи, была особенно велика, братья должны были безпрекословно ему повиноваться, ни въ какія другія общества либо ложи безъ формальнаго на то отъ него дозволенія не переходить, никакому иному масонскому начальству не повиноваться,—буде на то не послѣдуетъ отъ него именного указанія: высшія орденоскія власти оставались братьямъ невѣдомы, ихъ волю олицетворялъ прямой, непосредственный руководитель ложи, самъ А. Θ. Лабзинъ.

Есть свѣдѣнія, что ложа собиралась въ небольшомъ деревянномъ домѣ на

¹⁾ Подробности о различныхъ системахъ изложены въ статьѣ о «системахъ». См. выше.

²⁾ А. Θ. Лабзинъ, род. 1776 г., † 1825 г., воспитанникъ Моск. Университета, ученикъ Новиковск. кружка, впослѣдствіи вице-президентъ Имп. Академіи Художествъ.

13-й линіи Васильевскаго Острова; домъ расположенъ былъ во дворѣ, такъ что съ улицы свѣта изъ оконъ видно не было. Точныхъ документовъ, однако, объ этомъ не сохранилось; достовѣрно лишь, что собранія были на Васильевскомъ Островѣ; самъ А. Ѳ. Лабзинъ, съ 1799 года, жилъ въ казенной квартирѣ въ зданіи Императорской Академіи Художествъ, гдѣ занималъ должность конференцъ-секретаря послѣ П. П. Чекалевскаго, тоже свободнаго каменщика.

Ложа «Умиращаго Сфинкса» работала на русскомъ языкѣ, списка сочленовъ ея за первые годы не сохранилось, обстановка и обиходъ ложи не были особенно богаты; но кругъ братьевъ отличался большимъ рвеніемъ къ орденскому дѣлу; клятва гласила: «посвятить всѣхъ себя и все свое, *честь, имѣніе и самую жизнь* цѣли ордена»; старые розенкрейцеры благоволили къ ложѣ—
І. А. Поздѣевъ, Н. И. Новиковъ, С. И. Гамалѣя и всѣ бывшіе еще въ живыхъ члены Московскаго Новиковскаго кружка.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, а именно въ 1803 году, стараніями тѣхъ же московскихъ розенкрейцеровъ, въ Москвѣ открывается тайная ложа, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. И. Голенищева-Кутузова, подъ наименованіемъ ложа «Нептуна». Характеръ Павла Ивановича сказывается и въ дѣятельности новообразованной ложи: скоро за нею упро-

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (Изд. в. кн. Ник. Мих.).
P. Golenitcheff-Koutousoff.

чилась слава самой нетерпимой, фанатичной ложи. Составъ не былъ многочисленъ, но спаянный желѣзной дисциплиной дѣйствовалъ единодушно; обстановка ритуальная отличалась крайнею простотой, почему члены и не облагались на устройство ложи стѣснительными денежными поборами, собирались деньги лишь на благотворительность и на борьбу съ вольномысліемъ, которая выражалась скупкою изданій противнаго направленія и помощью дѣятелямъ въ духѣ край-

няго піэтизма. Мистическая, алхимическая и магическая литература питала членовъ ложи; Яковъ Бэмъ, Василій Валентинъ, Парацельсъ, Пордечъ особенно чтились; съ большими затратами собиралась библіотека ложи «Нептуна», куда поступали главнѣйшія сочиненія по тайнымъ наукамъ временъ былыхъ и новѣйшія, все, что имѣло авторитетъ у розенкрейцеровъ; кромѣ того, купались и другія сочиненія, имѣвшія значеніе для вольныхъ каменщиковъ, какъ-то: за-

Изъ «Mysterium magnum» Воѣhme. Амст. 1682.
(Библ. Дмитріева въ Моск. Универс.).

коны, установленія и моральныя наставленія всѣхъ системъ. На кожаныхъ переплетахъ особо дорогихъ для ложи по содержанію своему книгъ отпечатлѣвали золотомъ треугольникъ и слово «Нептунъ», наименованіе ложи. Часть этой интереснѣйшей библіотеки сохранилась.

Самъ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ выступалъ въ собраніяхъ съ поучительными рѣчами, нерѣдко изложенными стихами; такія рѣчи онъ посылалъ въ послѣдствіи въ дружественныя ложи для прочтенія на

торжествахъ. Въ 1809 г. былъ изданъ сборникъ пѣсень для ложи «Нептуна» на французскомъ языкѣ; это были пѣсни, избранныя изъ другихъ масонскихъ пѣсенниковъ, по настроенію соотвѣтствовавшихъ направленію работъ Кутузовской ложи; онѣ предназначались для хорового пѣнія и для нихъ имѣлись мелодіи. На Іоанновъ день 1803 г. Кутузовъ сочинилъ особо торжественную оду, въ которой указывалось происхожденіе вольнокаменническаго ученія отъ древнѣйшихъ мудрецовъ Востока, а также подчиненіе его ложи «отцамъ и пастырямъ почтеннымъ», подъ коими всегда разумѣлись тайные, неизвѣстные розенкрейцерскіе начальники, обладатели неизрѣченной мудрости. Этотъ свѣтъ мудрости Кутузовъ испрашиваетъ для своей ложи: «Намъ свѣтъ съ Востока проливайте, держите цѣпь въ рукѣ своей»; цѣпь братства почиталась священной и таинственно-могучей; по мнѣнію масоновъ—что было «невозможностью для одного члена—было вполне достижимо для цѣлой цѣпи неразрывно объединенныхъ стремленій, желаній и дѣйствій»; «цѣпь, включая кромѣ того различныя степени посвященій, тайныхъ познаній и совершенства—являла собою единеніе земли съ небомъ»; поэтому

пѣснь воспѣвала и выражала пламенное желаніе, «дабы ученіе мудрости утверждалось все болѣе въ умахъ и сердцахъ»:

«Да нашу цѣпь скрѣпить во вѣки;
Пусть міръ падеть, изсякнуть рѣки,
Но цѣпь священна въ небесахъ,
Въ духовномъ мірѣ будетъ зрима,
Крѣпка, свѣтла, неколебима»...

Предписывалось въ ложѣ Кутузова остерегаться отягченія и развращенія ума многимъ чтеніемъ вольнодумныхъ книгъ,—изученіе книги натуры и самого себя почиталось важнѣйшимъ занятіемъ. Въ ложѣ хоромъ пѣли:

«Всегда у васъ передъ очами
Отверста книга естества,
Въ ней пламенными словесами
Сіяетъ мудрость божества!
Читай, о смертный, книгу вѣчну
Читай всегда, и ночь, и день!
Другія книги утѣшаютъ,
Но то земныхъ умовъ труды,
Которы больше мысль смущаютъ
И горьки подають плоды»...

Изъ «Mysterium magnum» Boëhne.

Отъ такого воззрѣнія—до гоненія всякаго свободнаго проявленія мысли было недалеко,—все зависѣло отъ личныхъ свойствъ руководителя работами; съ годами въ Кутузовѣ развилась въ сильной степени боязнь грѣховности, вольнодумства; ревниво оберегая свою духовную паству отъ «волковъ въ овечьей шкурѣ ходящихъ и гласомъ агничьимъ глаголющихъ», онъ яро преслѣдовалъ «ложное масонство», т.-е. системы, несходныя по характеру съ Розенкрейцерствомъ или хотя бы со шведскою системою: въ нихъ онъ усматривалъ проявленіе опаснаго иллюминатства. Ложу Кутузова многіе называли зданіемъ на пескѣ, и даже близкіе друзья его не разъ расходились съ нимъ изъ-за его фанатизма.

Знака ложи не сохранилось, но изображеніе символа ложи представлено на ея большой печати: «Нептунъ съ трезубцемъ въ рукѣ, онъ облокотился о масонскій жертвенникъ, вдали едва виднѣется удаляющійся корабль». Морской сюжетъ на печати и само наименованіе ложи служило напоминаніемъ о прежней ложѣ Нептуна, основанной въ 1779 г. въ Кронштадтѣ и составъ кото-

рой въ то время былъ морской; самъ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ ¹⁾ молодымъ морякомъ вступилъ въ ложу; ревностнымъ отношеніемъ онъ вскорѣ снискалъ полное довѣріе управляющаго мастера адмирала Самуила Карловича Грейга и во время войны со шведами, когда ложа перенесена была на корабль «Ростиславъ» и съ нимъ совершала походы, Павлу Ивановичу были довѣрены многіе важные акты и печать ложи. Послѣ Гохландскаго сраженія П. И. Голенищевъ-Кутузовъ былъ адмираломъ Грейгомъ отправленъ къ Императрицѣ Екатеринѣ съ реляціей о побѣдѣ и тогда же, страшась превратностей войны, С. К. Грейгъ повелѣлъ ему увезти и хранить у себя до «спокойнѣйшихъ временъ» ввѣренныя ему сокровища ложи. Грейгъ не вернулся съ похода и, волею рока, важные масонскіе документы оказались навсегда во владѣніи П. И. Голенищева-Кутузова, который и открылъ въ память ложи, усыновившей его, Московскую ложу, сохранивъ наименованіе и печать: направленіе работъ ея, однако, сильно разнилось отъ работъ подъ руководствомъ С. К. Грейга.

По общественному положенію члены Кутузовской ложи принадлежали къ родовитому московскому дворянству, подмосковнымъ помѣщикамъ; было нѣсколько профессоровъ университета и временами молодые офицеры: такъ, напримѣръ, графъ Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ посвященъ былъ въ вольные каменщики въ ложѣ «Нептуна».

Работы происходили на русскомъ и французскомъ языкѣ.

Въ 1802 году дѣйствительный камергеръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ открылъ въ Петербургѣ ложу подъ наименованіемъ «Соединенные Друзья» ²⁾.

Работы начались исключительно на французскомъ языкѣ, по актамъ французской системы, полученнымъ А. А. Жеребцовымъ ³⁾ въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ посвященъ во время консульства. Акты новообразованной ложи, по отзыву

¹⁾ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, въ послѣдствіи сенаторъ, кураторъ Московскаго университета, во время Гохландскаго сраженія состоялъ генеральсь-адъютантомъ Грейга; за это сраженіе Кутузовъ имѣлъ патентъ, отъ 10 іюня 1788 г., въ удостовѣреніе храбрости. Подробности смотри «Масонство въ прежнемъ Русскомъ флотѣ», журналъ «Море» 1907 г., № 8.

²⁾ Acta Latomorum I, 223.

³⁾ Біографическихъ данныхъ о А. А. Жеребцовѣ сохранилось весьма мало, года рожденія и смерти не удалось пока установить; въ 1783 г. онъ былъ записанъ капраломъ въ Лб.-Гв. Измайловскій полкъ; въ 1796 г. онъ уже числится по гражданскому вѣдомству со званіемъ камеръ-юнкера и въ числѣ шести придворныхъ опредѣленъ состоять при Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, супругѣ Великаго Князя Константина Павловича. По запискамъ фонъ-Гельбига, Жеребцовъ былъ посланъ въ Берлинъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Павла, но не выказалъ дипломатическихъ способностей. Мать Жеребцова, урожденная Ольга Александровна Зубова, какъ извѣстно, имѣла отношенія къ заговору, слѣдствіемъ коего была кончина императора Павла Петровича.

Въ 1812 году имя камергера А. А. Жеребцова встрѣчается въ спискахъ петербургскаго ополченія, въ которомъ онъ выказалъ выдающуюся храбрость.

петербургской полицейской власти, просматривавшей ихъ въ 1810 году, состояли изъ однихъ токмо обрядовъ и церемоніаловъ, «ученія», имѣли мало и «предметъ (т.-е. цѣли) никакого».—На самомъ же дѣлѣ и ученіе, и предметъ въ ложѣ существовали: ритуаль заключалъ въ себѣ своеобразный культъ солнца, силъ природы, проповѣдывалась «*religion naturelle*», а предметомъ было—«Стереть между человѣками отличія расъ, сословій, вѣрованій, воззрѣній, истребить фанатизмъ, суевѣріе, уничтожить національную ненависть, войну, объединить все человечество узами любви и знанія». На таинственномъ треугольникѣ, изображавшемся на Восточной сторонѣ ложи, вписывались три буквы (латинскаго образца) S—обозначавшія слова *Soleil, Science, Sagesse*.

Символы и замысловатые обряды французской системы оказались достаточно иносказательными, чтобы скрыть отъ «непосвященнаго, профанскаго міра», отъ пытливости любопытства—сокровенный смыслъ ученія ложи А. А. Жеребцова.

По именнымъ спискамъ членовъ, сохранившимся въ русскомъ архивѣ, составъ ложи «Соединенныхъ Друзей» на первыхъ же порахъ оказался блестящимъ.

Во главѣ списка стояло имя великаго князя Константина Павловича, цѣлый рядъ извѣстныхъ именъ слѣдовалъ за нимъ: герцогъ Александръ Виртембергскій ¹⁾, графъ Станиславъ Костка-Потоцкій ²⁾, графъ Александръ Остерманъ-Толстой, генераль-маіоръ Николай Михайловичъ Бороздинъ, Карль Осиповичъ О-де-Сіонъ, графъ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ ³⁾, Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ ⁴⁾, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ ⁵⁾. и др. Въ числѣ посѣтителей, почетныхъ членовъ, слѣдуетъ отмѣтить извѣстнаго реформатора масонства Игнатія Аврелія Фесслера ⁶⁾.

А. А. Жеребцовъ. (Изд. в. кн. Ник. Мих.).
A. Zherebtsov.

¹⁾ Бѣлорусскій генераль-губернаторъ.

²⁾ Позже Министръ Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ.

³⁾ Церемоніймейстеръ Двора Е. Имп. Велич.

⁴⁾ Впослѣдствіи шефъ жандармовъ при Имп. Николаѣ I.

⁵⁾ Министръ полиціи при Имп. Александрѣ I.

⁶⁾ Род. 1756†1839. Въ Россію Фесслеръ былъ приглашенъ Сперанскимъ въ 1809-мъ году для преподаванія еврейскаго языка въ СПб. Духовную Академію.

Дѣятельность юной ложи «Соединенныхъ Друзей» отмѣчена въ иностранной печати подъ 1804-мъ годомъ въ числѣ старинныхъ русскихъ ложъ, возобновившихъ свои работы, «ложи великаго Князя Константина Павловича и графа Потоцкаго отличаются избранностью своихъ членовъ, любезностью къ иноземцамъ и галантностью относительно дамъ, которыхъ они приглашаютъ на свои празднества». — Въ этой замѣткѣ обращаютъ вниманіе причисленіе ложи къ «возобновившимся стариннымъ русскимъ ложа́мъ» и упоминаніе о «галантности къ дамамъ» и ихъ якобы присутствіе во время торжественныхъ собраний. Основанія для такого утвержденія, дѣйствительно, были: въ XVIII вѣкѣ въ Петербургѣ работала ложа подъ наименованіемъ «Соединенныхъ Братій», учрежденная въ 1786 г., но имѣла ли эта ложа большую связь съ ложею А. А. Жеребцова, кромѣ названія, пока еще по сохранившимся въ архивахъ даннымъ, сказать нельзя ¹⁾. Относительно дамъ можно утверждать, что къ братскимъ торжественнымъ трапезамъ «прекрасныя нимфы двора Купидона» (какъ иногда выражались масоны) приглашались, хотя и рѣдко; объ этомъ свидѣлствуютъ тосты, пѣсни и нѣкоторыя выраженія обрядниковъ, принадлежавшихъ этой ложѣ. Кромѣ того, за ложею «Соединенныхъ Друзей», съ теченіемъ времени, установилось мнѣніе какъ о безпкойной ложѣ, въ которой братья далеко не всегда предавались однимъ только умозрительнымъ работамъ или стараніямъ очистить «дикій камень», т.-е. свою нравственность.

Не взирая, однако, на не «совершенныя» работы, число членовъ постепенно увеличивалось, ложа оказала большую жизнеспособность. Въ 1810-му году она имѣла уже свое особое помѣщеніе, свой хорошо организованный оркестръ братьевъ гармоніи, игравшихъ, главнымъ образомъ, на деревянныхъ инструментахъ, и даже печатный сборникъ пѣсень съ нотами подъ заглавіемъ «Гимны и Кантаты для ложи Соединенныхъ Друзей на Востокъ С.-Петербурга» ²⁾. Сборникъ включалъ три пѣсни на 56 страницахъ, музыка была написана Бозлде и К. Кавосомъ, слова же принадлежали перу Дальмаса и Василія Львовича Пушкина. Пѣсни воспѣвали любовь къ отчизнѣ и славословили Императора Александра I. Особое распространеніе имѣла пѣснь В. Л. Пушкина, положенная на музыку Кавосомъ и начинавшаяся слѣдующими восторженными

¹⁾ Къ сожалѣнію, многіе семейные архивы, хранящіе документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи масонства, недоступны для изслѣдователя.

²⁾ «Hymnes et Cantiques pour la R. (т.-е. Respectable) Loge des Amis Réunis à l'O.: de St.-Petersbourg. A. Jerusalem L'an 5810 de L. v. L. (т.-е. La vraie Lumière)». Въ большинствѣ случаевъ масоны ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и тогда неизмѣнно поясняютъ: истиннаго свѣта, въ различіе отъ обычнаго христіанскаго счисленія, которое отмѣчаютъ лите-рами A. D , т.-е., Anno Domini. Новый годъ у масоновъ считался не съ перваго января, а съ 1-го марта.

строчками, проникшими за стѣны ложи и ходившими по рукамъ современниковъ:

«Servir, adorer sa patrie
C'est le devoir d'un bon maçon»,

т.-е. обожать свою родину, служить ей, вотъ долгъ истиннаго каменщика.

Братья собирались въ ложѣ довольно часто для различнаго рода работъ; совершались приемы новыхъ членовъ и посвященія въ послѣдующія степени, бывали ложи семейныя или хозяйственныя для обсужденія внутренняго распорядка, поучительныя, торжественныя и печальныя, т.-е. поминаніе братьевъ, свершившихъ жизненный путь. Сохранились обряды столовыхъ ложъ, отрывки рѣчей за 1810—11 гг., отчеты о денежныхъ сборахъ и раздачѣ милостыни бѣднымъ. Обращаетъ вниманіе строгій контроль рѣчей, произносимыхъ въ собраніяхъ; были избраны изъ числа братьевъ трое, коимъ поручена «цензура» рѣчей. За исключеніемъ управляющаго мастера, никто не имѣлъ права выступить «со словомъ», предварительно не подавъ «писаннаго слова» на одобреніе Великому мастеру, который, съ нимъ ознакомившись, уже передавалъ текстъ избраннымъ цензорамъ.

Всѣ матеріалы, касающіеся первыхъ лѣтъ существованія ложи А. А. Жеребцова, на французскомъ языкѣ; на французскомъ же напечатаны были и дипломы на различныя степени. Отличительнымъ знакомъ ложи былъ золотой прорѣзной равносторонній треугольникъ съ надписью: «Les amis réunis». Двѣ руки, соединенныя братскимъ пожатіемъ, заключены въ этомъ треугольникѣ¹⁾; носился знакъ на алой шелковой лентѣ.

Ложа А. А. Жеребцова объединила, главнымъ образомъ, представителей Петербургской знати, *librepenseur*'овъ того времени, одного изъ представителей коихъ князь П. Вяземскій такъ красиво воспѣлъ въ послѣдствіи, выражаясь, что онъ въ книгѣ жизни «всѣ перебиралъ листы, былъ мистикъ, теозофъ, пожалуй, чернокнижникъ и нѣжный трубадуръ подъ властью красоты». Проповѣдовалась любовь къ красотѣ жизни, повелѣвалось добиваться этой красоты для возможно большаго числа людей, устройство земного эдема; великій храмъ челоуѣчества должно было воздвигнуть на трехъ столбахъ: силы, мудрости и красоты.

«Преславный храмъ сей подкрѣпляютъ
Премудрость, сила, красота,
А твердость стѣнъ сихъ составляютъ
Любовь, невинность, простота».

¹⁾ Воспроизведенъ въ каталогѣ «Масонской коллекціи Д. Г. Бурлына», русскій отдѣлъ; сост. Т. О. Соколовской. 1912 г., стр. 17, № 1.

²⁾ Рус. Арх. 1877, I, 542—545. «Поминки». Стих. «Поминки» см. также. «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго», т. XII, стр. 536. Кн. Вяземскій имѣлъ въ виду гр. М. Ю. Вильгорскаго, масона и музыканта, который равно былъ вхожъ «въ масонскую и оперную ложу». (Примѣчанія XVI стр.). *Ред.*

Часто пѣлась хоровая пѣснь, сочиненная еще въ XVIII вѣкѣ въ честь братства, сопряженного дружбою. Пѣснь заключалась куплетомъ, полнымъ жизне-радостнаго, бодрого чувства—

«О, сколь часы сіи прелестны,
Составимъ купно громкій хоръ—
Вкушай веселіе небесно
Счастливой вольности соборъ!»

Покровительство вольнымъ наукамъ и вольному художеству «было однимъ изъ принятыхъ *«mots de semestre»*,—пытливости разума не ставилось грани, ученые и артисты привлекались въ ложу.

Обычнымъ привѣтствіемъ братьевъ при встрѣчѣ было: «сила въ единеніи», символически девизъ этотъ, какъ выше указано, изображался и на отличительномъ знакѣ ложи дружескимъ пожатіемъ рукъ.

Кромѣ вольныхъ каменщиковъ, слѣдовавшихъ завѣтамъ братства злато-розоваго креста и приверженцевъ французскаго обряда, въ тиши собирались въ Петербургѣ еще посвященные въ тайны шведскаго масонства члены ложи Пеликана къ благотворительности, учрежденной въ 1773 г. Къ 1805 году было рѣшено придать наименованію ложи новый блескъ, посвятить ее юному монарху. Послѣ испрошеннаго разрѣшенія и послѣдовавшаго отвѣта, что государю это не будетъ противно, 11 октября 1805 года открыта была ложа подъ наименованіемъ «Александра благотворительности къ коронованному Пеликану» и всѣмъ братьямъ розданъ новосочиненный отличительный знакъ: серебряный іоаннитскій крестъ, украшенный золотымъ солнечнымъ сіяніемъ, въ центрѣ коего коронованный Пеликанъ, кормящій своихъ дѣтенышей, помѣщенъ въ прописной буквѣ А.

Во главѣ ложи всталъ И. В. Беберъ ¹⁾, бывший секретарь Великой національной ложи (при началѣ ея дѣятельности 1778 г.), масонъ «осмотрительный, благоразумный и великомудрый», по мнѣнію масонской братіи. Часть актовъ Великой Национальной ложи сохранилась у него, а ложа Пеликана, въ самыя годы испытанія продолжавшая связь со шведскимъ братствомъ, когда другія ложи «вовсе работать переставали», имѣла всѣ необходимые обрядники и клейноды шведскаго обряда.

Тогда же, при открытіи правильныхъ работъ было рѣшено послѣдующую ложу именовать въ честь августѣйшей супруги Государя ложею «Елисаветы къ Добродѣтели».

Въ составъ масонскихъ ложъ Петербурга въ XVIII вѣкѣ по преимуществу

¹⁾ Род. въ Веймарнѣ 1776 г. † Петерб. 1820. Членъ-корреспондентъ Имп. Акад. Наукъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ; инспекторъ 2-го Кадетскаго корпуса.

вошло родовитое дворянство, но уже за первое пятилѣтіе возобновленія каменщическихъ работъ въ XIX вѣкѣ стало выясняться, что чары масонства увлекаютъ и средній классъ интеллигенціи и проникаютъ въ среду болѣе или менѣе обеспеченнаго купечества и представителей различнѣйшихъ ремеселъ. Тогда-то рѣшено было при образованіи новыхъ ложъ, стараться объединять въ каждой изъ нихъ по возможности лицъ однороднаго общественнаго положенія, взглядовъ и вкусовъ; такимъ образомъ, каждая ложа обрѣтала бы сразу нѣкоторый характерный обликъ. Эта мысль получила широкое распространеніе и претворилась въ послѣдствіи въ жизнь.

Къ 1809 году въ ложѣ Александра благотворительности къ коронованному Пеликану уже былъ настолько разнороденъ и численный составъ, что рѣшено было отдѣлиться группѣ сочленовъ и образовать новую ложу подъ наименованіемъ ложи «Елисаветы къ Добродѣтели»; открытіе состоялось 1-го іюня, во главѣ ея всталъ д. с. с. масонъ Екатерининскаго времени, Александръ Сергѣевичъ Сергѣевъ. Знакомъ ложи утверждена была 5-конечная золотая звѣзда съ прописною буквою «Е» въ центрѣ между разверстымъ циркулемъ и наугольникомъ. Девизомъ ложѣ было дано слѣдующее изреченіе: «Размѣряй дѣйствія твои циркулемъ разума, располагай поступки по углу совѣсти»; девизъ вырѣзанъ на знакѣ, «дабы носящій его, часто видя, запечатлѣвалъ въ памяти своей». Работы предполагалось вести на французскомъ языкѣ.

Составъ ложи былъ, въ общемъ, схожъ съ составомъ ложи «Соединенныхъ Друзей» по общественному положенію, но совершенно отличенъ по настроенію. Въ ложѣ

Изъ «Erklärthe Offenbarung» 1773 г.
(Библиот. Димитріева въ Моск. Унив.).

Елисаветы сосредоточилась русская знать, высшіе военные и гражданскіе чины, великіе меценаты-филантропы, вдумчивые искатели истины, мистики-моралисты, мечтавшіе о чистотѣ жизни первыхъ христіанъ.

По строгости выполненія предписаній обрядовъ и законовъ орденовскихъ, по сильно мистическому направленію работъ и широкой благотворительности, ложа «Елисавета къ Добродѣтели» вскорѣ выдѣлилась изъ среды другихъ ложъ.

Щедрость членовъ, вносившихъ кромѣ положенныхъ по уставу взносовъ еще и значительныя суммы на содержаніе ложи, позволила художественно и богато обставить помѣщеніе; привыкшіе къ комфорту братья въ ложѣ находили привычную обстановку, для братскихъ трапезъ даже сервировка была самая изысканная, и столовое серебро, все разукрашенное масонскими эмблемами, отличалось художественной работой. Съ теченіемъ времени при ложѣ образовалась бібліотека, были приобрѣтены клавирины и приглашенъ хоръ братьевъ гармоніи для «услажденія концертами».

А. И. Деденевъ, позднѣе псковскій вице-губернаторъ, свою признательность братьямъ руководителямъ ложи «Елисаветы къ Добродѣтели» выразилъ въ 1810 г. отдѣльно напечатанной одой ¹⁾, въ которой выясняется, между прочимъ, и то исключительно большое вниманіе, которое удѣлялось ложею дѣламъ благотворенія.

«Вы, о братія, любезны,
Являли свѣтъ глазамъ моимъ,
Я ваши зрѣлъ труды полезны,
Я зрѣлъ и восхищался имъ;
Я счастія искать стремился,
Обрѣлъ у васъ и удивился,
Что счастье въ душѣ живетъ,
Что счастливъ тотъ, кто помогаетъ,
Что добрый лишь его вкушаетъ;
Другихъ путей ко счастью нѣтъ!»

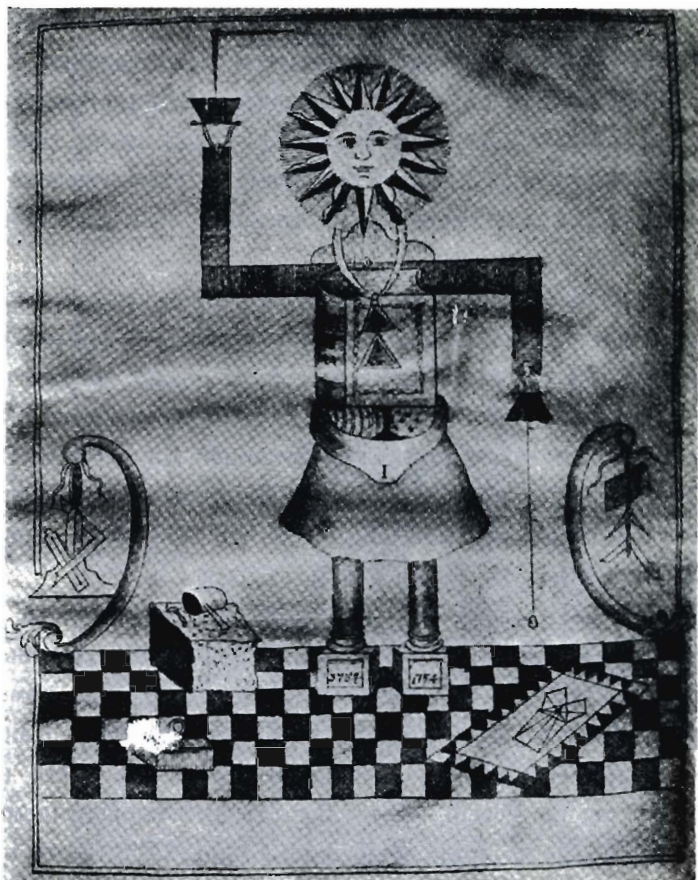
Такого рода отзывовъ о дѣятельности ложи сохранилось нѣсколько; одного охладѣвшаго къ ордену брата снова удалось увлечь, принявъ въ эту ложу; это былъ,—вспоминаетъ онъ,—кругъ братьевъ, коимъ обязанъ всѣмъ, что могъ имѣть изряднаго.

¹⁾ Деденевъ былъ, между прочимъ, витіей ложи Елисаветы и чрезвычайно старался рѣчи свои произносить «масонскимъ слогомъ». Въ упомянутой одѣ онъ извиняется передъ братьями за неумѣніе излагать мысли масонскимъ слогомъ: «какъ сердцу бы пріятно было достойный дать сей пѣснѣ цвѣтъ, но дню, какъ я узрѣлъ свѣтило, не много болѣе трехъ лѣтъ. Хоть чувство нѣжное имѣю, изобразить я не умѣю масонскимъ слогомъ мысль мою; но удостоюсь научиться, къ чему душа моя стремится, я громче славу воспую». Самого Деденева біографы изображаютъ человѣкомъ чрезвычайно добрымъ, благожелательнымъ и большимъ филантропомъ, но строгимъ къ себѣ и справедливо-требовательнымъ къ подчиненнымъ.

22 мая 1810 года была открыта ложа подъ наименованіемъ «Петра къ Правдѣ», опять-таки изъ кружка лицъ, отдѣлившихся отъ ложи Александра. Предсѣдающимъ мастеромъ избранъ былъ извѣстный медикъ, Егоръ Егоровичъ Эллизенъ.

Сочленами по преимуществу были представители петербургской нѣмецкой интеллигенціи,— кружокъ извѣстныхъ инженеровъ, медиковъ и чиновныхъ лицъ, и, какъ бы подъ ихъ попеченіемъ, собственники аптекъ и вообще различнѣйшихъ торговыхъ и ремесленныхъ заведеній; большею частью члены были нѣмецкаго происхожденія и евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Отличительнымъ знакомъ введенъ былъ золотой крестъ съ прямой перекладиной лютеранскаго образца, но вокругъ перекладины помѣщенъ принятый у свободныхъ каменщиковъ символъ вѣчности и мудрости— золотая змѣя, свившаяся въ кругъ, съ хвостомъ въ пасти.

Масонъ въ символахъ.
(Елагинское собраніе въ Госуд. Архивѣ).
Un maçon représenté symboliquement.

Братя ложи «Петра къ Правдѣ», хотя и выполняли по всей строгости масонскихъ законовъ обряды, однако не увлекались въ такой мѣрѣ, какъ ложа Елисаветы, мистической и таинственной стороной масонства; они «прилегали къ наукамъ математическимъ и историческимъ», изучая тайны науки чиселъ, правилъ строительства, свойства мікрокосма и макрокосма, алхимию и такъ называемую бѣлую магію; языкомъ символовъ, переданныхъ отъ масоновъ прежнихъ временъ, они старались использовать получаемыя знанія для жизни земной, дабы

на землѣ умягчить страданія людскія, улучшая условія быта. Такъ сами они изъясняли цѣль своихъ работъ. Въ ложѣ былъ выдѣленъ историческій отдѣлъ, гдѣ, безъ свершенія пышныхъ обрядовъ, посвященные братья собирались на поучительныя бесѣды. Руководитель ложи, Е. Е. Эллизенъ, пользовался славой чудодѣя-діагноста—имя его окружено было большимъ почетомъ, также и за его филантропическую дѣятельность.

Къ 1810 году опредѣлился и характеръ ложи Александра къ благотворительности: дѣйствительными членами по преимуществу были нѣмцы изъ купцовъ и ремесленниковъ, болѣе высокопоставленные числились почетными членами; въ оправданіе своему наименованію—ложа много занималась дѣлами благотворенія, и ея управляющимъ мастеромъ въ отечественную войну Павломъ Поміанъ-Пезаровіусомъ положено было основаніе нынѣ дѣйствующему Александровскому Комитету о раненыхъ.

Всѣ три ложи подъ названіемъ «Соединенныхъ ложъ» работы производили по однимъ обрядникамъ шведской системы, по однимъ уставамъ и въ одномъ помѣщеніи; денежная касса также была общая, но дни работъ различныя.

Необходимость управленія скоро сказалась и въ 1810 году ¹⁾ оно было образовано подъ наименованіемъ «Великой Директоріальной Ложи Владиміра къ Порядку», на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для «Великой національной ложи» въ 1779 году. Гросмейстеромъ единогласно избранъ былъ И. В. Беберъ.

Къ торжественному засѣданію новообразованной ложи, по обычаю, установленному въ братствѣ, сочинены были торжественныя оды, пѣснопѣнія, кантаты, акростиhi. Мнѣ удалось видѣть кантату на нѣмецкомъ языкѣ, отпечатанную на отдѣльныхъ листахъ въ малую четвертку. Кантата воспѣваетъ благость Государя,—«милостью преисполненный взоръ коего возродилъ каменщицкое искусство въ Россіи,—изъ едва тлѣвшей подъ пепломъ запрещенія искры оно разгорѣлось въ яркій пламень; за монарха, отнынѣ на вѣки незабвеннаго для вольныхъ каменщиковъ, будутъ возсылаться непрестанно моленія въ масонскихъ храмахъ, будетъ куриться фиміамъ сердець и на алтаряхъ приноситься жертва благодарности». Славословила также и добродѣтель Императрицы Елисаветы.

Въ 1810 году по рукамъ масонской братіи ходилъ и акростиhi въ честь Императора Александра, въ которомъ воспѣвалось «чистое сердце» царя, преисполненное истинной вѣры и премудрости, и намекалось на его благоволеніе ордену.

Торжественное заявленіе о благорасположеніи Императора, сдѣланное въ присутствіи не малаго числа каменщиковъ, а въ «засѣданіи значительномъ, чрезвычайномъ», должно было быть чѣмъ-либо обоснованнымъ, однако до сего

¹⁾ Циркуляръ ложи Елисаветы къ Добродѣтели 1818 г. описываетъ это важное событіе.

времени документа о разрѣшеніи Великой Директоріальной Ложы Владиміра къ Порядку еще не найдено. Существуют лишь рассказы о разрѣшеніи вольно-каменщическихъ работъ въ началѣ XIX вѣка со словъ самихъ масоновъ. Со словъ флигель-адъютанта, полковника П. И. Брозина, рассказывалось, что разрѣшеніе масонамъ безпрепятственно производить свои работы выхлопоталъ мудрый И. В. Беберъ, добившись въ 1803 году личной аудіенціи у Государя и сумѣвшій разсѣять всѣ предубѣжденія Императора о вредѣ масонства. Беберъ подробно изложилъ цѣли и изъяснилъ обычаи масоновъ, доказавъ, что вольные каменщики «подданные вѣрные, неколебимо преданные Государю и отечеству, а потому почти во всѣхъ значительныхъ государствахъ Европы они пользуются покровительствомъ. Беберъ просилъ объ отмѣнѣ запрещенія масонскихъ собраний, и Государь не только обѣщалъ выполнить его просьбу, но будто бы произнесъ еще: «то, что вы говорите мнѣ о масонствѣ, обязываетъ меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня въ число франкъ-масоновъ. Почитаєте ли вы это возможнымъ?» «Государь,—отвѣтствовалъ И. В. Беберъ,—я не имѣю права самъ

Символист. гравюра изъ Елагинскаго собранія въ Госуд. Архива.

Gravure symbolique.

дать отвѣтъ Вашему Величеству, я соберу масоновъ Вашей столицы, объявлю имъ о Вашемъ желаніи и убѣжденъ, что они исполняютъ его». Вскорѣ послѣ этого знаменательнаго разговора Государь былъ посвященъ въ вольные каменщики и масонство въ Россіи обрѣло утраченный имъ блескъ. Къ этому-то времени относится основаніе Великаго Востока всей Россіи (т.-е. Великой Директоріальной Ложы Владиміра къ Порядку), Великимъ мастеромъ коей былъ

сдѣланъ И. В. Беберъ»¹⁾).—Доля истины въ этихъ свѣдѣніяхъ безусловно есть—ошибки могутъ быть въ датахъ и подробностяхъ. По свидѣтельству Е. Е. Эллизена—именно И. В. Беберъ представлялъ акты правительству и получилъ разрѣшеніе работать для Директоріальной логи; въ кантатѣ, пѣтой именно въ этой Великой ложѣ, возносятся горячія благодаренія за разрѣшенія масонскихъ работъ; самъ П. И. Брозинъ, убѣжденный послѣдователь шведской системы, могъ быть болѣе другихъ освѣдомленъ, такъ какъ пользовался большимъ довѣріемъ орденскихъ властей, ревностно распространяя идеи масонства, въ то же самое время онъ снискалъ и благорасположеніе Императора Александра I ²⁾). Въ множествѣ рѣчей, произносившихся масонами Александровскаго времени въ торжественныхъ случаяхъ, говорится о «Златомъ вѣкѣ» масонства, подъ покровительствомъ Александра I, монарха-благодѣтеля вольныхъ каменщиковъ».

По другому разсказу разрѣшеніе работать для логи Александра къ коронованному Пеликану было получено въ 1804 году д. с. с. А. С. Сергѣевымъ ³⁾), который вспоминалъ, что будучи директоромъ канцеляріи при рижскомъ военномъ губернаторѣ, онъ зналъ о полученіи отзыва Государя относительно открытія въ Ригѣ общества подъ наименованіемъ «Евфонія»; въ отзывѣ значилось, что общества, клубы или логи, буде не предпринимаютъ ничего противнаго законамъ—не должны быть возбраняемы. А. С. Сергѣевъ тогда же объявилъ о работахъ своей логи оберъ-полицмейстеру и военному губернатору, испрашивая ихъ покровительство, отправляясь въ армію въ 1805 году, и получилъ отвѣтъ, что «Его Величеству сіе не противно».

За время, пока увеличивалась численность послѣдователей шведскаго обряда и образовался правильно организованный союзъ изъ трехъ ложъ съ Великою управляющею ложею во главѣ ихъ, братьевъ златорозоваго креста хотя и оставался «малый кругъ», но дѣятельность ихъ сильно развилась, а членовъ логи Жеребцова насчитывалось 50; кромѣ того по актамъ французскаго обряда открылась ложа Палестины 4 марта 1809 года. Отличительнымъ знакомъ ей былъ данъ миниатюрный золотой мечъ съ вырѣзаннымъ девизомъ «Pro Deo Imperatore et Fratribus» и съ наименованіемъ логи. Мечъ въ масонской символикѣ знаменовалъ борьбу, защиту невинныхъ и власть ордена судить и казнить измѣнниковъ. Онъ напоминалъ, что каждый масонъ обязанъ стоять на стражѣ законности и интересовъ ордена. Работы начались на французскомъ языкѣ и вскорѣ во главѣ логи всталъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, свѣтлая личность, столь богато одаренная, что въ оцѣнкѣ его сходятся и другъ его, поэтъ Князь Вяземскій ⁴⁾), и

¹⁾ Acta Latomorum, P. 1815, I, 218.

²⁾ Воспоминанія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Р. Стар. 1900, стр. 638—643.

³⁾ Сборникъ мат., извлеч. изъ Арх. соб. Е. В. Канц. XI, стр. 305.

⁴⁾ Въ стихотвореніи «Поминки».

масонъ Ф. Ф. Вигель¹⁾), злой на языкъ и скупой на хвалу. Благотворитель въ самомъ красивомъ значеніи этого слова, меценатъ, покровитель артистовъ и ученыхъ, графъ Віельгорскій самъ былъ «геніальный диллетантъ» музыки, другъ поэтовъ: «съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ и съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за словомъ не лѣзъ»; царедворецъ, онъ «не льстилъ не праведному», и въ «причетѣ придворныхъ умѣлъ быть самъ собой въ чести, и впоыхахъ не расточалъ царямъ словъ приторно притворныхъ. Онъ былъ Гораціемъ у Августа въ гостяхъ». Будучи однимъ изъ главарей масонства Александровскаго времени, графъ Віельгорскій отличался большою ревностью къ дѣламъ ордена и много работалъ позднѣе для союза шведской системы, хотя посвященъ былъ въ ложѣ Палестины. Составъ логи былъ смѣшанный—было много артистовъ разныхъ специальностей, были военные и гражданскіе чиновные люди, были купцы. Ложею была издана и посвящена герцогу Александру Виртембергскому пѣсня, положенная на музыку: слова сочинилъ де-Месансъ, музыку Бозлѣдѣ. Въ рѣчахъ преобладали темы о благотвореніи и любви къ родинѣ. Число членовъ возросло до 75.

Гравюра изъ книги «Краткія разсужденія важнѣйшихъ предметовъ жизни христіанской» М. 1801.
(Собраніе Шибанова).

Кружокъ А. О. Лабзина за 9 лѣтъ существованія возросъ настолько, что стало возможнымъ выполнить завѣтную мечту нѣкоторыхъ, особенно мистически настроенныхъ братьевъ — выдѣлиться въ особую группу для занятій по актамъ «теоретической степени Соломоновыхъ наукъ». Эта степень, составлявшая преддверіе, переходную ступень (послѣднее испытаніе) къ розенкрейцерству, давалась лишь братьямъ испытанной вѣрности по избранію и указанію вышнихъ начальниковъ. Законъ гласилъ: «Къ сей степени допускаются токмо

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля «Записки, II, IV, стр. 148—149, III, V, стр. 56—57, О ложѣ Елисаветы и Віельгорскомъ: Воспоминанія А. П. Степанова, Рус. Стар., 1870, т. I, стр. 55.

²⁾ *Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O.; de St.-Petersbourg, dédié a T. R. e T. I. G. M. Duc de Wurtemberg par les T. I. de Messence auteur des paroles et A. Boieldieu auteur de la musique A. Jerusalem. 12 стр. нотъ.*

истинные и старые шотландскіе мастера и то такіе, кои дали достаточные опыты страха Божія, человѣколюбія, непорочной жизни и алчности къ стяжанію премудрости и познаній»¹⁾).

9 марта 1809 г. пять братьевъ съ А. Θ. во главѣ учредили въ Петербургѣ теоретическую ложу для изысканія премудрости; объѣтъ требовалъ отреченія отъ суеты міра и полного преданія себя служенію цѣлямъ ордена, не щадя своей жизни.

Дѣятельность кружка А. Θ. Лабзина выразилась по преимуществу въ издательствѣ²⁾. Чѣмъ болѣе крѣпло въ средѣ мистиковъ рѣшеніе борьбы съ фанатиками невѣрія или съ тѣми, кому все—все равно, тѣмъ болѣе появлялось на книжномъ рынкѣ книгъ мистическаго содержанія.

Въ 1806—1807 гг. нарождаются два журнала. Издателями выступаютъ два «ученика мудрости» старой новиковской школы—мистиковъ, Московскихъ Мартинистовъ, А. Θ. Лабзинъ и М. И. Невзоровъ. 1 января 1806 г. явился 1-й номеръ «Сіонскаго Вѣстника», въ сентябрѣ того же года послѣдній, ибо журналъ подвергся запрещенію.

1 января 1807 г. въ Москвѣ вышелъ первый номеръ журнала «Другъ Юношества». Но онъ не смогъ замѣнить запрещеннаго «Сіонскаго Вѣстника». Ярко мистической окраски въ немъ не было, статьи помѣщались по преимуществу нравственно-религіозныя и назидательныя. Воспитаніе «человѣковъ» въ любви къ христіанскимъ добродѣтелямъ и гражданскимъ доблестямъ ставилось цѣлью журналу.

Работы теоретической степени производились и въ Москвѣ въ домѣ І. А. Поздѣева; въ ложѣ собиралось около 20 человѣкъ; точнаго свѣдѣнія о днѣ открытія работъ не сохранилось, извѣстно лишь, что въ 1809 г. теоретическая ложа усиленно работала.

Ложа называлась «Къ Мертвой Головѣ» и однимъ изъ ея дѣятельныхъ членовъ былъ профессоръ А. Х. Чеботаревъ. Хотя имя И. В. Лопухина не включено было и впослѣдствіи въ списки³⁾ московскихъ «теоретическихъ философовъ», однако, связь его съ ними доказывается между прочимъ разсказомъ Θ. П. Лубяновскаго⁴⁾ о дружественной связи Лопухина съ Чеботаревымъ, коему онъ поручилъ Лубяновскаго, устроивъ его на жительство въ семьѣ Чеботарева⁵⁾. Съ чув-

¹⁾ Имп. Общ. Люб. Древн. Письм. Q. DLXI 6497.

²⁾ Подробности издательской дѣятельности русскихъ вольныхъ каменщиковъ составляютъ тему особыхъ статей, почему я ея и не касаюсь вовсе.

³⁾ Извѣстно уже, что многіе масоны въ царствованіе Императора Александра І не желали включать свои имена даже въ тайные списки ложъ, а иногда записывались подъ псевдонимами.

⁴⁾ Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго, Москва, 1872 г.

⁵⁾ И. В. Лопухинъ не помѣстилъ бы Лубяновскаго въ семью, глава коей, убѣжденный масонъ, былъ бы другого масонскаго «толка» нежели онъ самъ.

ствомъ глубокой и умиленной признательности вспоминалъ Лубяновскій объ отношеніи къ нему этихъ двухъ выдающихся московскихъ розенкрейцеровъ.

Большимъ вліяніемъ въ ложѣ пользовался другъ Поздѣева, Р. С. Степановъ, часто сбиравшій братьевъ на поучительныя бесѣды. По смерти Степанова подъ портретомъ его начертано было:

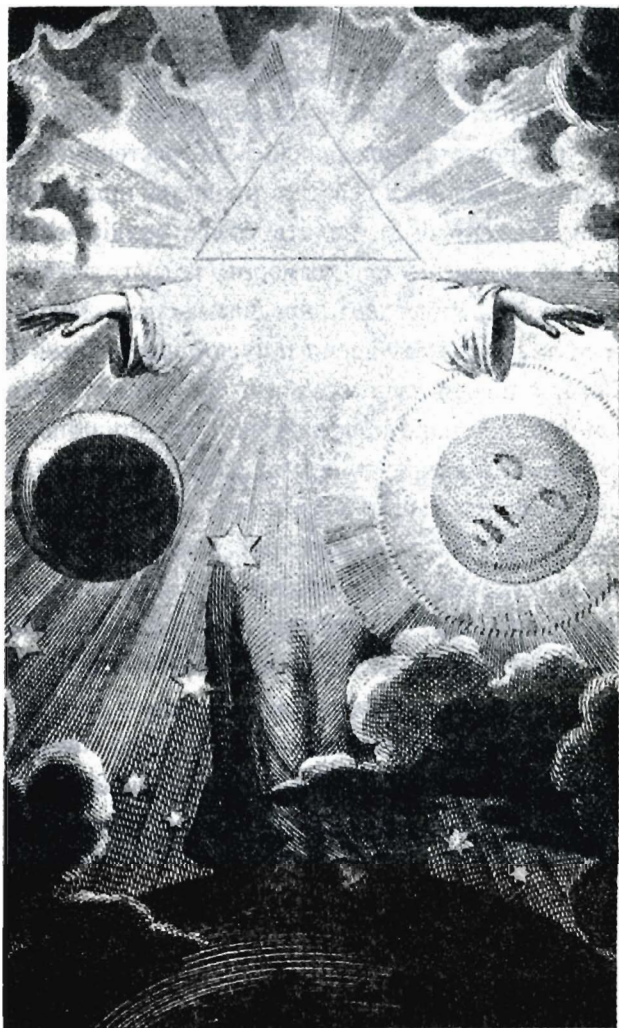
«Онъ жилъ, вседневно умирая,
И умеръ такъ, чтобъ вѣчно жить,
Былъ слѣпъ, но въ лучший міръ
взирая,
Умѣлъ страдать, терпѣть, любить».

Р. С. Степановъ очень страдалъ, постепенно теряя зрѣніе, но покорство волѣ Всевышняго и несеніе имъ «креста», какъ говорили ученики и друзья его, были истинѣ изумительны.

Собранная имъ для ложи библіотека славилась въ масонскомъ кругу; эта библіотека, послѣ вторичнаго запрещенія масонства при Императорѣ Николаѣ I, была конфискована и увезена въ Петербургъ.

Изъ другихъ членовъ ложи извѣстенъ Ф. П. Ключаревъ, князья Трубецкіе и адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.

Кромѣ собраній теоретическихкихъ философовъ и посвященныхъ «во внутренній орденъ» златорозоваго креста—особо мистической окраской отличалось общество гр. Грабянки въ Петербургѣ подъ наименованіемъ «Народъ Божій». Цѣль общества была—возвѣщать «по повелѣнію Божию второе и близкое пришествіе Господа Иисуса Христа и славнаго Его царствованія на землѣ»—и приуготовленіе смиренныхъ и вѣрныхъ душъ для приближающагося Царства Божія.

«Гласъ небесной тверди, возвѣщающій бытіе, премудрость и всемогущество предвѣчнаго». (Изд. Лабзина 1808 г.)

La voix des cieux.

Глава общества являлся посредникомъ между небесными силами и просвѣтленными братьями; кромѣ него, однако, для сношеній или, по подлиннымъ словамъ, «корреспонденціи съ небомъ», выдѣленъ былъ особый «соборъ пророковъ», состоявшій изъ людей избранныхъ, утвержденныхъ самимъ небомъ; чрезъ соборъ непременно должно было пройти «всякое слово, видѣніе и откровеніе и быть строго очищено отъ всякаго чуждаго примѣшенія темперамента или частнаго свойства объявляющаго оное члена».

Пророчества совершались въ состояніи «экстатическомъ», которое достигалось соблюденіемъ особыхъ правилъ, предписанныхъ обрядниками: просвѣтленный долженъ былъ являть собою орудіе небесной воли, для чего требовалось полное отреченіе отъ «самости» и «погруженіе себя всецѣло въ созерцательное состояніе». Ритуаломъ предписывались постъ, уединеніе, молчаніе, молитва и т. п., при чемъ время приуготовленія было распредѣлено строго, по часамъ. Собору просвѣтленныхъ было «доступно блаженство озаренія», «всѣ наивысочайшія, всѣ наисокровеннѣйшія таинства оному открыты и легко открыты быть могутъ». Сношенія съ небомъ заключались «въ словѣ или голосѣ внятномъ какъ внутреннемъ, такъ и наружномъ, и въ видѣніяхъ и откровеніяхъ пророческихъ, при чемъ не только ангелы и святые, и отъ міра отшедшія блаженные души, но и самъ Господь иногда является и говорить».—Вотъ эти-то пророчества во время собраній, и приближеніе къ царству небесному путемъ единственно лишь осѣненій свыше—составляли главное отличіе ученія Грабянки отъ исповѣдуемаго въ ложахъ розенкрейцерскихъ.

Любопытенъ документъ подъ заглавіемъ «прокламація», заключающій въ себѣ предварительныя свѣдѣнія объ обществѣ «Народа Божія» съ цѣлью привлеченія новыхъ адептовъ. Въ этой прокламаціи цѣль и работы изъяснены въ цѣломъ рядѣ параграфовъ, на которые не преминули дать разъясненія розенкрейцеры, желая оградить отъ вовлеченія въ сѣти врага своихъ приверженцевъ.

Такой приѣмъ воздѣйствія былъ вызванъ вступленіемъ въ союзъ гр. Грабянки, выдающихся розенкрейцеровъ, какъ-то: А. Θ. Лабзина и сладкорѣчиваго А. А. Лѣнивцева. На 11-й пунктъ прокламаціи, въ которомъ утверждалось, что общество «Народа Божьяго» обладаетъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію истинъ какъ въ разсужденіи духовнаго и нравственнаго, такъ и физическаго, что оно есть «дѣйствительнѣйшее орудіе въ рукахъ Провидѣнія», имѣя сношенія черезъ посредство просвѣтленныхъ съ самимъ небомъ,—розенкрейцеры объявляли, что путь къ достиженію истины имѣется въ орденѣ златорозоваго креста; этотъ путь, испытанный опытами и вѣрный,—есть путь возрожденія, самосовершенствованія. Вступленіе въ сообщество Грабянки еще не есть средство содѣлаться пророками—«ибо туда же себя принесемъ». Тутъ же, однако, намечается, что озареній удостоиваются и братья въ лонѣ ордена. «Таинства же милостиво открываются и намъ, но мы знаемъ, что они намъ настолько полезны,

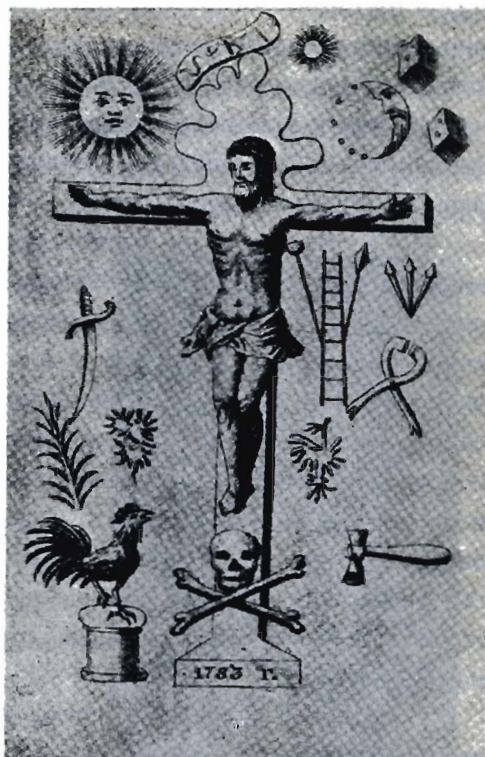
насколько успѣваемъ въ возрожденіи, безъ чего небо намъ не есть средство войти въ него, и оно же не далеко, а въ насъ самихъ».

Какъ и въ розенкрейцерскихъ ложахъ, въ ложѣ графа Грабянки занимались кромѣ теософіи еще и алхиміей, магіей, но утверждая, что братія золотозароваго креста имѣютъ предметомъ изученія «магію бѣлую, божественную» — начальники-розенкрейцеры обвиняли послѣдователей гр. Грабянки въ чернокнижии, занятіи черною магіей, сношеніи съ злыми духами. Сокрушаясь о нетвердости нѣкихъ братіевъ, увлекшихся новымъ ученіемъ, начальники пишутъ: «знакомые намъ въ своемъ пути колеблются и не вѣдаютъ, куда пристать и, Боже ихъ помилуй, попадутъ на какомаговъ¹⁾ или на иллюминатовъ».

Къ ложѣ Грабянки, кромѣ Лабзина и Лѣнивцева, принадлежали и другіе масоны: П. И. Донауровъ, П. И. Озеровъ-Дерябинъ, Ѳ. П. Лубяновскій, посѣщали ложу и женщины, между прочимъ М. А. Нарышкина. Ложа собиралась въ покоехъ гофмаршала цесаревича Константина Павловича, въ Мраморномъ дворцѣ, иногда же собирались и у вдовы С. И. Плещеева.

Увлеченіе «духовѣдѣніемъ» было особенно сильно около 1806 г., въ 1807—гр. Грабянка былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость. Собранія постепенно прекратились, однако о нихъ было много «говору и шуму въ высокихъ кругахъ», по словамъ П. И. Голенищева-Кутузова, хотя можно полагать съ увѣренностью, что распространенію «толковъ невыгодныхъ» особенно содѣйствовали розенкрейцеры своими циркулярными предостереженіями.

Въ предупрежденіи упомянуты также и иллюминаты, къ коимъ розенкрейцеры, по изыясненію П. И. Голенищева-Кутузова, причисляли и Фесслерову¹⁾

Symboles maçonniques. Изъ «Нешастныхъ приключеній Вас. Баронщикова, мѣщанина Нижняго-Новгорода въ трехъ частяхъ Свѣта съ 178—1787». Спб. 1787. (Собраніе Шибанова).

¹⁾ И. А. Фесслеръ родился въ Венгріи 1756 г., † въ 1839 г. О Фесслерѣ его личныя воспоминанія: «Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft Leipz. 1851. Handbuch I, стр. 329—339; «Nephata», Leipz. 1836. Тамъ же символическій чертежъ идей Фесслера.

систему. Такая иллюминатская ложа И. А. Фесслера существовала въ Петербургѣ въ 1807—10 гг., собираясь у барона Розенкампа, то на дому, то въ саду при зданіи комиссіи законовъ. Есть указанія, что ложа называлась «Полярная звѣзда». Управляющимъ мастеромъ былъ самъ И. А. Фесслеръ, а членами—увлеченный имъ и келейно посвященный М. М. Сперанскій, а также масоны профессоръ Ф. Л. Гауеншильдъ, Дерябинъ, Злобинъ, проф. Лоди, Магницкій, Пезаровіусъ, Ренненкампфъ, баронъ Розенкампфъ.

И. А. Фесслеръ въ исторіи ордена свободныхъ каменщиковъ занимаетъ видное мѣсто какъ преобразователь и учредитель системы, которая извѣстна подъ наименованіемъ «сѣнтифической» и Фесслеровой. Розенкрейцерами система эта почиталась вредною и иллюминатскою, на самомъ же дѣлѣ система включала три іоанновскія символическія степени староанглійской системы, сильно упрощеннаго ритуала и степени «познаній», имѣвшія цѣлью ознакомить научнымъ образомъ съ сущностью различнѣйшихъ масонскихъ системъ, гдѣ-либо и когда-либо существовавшихъ. Такимъ образомъ, по плану Фесслера масоны высокихъ степеней знакомились съ исторіей вольнокаменническаго ордена съ древнѣйшихъ временъ. Каждому вступленію въ степень познанія предшествовало символическое посвященіе, представлявшее нѣкоторые завѣты царственного искусства.

По примѣру Лессинга и Фихте, Фесслеръ ставилъ масонству широкія, нравственно философскія задачи, онъ вносилъ въ свою систему либеральную религіозность и мораль. Цѣлью истинныхъ масоновъ онъ ставилъ созданіе новаго общества и въ нравственномъ воспитаніи усматривалъ средство къ перевоспитанію гражданскому; сознаніе высокаго предназначенія человѣка, сознаніе достоинства и долга онъ почиталъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію вѣка Астреи. Евангеліе имъ почиталось книгою высочайшей премудрости, священной великими своими завѣтами. Спаситель чтился «яко недосыгаемый моральный идеалъ».

Вскорѣ кругъ почитателей Фесслера, вызваннаго въ Россію въ 1809 г. для занятія въ С.-пб. духовной академіи каѳедры еврейскаго языка, сильно увеличился; къ кружку его примкнули многіе ученые различнѣйшихъ областей науки: извѣстный медикъ Е. Е. Эллизенъ, богословъ, пасторъ Фольбортъ, дѣятель различныхъ филантропическихъ кружковъ П. П. Пезаровіусъ¹⁾ библіофилъ, книгопродавецъ К. Вейгеръ, А. И. Тургеневъ, С. С. Уваровъ, попечитель С.-пб. учебнаго округа съ конца 1810 г. и др.

¹⁾ Мастеръ ложи «Александра къ коронованному Пеликану» Павелъ Поміанъ-Пезаровіусъ въ 1813 г. основалъ газету «Русскій Инвалидъ» съ цѣлью собрать необходимыя денежные средства въ пользу пострадавшихъ въ отечественную войну. Въ короткое время П. удалось собрать капиталъ въ 400000 р. и тѣмъ положить основаніе нынѣ существующему александровскому комитету о раненыхъ.

И. В. Беберъ увидѣлъ въ Фесслерѣ сильнаго соперника и высказывалъ большое недовольство его дѣятельностью, внесшей разладъ въ братство. Онъ обвинялъ Фесслера въ желаніи «сдѣлать диверсію» и всячески противоудѣйствовалъ усиливавшемуся его вліянію. Кто изъ великихъ масоновъ вышелъ бы окончательно побѣдителемъ изъ завязавшейся борьбы—трудно рѣшить, ибо почти при началѣ она пресѣклась отъѣздомъ Фесслера изъ Петербурга вслѣдствіе его отставки отъ должности преподавателя духовной академіи. Въ 1811 г. въ февралѣ онъ уѣхалъ въ Вольскъ, гдѣ ему представилась возможность работать въ частномъ учебномъ заведеніи, позднѣе онъ поселился въ Саратовѣ.

Высокообразованный, съ критическимъ чутьемъ и богатымъ запасомъ научныхъ познаній Фесслеръ къ тому же обладалъ способностью увлекательно и въ то же время систематически излагать свои мысли, чѣмъ объясняются успѣхи его среди людей науки. Въ академіи студенты были сильно увлечены его лекціями по философіи, но замѣтный либерализмъ въ вопросахъ догматики и принадлежности его къ масонскому толку направленія, еще не обычнаго для Россіи, внушили начальству академіи опасенія, и Фесслеръ былъ отставленъ. По разсказу Бебера, Фесслера обвиняли въ распространеніи между слушателями соцініанскаго ученія. Нѣкоторые, особенно фанатически настроенные розенкрейцеры обвиняли его въ полномъ безвѣріи,—на самомъ же дѣлѣ Фесслеръ являлъ собою примѣръ «ищущаго свѣта» по масонской терминологіи.

Воспитанный набожною піэтисткой матерью, Фесслеръ прошелъ этапы экзальтированнаго, вѣрующаго католицизма, увлекшаго его въ монашество; сильнаго скептицизма, заставившаго его въ наукѣ, философіи и различныхъ толкахъ масонства искать истины, наконецъ, онъ остановился на протестантскомъ религіозномъ идеализмѣ. Онъ былъ характера подвижнаго, и въ немъ склонность къ мистицизму уживалась со стараніемъ отыскать путемъ науки оправданія вѣрѣ.

Въ Саратовѣ дѣятельность Фесслера, какъ предсѣдателя лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній Волжскаго края, оставила хорошія воспоминанія, и не только у лютеранъ.

Масонскій крестъ.
Croix maçonnique.
(Собр. Врублевскаго).

О вступленіи Сперанскаго въ ложу Фесслера въ Петербургъ сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ. Такъ, камергеръ Ренненкампфъ ¹⁾ рассказывалъ, что по порученію Фесслера переводилъ на французскій языкъ ритуалы для приѣма Сперанскаго. При посвященіи Сперанскаго якобы присутствовали самъ Фесслеръ, профессоръ Гауеншильдъ, профессоръ Лоди, Дерябинъ, Ренненкампфъ, Розенкампфъ, еще одинъ масонъ и служащій братъ. Въ свою очередь профессоръ Гауеншильдъ ²⁾, въ запискѣ о дѣятельности М. М. Сперанскаго рассказываетъ, что Сперанскій лелѣялъ мысль преобразовать русское духовенство путемъ масонской логи. Онъ полагалъ основать масонскую ложу и обязать наиболѣе способныхъ изъ духовенства принимать участіе въ ея работахъ.

Новый ритуаль для логи Сперанскаго составлялъ Фесслеръ, а Гауеншильдъ его перевелъ на французскій языкъ; наконецъ въ іюнѣ 1810 г. состоялось засѣданіе логи, гдѣ читанъ былъ новый ритуаль. Кромѣ Сперанскаго, Фесслера и Гауеншильда, присутствовали еще Магницкій, Пезаровіусъ и баронъ Розенкампфъ.

Любопытно, что вокругъ имени Сперанскаго и Фесслера свидѣтельства разныхъ современниковъ группируютъ все тѣ же лица. Магницкій въ доносѣ Императору Николаю I отмѣчаетъ образованіе логи Фесслеромъ и участіе въ ней Сперанскаго, его самого и нѣкоторыхъ лицъ, указанныхъ выше. Имена Сперанскаго, Фесслера, Магницкаго и др. указываются въ спискѣ членовъ иллюминатской логи, сообщенномъ Императору Александру и найденномъ въ кабинетѣ Государя послѣ его кончины.

Самъ Сперанскій въ подпискѣ, данной въ 1822 г. послѣ запрещенія масонства, упоминаетъ, что въ 1810 г. былъ посвященъ съ вѣдома правительства въ масонское братство подъ руководствомъ извѣстнаго доктора Фесслера.

Въ ложѣ Фесслера мы находимъ, кромѣ Сперанскаго, и другихъ членовъ логи Грабянки; они равно увлекались экзальтаціей, идеальнымъ христіанствомъ, крайнимъ мистицизмомъ и свободомысліемъ, даже политическимъ вольнодумствомъ.

Такимъ образомъ къ 1810 г. кругъ адептовъ вольнокаменническаго братства сильно увеличился, дѣятельность его стала извѣстной широкимъ кругамъ общества и возбудила толки; проповѣдь масонства, въ различныхъ формахъ, такими людьми какъ А. Ѳ. Лабзинъ, И. В. Лопухинъ, І. А. Поздѣвъ, М. И. Невзоровъ, И. А. Фесслеръ не могла оставаться незамѣченною, и правительство почло своевременнымъ обратиться къ руководителямъ масонскаго общества чрезъ посредство

¹⁾ Handbuch, III. стр. 59.

²⁾ Импер. Царскосельскій лицей, наставники и питомцы 1811—1843 Дм. Кобеко, Спб. 1911. Стр. 34—35. Объ этомъ же у Шницлера. Rostoptchine et Koutouzoff, Paris, 2-de ed. 1863, стр. 88—90.

министра полиціи для затребованія масонскихъ актовъ, законоположеній и обрядниковъ.

Чрезвычайно знаменательно, что къ этому же времени на постъ министра

Гравюра изъ собранія Румянц. Музея.
La vie humaine.

полиціи назначенъ былъ масонъ А. Д. Балашовъ, генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, членъ ложи «Соединенныхъ друзей», сильно увлекавшійся масонствомъ и посвященный въ высокія степени. При такомъ посредникѣ масоны

могли рассчитывать на благоприятный исход предположенного обследования. Назначение Балашова состоялось 28 марта 1810 г., а в августе он обратился к начальникам-масонам с письмом, в котором причина вмешательства правительства в масонские дела изъяснялась так: «Начальникам существующих здесь масонских обществ известно, что правительство, зная их существование, не полагало никаких препятствий их собраниям. С своей стороны и общества сии заслуживают ту справедливость, что доселе не подавали они ни малейшего повода к какому-либо на них притязанию. Но неосторожностью некоторых членов, взаимными ложь состязаниями и некоторою поспешностью к расширению их новыми и непрерывными принятиями, бытие сих обществ слишком огласилось. Из тайных они стали почти явными и тем подали повод невѣжеству или злонамѣренности к разным на них нареканиям. В сем положении вещей и дабы положить преграду сим толкованиям, правительство признало нужным войти подробнѣе в правила сих обществ и удостовериться в тех основаниях, на коих они могут быть терпимы или покровительствуемы»...

Четверо управляющих петербургскими ложами были, кроме того, призваны к министру полиции, который от имени Государя спросил их, желают ли они, чтобы вольнокаменническое братство было под покровительством правительства, или желание их удовольствуется, если оно будет только терпимо. Покровительство может быть даровано лишь при полном подчинении министру полиции, если же они желают ограничить свою подчиненность доставлением одних только свѣдѣній о дѣятельности своих ложь—оно будет «терпимо».

Выбор управляющих ложами остановился на втором предложении и они представили на просмотр и разрешение акты.

Интересно, что А. О. Лабзин акт своей ложи не представлял, а И. В. Бебер не представил актов высоких степеней шведского обряда, ограничившись обрядами иоанновских ложь.

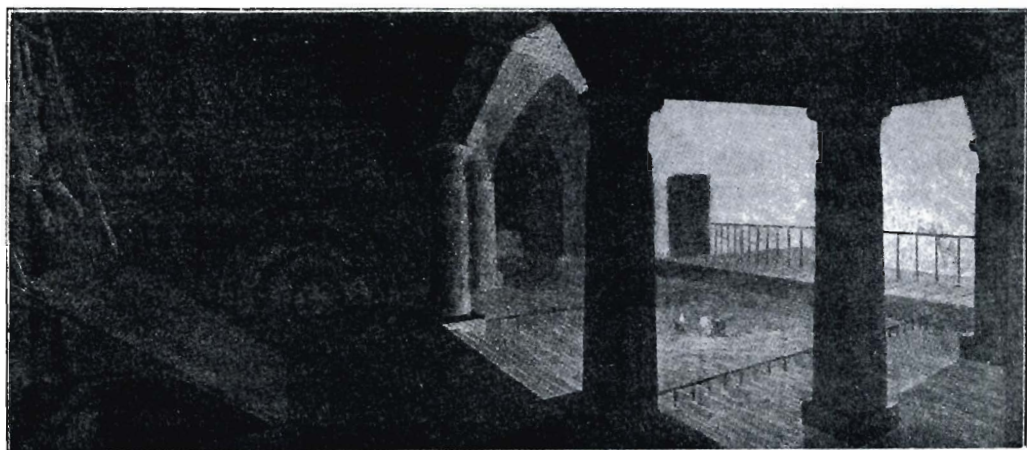
На время просмотра бумаг особо назначенным от правительства комитетом, в который между прочим входил и М. М. Сперанский, повелѣно было приостановить прием новых членов; однако, другие работы в ложах продолжались.

Просмотрѣнные комитетом масонские законоположения и обрядники были возвращены И. В. Беберу и вмѣстѣ с тем дано разрешение ложам шведской системы производить работы, но с обязательством ежемѣсячно представлять правительству чрез посредство министра полиции ¹⁾ краткие отчеты о всем происходящем в ложах.

¹⁾ Ко времени просмотра актов и приостановки приемов новых членов относится, повидимому, и записка, представленная императору Александру, с проектом наилучшего устройства масонства. Автор записки изъяснял, что хорошее устройство масонства остановит

Выдача разрѣшенія ложа́мъ французской системы нѣсколько замедлилась, невзирая на удостовѣренія А. А. Жеребцова и гр. М. Ю. Віельгорскаго, что всѣ занятія въ ихъ ложахъ ограничиваются выполненіемъ церемоніаловъ и благо-твореніемъ страждущему человѣчеству.

Промедленіе въ отношеніи ложи «Соединенныхъ Друзей» и «Палестины» тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе, что А. Д. Балашовъ принадлежалъ къ составу этихъ

Прототипъ масонской обрядности.

Epreuves par les quatre Elémens, qui se pratiquoient dans la Réception des initiés à Memphis.
(Изъ Lenoir «La Franche-maçonnerie rendue à sa véritable origine».)

ложъ и, посвященный въ высшія степени, былъ хорошо освѣдомленъ объ ихъ «предметѣ». Сомнѣнія, слѣдовательно, явились въ комитетѣ, который имѣлъ большее значеніе въ данномъ случаѣ, нежели министръ полиціи.

М. М. Сперанскому и другимъ, неизвѣстнымъ намъ пока членамъ комитета, болѣе по душѣ пришла́сь шведская система, нежели французская, въ коей усмотрѣнъ былъ духъ вольномыслія, а потому рождались опасенія за будущее, когда управленіе ложами могло перейти въ руки «нетвердыя» или «невѣрныя».

увеличеніе испорченности нравовъ и послужить помѣхой образованію другихъ сообществъ, основанныхъ на вредныхъ началахъ. Масонскому союзу, по его мнѣнію, надлежитъ поручить тайный надзоръ за обществомъ въ отношеніи нравовъ, но роль его въ этомъ отношеніи должна извѣстною быть лишь министерству полиціи и высшимъ орденскимъ начальникамъ. Для облегченія воздѣйствія и наблюденія предлагалось устроить «ложу мать», «центръ соединенія», подъ властію коей должны соединиться всѣ ложи имперіи, если желаютъ быть терпимыми правительственной властію.

Кто былъ авторъ этой записки не выяснено, но интересно, что записка, предлагавшая обратить масоновъ въ «охранителей, стражей блага» для Россіи и въ оплотъ трона была сочинена и для представленія императору Павлу I, но въ ней верховное водительство орденомъ предлагалось принять самому Государю.

8 октября 1811 г. ложа Палестины, все еще не получившая разрѣшенія работать, обратилась съ письмомъ уже къ графу А. К. Разумовскому, какъ министру народнаго просвѣщенія, съ ходатайствомъ о возвращеніи актовъ и о разрѣшеніи возобновить пріемы новыхъ членовъ, пріостановленные въ теченіе года. Тогда, наконецъ, воспослѣдовало давно жданное разрѣшеніе, однако это разрѣшеніе было такого рода, что въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній ложи могли быть закрыты, какъ это выяснялось изъ проекта постановленія о масонскихъ ложахъ, одновременно сообщеннаго управляющимъ мастерамъ.

Проектъ былъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи положеній прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III отъ 20 октября 1798 г. противъ тайныхъ обществъ—конечно, съ измѣненіями соотвѣтственно обстоятельствамъ бывшимъ тогда въ Россіи. Предполагалось воспретить: 1) тѣ общества и собратства, коихъ «главныя или побочныя занятія состоятъ въ томъ, чтобы съ какою бы то ни было цѣлью разсуждать» о предполагаемыхъ въ государственномъ правленіи переменѣхъ или о средствахъ, коими могутъ быть осуществлены эти переменны, или о мѣрахъ, уже предпринятыхъ съ этою цѣлью; 2) въ коихъ «безвѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ послушаніе клятвою, или поднятіемъ руки словесно, письменно или какимъ бы то ни было образомъ; 3) въ коихъ извѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ неограниченное послушаніе не исключая даже всего, относящагося къ государству и нравственности; 4) кои требуютъ обѣта молчанія относительно тайнъ, открываемыхъ сочленамъ; 5) кои имѣютъ тайную цѣль или которыя для достиженія извѣстной цѣли употребляютъ тайныя средства или сокровенныя таинственныя іероглифическія формы»¹⁾.

Въ началѣ проекта помѣщены постановленія полицейскаго устава, изданнаго при императрицѣ Екатеринѣ II-й 8 апрѣля 1782 г., относительно охраны управою благочинія «закономъ утвержденныхъ» обществъ, товариществъ, братствъ или подобныхъ установленій; не утвержденныя закономъ признаются «за дѣйствительныя», а если они приносятъ «вредъ, ущербъ или убытокъ» всеобщему благу или вовсе лишены какой-либо пользы, то подлежатъ «уничтоженію и запрещенію».

Итакъ, масонское собратство, не принявшее предложеннаго покровительства, дабы болѣе или менѣе быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ,—этимъ самымъ ставило себя внѣ законной охраны: въ каждую данную минуту проектъ могъ получить силу закона, воззрѣнія на масонскія работы могли измѣниться и ложи—быть закрытыми, что и случилось въ 1822 году.

Въ силу указаннаго проекта, терпимою была признана лишь Великая Директоріальная ложа Владиміра къ порядку, начальники ложъ обязывались

¹⁾ В. И. Семевскій. Декабристы-масоны, стр. 19. Jahrbuch des Freimaureres, III, 168. Сб. Ист. мат. соб. Е. В. Канц. XI, 320—324.

ежегодно подавать министру полиціи списки всѣмъ членамъ союзныхъ ложъ съ обозначеніемъ званія, занимаемыхъ должностей, времени рожденія, подъ угрозою штрафа въ 200 рублей и лишенія возможности производить работы. Наименьшій возрастъ для посвѣщенія опредѣлялся въ 25 лѣтъ. О мѣстѣ работъ каждой ложи должно было сообщать министру полиціи. Отвѣтственность за весь союзъ возлагалась на Управляющаго Великою ложею. Кроме ложъ, о коихъ заявлено было министру полиціи, всякія собранія запрещались подъ страхомъ преданія суду и соотвѣтственному наказанію. Грозилъ судъ и наказаніе и тѣмъ, кто будетъ способствовать учрежденію обществъ, приметъ ихъ въ своемъ домѣ и, наконецъ, тѣмъ, кто, зная о существованіи таковыхъ, не доведетъ о томъ до свѣдѣнія надлежащихъ властей.

Невзирая на столь строгій проектъ, сообщенный для руководства въ дальнѣйшихъ работахъ, розенкрейцерскія ложи А. Ѳ. Лабзина, І. А. Поздѣева, П. И. Голенищева-Кутузова, а также вольнодумныя сборища Всеволожскаго продолжали свои работы въ тиши.

Но что еще болѣе обращаетъ вниманіе, то это возстановленіе во всѣмъ ритуальномъ блескѣ, по неразрѣшеннымъ, непросмотрѣннымъ правительствомъ актамъ, тайнаго высшаго правленія шведской системы (для соединенныхъ ложъ) свѣтлѣйшаго капитула Феникса. Капитулъ Феникса, учрежденный Великимъ Шведскимъ Востокомъ для Петербурга въ 1778 г., съ тѣхъ поръ являлся верховною масонскою властью, имѣвшею цѣлью охрану обрядности и законовъ шведской системы, строгаго послушанія и право суда надъ всѣми членами союза, высшими и низшими, «дѣла коихъ не должны подлежать вѣдѣнію профанскихъ судей, ибо до нихъ не принадлежитъ о семъ судить». Члены правленія должны были оставаться невѣдомыми братьямъ союза, власть ихъ была безгранична. Капитулъ выдѣлялъ изъ своего состава директорію, орденскій совѣтъ, который раздѣлялся на двѣ палаты, верхнюю—законодательную и нижнюю—исполнительную.

Изъ Эккартсгаузена «Таинство Креста» 1814 г.
Symbole maçonnique.

Во главѣ капитула сталъ по единогласному избранію И. В. Беберъ, получившій наименованіе мудраго изъ мудрыхъ, викарія Соломона. Избранный пожизненнымъ Великимъ префектомъ онъ былъ неотвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ братьями и несмѣняемъ.

Всѣмъ членамъ капитула присвоены были тайныя имена, подъ которыми они и вписывались въ отчетахъ о засѣданіяхъ и пр. Для переписки служилъ шифръ, его было нѣсколько образцовъ. Къ занятію должностей въ капитулѣ допускались братья, посвященные въ 7 степеней, при чемъ отъ нихъ требовалось 16 колѣнъ дворянства, и въ четырехъ чистота отъ примѣси крови невѣрныхъ (турокъ, сарацинъ и др.) и іудеевъ.

Каждый, вступившій въ капитулъ, получалъ, кромѣ орденскаго имени— гербъ и девизъ, которые вписывались въ матрикулъ ордена и сообщались дружественнымъ капитуламъ другихъ странъ, но не братьямъ нижнихъ степеней. Для директоріи капитула Феникса существовала особая инструкція, данная изъ Швеціи въ 1780 г. за подписью герцога Карла Зюдерманландскаго.

Одновременно съ возобновленіемъ дѣятельности капитула была открыта и ложа св. Андрея подъ наименованіемъ Сфинкса для посвященій въ 4-ю и 5-ю степени, шотландскаго ученика, подмастерья и мастера. Позднѣе, надо полагать около 1812 г., открыта была и вторая шотландская ложа подъ наименованіемъ св. Георгія. Посвященія въ 6-ю степень совершались въ капитулѣ Феникса.

Ритуалы посвященій сохранялись въ капитулѣ и были очень полны до 7-й степени включительно.

Каково же было ритуальное убранство тайнаго капитула Феникса? Описаніе его находимъ въ обрядѣ посвященія въ 7-ю степень рыцарей храма или Запада ¹⁾.

Блистательный капитулъ Феникса освѣщенъ восковыми свѣчами: ихъ 81. Мягко свѣтятъ онѣ въ высокихъ семисвѣщникахъ и трехсвѣщникахъ. Снѣжно бѣлый шелкъ балдахина надъ трономъ префекта рѣзко выдѣляется отъ пурпурнаго сукна, которымъ обиты стѣны. Вышитый на балдахинѣ ярко красный іоанновскій крестъ кажется обгареннымъ кровью. Тронъ, одѣтый въ пурпурный бархатъ, и жертвенникъ, покоящійся на четырехъ львиныхъ золоченыхъ головахъ и покрытый бѣлымъ шелкомъ съ Андреевскимъ крестомъ, вышитымъ зеленымъ шелкомъ и золотомъ, стоятъ съ востока на возвышеніи о семи ступеняхъ. На жертвенникѣ Библія и небольшой открытый гробъ, высѣченный изъ камня съ фигурою послѣдняго гросмейстера Тамплиеровъ въ орденскомъ одѣяніи, на положенной возлѣ гробовой крышкѣ высѣченъ крестъ храмовниковъ и буквы I. B. M. B. A. D. 1314—означающія: Іаковъ Бургундіусъ Молэ, сожженный въ Лѣто Господне 1314.

Съ востока отъ трона орденское знамя; съ запада, въ полномъ вооруженіи

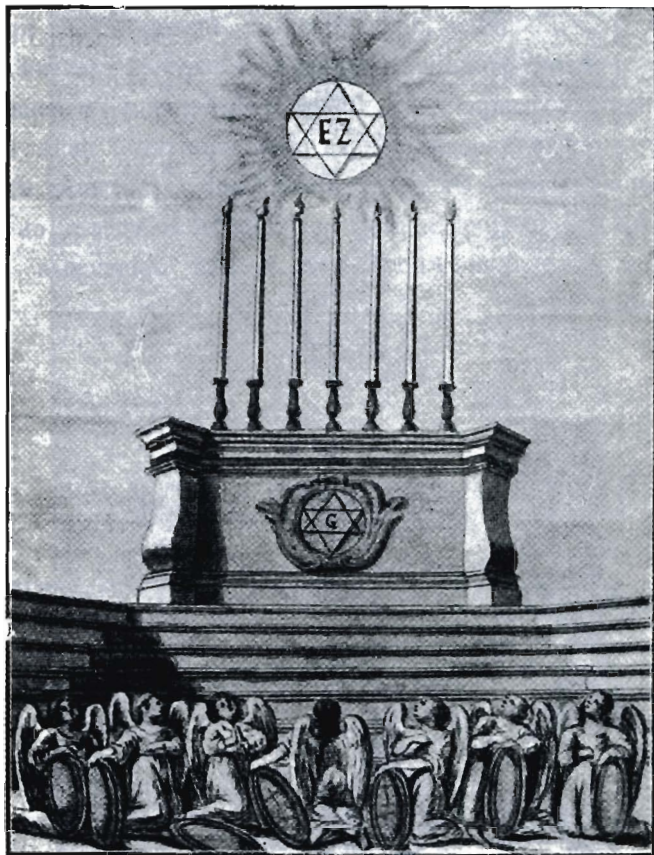
¹⁾ Чрезвычайно рѣдко встрѣчающемся въ нашихъ хранилищахъ.

когда-то славнаго ордена Тамплиеровъ, недвижно, словно на стражѣ, стоитъ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ. Посреди зала водружена мрачная висѣлица съ подвѣшеннымъ тамплиерскимъ крестомъ; золоченый гробовой покровъ, заткан- ный серебромъ пламени, скрываетъ большую часть краснаго сукна, коимъ обить полъ и все средото- чіе зеленаго Андреевскаго креста, разсѣкающаго по діагонали весь полъ зала.

Съ запада и востока, на двухъ столахъ, кры- тыхъ бѣлымъ шелкомъ, возложены — орденскій мечъ, корона, шпоры, лам- пада, наугольникъ и лен- ты со знаками. Рыцари Запада или храма всѣ въ рыцарскихъ доспѣхахъ, герольды выдѣляются бѣ- лыми шелковыми мантия- ми и бѣлыми шляпами съ бѣлымъ и краснымъ пе- ромъ, у обрядоначальни- ковъ бѣлые жезлы изъ слоновой кости съ чер- ными наконечниками, пре- латы въ бѣлыхъ далмати- кахъ съ красными нагруд- ными крестами, въ большихъ бѣлыхъ шерстяныхъ плащахъ духовныхъ рыцарей.

Совершенно иное, простое, строгое убранство въ ложахъ теоретической степени, въ которыхъ скрывали работы свои розенкрейцеры, братья тайной логи Лабзина въ Петербургѣ, и друзья Московскихъ Мартинистовъ, съѣзжав- шихся въ домикъ І. А. Поздѣва въ Москвѣ.

Въ преддверіи, или комнатѣ приуготовленія, все ритуальное убранство заключалось въ символическихъ коврахъ предыдущихъ степеней; ковры эти покрывали полъ такъ, что черезъ нихъ надо было шествовать, направляясь въ зало посвященія. Посреди комнаты приуготовленія, на столѣ ставилась «ку- пель очищенія» — большая чаша, наполненная водою, а вокругъ нея четыре высо- кія восковыя свѣчи.

Алтарь съ семисвѣчникомъ (Елагин. собр. въ Госуд. Архивѣ).
Autel maçonnique.

Зало посвященія все было обито чернымъ, на востокѣ—въ сіяніи лучей око Провидѣнія; на черномъ алтарѣ семивѣтвенный свѣтильникъ съ зажженными восковыми свѣчами; на немъ же священное писаніе, акты и символическіе знаки. Посреди зала коверъ теоретической степени съ 4-мя зажженными свѣчами по угламъ ¹⁾. Тайныя ложи братьевъ Златорозоваго креста не слѣдуетъ смѣшивать съ ложами французской системы высокой степени князя орла и пеликана, великаго розенкрейцера. Ложи этой степени именовались капитулами; въ Петербургѣ существовалъ такого рода капитулъ подъ наименованіемъ «верховный капитулъ горы Ѡаворъ». Сохранились дипломы капитула, снабженные печатями съ изображеніемъ горы Ѡаворъ и креста съ мистическою розою. Князья орла и пеликана кромѣ того носили бронзовыя медали, какъ члены этого капитула.

II.

1812—1814.

Изъ собранія Патека.

«Кѣмъ счастлива Обь и Волга?
Кѣмъ красуется Нева?
Кѣмъ любезна святость долга?
Чьи въ законъ мы чтимъ слова?
Слышимъ грады отвѣчаютъ,
Веси, села повторяютъ
И Россіянъ всѣхъ сердца
Имя нѣжнаго Отца».

«Другъ Юношества», май 1812 г., стр. 1.

Rappelez vous que dans toutes les occasions
les maçons doivent se distinguer par leur devoue-
ment à la Patrie, au Souverain et à la vertu».

Изъ масонской рѣчи 1810 г.

25 января 1812 г. въ засѣданіи Великой Директоріальной ложи Влади-
міра къ порядку былъ принятъ цѣлый рядъ постановленій, о коихъ союзныя
ложи и увѣдомлены циркулярно. Постановленія касались, главнымъ образомъ,
правилъ о пріемахъ новыхъ членовъ, о срокѣ пребыванія въ степеняхъ іоаннов-
скихъ ложъ и о правахъ посѣтителей.

¹⁾ За ограниченностью мѣста мною приводятся описанія убранства лишь тайныхъ ложъ,
свѣдѣнія о которыхъ трудно найти.

Имена просящихъ о приѣмѣ въ ложу, будь то новички профаны или уже ранѣ посвященные, состоящіе членами какой-либо ложи, должны были писаться на доскѣ, либо большомъ листѣ бумаги и выставляться у западныхъ дверей ложи срокомъ на 15 дней; по минованіи же этого срока разрѣшалось производить баллотировку, «буде не заявлено что окажется противу предлагаемаго». Знакъ ложи могъ быть врученъ лишь послѣ принесенія присяги, и тогда же разрѣшалось включить имя въ списокъ членовъ ложи и союза.

Срокъ для пребыванія въ первой ученической степени опредѣленъ въ пять мѣсяцевъ, товарищеской — семь и мастерской — одинъ годъ три мѣсяца, — не менѣе; однако допущены сокращенія въ случаяхъ особо выдающихся «отличныхъ достоинствъ» или безотлагательной необходимости совершить путешествіе. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдовало испросить предварительное разрѣшеніе Великой ложи.

Относительно посѣтителей, признающихъ другія системы, слѣдующихъ какому-либо иному обряду, а не тому, который принять Великою ложею, было объявлено, что ихъ будутъ признавать не выше мастеровъ іоанновскихъ ложъ, какъ бы высока ни была степень ихъ посвященія; мѣсто во время работъ имъ отводилось на южной сторонѣ ложи.

Подтверждалось всѣмъ управляющимъ мастерамъ приказаніе доставлять Великому Управляющему мастеру союза отчеты о дѣятельности ложъ¹⁾.

Изъ Елагинскаго собранія въ Государств. Архивѣ.
Symboles maçonniques.

¹⁾ Имп. Публ. Библ. Q. III, № 102.

Въ дополненіе къ циркуляру былъ разосланъ также и вновь просмотрѣнный и исправленный «Уставъ Вольныхъ Каменщиковъ»; этотъ уставъ, утвержденный еще на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ въ 1782 г., очень чтился вольными каменщиками, почему и исправленія были незначительныя—въ выраженіяхъ, въ слогѣ, а не по существу.

Вильгельмсбадскій конвентъ имѣлъ цѣлью выработку наиболѣе цѣлесообразной и наилучше организованной системы для масонской дѣятельности. Послѣ конвента въ Россію были присланы масонскіе акты, обряды, ихъ объясненія, нравственныя наставленія. Многіе и понынѣ сохранились въ архивахъ и снабжены соотвѣтствующими заголовками, напр. «Рита, утвержденная на общемъ Вильгельмсбадскомъ конвентѣ», «изъясненіе обряда по Вильгельмсбад. конвенту» и т. п.

Разосланный уставъ сохранился во множествѣ списковъ, что доказываетъ большое его распространеніе; отличается онъ отъ болѣе раннихъ списковъ нѣкоторыми поправками, подчеркивающими еще болѣе «всечеловѣческія задачи» Ордена, его всемірность; такъ напримѣръ слово «соотечественники» измѣнено въ «сочеловѣки» и т. п.

Весь уставъ раздѣленъ на 9 отдѣловъ, краткое вступленіе и столь же краткое заключеніе. Каждый отдѣлъ подраздѣляется на отдѣльные параграфы. I отдѣлъ «О должностяхъ къ Богу и религіи». «Первая твоя клятва принадлежитъ Богу. Имѣй благоговѣніе къ Существу, исполненному величества, дѣйствіемъ воли своея сотворившему вселенную и соблюдающему оную непрерывнымъ дѣяніемъ, наполняющимъ твое сердце, Его же слабый предѣльный разумъ твой ни постигнуть, ни опредѣлить не можетъ». «Угождать Богу твоему—се твое блаженство. Быть навѣкъ съ нимъ соединенну—се твое ревнованіе и правило твоихъ дѣяній».—«Исповѣдуй на всякомъ мѣстѣ божественный законъ Христа Спасителя и не стыдись никогда, что ты ему принадлежишь. Евангеліе есть основаніе нашихъ обязательствъ, ежели ты ему не вѣришь, то ты не каменщикъ». II отдѣлъ о безсмертіи души. «Человѣче! Царю міра! бывшій нѣкогда изъ твореній совершенное потому, что самъ Богъ одушевилъ тебя своимъ дуновеніемъ, возчувствуй твое высокое опредѣленіе! Все, что растеть вокругъ тебя, имѣетъ жизнь токмо животную, исчезаетъ со временемъ и покорено власти твоей, единая твоя душа безсмертна. Истекающая изъ нѣдръ Самого Бога, переживаетъ тлѣніе и не исчезаетъ». Отдѣлъ III. О должности къ Государю и Отечеству. «Высочайшее Существо ввѣрило положительнѣйшимъ образомъ власть свою на землѣ Государю, чти и лобызай законную власть надъ удѣломъ земли, гдѣ ты обитаешь: твоя первая клятва принадлежитъ Богу, вторая Отечеству и Государю. Человѣкъ, скитающійся по лѣсамъ безъ просвѣщенія и убѣгающій общества, былъ бы менѣе способенъ къ исполненію намѣреній Провидѣнія и къ достиженію всего блага, ему предоставленнаго. Существо его расширяется въ кругу ему подобныхъ,

разумъ его укрѣпляется стеченіемъ различныхъ мнѣній. Но по единому соединенію произвелъ бы непрерывный бой о личной пользѣ и насыщеніи развратныхъ страстей и вскорѣ бы невинность пала предъ силою или коварствомъ. Итакъ нужны были для поступковъ его законы, а для сохраненія оныхъ начальники». «Чувствительный человѣкъ! Ты чтить родителей своихъ, чтить равно съ ними и отцовъ государства. Они суть особы, представляющія Божество на землѣ сей. Если они ошибаются, сами они отвѣчать будутъ предъ Судьею царей; но твое собственное разсужденіе, почасту несправедливое, не можетъ уволить тебя отъ повиновенія». «Обнажи со рвеніемъ всѣ способности твои для великаго блага, блага отечества. Ежели когда-нибудь не исполнишь ты сея священной должности, ежели сердце твое не будетъ болѣе отъ радости трепетать при нѣжномъ имени отечества и государя твоего, то каменщики извергнутъ тебя изъ нѣдра своего, яко противника общаго порядка, яко недостойнаго быть участникомъ въ преимущественныхъ выгодахъ такого общества, которое заслуживаетъ довѣренность и уваженіе Государей, потому что любовь къ Отечеству есть одна изъ главнѣйшихъ его пружинъ и что, ревнуя сдѣлать лучшими гражданъ, требуетъ оно, чтобы дѣти его съ величайшею отличностію и по чистѣйшимъ побужденіямъ исполняли государственныя должности. Храбрѣйшимъ воиномъ, правосуднѣйшимъ судьей, кротчайшимъ господиномъ, вѣрнѣйшимъ слугою, нѣжнѣйшимъ отцомъ, постояннѣйшимъ мужемъ, преданнѣйшимъ сыномъ долженъ быть каменщикъ, потому что общія и обыкновенныя обязанности гражданина освящены и подтверждены свободными и произвольными каменщика обѣтами и что, презря оныя, онъ къ слабости присоединитъ лицемеріе и клятвопреступство».

Слѣдующіе три отдѣла касаются любви къ ближнему и благотворенія; VII—о нравственномъ совершенствованіи себя, VIII—о должности къ братьямъ и IX—о должности къ Ордену. На двухъ послѣднихъ я еще нѣсколько останавлиюсь. Правило о должности братской гласитъ: «Въ безчисленной толпѣ существъ, населяющихъ сію вселенную, ты призналъ каменщиковъ братьями своими, не забывай никогда, что всякій каменщикъ, какого бы исповѣданія христіанскаго, какой бы страны или состоянія ни былъ, простирая тебѣ десную свою, символъ братской свободы, имѣетъ священныя права въ твоей помощи и дружбѣ. Обѣтъ природы былъ равенство, но человѣкъ нарушилъ скоро оный. Каменщикъ возстановляетъ первобытныя права человѣческаго племени, онъ не жертвуетъ никогда народнымъ предразсудкамъ и священный узелъ сравниваетъ здѣсь всѣ состоянія».

«Берегись вводить въ храмахъ нашихъ лъстивыя отличности, нами непринимаемыя, оставь твои достоинства и знаки любочестія за дверями и входи къ намъ съ спутниками, токмо твоими добродѣтелями. Какое бы твое свѣтское званіе ни было, уступи въ ложахъ нашихъ добродѣтельнѣйшему, просвѣщеннѣйшему. Не стыдись никогда при постороннихъ людяхъ человѣка низкаго состоянія,

но честнаго, котораго ты нѣсколько минутъ прежде лобызалъ, какъ брата. Орденъ постыдится тебя въ свою чреду и отринетъ тебя и съ твоею гордостію, да торгуеши ею во свѣтскихъ непросвѣщенныхъ позорищахъ. Ежели братъ твой находится въ опасности, лети къ нему на помощь и не страшись за него жизнь пожертвовать. Ежели онъ въ нуждѣ, излей на него твои сокровища и возрадуйся, что ты сдѣлалъ дѣло столь усладительное. Ты клялся оказывать благотвореніе всѣмъ людямъ вообще, тѣмъ паче обязанъ ты предпочтеніемъ воздыхающему брату твоему. Ежели онъ грѣшитъ и заблуждается, иди къ нему съ братскими оружіями: чувствомъ, разумомъ и убѣжденіемъ; возвращай добродѣтели существа колеблющіяся и воздымай падшія».

Въ этомъ же отдѣлѣ есть предписаніе о необходимости возможно скоро кончать братскія распри и недоразумѣнія въ своемъ же братскомъ кругу—этотъ параграфъ развитъ былъ впослѣдствіи въ подробно разработанную главу о масонскомъ судопроизводствѣ, судѣ чести и пр. «Ежели сердце твое», предписываетъ уставъ, «уязвленное истинными или воображаемыми обидами, начнетъ питать нѣкую тайную на брата твоего злобу, то разгони тотъ же часъ воздымающееся облако, избери себѣ на помощь кого-нибудь безпристрастнаго судьео, требуй братскаго его посредничества, но не входи никогда въ храмы, не укротя чувства злобы и мщенія. Ты вотще будешь призывать имя Безконечнаго, да благоволилъ бы Онъ обитать въ храмахъ (т.-е. ложахъ) нашихъ, ежели оныя не очищены добродѣтелями братій и не освящены согласіемъ».

Въ отношеніи Ордена требовалась полная покорность: «Воля твоя покорена волѣ законовъ и высшихъ» (т.-е. начальниковъ). «Паче всего есть одинъ законъ, коего наблюденіе ты обѣщаль предъ лицомъ небесъ, т.-е. законъ ненарушимой тайны въ разсужденіи нашихъ обрядовъ, церемоній, знаковъ и образа принятія. Страшись думать, что сія клятва менѣе священна даваемыхъ тобою въ гражданскомъ обществѣ. Ты былъ свободенъ, когда оную произносилъ, но уже не свободенъ нарушить клятву, тебя связующую. Безконечный, коего призывалъ ты во свидѣтели, утвердилъ оную. Бойся наказаній, соединенныхъ съ клятвopеступствомъ. Ты не избѣжишь никогда казни твоего сердца и лишишься почтенія и довѣренности многочисленнаго общества, имѣющаго уже тогда право объявить тебя вѣроломнымъ и безчестнымъ».

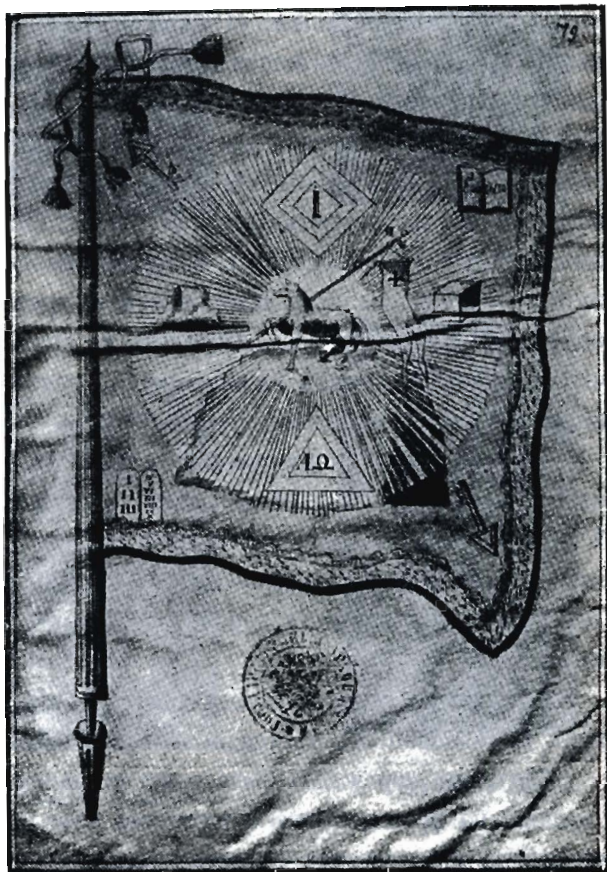
Масонскіе витіи нерѣдко черпали свои изреченія изъ устава, нѣкоторые параграфы коего выше приведены, нерѣдко одну какую-нибудь статью устава они развивали въ пространную рѣчь, ибо уставъ этотъ включаетъ всѣ правила, кои усердно распространялись масонами и въ ложахъ путемъ назиданій, путемъ устной пропаганды и путемъ литературы, печатной и рукописной. Тексты двухъ первыхъ параграфовъ ярко подтверждаютъ вѣру масоновъ шведской системы въ Бога и безсмертіе души, послѣднимъ параграфомъ не менѣе ярко подчерки-

вается полная подчиненность каждой отдельной личности власти высших, невѣдомыхъ начальниковъ Ордена.

Въ 1812 году И. В. Беберъ съ чувствомъ удовольствіенія завѣрялъ, что кромѣ работавшихъ въ тиши Мартинистовъ всѣ ложи въ Россіи примкнули къ союзу Великой Директоріальной ложи Владиміра къ порядку: присоединились, принявъ шведскій обрядъ обѣ петербургскія французскія ложи: Соединенныхъ Друзей и Палестины и возстановленная ложа Екатерининскаго времени—ложа «Изиды» въ Ревелѣ. Ложа «Изиды» объединяла родовитое балтійское дворянство, помѣщиковъ окрестностей Ревеля и весь его чиновный высшій міръ; въ ложѣ числились и мѣстные пасторы. Отличительнымъ знакомъ установленъ былъ золотой равносторонній треугольникъ съ греческою надписью «Изисъ» въ срединѣ; треугольникъ же былъ включенъ въ кругъ, образованный золотою змѣею, кусающей свой хвостъ.

Управляющій министерствомъ полиціи Е. К. Вязьмитиновъ относился къ масонскимъ собраніямъ хотя и съ нѣкоторою опаскою, но въ общемъ съ достаточною любезностію и 28 марта 1812 г., призвавъ къ себѣ управляющаго ложею Петра къ Правдѣ Е. Е. Эллизена, выказывавшаго большое рвеніе къ своей должности, сказалъ ему: «я васъ призвалъ къ себѣ, дабы просить васъ обще со мною содѣйствовать къ общему благу; Государь Императоръ убѣдился по представленіямъ моимъ, что ложи никакъ сомнительны быть не могутъ. Нельзя ихъ аккредитовать, но мнѣ Государь приказалъ васъ удостовѣрить въ своемъ благоволеніи»¹⁾.

Такое благорасположеніе Императора тотчасъ же замѣтно отразилось на

Масонское знамя (Елагинск. собр. въ Госуд. Архивѣ).
Un etendard maçonnique.

¹⁾ Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей, стр. 108.

дѣятельности ложь: составъ членовъ ложи Елисаветы къ Добродѣтели увеличился почти вдвое въ теченіе 1812 года, невзирая на тяжкую годину великой войны.

Великая Директоріальная ложа уже пользовалась извѣстностью по всей Россіи, какъ признанная и негласно разрѣшенная къ существованію. Отъ 11 апрѣля 1812 года поступила къ ней просьба изъ Москвы о дозволеніи учредить ложу подъ наименованіемъ «Паллады». Просители писали: «Здравіе! Сила! единеніе!» Мы, нижеподписавшіеся братья, законнымъ образомъ принятые, посвященные въ царственное искусство и безъ исключенія рожденные или въ теченіе многихъ лѣтъ обосновавшіеся въ Россійской имперіи, будучи освѣдомлены о существованіи законнаго общества на Востокѣ Санктъ-Петербурга желаемъ вступить въ зависимость Великой Директоріальной ложи и образовать ложу совершенную и справедливую, испрашиваемъ конституцію и дозволеніе открыть на Востокѣ Москвы ложу Іоанновскую въ трехъ степеняхъ подъ отличительнымъ наименованіемъ «Паллады». Обязуясь не признавать никакого иноземнаго вліянія, либо неизвѣстныхъ начальниковъ, желая насладиться терпимостью Правительства, испрашиваемъ посредничества Великой Директоріальной ложи».

Всѣ фамиліи подписавшихся учредителей иностранныхъ, чѣмъ и объясняется ихъ утвержденіе о правѣ русскаго гражданства въ началѣ прошенія. Всего 7 учредителей, изъ нихъ первымъ полковникъ, георгіевскій Кавалеръ фонъ-Биппенъ, затѣмъ два пастора—одинъ лютеранской церкви—Карль Кле, другой Берфордъ, англиканской церкви, остальные—преподаватель, литераторъ, банкиръ и два купца.

За нашествіемъ непріятеля ложа не была учреждена, и впослѣдствіи ложи подъ наименованіемъ Паллады не существовало въ Россіи.

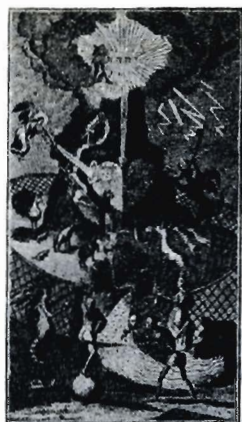
16-го мая учреждена была ложа въ далекой Θεодосіи подъ наименованіемъ Іордана, на французскомъ и русскомъ языкахъ, по французскимъ актамъ. Она соединила представителей французской колоніи, мѣстныхъ русскихъ дѣятелей и артистовъ. Отличительнымъ знакомъ ложи былъ принятъ золотой равносторонній прорѣзной треугольникъ, въ серединѣ коего серебряная вершина горы съ водруженнымъ на ней золотымъ крестомъ.

Въ Θεодосійской ложѣ особенно полезною дѣятельностью выдѣлился мастеръ ея Иванъ Ивановичъ Грапперонъ какъ искусный, неутомимый медикъ и просвѣщенный любитель старины. Изъ французскихъ дворянъ, самъ масонъ, онъ былъ приглашенъ масономъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, бывшимъ русскимъ посломъ въ Парижѣ, пріѣхать въ Россію. Когда эпидемія восточной чумы 1812 г. свирѣпствовала въ Крыму, онъ былъ по собственному желанію переведенъ туда и принималъ непосредственное участіе въ борьбѣ съ страшною болѣзною, особенно жестокой въ Θεодосіи ¹⁾.

¹⁾ Извѣстія Тааврической Ученой Архивной Комиссіи, № 38. Ив. Ив. Грапперонъ, А. Колли.

1. Темнота.

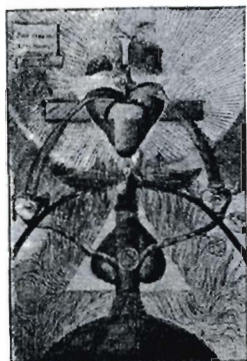
2. Страсть.

3. Ненависть.

4. Смерть.

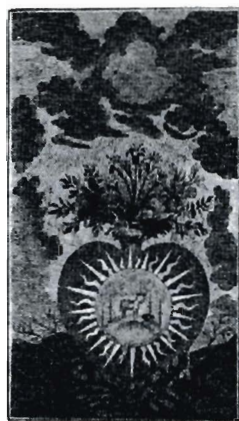
5. Заветъ Христовъ.

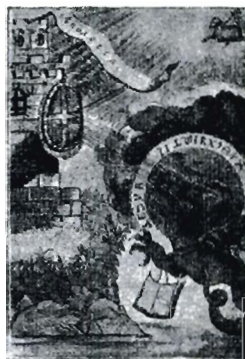
6. Откровение Божіе.

7. Вѣра и невѣріе.

8. Сердце рождающагося.

9. «Апология».

Символы масонскіе (собрание Бурцева).

«Вселенная есть отечество Каменщика», гласятъ масонскія установленія, «каменщикъ—гражданинъ міра». Но, проповѣдуя любовь ко всему человѣчеству, русскіе масоны 1812 года не отрицали любви къ отечеству. и въ рѣчахъ повторяется не разъ восклицаніе: «званіе гражданина міра не избавляетъ насъ отъ любви къ отечеству».

«Вселенной тишина, миръ и спокойствіе—цѣль ордена», излагалось въ масонскихъ уставахъ, но сознавая, что желанный златой вѣкъ всесвѣтнаго мира можетъ грезиться лишь въ туманной отдаленности, масоны не отрицали необходимости войны въ такихъ случаяхъ, когда она являлась единственнымъ средствомъ къ возстановленію мира, а Наполеоновскія войны и въ особенности 1812 годъ были такими исключительными случаями.

«Прощай личнымъ врагамъ своимъ, но ненавидь зло и преслѣдуй его всюду», — говорили масоны витіи; зло, по мнѣнію масоновъ, смотря по обстоятельствамъ времени, принимаетъ различные образы: «одѣвалось въ докторскія скуфьи, въ рясы, въ красныя шапки, въ каменщическіе запоны, въ броню завоевателей и всюду изливало одинъ и тотъ же ядъ властолюбія и насилія. Насиліе же—смертельный врагъ свободы и братства».

Такимъ-то зломъ, одѣтымъ въ броню завоевателя, русскіе масоны 12-го года почитали Наполеона и борьбу противъ него, какъ нарушителя мира, какъ воплотившаго насиліе, почитали долгомъ. «Адская Наполеонова политика» обсуждалась на тайныхъ собраніяхъ у І. А. Поздѣва. М. И. Невзоровъ неустанно восклицалъ, что должность каждаго сына отечества—жизнь свою отдать за благо его. Въ то же время славословился Императоръ Александръ—«Царь Россовъ, кроткій ангелъ мира».

Вотъ почему среди героевъ отечественной войны—цѣлый рядъ извѣстныхъ русскихъ вольныхъ каменщиковъ, изъ коихъ первымъ слѣдуетъ назвать князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Въ одѣ 1812 года, озаглавленной «Война», воспѣвается доблесть героевъ:

«Но вы, спасители и други,
Отеческихъ, любезныхъ странъ,
Черезъ доблестны свои заслуги
Купивши благо согражданъ!
Вы Кодры древни, Аристиды,
Пожарски, новы Леониды!..
Васъ роды поздніи вспомнятъ!»

Хвала доблести перемѣшана съ сѣтованіями на вражду народовъ. «Великій духомъ человѣкъ, рожденный въ горномъ житѣ ээирѣ, враждуетъ съ братьями свой вѣкъ». «Доколѣ, небо, внемлешь стоны?» «Любовь, гдѣ нѣжный твой союзъ?» «Доколѣ будетъ во вселенной труба военная звучать?» Но какъ смирить злую, вооружен-

ную силу какъ не съ мечемъ въ рукѣ, и поэтъ восклицаетъ: «Ахъ! должно гордость оруженну и силу силой отразить, достойно хитрую гіену мечемъ кровавымъ поразить! За честь, отечество и вѣру, героевъ древнихъ по примѣру, похвально въ брани умереть!»¹⁾. Любовь къ отечеству масоны не только не отрицали, но наоборотъ чтили высоко всѣхъ историческихъ мужей, явившихъ себя достойными сынами родины. «Если сердце твое не трепещетъ, если ты не вѣдъ себя отъ радости при произнесеніи имени Курцій, Тель, Пожарскій, Мининъ—то недостойнъ ты рыцарствовать за союзъ нашъ»²⁾, поучалъ М. И. Невзоровъ и въ издаваемомъ имъ журналѣ «Другъ Юношества» помѣщалъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ уясненію—въ чемъ заключается истинная любовь къ отечеству, истинный патриотизмъ. Этотъ забытый масонъ-націоналистъ, отстаивалъ право самобытности каждаго народа и не въ томъ усматривалъ благополучіе россіянъ, чтобы быть непременно похожими на какой-либо изъ народовъ Западной Европы. Своеобразна небольшая замѣтка подъ названіемъ—«Первоначальный урокъ юному россіянину объ отечествѣ».

М. И. Кутузовъ.
M. Koutousoff.

«Чѣмъ обязаны мы своему отечеству?»—«Всѣмъ. Мы родимся на его землѣ, дышимъ его воздухомъ, возрастаемъ подъ защитою его законовъ, а потому самому должны любить его болѣе всего и защищать отъ нашествія иноплеменныхъ до послѣдней капли крови». «А для чего это?»—«Для того, что, допустивъ покорить свое отечество, мы содѣлаемся рабами побѣдителей, которые, разрушивъ наши законы, истребивъ обычаи и поколебавъ самую вѣру, лишатъ насъ всѣхъ правъ доставлять себѣ какія-либо выгоды; тогда будемъ мы жить не для себя, а для нихъ; дѣйствуя и даже мысля не такъ, какъ сами пожелаемъ, но какъ они намъ прикажутъ, словомъ, потерявъ свободу и съ нею счастье, принуждены будемъ лобызать рабскія цѣпи въ безмолвіи. Враги поругаются надъ униженіемъ попранныхъ ими. Покоренное

¹⁾ «Другъ Юношества» 1812, декабрь, стр. 52—58. Герасимъ Сокольскій.

²⁾ И. Публ. библ. Рукоп. Отд. Q. III, № 72.

отечество истребляется изъ числа державъ земныхъ».—«Есть ли случаи, въ которыхъ дозвоительно отлучаться изъ своего отечества?»—На время отлучаться можно, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться. Мы видимъ, какъ сама природа научаеъ отлетныхъ птицъ находить истинное свое отечество».

Любопытно, что лишь два случая указываются, когда дозволено отлучаться въ чужія страны,—во время войны и для торговли. «Вѣрные сыны отечества», гласить поученіе, «отражая враговъ, увлекаются иногда необходимостью далеко отъ своихъ предѣловъ; но увѣнчанные лаврами, немедленно съ побѣдою возвращаются въ свое отечество къ отрадѣ и славѣ своихъ согражданъ»¹⁾.

Въ особой, пространной одѣ подъ заглавіемъ «На прошедшій, 1812 годъ» Наполеонъ называется дракономъ съ крылами гіены. «Не Богъ онъ,—червь предъ Всемогущимъ», восклицаетъ сочинитель оды, «онъ прахъ, ничто предъ Всюдусущимъ». Императоръ Александръ I воспѣвается какъ освободитель народовъ. «Царей разрушились оковы, народовъ рабскій страхъ исчезъ»,—тѣмъ болѣе хвала и побѣдителю, русскому императору и всему русскому народу, что врагъ былъ очень силенъ, очень опасенъ. «Кто всѣхъ судьбу держалъ рукою, превыше всѣхъ былъ вознесенъ, тотъ сильною славянь пятою попанъ, растоптанъ, онѣмень».

Особымъ почетомъ окружали масоны имя свѣтлѣйшаго князя Михаила Илларионовича Кутузова, побѣдителя Наполеона. Пѣснь²⁾, написанная на смерть славнаго полководца, воспѣваетъ не только знаменитаго героя, увѣнчаннаго лаврами побѣдъ надъ «гордою луной кровавой», надъ «полчищами Наполеона, собранными съ полсвѣта», но и мудраго, осмотрительнаго полководца, который «славу вѣчную стяжалъ», хотя «не рѣки крови имъ пролиты». Кутузова именуютъ колоссомъ, подпорою Россіи. Обращаясь къ унылому Россу, стихотворецъ восклицаетъ: «лишился твердой ты подпоры, палъ знаменитый твой колоссъ». «Но кто, о Россы, кто забудетъ, велики подвиги его? Нѣтъ Россъ во вѣки помнить будетъ вожда, героя своего».—Не забылъ сочинитель хвалебной пѣсни отмѣтить смиреніе князя Кутузова-Смоленскаго, который, «побѣдой не гордясь счастливой, Творцу моленье возсылалъ».

Первое посвященіе кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго въ таинства вольнокаменческаго Ордена свершилось въ Регенсбургѣ, въ ложѣ «Къ Тремъ Ключамъ». Кн. Кутузовъ, по словамъ масоновъ, пришелъ искать въ ложѣ ордена силъ для борьбы со страстями и ключа отъ тайнъ бытія.

Съ теченіемъ времени онъ былъ принятъ въ ложахъ Франкфурта, Берлина, Петербурга, Москвы и проникъ въ тайны высокихъ степеней. При посвященіи

¹⁾ «Другъ Юношества», 1809, сентябрь, стр. 74—82. Первоначальный урокъ юному Россіанину объ отечествѣ.

²⁾ «Другъ Юношества», апрѣль, 1813, стр. 127—135.

въ 7-ю степень шведскаго масонства, онъ получилъ орденское имя—«Зеленѣющій лавръ» и девизъ «Побѣдами себя прославить». И орденское прозвище, и девизъ оказались пророческими.

Посмертная оцѣнка жизнедѣятельности князя Кутузова была произнесена великими витіями-масонами въ великолѣпной траурной ложѣ, свершенной въ іюль мѣсяцѣ 1813 г. Торжество печальнаго обряда поминавенія масоны совершили въ залахъ петербургскаго музыкальнаго общества, подъ предсѣдательствомъ гросмейстера И. В. Бера и въ присутствіи многихъ сотенъ братьевъ.

По принятому въ масонскомъ братствѣ обычаю выступавшіе витіи разбирали жизнь отошедшаго въ вѣчность какъ христіанина, гражданина и вольнаго каменщика. Витіи утверждали, что князь Михаилъ Илларионовичъ, великій полководецъ, посѣдѣвшій подъ лаврами, въ войнѣ видѣлъ лишь крайнее средство для достиженія мира. Когда же боевая перчатка бывала брошена, онъ не страшился поднять ее, дабы войною добиться желаннаго мира. Однако, всегда онъ пытался предварительно искусствомъ дипломатическихъ переговоровъ предотвратить войну. Жизнь соратниковъ своихъ никогда не подвергалъ онъ ненужною дерзостью игрѣ случая, никогда не позволялъ пятнать славу войскъ своихъ грабежомъ и пролитіемъ неповинной крови мирныхъ гражданъ. Побудительною причиною всѣхъ дѣяній Кутузова масоны-витіи почтили жажду безсмертія: онъ жаждалъ вѣчной жизни въ благодарной памяти потомства.

Въ масонскомъ орденѣ Кутузовъ занималъ высокое мѣсто у кормила ордена и постоянно былъ опорю вольнокаменщического братства. Не подлежить

Мечъ масонскій. (Румянц. Музей.)
Un glaive maçonnique.

«Истинная любовь горитъ, не уступая дождямъ и водамъ».
(Собр. Бурцева.)
Symbole maçonnique.

сомнѣнію что сила сплоченнаго масонскаго братства въ свой чередъ способствовала назначенію кн. Кутузова предводителемъ нашихъ воору-

женныхъ силъ въ борьбѣ съ великимъ предводителемъ великой арміи.

Въ упомянутой пѣснѣ на смерть кн. Кутузова высказано мнѣніе масоновъ о избраніи его предводителемъ волею Всевышняго. Въ великомъ бѣдствіи отечественной войны многіе масоны усматривали заслуженную кару, ниспосланную

небесами въ возмездіе за грѣхи россиянь. «О, Россѣ, найдешь ли въ томъ сомнѣнье, что здѣсь самъ Богъ тебя караль? Онъ зрѣлъ развратъ и на паденье спокойнымъ окомъ здѣсь взиралъ». Кутузовъ былъ намѣченъ орудіемъ спасенія волею Всесильнаго, отъ Коего всецѣло зависѣло и инымъ образомъ изгнать врага Россіи. «Онъ могъ тогда жъ враговъ заставить бѣжать назадъ своимъ путемъ, но въ гнѣвъ удержалъ поставить въ сей разъ Кутузова вождемъ».

Изъ книги Арндта
«Объ истинномъ христіанствѣ».

III.

Il sait partager la souffrance
De l'être faible, abandonné,
Il est l'appui de l'indigence
Et l'ami de l'infortuné.
Humanité, devoir, patrie
Sont gravés sur son bouclier.

Изъ масонской пѣсни ложи «Соединен-
ныхъ Друзей».

Масонскіе завѣты не забывались во время сраженій: выходя въ бой, масоны нерѣдко даже одѣвали на грудь, подъ мундиръ масонскіе знаки, символы этихъ завѣтовъ. Такъ, Петръ Петровичъ Колечицкій, поручикъ Лб. Гв. Литовскаго¹⁾ полка, полковой адъютантъ, въ сраженіи подъ Бородинымъ случайно былъ спасенъ отъ смерти масонскимъ знакомъ, который носилъ на груди²⁾. Въ глубокой уже старости Колечицкій все еще помнилъ и рассказывалъ, что онъ «получилъ пулю прямо въ сердце, но она попала въ надѣтый имъ отдѣльно отъ креста и благословенныхъ образковъ на шеѣ, масонскій знакъ (золотой) циркуль, наложенный на прямоугольникъ. Пуля, пробивъ мундиръ, засѣла въ четырехугольную пустоту знака и произвела на кожѣ только незначительный синякъ выше лѣваго соска, выше сердца».—Знакъ, представлявшій соединеніе циркуля съ наугольникомъ, являлся символомъ третьей степени іоанновскаго масонства, степени мастера, и посвященный клятвою обязывался безъ «содроганія и жалости жизнь свою отдать за распространеніе идей человѣчности и законности». Знакъ поэтому

¹⁾ Теперешній Лб.-Гв. Московскій полкъ. П. П. Колечицкій I былъ зачисленъ въ тотъ полкъ въ 1811 г. изъ Лб. Гв. Преображенскаго полка. Истор. Лб.-Гв. Московскаго полка. Составилъ капитанъ Н. С. Пестриковъ. Т. I. Приложение II, стр. 2.

²⁾ Изъ исторіи масонства. Очеркъ Михаила Левицкаго, стр. 32. Левицкій приходится внучатымъ племянникомъ П. П. Колечицкому и много разъ слышалъ эту семейную быль.

служилъ для носящаго его напоминаніемъ о тѣхъ мученикахъ, кои пролили кровь свою въ защиту поправленнѣхъ правъ человѣчества. Въ то же время, глядя на знакъ или чувствуя близъ сердца холодъ его золота, масонъ невольно припоминалъ слова «старѣйшихъ каменщиковъ», повторяемыхъ неизмѣнно при врученіи знака: «Размѣряй дѣйствія твои циркулемъ разума, располагай поступки свои по углу совѣсти». Циркуль, кромѣ того, напоминалъ о всевѣднѣи Великаго Зиждителя Вселенной, единаго сердевѣдца; наугольникъ—объ обязанности каждаго вольнаго каменщика обуздывать свою злую волю во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Въ спискахъ офицеровъ Лейбъ-Гвардейскаго Литовскаго полка, удостоенныхъ награжденіемъ за Бородинское сраженіе, значится и Колечицкій І, получившій орденъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами,—относительно высокую награду для молодого офицера. При представленіи именного списка генер.-лейт. Лаврову для исходатайствованія Высочайшаго награжденія о Колечицкомъ было сказано, что онъ, «посылаемъ неоднократно съ порученіями подъ самыя сильныя картечныя выстрѣлы, не только оныя выполнялъ, но даже самъ собиралъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, съ оными дѣйствовалъ и былъ до конца сраженія»¹⁾. Итакъ, Колечицкій не жалѣлъ своей жизни въ бою съ «утѣснителемъ человѣчества», какъ именовали Наполеона; онъ твердо помнилъ великія слова—долгъ—отчизна, слова, начертанныя какъ на щитѣ, по словамъ масоновъ-витій, въ сердцахъ истинныхъ вольныхъ каменщиковъ. Но не только «любовь къ родинѣ и долгъ» были начертаны въ сердцахъ каменщиковъ, тамъ было еще великое слово «человѣчность». М. Муромцевъ, адъютантъ ген.-лейт. Лаврова, рассказывая о своемъ вступленіи въ масонскую ложу во Франкфуртѣ, гдѣ стоянка была продолжительною, замѣчаетъ: «тогда это было въ большой модѣ, иногда приносившей пользу; бывали случаи, что во время сраженій призывный знакъ помощи спасалъ отъ смерти». Эти воспоминанія Муромцева находятъ подтвержденіе въ печатномъ французскомъ обрядникѣ 1820 года, гдѣ при описаніи знака призыва отмѣчено, что во время Наполеоновскихъ войнъ многіе военные избѣжали вѣрной смерти исключительно благодаря масонскому знаку призыва. Яркимъ примѣромъ достовѣрности таковыхъ утвержденій служить рассказъ извѣстнаго впослѣдствіи декабриста, коему жизнь была спасена именно потому, что враги узнали въ немъ собрата по ордену.

Въ 1814 году въ сраженіи при Монмиралѣ въ холодномъ, сыромъ январѣ мѣсяцѣ, вспоминаетъ Г. С. Батенковъ, я, потерпѣвшій многія раны и оставленный съ трупами на полѣ сраженія, былъ непріятельскими солдатами раздѣтъ

¹⁾ Ист. Лб.-Гв. Московскаго полка. Капитанъ Н. С. Пестриковъ. Т. I, приложение XVIII, стр. 24. Ib. Приложение XIII, стр. 11.

до рубашки; вслѣдъ за ними явились верхомъ два офицера французской гвардіи и обратили на меня вниманіе; прикинувъ къ лицу, удостовѣрились, что я живъ; тотчасъ покрыли плащомъ убитого солдата и на своихъ рукахъ донесли до шоссе, черезъ разстояніе не менѣе полуверсты, тамъ сдали на фуры, собиравшія раненыхъ, и строго приказали отвезти въ госпиталь ближайшаго города и передать особенному попеченію медика; въ послѣдствіи я узналъ, что обязанъ спасеніемъ положенію своей руки, которою покрывалъ одну изъ главныхъ ранъ, случайно въ видѣ масонскаго знака. «Горестно,—воскликаетъ Батенковъ,—что я не знаю именъ своихъ благодѣтелей».

Особыя молитвы имѣлись на случай войны,—одна для произнесенія вообще во время походовъ, другая послѣ одержанія побѣды надъ врагомъ. Молитвы своеобразны, и являются переводомъ съ сочиненій извѣстнаго мистика-писателя Л. Эккартсгаузена. Среди кровавыхъ ужасовъ, ожесточенныхъ боевъ, какимъ-то безпочвеннымъ мечтаніемъ кажутся эти масонскія молитвы, и однако онѣ сохранились во множествѣ списковъ, что доказываетъ ихъ распространенность. «Возношусь сердцемъ къ Тебѣ, Господи, Отче всѣхъ людей міра, даруй намъ, молю Тебя, духъ снисхожденія и прощенія. Просвѣти сердца смертныхъ чадъ Твоихъ сознаніемъ, что Богъ любви, Отецъ ихъ Небесный, не есть Богъ гнѣва и убійствъ. Воспламени сердца людей всемірною любовію и уничтожь въ душахъ ихъ силу страстей и безумную жажду побѣдъ. Верни покой и миръ угнетеннымъ и разореннымъ; просвѣти духъ народовъ и правителей, дабы въ будущемъ рѣшали права ихъ справедливость, милосердіе и осмотрительность, а не кровавое насиліе и убійства». Такова была молитва во время войны, молитва послѣ одержанныхъ побѣдъ гласила:

«Боже, мы одержали побѣду надъ врагами нашими; всюду радость и пѣсни ликованія. Я же, Боже Великій, повергаюсь во прахъ передъ Тобою, дабы исповѣдать святыя заповѣди Твои и молить Тебя—да растопишь хладъ сердець человѣческихъ чувствіями болѣе нѣжными, чтобы впредь не мечомъ разрѣшали они распри свои.

«О, Боже любви—во вѣки очамъ Твоимъ не угодно убіеніе людьми себѣ подобныхъ.

«Дѣянія любви и милосердія угодны Тебѣ, а не разрушенія и насилія. Тебѣ, повелѣвшему намъ возлюбить враговъ нашихъ, можетъ ли угоднымъ быть ликованіе наше, торжество надъ несчастіемъ ихъ. Молимъ Тебя, Господи, просвѣти сердца ихъ, дабы умудренные неудачами своими, сознали они роковыя слѣдствія страстей своихъ и прониклись чувствіями миролюбивыми. Пронзи сердце побѣдителя и побѣжденнаго лучомъ любви Твоея, дабы познали они себя чадами единаго Отца, сотворенными по одному подобію Твоему, коимъ даровалъ Ты прекрасное жилище земли для наслажденія радостями жизни, а не для обращенія ея въ лицедѣйство убійствъ, въ коемъ братъ удушаетъ

брата. Боже мой, умягчи сердца монарховъ! когда же обстоятельства или нужда принудятъ ихъ къ защищенію правъ своихъ мечомъ, да пощадаютъ они кровь людскую, елико во власти ихъ! Да памятуютъ всечасно, Господи, что герой, властный уничтожить миллионы тварей, не въ силахъ жизнь

Запонъ. (Изъ собр. Д. Г. Бурлына.)
Un tablier maçonnique.

вернуть ничтожнѣйшему червю. Ниспосли на землю ангела мира, запечатлѣй счастье смертныхъ духомъ примиренія и любви!»

Въ масонской пѣснѣ, пѣтой еще при собраніяхъ походныхъ ложъ въ турецкую войну въ царствованіе императрицы Екатерины II повторялся припѣвъ— «намъ кровава честь не лестна, мы по нуждѣ таковы, неповинно обогрѣны— кровію подобныхъ намъ» ¹⁾.

Военно-походныя логи существовали въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были онѣ и въ отечественную войну. Въ началѣ похода 1812 года ложа Соединенныхъ Друзей образовала при Лейбъ-Гвардейскомъ Конномъ полку ложу Военной

¹⁾ Хоры и пѣсни. Масонскій пѣсенникъ XVIII вѣка, пѣснь № XI.

Вѣрности, позднѣе принявшую наименованіе «Александра къ Военной Вѣрности»; ложа эта, слѣдуя за полкомъ, совершила съ нимъ весь походъ и въ нее за это время было посвящено много новыхъ сочленовъ офицеровъ.

Военныя ложи не были явленіемъ случайнымъ, онѣ предусматривались масонскими установленіями не только въ Россіи, но и въ западно-европейскихъ государствахъ. При войскахъ Наполеона также существовали ложи. Военно-походная ложа не могла учредиться самостоятельно, самопроизвольно, но должна была выдѣлиться изъ «совершенной и справедливой ложи» уже ранѣе работавшей. Съ этою ложею-учредительницею военная ложа продолжала быть настолько соединенною «крѣпко, неразрывными узами, что она не иначе могла почитать себя какъ ея частью», и по прекращеніи военныхъ дѣйствій вновь сливалась съ нею. Ложи, коимъ присуще было право основанія военно-походныхъ ложъ, должны были всегда избирать двойной составъ должностныхъ лицъ, «дабы въ случаѣ неожиданнаго выступленія не могло служить препятствіемъ исканіе подходящихъ лицъ для полевой ложи, а поспѣшность выборовъ не послужила бы во вредъ интересамъ военной ложи», для которой особенно важно было имѣть составъ правленія, стоящій на высотѣ положенія.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ военныхъ ложъ была особенно велика—они должны были не только поддерживать бодрый духъ и нравственныя силы своихъ сочленовъ, не только обратить ложу «въ станъ отдохновенія», но и заботиться о вспоможеніи раненымъ братьямъ «всѣми доступными средствами, духовными и матеріальными»; если въ раненомъ врагѣ будетъ признанъ членъ вольнокаменническаго братства, то и ему должно было оказывать пособіе. «Помощь оказывать» хотя и предписывалось «всѣмъ въ пособіи нуждающимся, однако, брату, вольному каменнику, преимущественнѣе передъ непосвященными». Кромѣ того, должно было стараться о распространеніи идей ордена, «во времена тягчайшія, военныя». Хотя военныя ложи «по предназначенію своему не должны были», по разъясненію масоновъ, «принимать никого, кромѣ военныхъ, однако, если какой-либо изъ полевыхъ ложъ пришлось бы работать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не имѣется вовсе масонскихъ ложъ, ей разрѣшалось принимать не военныхъ въ двухъ случаяхъ: «для облегченія возможности учрежденія обыкновенной ложи или въ вознагражденіе за гражданскія добродѣтели». Въ отношеніи устройства ложи, въ такъ называемой «конституціи» существовали двоякія правила, при соблюденіи коихъ она почиталась законною, «справедливою и совершенною».

Первое правило: «Ложа сестра-учредительница снабжала установленнымъ разрѣшеніемъ назначеннаго ею управляющаго мастера для открытія полевой ложи. Разрѣшеніе это почиталось дѣйствующимъ на все время похода, при чемъ за ложею-учредительницею сохранялось право закрытія полевой ложи въ случаѣ несоблюденія ею общихъ для всего ордена законовъ или же особыхъ уста-

вовъ и предназначеній, ей для послѣдованія выданныхъ»; второе правило: «разрѣшеніе работъ получается отъ великой, главноуправляющей ложи союза, при чемъ новоучрежденная военная ложа заносится въ списокъ союзныхъ ложъ и ни отъ кого, кромѣ главной ложи, въ зависимости не состоитъ и закрытою быть можетъ единымъ Великой ложи постановленіемъ или собственно своею волею».

Миновалъ тяжкій, разоренный годъ отечественной войны, и вновь масоны занялись учрежденіемъ ложъ.

21 октября 1813 г. возобновлена была ложа XVIII вѣка Нептуна подъ наименованіемъ «Нептуна къ надеждѣ», она открыла свои работы въ трехъ символическихъ степеняхъ по староанглійскому ритуалу, на востокѣ Кронштадта. Дозволеніе открыть ложу было испрошено отдѣльнымъ прошеніемъ и получено.

Въ ложѣ Нептуна объединились разнородные элементы изъ жительствовавшихъ въ Кронштадтѣ иностранцевъ, вошли въ ложу и русскіе офицеры и гражданскіе чины; прежній обликъ морской ложи, столь яркій въ Екатерининское время, ложа Нептуна утратила.

Новыхъ русскихъ ложъ въ 1813 г. не открылось, но подъемъ въ современномъ обществѣ національнаго чувства, желаніе освободиться отъ вліянія всего французскаго сказывалось въ 1813 г., и отголосокъ его находимъ въ масонскихъ ложахъ. Въ ложѣ Палестины, до того времени работавшей исключительно по-французски, открылись работы и на русскомъ языкѣ. Инсталляція ложи произошла 12-го мѣсяца въ 23-й день въ присутствіи Великаго мастера графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго и Намѣстнаго мастера Сергѣя Степановича Ланского, которые открыли ложу въ 7 часовъ вечера со всѣми обрядами царственного ордена на русскій языкѣ. Изъ произнесенныхъ рѣчей большимъ подъемомъ отличается рѣчь С. С. Ланского. «Кто изъ братьевъ свободныхъ каменщиковъ могъ бы не возрадоваться, что въ престольномъ градѣ дражайшаго нашего отечества еще въ одной изъ соединенныхъ ложъ открываются работы на любезномъ намъ отечественномъ языкѣ? Что есть два дня въ мѣсяцѣ, въ которые хорошій и всякаго почтенія достойный братъ, не знающій иностраннаго языка, можетъ притти въ храмъ нашъ, принести жертву свою на алтарь святаго человечества! Какая радость особенно для братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ Палестины, съ начала установленія своего украшавшейся кротостію и смиреніемъ, и члены коея всегда отличались между собою искреннимъ согласіемъ и братолюбіемъ, счастливое знаменіе, подъ коимъ работы сіи пріемлютъ свое начало, обѣщаютъ намъ благословенный успѣхъ»... «Единомысліе насъ соединило», восклицалъ Ланской въ концѣ своей рѣчи, «согласіе да подкрѣпитъ наше единеніе».

Желаніе выдвинуть русскихъ масоновъ въ союзъ великой Директоріальной ложи Владиміра къ порядку было отмѣчено даже въ донесеніи полиціи за 1813 г.:

«вліяніе сенатора П. И. Голенищева-Кутузова, который совершенно управляет старикомъ Беберомъ, произвело даже смуту и ропотъ въ средѣ многочисленныхъ масоновъ, потому что онъ желалъ присвоить русскимъ масонамъ надъ ними первенство».

Ложи петербургскія продолжали свои работы въ 1812 году и многіе московскіе масоны временно вошли въ число ихъ членовъ; такъ, почетнымъ членомъ въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели числился П. И. Кутузовъ и выступалъ въ ней съ патріотическими рѣчами во время засѣданій.

Ложа Изиды въ Ревелѣ составила въ это же время хотя и на нѣмецкомъ языкѣ сборникъ масонскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія отличались ярко выраженной безпредѣльной любовью къ отечеству и прославленіемъ военной доблести и героевъ, павшихъ смертью храбрыхъ въ борьбѣ за свободу родины.

Въ Москвѣ, прекращенныя по необходимости работы тайныхъ ложъ возобновились съ возвращеніемъ масоновъ къ покинутымъ своимъ пепелищамъ.

7 марта 1814 г. въ ложѣ П. И. Голенищева-Кутузова состоялось первое собраніе. Были вознесены молитвы благодарности за спасеніе отечества и произнесены рѣчи. Однако братій вернувшихся оказалось еще мало. 2-е собраніе, «когда уже большее число братій возвратилось», состоялось 9 апрѣля, и П. И. Кутузовъ открылъ ложу знаменательными словами, свидѣтельствовавшими о крѣпости масонскихъ связей, не расторгнутыхъ великимъ народнымъ бѣдствіемъ.

«Послѣ распри, послѣ разсѣянія для всѣхъ насъ, конечно, прискорбныхъ, послѣ горестей и крестовъ, претерпѣнныхъ каждымъ изъ насъ, однимъ болѣе, другимъ менѣе, по неисповѣдимому промыслу, по безконечному милосердію Великаго Строителя, мы паки собрались въ малый братскій нашъ кружокъ и, что всего утѣшительнѣе, съ тою же любовью, съ тою же дружбою, каковыми прежде согрѣвались, съ тѣмъ же стремленіемъ къ истинѣ, съ тѣмъ же благоговѣніемъ къ нашей священной связи, съ тою же ревностію къ работамъ нашимъ!...»

Тира Соколовская.

Масонская грамота. (Собр. Д. Г. Бурылина).
Diplôme maçonnique.

М. И. Невзоровъ.

«Habent sua fata libelli»... Въ число книгъ, имѣющихъ странную судьбу, нужно включить небольшую, менѣе, чѣмъ въ полъ-листа, анонимную брошюру «Грѣхъ не бездѣлица». Она появилась «первымъ тисненіемъ» въ началѣ XIX вѣка, а въ 1912 г. потребовала *двадцатаго* изданія. Содержаніе ея незамысловато: указывая на то, что грѣхъ нерѣдко является предметомъ шутки, авторъ предлагаетъ читателю «прилежно разсмотрѣть» слѣдующія положенія: 1) тотъ, кто шутитъ грѣхомъ, смѣется гнѣву Божію; 2) тотъ, кто шутитъ грѣхомъ, шутитъ страданіями человѣческаго рода; 3) шутитъ грѣхомъ значить шутитъ смертію, потому что едва грѣхъ вошелъ въ міръ, то смерть послѣдовала за грѣхомъ; 4) шутитъ грѣхомъ значить шутитъ въ то время, когда надлежитъ плакать; 5) шутитъ грѣхомъ значить шутитъ адскими муками, потому что грѣхъ открылъ сію ужасную

пропасть; 6) шутить грѣхомъ значить шутить страданіями Іисуса Христа, и т. д.

И только эта небольшая брошюра сохранилась въ *живой* памяти потомства, а остальные многочисленныя сочиненія того же автора извѣстны только спеціалистамъ. Возможно даже, что самое имя автора этой брошюры осталось бы навсегда невѣдомымъ, если бы анонимъ въ свое время не былъ раскрытъ А. И. Тургеневымъ¹⁾: авторомъ оказался Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, тотъ Невзоровъ, которому Воейковъ посвятилъ въ своемъ знаменитомъ «Домѣ сумасшедшихъ» насмѣшливо-злыя строки:

Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ.
«Если бѣ такъ, какъ на Вольтера,
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бѣ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.
Слогъ мой сладокъ, какъ микстура,
Мысли громки—безъ ума;
Толстая моя фигура
Такъ пріятна, какъ чума!
Я въ твореніяхъ священныхъ
И въ большихъ пяти частяхъ
Книжекъ, мною сочиненныхъ,
Доказалъ, что я—дуракъ!»

Очень невысокаго мнѣнія о Невзоровѣ былъ и кн. П. А. Вяземскій, который во время Отечественной войны, безпокоясь за участь Батюшкова, писалъ: «Я однимъ дуракамъ велѣлъ бы ходить на войну: имъ терять нечего. Напримѣръ, Невзоровъ убитый что потерялъ бы, кромѣ брюха и гузна»²⁾.

Между тѣмъ, и личность Невзорова, и его жизнь, и дѣятельность представляютъ значительный интересъ для изучающихъ исторію русскаго масонства: Невзоровъ является однимъ изъ типичныхъ его представителей, соединяя въ себѣ и нѣкоторый налетъ мистицизма и неутолимую жажду общественнаго служенія. Такое соединеніе, можетъ быть, особенно характерно для русскаго масонства, быстрое развитіе котораго у насъ, несомнѣнно, объясняется пробудившимся общественнымъ чувствомъ и сознательнымъ или полусознательнымъ стремленіемъ къ общественной работѣ. Лучшихъ людей эпохи масонство манило къ себѣ не только тайнами мистическихъ переживаній, но и *дѣятельной* жизнью въ духѣ христіанства. Вотъ почему по «Нравоучительному катехизису истинныхъ ф-къ м-въ» Лопухина главная цѣль масонства отождествлялась съ цѣлью

¹⁾ «Современникъ» 1836 г., т. IV, стр. 238.

²⁾ «Остафьевскій архивъ», т. I, стр. 19.

«истиннаго христіанства», главный долгъ масона полагался въ любви къ Богу и въ *самоотверженной* любви къ ближнему, а свою работу масонъ долженъ былъ совершать «посреди сего міра».

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого общественнаго теченія въ масонствѣ былъ, конечно, Новиковъ, но было и много другихъ, болѣе скромныхъ, менѣе замѣтныхъ, не столь даровитыхъ, не такъ широко захватывавшихъ своею дѣятельностью общественную жизнь. Къ числу послѣднихъ нужно отнести и Невзорова.

Родился Невзоровъ въ 1762 или 1763 году ¹⁾. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской семинаріи, а затѣмъ по рекомендаціи епархіальнаго начальства за отличіе былъ отправленъ для продолженія образованія къ Новикову, который уже въ концѣ 1779 г. хлопоталъ передъ архіереями о присылкѣ изъ семинаріи студентовъ для университета за счетъ нарождавшагося Дружескаго ученаго общества ²⁾. Невзоровъ, въ сущности, былъ первымъ его стипендіатомъ.

И. В. Лопухинъ. (Собр. С. П. Виноградова.)
I. Lopouhine.

Въ университетѣ Невзоровъ слушалъ лекціи по юридическому и медицинскому факультетамъ, при чемъ окончилъ юридическій съ золотой медалью. По видимому, Новиковъ привлекъ Невзорова, какъ и многихъ другихъ представителей студенческой молодежи, къ переводческой дѣятельности. По крайней мѣрѣ, уже въ 1785 г. появляется въ переводѣ Невзорова французская книга: «Истинныя правила Христіанскаго воспитанія дѣтей».

Въ университетскіе годы Невзоровъ находился, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Лопухина и той масонской атмосферы, которая къ этому времени въ значительной степени охватила Москву. Въ тонѣ восторженной благодарности писалъ впослѣдствіи Невзоровъ объ этихъ вліяніяхъ: «Отъ незабвен-

¹⁾ Въ послужномъ спискѣ Невзорова, просмотрѣнномъ имъ самимъ, указанъ 1762 г., а въ «Другѣ Юношества» (декабрь, 1812 г.)—1763.

²⁾ Лонгиновъ. «Новиковъ и московскіе мартинисты», стр. 129.

наго и одного Ивана Владиміровича (т.-е. Лопухина) получилъ я все наружное свое состояніе, такъ какъ отъ свободнаго каменщичества внутреннее, гдѣ также всегда главнымъ и для меня, можно сказать, единственнымъ орудіемъ былъ тотъ же Иванъ Владиміровичъ¹⁾. «Мое исповѣданіе объ орденѣ свободнаго каменщичества, въ которомъ мнѣ по волѣ Бога милосерднаго посчастливилось учиться, есть таковое, что я его для себя собственно почитаю истинною женою, облеченною въ солнце, о коей упоминается въ 22 главѣ Апокалипсиса, и породившею во мнѣ чадо истины... Болѣе же всего къ таковому рожденію во мнѣ истины служилъ поводомъ бывшій мой великій мастеръ въ ложѣ Блистающей звѣзды, неподражаемый мой благодѣтель во всемъ И. В. Лопухинъ, который истинно одинъ изъ не послѣднихъ, и, можно сказать, изъ первыхъ драгоценныхъ камней, украшающихъ корону вышеозначенной жены... Орденъ свободныхъ каменщиковъ, въ которомъ я былъ членомъ, для меня былъ лучшимъ училищемъ христіанскимъ, и я по милости Бога не хотѣлъ иначе понимать его²⁾.

Въ 1788 году Невзоровъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Колокольниковымъ отправились за счетъ Лопухина за границу доканчивать медицинское образованіе «для полученія градуса», такъ какъ московскій университетъ не имѣлъ еще привилегіи «дѣлать докторами». Обязательствъ съ нихъ Лопухинъ никакихъ не взялъ, и молодые люди только обѣщали, что деньги его попустому тратить не будутъ, а будутъ жить честно и добропорядочно³⁾. «Наняли мы», разсказываетъ Колокольниковъ, «ѣдущихъ въ Лейпцигъ на ярманку за товарами, русскихъ извозчиковъ, до самаго Лейпцига за 45 дукатовъ и отправились въ Лейденъ черезъ Лейпцигъ, учиться единственно медицинѣ и взять градусъ докторскій, изъ Лейпцига до Лейдена ѣхали по почтѣ... По прожитіи двухъ лѣтъ въ Лейденѣ и по выслушаніи курсовъ медицинскихъ, экзаменованы были въ собраніи докторовъ и профессоровъ въ медицинѣ и удостоены были докторскихъ чиновъ. Послѣ сего хотѣлось было намъ для обученія повивальному искусству отправиться въ Парижъ..., но по неустройствамъ и безпорядкамъ нынѣшнимъ въ Парижѣ, мы не осмѣлились туда пуститься⁴⁾. Лопухинъ тоже не совѣтовалъ имъ туда ѣздить, считая полезнымъ «избѣжать тамошняго житья въ разсужденіи царствующей тамъ нынѣ мятежности»⁵⁾. Впрочемъ, молодые люди и сами не склонны были увлекаться революціонными идеями, и Лопухинъ съ замѣтнымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія писалъ А. М. Кутузову, что они, независимо отъ его совѣтовъ, «сами собою мерзя онымъ мятежничествомъ, удаляются подвержен-

¹⁾ «Библиографическія записки», I, стр. 645.

²⁾ «Другъ Юношества» 1812 г., августъ.

³⁾ Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты. «Сборникъ Рус. Ист. Общ.», т. II; стр. 134—135.

⁴⁾ «Исторія жизни и дѣлъ моихъ», Колокольникова («Сб. Р. И. Общ.», т. II, стр. 137—138).

⁵⁾ «Рус. Стар.», 1874 г., т. IX, стр. 267.

ныхъ тому мѣстѣ». Въ этомъ Лопухинъ видѣлъ «démenti пакостнымъ язычникамъ» ¹⁾, которые, очевидно, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы распространять злые слухи о дѣятельности масоновъ.

Вмѣсто Парижа молодые люди собрались ѣхать въ Швейцарію, но одно обстоятельство заставило ихъ направиться въ Геттингенъ: отъ случайно встрѣтившихся имъ студентовъ они узнали, что въ Швейцаріи «повивальной коллегіи особенной совѣтъ нѣтъ и притомъ содержаніе чрезвычайно дорого». Изъ Геттингена Колокольниковъ скоро снова уѣхалъ въ Лейденъ, а Невзоровъ остался слушать лекціи по натуральной исторіи у проф. Блюменбаха.

Вскорѣ послѣ этого Невзоровъ, видимо, тяжело заболѣлъ: до Колокольникова дошли слухи, что онъ «ипохондричаеъ въ высочайшей степени». Вотъ какъ описываетъ Колокольниковъ болѣзнь своего друга: «Живущіе въ квартирѣ сказывали, что онъ влюбленъ былъ въ дѣвку, въ домѣ томъ живущую, потратилъ на нее много денегъ, а склонить не могъ, и такъ, потративъ деньги и не довольно успѣвъ въ натуральной исторіи, впалъ въ сію болѣзнь... По пріѣздѣ моемъ въ Геттингенъ я нашелъ его выздоравливающимъ, однакоже ни со мною, ни съ приходящими не говорилъ онъ почти ни слова, выходилъ только прогуливаться за городъ въ садъ хозяйки, у которой жили; черезъ мѣсяцъ, какъ жары лѣтнія усилились, то онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь, ночь и день бѣгалъ по комнатѣ скорѣйшимъ образомъ и потерявши уже всѣ силы, падалъ на короткое время на постелю. Дней черезъ шесть, въ которые онъ ничего не ѣлъ и не пилъ ²⁾, насилу могъ я его склонить, чтобы кусокъ хлѣба съѣлъ, въ противномъ случаѣ едва ли бы могъ живъ остаться, мало-по-малу потомъ собрался съ силами» ³⁾.

Сохранился и собственный любопытный разсказъ Невзорова объ этой болѣзни ⁴⁾, изъ котораго видно, что онъ связывалъ съ нею свое духовное перерожденіе послѣ временныхъ заблужденій «на безпутномъ бѣгу свѣтской его жизни». По его словамъ, исцѣленію способствовала знаменитая въ свое время книга «Таинство креста», которая была у него на французскомъ языкѣ и изъ которой онъ перевелъ тогда же нѣсколько главъ. Съ этой книгой онъ даже спалъ ⁵⁾.

Въ февралѣ 1792 г. Невзоровъ съ Колокольниковымъ отправились въ Россію и на пути остановились въ Ригѣ. Между тѣмъ, уже съ іюля 1790 г. письма масоновъ тщательно перлюстрировались, и потому за перепиской Колокольникова и Невзорова было установлено наблюденіе ⁶⁾. Къ тому же кто-то пустилъ слухъ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Очевидно, онъ боялся, что его отравятъ. См. «Рус. Стар.», 1896 г., ноябрь, стр. 361.

³⁾ «Исторія жизни и дѣлъ моихъ» Колокольникова («Сборн. Р. Ист. Общ.», т. II).

⁴⁾ «Другъ Юношества» 1809 г., январь.

⁵⁾ Эта книга была уже издана въ русскомъ переводѣ въ 1784 г., но, вѣроятно, Невзоровъ объ этомъ не зналъ.

⁶⁾ «Русская Стар.» 1874 г. «Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II».

что они были «изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французскомъ національномъ собраніи съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями» ¹⁾. 22 апрѣля 1792 г. былъ арестованъ Новиковъ, слѣдствіе о масонахъ было въ полномъ разгарѣ, и, такъ какъ Невзоровъ и Колокольниковъ подозрѣвались въ посредничествѣ между русскими масонами и иностранными революціонерами, то ихъ задержали, привезли въ Петербургъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь имъ учинили строгій допросъ. Невзорову было предложено 14 вопросныхъ пунктовъ, показывающихъ, какія стороны общественной дѣятельности масоновъ вызывали особенныя подозрѣнія правительственной власти:

1) Изъяснить вамъ обстоятельно, какая это компанія, которая набирала студентовъ, такъ какъ и васъ, и на чьемъ именно вы и другіе были содержаніи, и сколько такихъ студентовъ при васъ было?

2) Гдѣ тотъ домъ, въ которомъ компанія позволяла вамъ и другимъ студентамъ жить и давала вамъ и другимъ столъ, и какъ вы полагаете, чего бы стоило сіе содержаніе и изъ какого кошта?

3) Чему вы въ томъ домѣ учились, и какими и другіе вамъ подобные обязаны должностями, и какія съ васъ и другихъ браны обязательства, письменныя или словесныя, и кѣмъ, какъ и когда?

4) Новиковъ и Лопухинъ въ компаніи и домѣ въ какихъ должностяхъ и кѣмъ они поставлены въ оныя?

5) Кто васъ и другихъ приводили къ присягѣ, въ чемъ она состояла, гдѣ и какъ сіе происходило и въ чемъ вы именно общались?

6) До свѣдѣнія дошло, что мартинисты носятъ голубые кафтаны, золотой камзолъ и черное исподнее платье, то объяснить, какія изъ сего платья выводятъ они свои положенія?

7) Объяснить вамъ, сами ль вы просились, или кто васъ уговаривалъ ѣхать въ чужіе края, такъ какъ и о томъ, какія вы дали обязательства и кому, что вамъ тамъ дѣлать, такъ же и по возвращеніи, какія вамъ дѣлали лестныя обѣщанія и въ чемъ оныя состояли?

8) Какія книги велѣлъ Лопухинъ покупать въ чужихъ краяхъ и вывозить сюда?

9) Видѣли ль вы у товарища Колокольникова бумагу, начерченную гіероглифами, и что она значить?

10) Извѣстно здѣсь, что масонства считаютъ 16 степеней, такъ какъ и то, что вы масонъ, то и открыть вамъ чистосердечно, какой вы степени, какъ оную

¹⁾ «Библиогр. Зап.» 1858 г., стр. 643—659: «Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣву».

называютъ, и куда вы хаживали въ ложу въ Москвѣ, и кто и сколько вашихъ товарищей?

11) Въ присутствіи Ивана Ивановича Шувалова между прочимъ говорили вы, что Лопухинъ писалъ къ вамъ будто вы были во Франціи и въ Народномъ собраніи, то и показати вамъ, по самой истинѣ, были ль вы въ ономъ или не имѣли ль какого сообщенія или сношенія съ членами народнаго собранія?

12) Такъ же сказали вы, что откроете великую важность, то и скажите теперь чистосердечно и безъ всякой утайки, въ чемъ она состоитъ и до кого касается!

13) Изъясните причину, почему вы называете въ Невскомъ монастырѣ митрополита, монаховъ и прочихъ іезуитами?

14) Сверхъ того говорили вы, между прочимъ, что ваше ученое общество отвратило бунтъ въ Россіи, то и показать вамъ обстоятельно, какимъ образомъ сіе происходило, кто имѣлъ намѣреніе къ бунту, гдѣ и когда, и какимъ образомъ оное общество тотъ бунтъ отвратило?

Почти тѣ же вопросы были предложены Колокольникову, который на всѣ ихъ далъ обстоятельный отвѣтъ. Но съ Невзоровымъ дѣло обошлось сложнѣе: отвѣчать онъ не пожелалъ. Молчаніе Невзорова показалось Шешковскому подозрительнымъ, и онъ, предполагая, что Невзоровъ утаиваетъ что-то очень важное, прибѣгъ къ угрозамъ. Въ «Запискахъ» И. В. Лопухина передается слѣдующій красочный разговоръ между арестантомъ-масономъ и суровымъ слѣдователемъ, подтверждаемый и официальными документами:

Шешковскій. Знаешь ли, гдѣ ты. *Невзоровъ.* Не знаю. *Ш.* Какъ не знаешь? Ты въ Тайной. *Н.* Я не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схвата, и въ лѣсъ заведутъ въ какой-нибудь станъ, да скажутъ, что это Тайная, и допрашивать станутъ. *Ш.* Государыня приказала тебя бить четвернымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать. *Н.* Не вѣрю, чтобъ это приказала Государыня, которая написала Наказъ Комиссіи о сочиненіи уложенія.—Когда Шешковскій принесъ записку государыни съ повелѣніемъ отвѣчать, то и это не убѣдило Невзорова: «Я не знаю руки Ея Величества», сказалъ онъ: «Можетъ быть, вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыниной». Выведенный изъ себя Шешковскій грозно закричалъ: «Да знаешь ли, кто я». Но и на это Невзоровъ спокойно замѣтилъ: «И того не знаю». Когда Шешковскій назвалъ себя, Невзоровъ сказалъ: «Слыхалъ я про Шешковского, а вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету и по его уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ университетскомъ». Шешковскому ничего не оставалось дѣлать, какъ отвезти Невзорова къ Шувалову, но и это не помогло. Шуваловъ долго убѣждалъ Невзорова подчиниться и дать отвѣтъ на поставленные вопросы; на это, по словамъ докладной записки государынѣ, «оной Невзоровъ сказалъ, я теперь

отвѣтствовать буду, но тотъ же моментъ, безъ всякаго вопроса говорилъ, я за товарищей своихъ ученаго общества отвѣчаю головою, такъ какъ и за книгу, которую я въ чужихъ краяхъ переводилъ, что въ ней противнаго греческой церкви ничего нѣтъ, отвѣчаю жъ головою; а она противъ папы и іезуитовъ, а въ Невскомъ монастырѣ всѣ іезуиты, и меня душили магнизаціею, такъ какъ и въ крѣпости всѣ іезуиты, и тутъ также его мучать составами Калліостро, горючими матеріями. А какъ сказано ему было чтобъ были въ Невскомъ іезуиты, это неправда, ибо архіерей въ ономъ человѣкъ честный, набожный и ученый, на сіе Невзоровъ сказалъ, тамъ де всѣ точно іезуиты, и меня въ супахъ кормили ядомъ, и я уже хотѣлъ выскочить въ окошко; караульные въ Невскомъ, намѣстникъ, однимъ словомъ, всѣ іезуиты, а солдаты и сержантъ изъ корпуса шпіоны, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себѣ перемѣнили, а въ крѣпости есть и изъ запорожцевъ. И хотя Невзоровъ Иваномъ Ивановичемъ и Шешковскимъ довольно былъ увѣряемъ, что солдаты люди добрые и вѣрные и что противъ живота его, конечно, ни кого нѣтъ, да и быть не можно, а онъ на то сказалъ: во Франціи де, гдѣ прежде бунтъ начался, какъ не въ Бастиліи, вѣдь и здѣсь былъ Пугачевъ, да есть де еще какой-то подобной ему Метіолкинъ. Послѣ сего спрошенъ былъ Невзоровъ, для чего онъ въ Невскомъ не пошелъ на исповѣдь и не сообщилъ святыхъ таинъ, ибо товарищъ его Колокольниковъ сіе все по долгу христіанскому исполнилъ. Невзоровъ на сіе усмѣхнувшись сказалъ: я не хотѣлъ, да и у кого тамъ исповѣдываться, въ Невскомъ всѣ мужики и бѣлые попы, они всякій день играютъ комедіи, а отъ товарища своего Колокольникова отрицаюсь, потому что онъ іезуитъ, я много покажу важности... Послѣ сего Иванъ Ивановичъ, отдавъ оному Невзорову за подписаніемъ руки его повелѣніе, чтобъ онъ отвѣтствовалъ на всѣ вопросы чистосердечно и письменно, Невзоровъ просилъ не можно ли де ему отвести другіе покои, а въ этомъ покоѣ писать онъ не можетъ, потому что подъ покоемъ, гдѣ онъ сидитъ, множество горючихъ матерій, да думаю, что тутъ много и мертвыхъ. Оному жъ Невзорову сказано было, чтобъ онъ употреблялъ порядочную пищу и взялъ бы присланное къ нему бѣлье, такъ и порядочную по милосердію всемилостивѣйшей Государыни одежду; на что онъ сказалъ, мнѣ ничего ненадобно, ибо всякое бѣлье и платье намагнетизировано» ¹⁾).

Невзорова отвезли обратно въ крѣпость, но, такъ какъ характеръ его отвѣтовъ свидѣтельствовалъ о несомнѣнномъ надломѣ психики, то, по представленію И. И. Шувалова, его заключили въ психіатрическое отдѣленіе Обуховской больницы, гдѣ онъ пробылъ около 6 лѣтъ.

По вступленіи на престолъ императора Павла I, какъ извѣстно, отношеніе къ масонамъ измѣнилось: Новиковъ и другіе заключенные въ Шлиссельбургской

¹⁾ «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. II.

крѣпости были освобождены; Лопухину, кн. Н. Трубецкому и И. П. Тургеневу разрѣшено было выѣхать изъ мѣстъ, которыхъ они не могли въ силу запрещенія покидать, при чемъ «отставной бригадиръ» Тургеневъ былъ даже всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ повелѣніемъ быть директоромъ московскаго университета, и т. д. Вспомнили и о Невзоровѣ, вѣроятно, по ходатайству Лопухина. Если вѣрить рассказамъ Невзорова, то нужно отмѣтить, что императоръ Павелъ посѣтилъ его въ больницѣ пять разъ и однажды съ государыней и наслѣдникомъ. Однако выпустили его изъ больницы только спустя полгода послѣ освобожденія Новикова. 16 апрѣля 1798 г. былъ данъ указъ на имя генераль-прокурора, кн. Куракина: «Содержащагося въ сдѣшнемъ домѣ сумасшедшихъ студента Невзорова, въ разсужденіи выздоравливанія его повелѣваемъ отпустить въ Москву къ сенатору Лопухину съ тѣмъ, чтобы онъ за него и за поведеніе его отвѣчалъ».

Портр. раб. Монье. (Изд. в. кн. Ник. Мих.)
М. Mourawieff.

Въ домѣ Лопухина Невзоровъ прожилъ довольно долго: здѣсь онъ былъ въ постоянномъ общеніи съ Новиковымъ, кн. Н. В. Репнинымъ, митрополитомъ Платономъ, И. П. Тургеневымъ, М. Н. Муравьевымъ, Походяшинымъ и мн. др. Общеніе съ этими выдающимися людьми не могло не оказать на Невзорова вліянія и наложило несомнѣнный отпечатокъ на общій характеръ его литературной дѣятельности, которую онъ началъ стихотвореніями ¹⁾, по обычаю того времени. Тщетно было бы искать въ этихъ стихотвореніяхъ слѣдовъ поэтическаго дарованія: кромѣ шаблонной одописной риторики, не успѣвшей еще умереть послѣ «Чужого толка», въ нихъ ничего нѣтъ.

Въ 1800 г. Невзоровъ сопровождалъ Лопухина въ поѣздкѣ по Казанской, Вятской и Оренбургской губерніямъ. Плодомъ этого путешествія явилась книжка,

¹⁾ Эти стихотворенія вышли отдѣльной книжкой въ 1804 г.

«Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г.» (М. 1803). Любопытно, что А. И. Тургеневъ, учившійся въ то время въ Геттингенѣ, писалъ своимъ родителямъ по поводу этого «Путешествія» слѣдующее: «Прочитавъ самъ съ большимъ удовольствіемъ путешествіе, сообщилъ я его Шлецеру и съ радостью услышалъ безпристрастное его о немъ мнѣніе; онъ даже нѣсколько разъ въ статистической своей лекціи упоминалъ о немъ; и со временемъ самъ Максимъ Ивановичъ увидитъ не одинъ разъ имя свое въ моихъ тетрадяхъ ¹⁾. Напримѣръ, когда Шлецеръ говорилъ о множествѣ лѣсовъ въ Россіи, сказалъ онъ, что часто служили они убѣжищемъ разбойникамъ, но что съ тѣхъ поръ какъ учреждены Губерніи, зло сіе прекратилось: Eine treffliche Anmerkung eines einsichtsvollen Russischen Reisenden—вотъ слова его» ²⁾. Конечно, Шлецеръ могъ найти въ книжкѣ Невзорова кое-какіе матеріалы для своихъ лекцій, но широкому кругу читателей она не была интересна: слишкомъ много она заключала въ себѣ сухого фактического матеріала по географіи, исторіи и статистикѣ и слишкомъ мало въ ней было художественнаго таланта. Во всякомъ случаѣ, изданіе прекратилось, и, вмѣсто предполагавшихся пяти частей, вышла только одна.

Въ январѣ 1801 г. Невзоровъ былъ пожалованъ въ чинъ коллежскаго асессора и, по ходатайству Лопухина, назначенъ въ канцелярію московскаго университета съ употребленіемъ по ученой части. Послѣ этого онъ исправлялъ различныя должности: былъ членомъ училищнаго комитета при московскомъ университетѣ, членомъ цензурнаго комитета, визитаторомъ училищъ, а съ начала 1806 г. директоромъ университетской типографіи до 19 февраля 1815 г., когда былъ уволенъ, по его словамъ, «самовластно и беззащитно». Врядъ ли это увольненіе было такъ безпричинно, какъ утверждаетъ Невзоровъ: честность, безкорыстіе, трогательная забота о низшихъ служащихъ, самоотверженное исполненіе долга ³⁾ соединялись у него, къ сожалѣнію, съ большою неуживчивостью характера и несдержанностью въ обращеніи. Рѣзкія и высокомерныя столкновенія съ начальствомъ становились все чаще и чаще, и разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Правда, П. Безсоновъ въ своей панегирической біографіи Невзорова ⁴⁾ старается доказать, что Невзоровъ былъ уволенъ изъ университета по проискамъ ректора Гейма, но это утвержденіе, несомнѣнно, ошибочно ⁵⁾.

Въ 1807 г. Невзоровъ подъ вліяніемъ М. Н. Муравьева началъ издавать журналъ подъ названіемъ «Другъ Юношества», съ краснорѣчивымъ эпиграфомъ: «Sine

¹⁾ Т.-е. въ тетрадяхъ, куда А. И. Тургеневъ записывалъ свои лекціи.

²⁾ «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ», вып. 2, стр. 111.

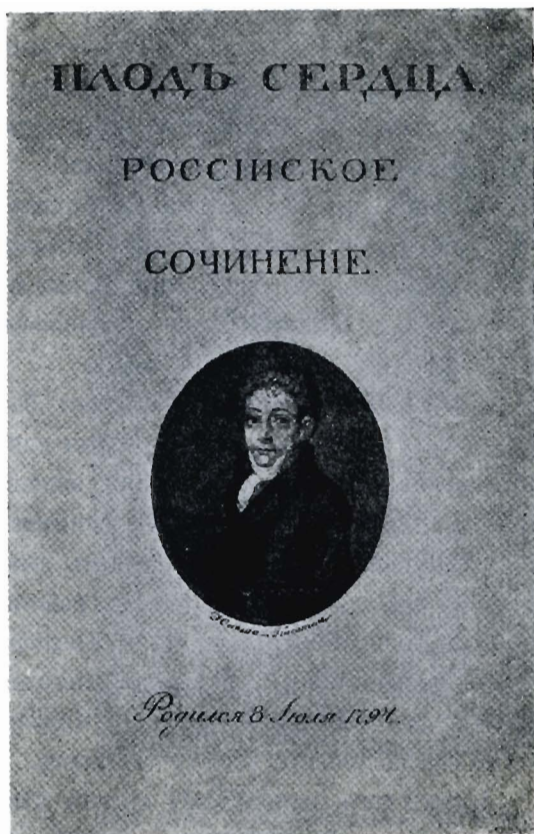
³⁾ См., напр., статью Невзорова: «Исходъ мой изъ Москвы во время нашествія французовъ» («Другъ Юношества», окт. 1813 г.).

⁴⁾ «Русская Бесѣда» 1856 г., III, стр. 85—128.

⁵⁾ См. статью М. Третьякова по этому поводу въ «Моск. Вѣдом.» 1857 г., № 59.

«Jove nec pedem move» ¹⁾. Цѣлю изданія было «способствовать образованію сердець и умовъ, и споспѣшествовать сколько можно къ соблюденію тѣлесныхъ способностей». Все это Невзоровъ собирался осуществлять «въ образѣ занимательныхъ нравственныхъ и физическихъ разсужденій, жизнеописаній славныхъ мужей, повѣстей, сказокъ, басенъ, разговоровъ и краткихъ Драматическихъ представлений, съ приложеніемъ, гдѣ можно, относительно замѣчаній». Статьи, относящіяся къ физикѣ и естествознанію, онъ предполагалъ распредѣлять по временамъ года и обѣщалъ, что «зимою предметомъ разсужденій будутъ снѣгъ, воздушныя зимнія явленія; весною цвѣты, рѣки» и т. д., чтобы «молодые читатели могли удобнѣе слѣдить за разсужденіемъ съ Природою, глазамъ ихъ представляющеюся».

Заголовки нѣкоторыхъ статей журнала могутъ дать общее представленіе о его содержаніи. Вотъ, на примѣръ, матеріалъ, помѣщенный въ январской книжкѣ за 1807 годъ: *Созерцаніе Бога въ природѣ. Маркъ Аврелій. Пастухъ и философъ. Разговоръ матери съ дочерью о знаніяхъ, нужныхъ молодой особѣ. Физическое изслѣдованіе снѣга, и польза его въ разсужденіи плодородія. Дружеское наставленіе не забывать, особливо во время зимы, бѣдныхъ. Отъ чего происходятъ названія мѣсяцевъ. О преимуществѣ и стройности человѣческаго тѣла. Для дѣвицъ нѣчто о нарядахъ. Обязанности къ Богу. Обязанности къ Государю и Отечеству. Обязанности къ ближнему. Въ дальнѣйшихъ книжкахъ встрѣчаются: Нравственныя размышленія при*

Ковальковъ. (Собр. С. П. Виноградова.)
Kowalkoff.

С. С. Бобровъ.
(Слов. Плюшара.)
S. Bobroff.

¹⁾ Подъ названіемъ «Другъ Юношества» какъ бы разумѣлся самъ М. Н. Муравьевъ, котораго Невзоровъ въ посвященіи журнала называлъ «благодѣтелемъ и другомъ юношества». Съ 1813 года послѣ смерти Муравьева, журналъ назывался «Другъ Юношества и всякихъ лѣтъ».

воззрѣніи на поле, устьянное рожью. О вредной страсти къ игръ картежной. О томъ, что надобно особенно помогать бѣднымъ добродѣтельнымъ людямъ. Разсужденіе отца съ дочерью о обязанностяхъ Религіи. Письмо о воображеніи и вкусъ. О незавидованіи щастію ближняго. О муравьяхъ. О пріятныхъ дарованіяхъ женщинъ. Объ обязанностяхъ матерей кормить дѣтей своихъ. Нѣчто объ отношеніи словесности къ добродѣтели и т. п.

Изданіе журнала, видимо, шло плохо. Издателю, по его словамъ, приходилось даже слушать и насмѣшливые отзывы о журналѣ: 16-лѣтній юноша, напримѣръ, замѣтилъ, что «Другъ Юношества» «годится только для стариковъ», а такого же возраста дѣвица высказала предположеніе, что, вѣроятно, издатель «не молодыхъ лѣтъ и несчастливъ въ любви».

Въ сущности, молодые критики были правы: въ журналѣ помѣщались статьи для юношества, неинтересныя для взрослыхъ и слишкомъ отвлеченныя для юношества, или статьи для взрослыхъ, мало талантливыя и совсѣмъ чуждыя по своему содержанію юношеству. Отъ каждой страницы журнала вѣяло скукой. Къ тому же въ немъ совершенно не было даровитыхъ сотрудниковъ: сначала въ немъ, правда, работали докторъ Багрянскій и Д. И. Дмитревскій, но они скоро ушли, и Невзоровъ оказался окруженнымъ такими сотрудниками, какъ С. Бобровъ, Щеголевъ, кн. Шаликовъ, Поповъ, Наумовъ, Гольцяковъ, Ковальковъ и т. д. Конечно, подобныя литературныя силы не могли способствовать успѣху журнала.

Кромѣ того, направленіе «Друга Юношества» приходилось не по сердцу большинству образованныхъ людей. Если могли встрѣчать сочувствіе нападки Невзорова на французскія моды, на увлеченіе французскимъ воспитаніемъ, на дуэли, на корыстолюбіе врачей, на матерей, отдающихъ дѣтей кормилицамъ, и т. п., то были нападки и на такіе предметы, которые являлись дорогими для лучшихъ представителей общества. Таковы, напримѣръ, были выпады Невзорова противъ науки и просвѣщенія: «Посмотрите», писалъ онъ, «въ лѣтопись мужей прославленныхъ Искусствами и Науками; увы! мы увидимъ, что большую часть реэстра ихъ составляютъ безбожники, вольнодумцы и кощуны... Безпорядокъ, нарушеніе всѣхъ правилъ, обществами людей собравшихся воедино принятыхъ, неповиновеніе къ Начальникамъ, упрямство, презрѣніе ко всѣмъ ближнимъ, нестерпимость для женъ и всѣхъ членовъ семействъ, гордость, надменность, и никакими правилами и никакою благопристойностію неограничиваемая прихотливость, и подобныя свойства суть отличительныя черты людей, славящихся изящными познаніями... Осьмнадцатое столѣтіе начато Лудовикомъ Четырнадцатымъ, возведшимъ на верхъ славы во Франціи изящныя Науки и положившимъ основаніе всѣмъ неустройствамъ, безпорядкамъ и несчастіямъ нынѣшнимъ Франціи и Европы, а окончано Наполеономъ Бонапарте; средину же его составляли: Вольтеръ, Да-

... Союзная чета.

Ночная странница, покой и темнота.

(Гравюры изъ «Плачь Эдуарда Юнга» или «Ночныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи». Изд. 1799 г.).

Gravures des «Pleurs de Edouard Jungue».

... Луна!..

Для душъ чувствительныхъ ты образъ
божества.

ламбертъ, Гельвецій, Дидеротъ и подобные имъ изящные умы, которымъ мы память нынѣ всѣ единогласно проклинаемъ ¹⁾».

Невзоровъ предполагалъ замѣнить въ университетѣ преподаваніе классической литературы чтеніемъ Библіи, обвинялъ Гете и Шиллера въ безнравственности ²⁾, а въ современномъ общественно-литературномъ и политическомъ движеніи

¹⁾ «Другъ Юношества» 1814 г., май.

²⁾ Вотъ что, напримѣръ, говорилъ онъ относительно «Разбойниковъ» и «Вертера»: «Въ Германіи, въ сихъ вкусныхъ сочиненіяхъ истинные мудрецы и философы перекрещиваются въ модныхъ вѣтрогоновъ и сластолюбцовъ, а разбойничьи самымъ дѣломъ атаманы на изворотъ въ героевъ. Выписалъ я для себя четверо ученыхъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей... Перебирая первые листы Вѣдомостей сихъ я желалъ узнать, умолкаетъ ли языческая, французская и жидовская-раввинская философія нынѣ въ Германіи, по изгнаніи Наполеона. Но увы! Славный

Германіи видѣлъ признаки разложенія: «Германія!.. реку тебѣ и всему бѣдотворною мудростію міра упоенному Вавилону, что ежели не престануть въ васъ толикія безумства и ослѣпленія порождать горестныя плоды свои, то вся мнимо-великая громада Вавилона, какъ брошенный въ море тяжелый жерновъ, погрязнетъ въ немъ и во всемъ пространствѣ владѣній его, лживыя хитрости и изыщества исчезнутъ, цвѣты поблекнутъ, свѣтъ погаснетъ и не будетъ слышно ни веселаго пѣнія, ни гласа жениха и невѣсты; взыщется кровь всѣхъ истинныхъ учителей, учащихъ словомъ и дѣломъ, избіенныхъ и избиваемыхъ мнимо-мудрыми вашими философами-мудрецами ¹⁾). Такъ какъ наше просвѣщеніе находилось въ тѣсной связи съ культурой Франціи и Германіи, то Невзоровъ предостерегалъ юношество отъ слѣпого перениманія того, «что водится, дѣлается и славится въ чужихъ краяхъ», а совѣтовалъ слѣдовать «простодушнымъ своимъ предкамъ», подражая имъ «особливо въ томъ, что надлежитъ до Богопочитанія», и быть по примѣру ихъ приверженными «къ вѣрѣ, закону и религіи» ²⁾).

Театръ и изящная литература тоже вызывали протестъ со стороны Невзорова: «Осьмнадцатый вѣкъ», писалъ онъ, «истинно вѣкъ Трагедій и Комедій, вѣкъ Романовъ и вѣкъ Басень: не всѣ ли молодые и старые всякаго состоянія и пола отъ утра до вечера въ семъ вѣкѣ занимались Романами, Трагедіями, Комедіями, Баснями и подобными выдумками, которыми всѣ страны Европы наводнены были безъ всякой мѣры? И не сей ли вѣкъ отъ начала почти до конца былъ позорищемъ бѣдствій, слезъ и рыданій?» ³⁾

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Невзоровъ не хотѣлъ, чтобы его считали врагомъ науки; онъ, по его собственному признанію, стремился исключительно къ тому, чтобы наука была просвѣтлена христіанствомъ: «Я люблю и почитаю Науки», заявлялъ онъ, «потому что они способствуютъ намъ много въ здѣшней жизни; но я желаю, чтобы всѣ имѣли за правило то положеніе, что Науки должны руководимы быть Христіанскимъ ученіемъ, безъ котораго они болѣе вреда, нежели пользы приносятъ» ⁴⁾.

Всѣ эти мысли Невзоровъ постоянно повторялъ на страницахъ «Друга Юношества» и это сдѣлало его журналъ одинокимъ: при маломъ вниманіи со стороны общества онъ зародился и безъ всякаго общественнаго сочувствія погибъ. Но самъ Невзоровъ былъ убѣжденъ, что приноситъ большую пользу своимъ изданіемъ.

Гете Вертеромъ своимъ, сочиненнымъ по правиламъ французской словесности, причинившій не одно въ Европѣ самоубійство и недавно въ россійскихъ нашихъ журналахъ обезславленный, какъ подлый рабъ и льстецъ Наполеоновъ, становится опять оракуломъ изыщности». («Другъ Юношества» 1809 г., май, и 1815 г., январь.)

¹⁾ Тамъ же, 1813 г., апрѣль.

²⁾ Тамъ же, 1808 г., ноябрь.

³⁾ Тамъ же, 1814 г., май.

⁴⁾ Тамъ же.

«Вселенная—корабль; заботы жизни—море:
Волнуясь въ ней, мы зримъ опасности и горе».

(Изъ плача Юнга.)

Безжалостная смерть всё косить племена
И въ урну смертныхъ всёхъ собираетъ имена.

Въ увѣдомленіи на 1812 годъ онъ заявлялъ, что попрежнему будетъ стремиться «съ чистымъ сердцемъ противостоять нечистотамъ вкуса, помрачающимъ наши умы и сердца» и «открывать вредныя тѣ изобрѣтенія, которыя испорченная и истинно языческая наша Природа укоренила между нами».

Конечно, единомышленники у Невзорова были, иначе его журналъ такъ долго не просуществовалъ бы: не разъ, видимо, онъ получалъ со стороны сочувствующихъ его проповѣдямъ матеріальную поддержку, а послѣ войны въ его журналъ направлялись пожертвованія въ пользу «разоренныхъ отъ непріятеля». Однако, кругъ такихъ доброжелателей былъ невеликъ, и въ апрѣлѣ 1815 года Невзоровъ поневолѣ прекратилъ журнальную дѣятельность. Надо еще удивляться, какъ у него хватало энергіи поддерживать изданіе, несмотря на явный неуспѣхъ. Очевидно, нравственной опорой являлось сознаніе необходимости бороться съ «философіей міра сего» во что бы то ни стало: «Отчего не такъ много на него подписываются?»—наивно спрашивалъ онъ въ январѣ 1809 года, раз-

суждая о судьбѣ «Друга Юношества».—Оттого ли, что онъ не заслужилъ благоволенія публики? Благодареніе Богу, сколько мнѣ удалось слышать объ немъ сужденій, я почти ни отъ кого не слыхалъ, чтобъ его хулили, но еще большею частью называютъ хорошимъ. Что жъ тому причиною?.. Къ несчастью, должно сказать, что у насъ нынѣ особливо не очень любятъ, что въ самомъ дѣлѣ хорошо, а любятъ то, что льстить нашимъ чувствамъ, пріятно и нравится слабостямъ. Но это уже не моя вина: я хочу быть другомъ юношества, а недругомъ или притворнымъ другомъ никому быть не хочу» ¹⁾.

Такимъ образомъ, журнальная дѣятельность Невзорова, несмотря на все его упорство, закончилась полной неудачей ²⁾. Но если, какъ журналистъ, Невзоровъ не можетъ привлечь сочувственной памяти потомства, то его «презрѣльная горячесть» къ нѣкоторымъ явленіямъ общественной жизни вызываетъ невольное изумленіе: тутъ ярко сказалась и его страстная натура, и горячая вѣра въ истинность масонскаго ученія, и способность, въ сознаніи своего гражданскаго долга, самоотверженно бороться съ неправдой жизни. Это особенно обнаружилось въ то время, когда со стороны нѣкоторыхъ представителей официальной церкви начался рѣшительный походъ противъ масонскаго ученія. Понимая, какъ настоящій масонъ, всю разницу между «внутренней церковью» и «церковью наружной», Невзоровъ рѣшительно всталъ на защиту масонскихъ идей.

Такъ, въ 1816 году настоятель московскаго Симонова монастыря, архимандритъ Герасимъ (Князевъ), заявилъ, что онъ началъ получать приносимыя въ монастырь «новонапечатанныя книжки». При этомъ, по словамъ архимандрита, «добренныя сыны греко-россійской церкви» со слезами выражали изумленіе, какъ можно было допускать такія книги. Архимандритъ сначала полагалъ, что врядъ ли правительство допустило бы печатать что-нибудь вредное, но, когда ему принесли «Мучениковъ» Шатобріана, «О таинствѣ креста» (изд. 1814 г.), «О нетлѣнни и сожженіи всѣхъ вещей» (М. 1816 г.), «Побѣдную повѣсть» и книги, «особливо до каменщиковъ относящіяся», то онъ написалъ въ Петербургъ соответствующее донесеніе, указывая на необходимость «попечись», и утверждая, что «иначе это зло, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться». Когда Невзоровъ узналъ объ этомъ и получилъ списокъ съ донесеніемъ Герасима, онъ составилъ обширное возраженіе, «ругательное всему духовенству». Это возраженіе широко распространилось по всей Москвѣ и вызвало большіе толки.

¹⁾ Тамъ же, 1809 г., январь.

²⁾ Кромѣ «Друга Юношества», Невзоровъ съ сентября по декабрь 1812 г. и весь 1813 годъ издавалъ «Историческій, статистическій и географическій журналъ или современную исторію свѣта», за отъѣздомъ въ Нижній-Новгородъ М. М. Гаврилова во время нашествія французовъ (книжки сент.—дек. 1812 г. вышли въ началѣ 1813 г.). Нѣкоторыя изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ, Невзоровъ издалъ въ 1813 г., подъ заглавіемъ: «Наполеонова Политика или царство гибели народной, и состояніе Европейскихъ Государствъ до начатія французской войны 1812 г.». Къ статьямъ приложены письма И. В. Лопухина.

На ряду съ догматическими вопросами, которые Невзоровъ пытается освѣтить возможно шире, хотя не всегда съ одинаковою убѣдительною, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Къ несчастію, выходитъ на повѣрку, что наши духовные начинаютъ ожесточаться противъ Штиллинга и другихъ истинныхъ проповѣдниковъ слова Божія. Нельзя, къ сожалѣнію, здѣсь пройти молчаніемъ, что древле и нынѣ, по всей Европѣ и всѣмъ христіанскимъ государствамъ въ свѣтѣ, и даже, наконецъ, у насъ въ Россіи, противъ истинно-христіанскихъ книгъ первые возстаютъ духовные... Полвѣка у насъ продолжается изданіе разныхъ философскихъ, къ паденію религіи служащихъ книгъ, вольтеровскихъ и подобныхъ, но я не слыхалъ, чтобы духовенство, движимо будучи ревностію къ истинному христіанству, рѣшилось дѣлать правительству противъ заразныхъ сихъ книгъ формальныя представленія. Но лишь только дается свобода выходить истинно-христіанскимъ сочиненіямъ, оно первое начинаетъ противъ нихъ вопіять... Скажите по совѣсти: отчего это? Не трудно рѣшить сіе: безъ сомнѣнія, оттого, что мы любимъ больше съ Иисусомъ быть на свадьбѣ въ Канѣ, гдѣ всего вдоволь, и попить въ Вифаніи, но отъ Голгофы прочь. Мы избрали мѣсто для Иисуса на безконечной высотѣ отъ насъ, посадили его на драгоцѣнномъ престолѣ, дали ему порфиру, корону, свиту, и въ такомъ видѣ кланяемся ему во храмѣ, хвалимъ и величаемъ, когда летятъ отъ него мѣшки золота и серебра, бархаты и мѣха соболы, брилліантовые кресты и панагіи, бочки стерлядей и т. п. Но, если онъ начнетъ подходить къ намъ въ смиренномъ одѣяніи и вопіять: «Горе вамъ»...—тогда мы распыхаемся, раздираемъ ризы и вопіемъ: «да онъ же не Левіина колѣна, а Іудина! Какъ онъ смѣетъ намъ такъ говорить! Скорѣе дреколія, гвоздей!»

Подвергъ Невзоровъ сомнѣнію и «добренскихъ сыновъ греко-россійской

Румяная заря восходитъ изъ за понта
И розовой рукой тьму гонитъ съ горизонта.
(Плачъ Юнга.)

церкви», друзей Герасима: «Это, говорят, богатые здѣшніе торгоши. Спросить бы ихъ, по совѣсти, какая, по ихъ мнѣнію, Церковь Христова? Во время войны 12-го года отъ крови и слезъ они нажили милліоны, а изъ всего этого какую-нибудь пятисотую часть употребятъ на созданіе какой-нибудь монастырской стѣны или сдѣланіе гдѣ-либо изъ честолубія придѣла, во имя ангела своего или жены, и то потому, что прямо во имя свое не позволено сдѣлать придѣла. Нѣтъ, «вниде Іисусъ и разгна вся»... ¹⁾

Это страстное возраженіе возмутило и значительную часть духовенства, и «добренкихъ сыновъ». Нѣкій коллежскій ассессоръ Алексѣй Соколовъ, «движимый духомъ ревности», обратился въ Синодъ съ просьбою «учинить законное опредѣленіе о возраженіяхъ Невзорова и о самыхъ выпущенныхъ по публикамъ имъ однимъ несправедливо защищаемыхъ, нелѣпыхъ книгахъ, и упоминаемыхъ имъ въ томъ возраженіи книги и подобныя имъ... сжечь или остановить». Правда, Синодъ поручилъ объявить Соколову, что «изъявляемая имъ ревность неумѣстна, при той со стороны Правительства бдительности, которою охраняется неприкосновенность истинной вѣры, миръ и тишина православной нашей Церкви», но отъ такого отвѣта ожесточеніе противъ Невзорова еще болѣе усилилось. Къ тому же, правительство скоро стало относиться къ масонскимъ книгамъ съ постепенно возрастающею подозрительностью, и московскіе противники масоновъ почувствовали подъ собою твердую почву. Началась осада «Сіонскаго Вѣстника», который обвиняли даже въ «посягательствѣ на священность земной власти» ²⁾. По словамъ Невзорова, за мѣсяць до прекращенія «Сіонскаго Вѣстника» представители московскаго духовенства и свѣтскіе люди, «по санамъ своимъ извѣстные», предсказывали съ торжествомъ, что закрытіе журнала неминуемо.

Невзорову предстояло оказаться въ лагерѣ побѣжденныхъ, но онъ не собирался сдаваться. Въ посланіи къ О. А. Поздѣву 23 іюня 1817 года ³⁾ онъ говоритъ, что выступленіе его противъ архимандрита Симонова монастыря продиктовано было «истинно одною ревностью защитить книги христіанство проповѣдующія, противъ которыхъ опять начинаютъ уже злиться по причинамъ истинно не христіанскимъ, а по видамъ только барышничества и самолюбія». Съ глубокой грустью онъ замѣчаетъ, что теперь «поносить стараются А. Θ. Лабзина», котораго нужно бы благодарить за изданіе книгъ. По его мнѣнію, бук-

¹⁾ Ал. Котовичъ. «Духовная цензура въ Россіи» (1799—1855). С.-Пб. 1909, стр. 99—100.

²⁾ «Русская Старина» 1895 г., I, 68. «Наши мистики-сектанты».

³⁾ «Библиографическія Записки» 1858 г., стр. 643—659. Это посланіе направлено противъ книги Плуменека, появившейся въ Москвѣ въ 1816 г. въ переводѣ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ заглавіемъ: «Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичества въ всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія, Карла Губерта Лобрейха фонъ-Плуменека».

важные и сущность христианства составляющей мистики нетерпящие книжники и фарисеи и ныне суть те же, «которые судили верховного начальника нашего Спасителя Иисуса во дворе Каиафы». Для Невзорова враги масонства были врагами христианства.

Когда начались гонения на Библейское общество с обвинениями в распространении вольнодумства, в умножении расколов и т. п., Невзоровъ всталъ на защиту его. Онъ написалъ митрополиту Серафиму письмо, въ которомъ не безъ язвительности выражалъ удивление, почему не преслѣдовали мистическихъ книгъ въ свое время, когда онѣ выходили изъ печати: «Ваше Высокопреосвященство», писалъ Невзоровъ, «могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, который, соединяя съ ревностію, *нынѣ вами обнаруженною*, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ». Напоминалъ онъ Серафиму о членахъ Дружескаго общества, при чемъ замѣчалъ: «Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими съ помощію ихъ *пріобрѣтенными* познаніями», а вѣдь они были издателями мистическихъ масонскихъ книгъ. «Когда вы у нихъ учились», открыто спрашивалъ Невзоровъ Серафима, «то учили ль они васъ искажать святость книгъ Божественнаго откровенія и преподавали ль вамъ явныя и возмутительныя лжеученія, противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ? Напротивъ того, не всегда ли они учили воспитанниковъ своихъ быть честными гражданами Общества, добрыми сынами Отечества, вѣрными подданными Высочайшей власти, истинными Христіанами и приверженными къ Церкви?.. Не они ли поставили крѣпкую преграду разливающемуся лжевредному Вольтеровскому просвѣщенію, распространивши, съ пожертвова-

Ужели это все?.. такъ Цезарь возвѣщалъ,
Когда вселенною онъ всей возобладалъ.

(Плачь Юнга.)

ніемъ собственности, истинный свѣтъ Евангельскаго ученія изданіемъ Богодуховенныхъ книгъ?..» ¹⁾

Пользуясь случаемъ, Невзоровъ въ этомъ же письмѣ выступилъ съ обличеніемъ монаховъ въ лицемѣріи, которое приводитъ къ неизбѣжному соблазну мірянъ: «Что дѣлають нынѣ», спрашиваетъ онъ, «когда придуть поствителѣ въ монастырь? Имъ показываютъ богатя и огромныя зданія, множество серебра и золота, парчей, жемчуговъ и драгоценныхъ камней! А монахи всѣ выглажены, выражены, съ кудрявыми длинными волосами, съ искусствомъ по плечамъ расположенными, сыты, статны, молоды, дородны, однимъ словомъ: прелесть на вкусъ многихъ... Монахини вмѣсто клубковъ распускають длинный флеръ до самыхъ пятъ. Многія изъ нихъ шнуруются... Монастыри щеголяють модами...»

Лоренцо! Здѣсь средь тѣней Смертныхъ
не сыщешь удовольствій тщетныхъ.
(Плачь Юнга).

Монастыри щеголяють модами...»

Вѣрный завѣтамъ масонства Новикова и Лопухина, Невзоровъ сталъ подозрительно относиться къ масонскимъ теченіямъ въ Россіи послѣ Наполеоновыхъ войнъ: съ одной стороны, ему чужды были политическія тенденціи нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ, съ другой—онъ не могъ сочувствовать и кабалистикѣ, отвлекавшей отъ здоровой общественной работы въ духѣ христіанства. Онъ находилъ, что новыя масонскія ложи уже «не подходятъ на тѣ, въ которыхъ онъ учился,

и онѣ весьма далеки отъ того духа, которой долженъ царствовать особенно въ таковыхъ собраніяхъ... О сущности христіанства тутъ мало было слышно, а по всему видимому члены таковыхъ собраній занимаются одною пустою суетностію и какими-то загадочными познаніями кабалистическими, алмихическими и тому подобными, которыхъ, какъ навѣрное можно сказать, они ни сами не разумѣли, и другихъ только въ грѣхъ невѣдѣнія вводили». Врагъ «безплоднаго

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» 1868 г., VI, стр. 758—768.

увлеченія» алхиміей, кабалистикой, магнетизмомъ и златодѣланіемъ, Невзоровъ считалъ необходимымъ бороться съ этимъ «мнимымъ» свободнымъ каменищичествомъ, но послѣ закрытія «Друга Юношества» и «Сіонскаго Вѣстника» онъ уже не имѣлъ возможности выступать въ печати и поневолѣ долженъ былъ ограничиваться формой писемъ и посланій, которыя, видимо, распространялись въ рукописяхъ заинтересованными кругами.

Не сочувствуя, какъ истинный масонъ, какимъ бы то ни было проявленіямъ революціоннаго духа въ области политики, Невзоровъ, однако, понималъ социальныя и экономическія причины революціонныхъ движеній и находилъ имъ нѣкоторое психологическое оправданіе. Въ этомъ отношеніи любопытно его письмо къ кн. А. Н. Голицыну 13 сент. 1890 года: въ немъ высказано много крайностей, тонъ его истерическій, чувствуется вражда къ просвѣщенію, не основанному на религіозномъ началѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и вполне здравыя мысли. Основная идея этого письма заключается въ томъ, что «дѣла нестерпимыя правящихъ производятъ мятежи». Среди этихъ «нестерпимыхъ дѣлъ» Невзоровъ намѣчаетъ увеличеніе налоговъ, падающее своею тяжестью главнымъ образомъ на неимущіе классы, затѣмъ «великолѣпіе и щегольство во всѣхъ родахъ

установленій», театры, которые «для посѣтителей и семействъ ихъ служатъ поводомъ къ разврату: для крестьянъ разореніемъ, для лошадей, кучеровъ, лакеевъ и полицейскихъ командъ каторгою», и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ называетъ университеты, духовныя академіи, лицеи, благородные пансіоны при университетѣ «алтарями ложнаго просвѣщенія», отъ которыхъ ближнимъ «кромѣ великаго вреда пользы почти нѣтъ никакой». Онъ привѣтствуетъ учрежденіе Священнаго Союза, главная цѣль котораго, по его словамъ, «править Государствомъ похристіански», но съ грустью замѣчаетъ, что эта высокая цѣль «всюду пренебре-

....Душевные очи
Зрятъ тайны рѣдкія среди глубокой ночи.
(Плачь Юнга.)

гается» и «отъ кровопійственныхъ притѣсненій и налоговъ», естественно, рождаются революціи ¹⁾.—Такъ причудливо переплетались въ Невзоровѣ и радикальныя мысли и реакціонныя настроенія.

27 сентября 1827 года Невзоровъ умеръ въ большой бѣдности. На памятникъ его въ Симоновомъ монастырѣ высѣчены, между прочимъ, слѣдующія слова: «Здѣсь лежитъ тѣло *любителя истины*, Максима Невзорова» ²⁾. С. П. Жихаревъ въ своихъ «Запискахъ» тоже подчеркиваетъ эту сторону характера Невзорова: «Что за умный и добрый человекъ этотъ Максимъ Ивановичъ», говоритъ Жихаревъ. «Какихъ гоненій онъ не перенѣлъ за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ни чьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его, какъ, напр., Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и Походяшинъ, принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частью изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ; говоритъ: *«довольтъ днѣви злоба его»* ³⁾).

Дѣйствительно, Невзоровъ былъ масономъ стараго закала, какихъ становилось въ эпоху Александра все меньше и меньше. Исканіе истины было вообще характерной чертой старшаго поколѣнія масоновъ; эту истину они искали въ небѣ, съ которымъ сливались въ минуты мистическихъ воспріятій, искали и на землѣ, къ которой стремились привить «небесное», въ видѣ чистаго христіанскаго ученія, не тронутаго «внѣшнею церковью». Мистика и жажда общественной работы были ихъ постоянными спутниками: они не жертвовали ради мистики служеніемъ ближнему, но и не пренебрегали мистическими переживаніями. Безкорыстіе, независимость отъ сильныхъ міра сего, глубокая образованность, непоколебимая честность, сознаніе долга,—все это было предметомъ ихъ нравственнаго культа, и всѣмъ этимъ отличался Невзоровъ, какъ представитель масонства.

Какъ журналистъ, какъ писатель, Невзоровъ не могъ оставить по себѣ памяти: онъ не имѣлъ ни дарованія сатирика, которымъ хотѣлъ порою быть, ни дарованія публициста. Но и здѣсь, какъ мы видѣли, онъ обнаружилъ горячую вѣру въ свои убѣжденія и ни разу имъ не измѣнилъ во имя постороннихъ соображеній. Понимая масонство, какъ идейную борьбу, Невзоровъ до конца жизни остался бойцомъ за идеи стараго масонства противъ воинствующаго духовенства, противъ новой формаціи масоновъ и даже противъ правительства.

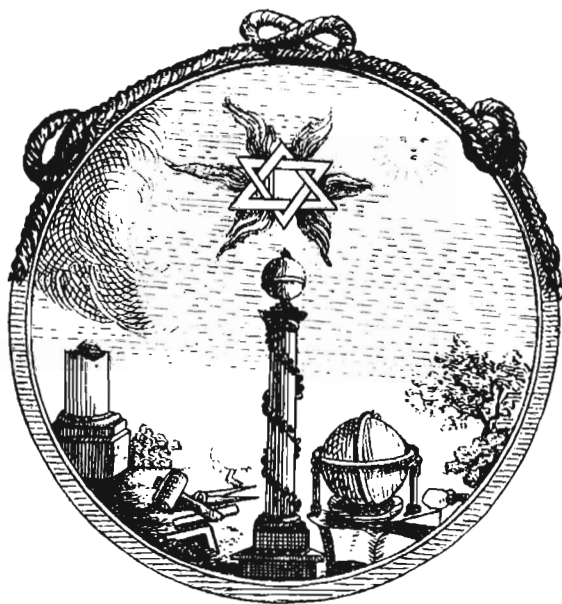
¹⁾ «Голосъ Минувшаго», 1913 г., декабрь.

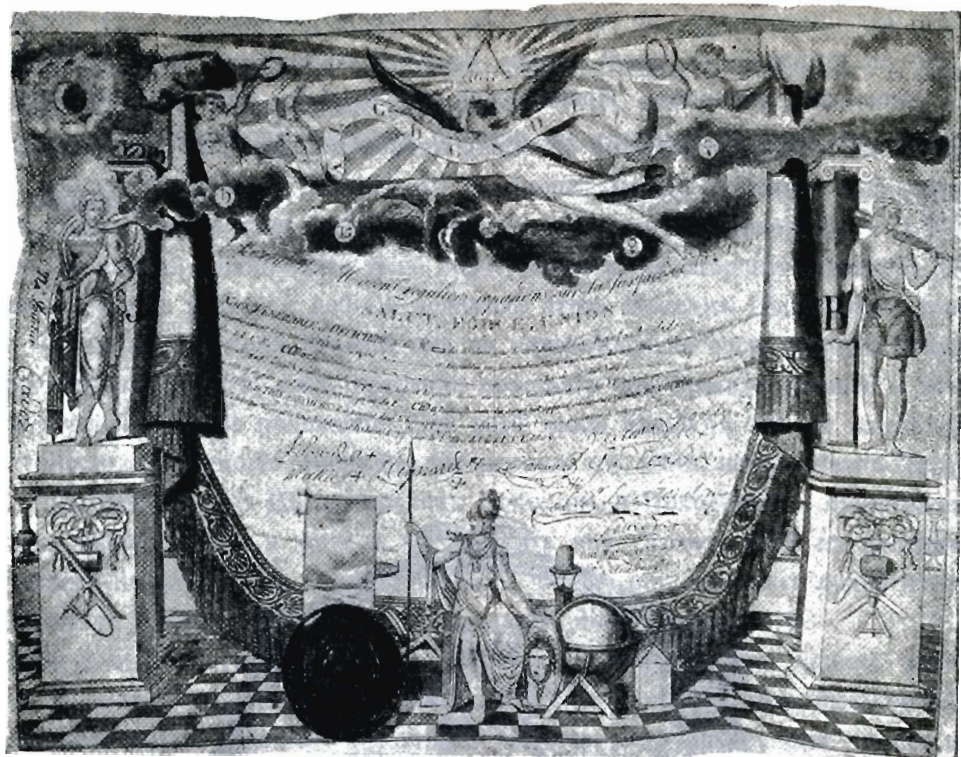
²⁾ Великій Князь Николай Михайловичъ. «Московскій Некрополь», т. II.

³⁾ «Записки Степана Петровича Жихарева». М. 1890, стр. 21.

Борьба была непосильна, но до отчаянія Невзорова не довела, и отъ нея онъ все-таки не отказался до самой смерти. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Невзоровъ былъ типичнымъ ученикомъ Новиковской школы и съ этой стороны вполне заслуживаетъ быть вписаннымъ въ исторію русскаго масонства.

Н. Кульманъ.

Масонскій дипломъ. (Собрание Д. Г. Бурылина).
Diplôme maçonnique.

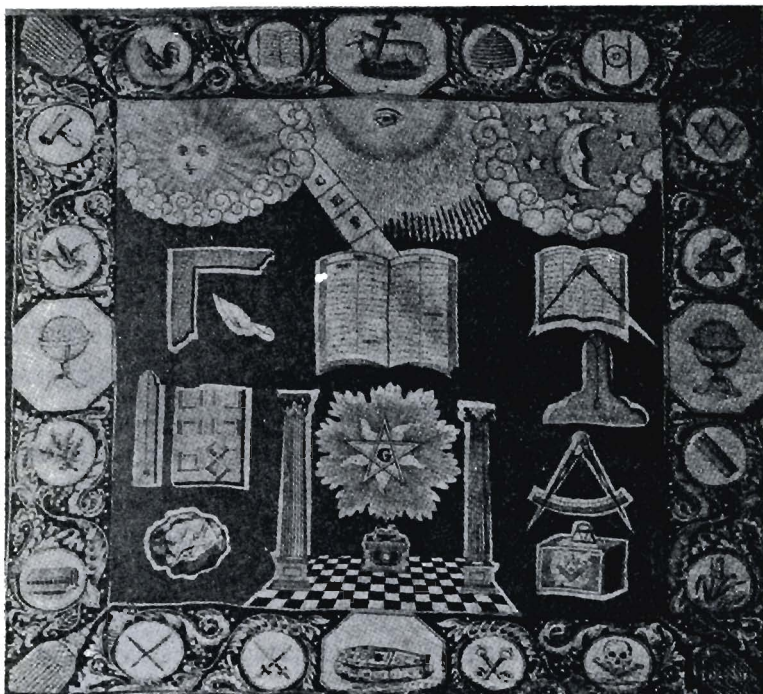
Польское масонство ¹⁾.

«Кто ни борется въ Польшѣ за свободу совѣсти, за свободу науки, за политическую, общественную и экономическую свободу,—говоритъ современный писатель Андрей Нѣмцевскій,—того раньше или позже назовутъ масономъ». Хотя самостоятельныя польскія масонскія организаціи давно уже прекратили свое существованіе, но слово «масонъ» употребляется въ современной Польшѣ весьма часто, объединяя въ одну какую-то громадную семью свободомыслящаго ученаго, народолюбца, нигилиста, социалиста и атеиста. На самомъ же дѣлѣ подъ этимъ словомъ надо разумѣть лишь члена одного изъ тѣхъ тайныхъ об-

¹⁾ Наиболѣе важнымъ пособіемъ для исторіи польскаго масонства является книга кс. Станислава Заленскаго «O masonii w Polsce», Krak. 1908, основанная на цѣнномъ архивномъ матеріалѣ, но освѣщающая масонство съ іезуитской точки зрѣнія, изобилующая полемическими выпадами и не лишенная фактическихъ ошибокъ. Сжатую, но содержательную исторію польскаго масонства даетъ проф. Аскеназы въ своемъ трудѣ «Łukasinski», Warsz., 1908 г., оста-

ществъ, которыя преслѣдовали цѣли, «духовнаго строительства», взаимнаго нравственнаго совершенствованія и поддержки, распространенія началъ религіозной терпимости, равенства и братства.

Первые масонскіе союзы возникли въ Польшѣ въ началѣ царствованія Августа III (1735—63 гг.), проникши сюда непосредственно изъ Саксоніи, и

Масонскій коверъ. (Собран. пр. пов. Врублевскаго.)
Tapis maçonnique.

представляли первоначально лишь отдѣленія дрезденской ложи «Трехъ бѣлыхъ орловъ», основанной около 1738 г. побочнымъ братомъ короля гр. Рутовскимъ. Сначала союзы эти развивались очень слабо. Съ одной стороны они подвергались преслѣдованію духовенства, гл. образомъ, іезуитовъ, добившихся уже въ

навливаясь гл. образомъ на основанномъ Лукасинскимъ «національномъ масонствѣ». Популярный публицистическій очеркъ Андрея Нѣмцевскаго «О masonerii i masonach», Warsz., 1906 г., удѣляетъ совершенно недостаточное вниманіе польскому масонству. Книжка Казиміра Яновскаго «Wolnomularstwo», Lwów, 1912 г., представляетъ въ части, касающейся польскаго масонства, удачную сводку матеріала, заключающагося преимущественно въ упомянутыхъ выше трудахъ. Статья С. Ф. Добрянскаго «Масонскія ложи въ Литвѣ» (оттискъ изъ «Записокъ Сѣв.-Зап. Отдѣла Русск. Геогр. Общ.» кн. 2), Вильно, 1911 г., содержитъ рядъ новыхъ свѣдѣній для исторіи польско-литовскаго масонства, извлеченныхъ гл. образомъ изъ Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Лучшее пособіе на нѣм. яз.: Goldbaum. Rudimente einer Geschichte der Freimaurerei in Polen. 1897.

1738 г. временнаго закрытія всѣхъ масонскихъ ложъ въ силу буллы папы Климента XII «In eminenti»; съ другой—сами они обнаруживали малую жизнеспособность, являясь простой аристократической забавой и средствомъ къ удовлетворенію личнаго честолюбія. Ихъ распространителями были преимущественно пребывавшіе въ Польшѣ иностранцы и магнатская польская молодежь, Мнишки, Потоцкіе, Огинскіе, Віельгорскіе, основавшіе нѣсколько ложъ въ Вишневецѣ на Волыни, въ Дуклѣ и др. мѣстностяхъ. Первые польскія масонскія организціи слѣдовали въ эпоху королей изъ саксонской династіи англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ образцамъ и находились въ фиктивной зависимости отъ великой лондонской логи, фиктивной потому, что въ дѣйствительности онѣ управлялись автономно, согласно правиламъ, предписываемымъ въ книгѣ брата де ла Тьерсъ «Histoire, obligations et statuts de la très vénérable confraternité de francs-maçons», «предназначенной для общаго пользованія всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ ложъ».

Гораздо большее значеніе приобрѣтаетъ польское масонство при Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ. Человѣкъ просвѣщенный и высокообразованный, Понятовскій не только оказывалъ покровительство масонамъ, но и самъ записался въ 1777 г. въ варшавскую нѣмецкую ложу «Подъ тремя шлемами» и, произведенный въ кавалеры нѣмецкой логи Rose-Croix, принялъ въ строжайшей тайнѣ подъ именемъ Eques Salsinatus, какъ F (ater) R (oseae)—A (ureae) C (rucis), установленную присягу, оговоривши свои «гражданскія и королевскія обязанности». Членами масонскихъ ложъ состоятъ при Станиславѣ-Августѣ почти всѣ придворные сановники и виднѣйшіе государственные дѣятели. Въ эпоху великаго или четырехлѣтняго сейма (1788—92 гг.) масоны насчитываютъ въ своей средѣ и многихъ сеймовыхъ пословъ: Матушевича, Нѣмцевича, Солтыка, Линовскаго, кн. Казимира Сапѣгу, кн. Адама Чарторыскаго и др., при чемъ секретарь сейма Янъ Луцевскій исполняетъ одновременно обязанности секретаря великаго польскаго востока, и самихъ творцовъ конституціи 3 мая 1791 г., Игнатія Потоцкаго, Станислава Малаховскаго, ксендза Піатоли, и многихъ польскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ, Щенснаго Потоцкаго, Войну, Букаты, Морскаго и др. Большинство этихъ лицъ, находясь у кормила правленія, «дѣлая исторію», проводятъ общественныя и политическія реформы, несутъ идеи возрожденія Польши; идеи эти идутъ такимъ образомъ не снизу, а сверху, не отъ молодыхъ, а отъ старшихъ; въ этомъ смыслѣ масонство становится при Станиславѣ-Августѣ весьма важнымъ политическимъ факторомъ и несомнѣнно оказываетъ большое вліяніе на мирный исходъ того государственнаго переворота, который привелъ къ конституціи 3 мая.—Къ великому огорченію іезуитовъ масонству начинаетъ сочувствовать даже духовенство. Крупный духовный сановникъ, знаменитый поэтъ, Игнатій Красицкій, епископъ варминскій, впоследствии архіепископъ гнѣзненскій, личный другъ коронованнаго масона Фрид-

риха Великаго, издаеть въ 1778 г. шуточную поэму «Монахомахія», представляющую вѣрное отраженіе тогдашнихъ умственныхъ и общественныхъ вѣяній и на-

Принятіе женщинъ въ ложу «Мопсовъ» ¹⁾.

Plan de la loge des Mopses pour la réception des femmes (изъ
«L'ordre des Maçons» Amsterd 1757).

правленную противъ нищенствующихъ орденовъ, противъ недостатковъ и слабостей монаховъ, ихъ невѣжества, суевѣрности, обжорства и пьянства. Это

¹⁾ См. стр. 230, а также статью А. М. Васютинскаго въ I т.

антицерковное теченіе проникаетъ и въ область законодательства; такъ, 27 іюля 1789 г. великій сеймъ проводитъ постановленіе о секуляризації епископскихъ имѣній и назначеніи епископамъ опредѣленнаго жалованія; на этомъ же сеймѣ обнаруживается тенденція къ націоналізації польскаго костела, созданію національнаго польскаго трибунала, прекращенію подачи апелляцій въ Римъ, къ затрудненію доступа въ монашескую ордена и освобожденію ихъ отъ власти генераловъ. Борьба свѣта съ тьмой, съ предразсудками и съ религіозною нетерпимостью является главною задачею масоновъ въ эпоху Станислава-Августа; объ этомъ свидѣлствуютъ самыя названія тогдашнихъ ложъ: «Побѣжденная тьма», «Побѣжденный предразсудокъ» и т. п.; рядомъ съ этимъ масоны преслѣдуютъ общія гуманитарныя цѣли, открываютъ цѣлую сѣть благотворительныхъ учрежденій, пріюты для старцевъ и нищихъ, занимаются раздачей румфордскаго супа, вводятъ бесплатное оспопрививаніе и т. п.

На каждомъ засѣданіи ложи «собираетелъ милостыни» обходилъ членовъ съ особымъ мѣшкомъ въ пользу бѣдныхъ; рѣшеніе вопросовъ о благотворительныхъ работахъ занимало значительную часть засѣданія; остальная его часть обыкновенно посвящалась работамъ «рецепційнымъ», связаннымъ съ пріемомъ въ ложу новыхъ членовъ, «инструкціоннымъ», касавшимся внутренней и внѣшней жизни ложи, «торжественнымъ»—въ день св. Іоанна, 24 іюня, праздновавшійся всѣми ложами, въ день годовщины открытія каждой ложи, въ память скончавшагося члена и т. п. На торжествахъ обыкновенно исполнялись т. наз. «столовыя работы»; онѣ состояли въ участіи всѣхъ членовъ ложи въ торжественномъ банкетѣ, происходившемъ согласно опредѣленному ритуалу, переименовывавшему ѣду въ «работу», кушанія въ «проекты работъ», тарелки въ «ямы», блюда въ «горы», а приглашеніе налить изъ бутылки въ стаканъ вина въ призывъ «зарядить ружья» (стаканы) «порохомъ» (виномъ), доставши его изъ «пороховницъ» (бутылокъ).

Въ члены нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ принимались иногда и женщины. Такія ложи назывались «адопційными»; въ адопційной ложѣ «Благотворительность» встрѣчаются среди членовъ фамиліи кн. Чарторыской, Радзивиллъ, гр. Потоцкой и др. Особый характеръ носятъ смѣшанныя ложи «мопсовъ и мопсихъ»; возникши въ Австріи въ 1738 г. и распространившись затѣмъ во Франціи при Людовикѣ XV въ эпоху господствовавшей при этомъ королѣ распушенности нравовъ, онѣ перешли въ концѣ XVIII в. въ Польшу въ видѣ «amusements mystérieux» и усвоили себѣ обряды, не вполне поддающіеся изложенію въ печати; такова была напр. виленская ложа «Совершенная вѣрность» съ великой мастершей барон. Ферзенъ, вел. надзирательницей гр. Пржездзецкой и soeur terrible гр. Солтанъ *).

*) См. «Масонство» т. I, стр. 41.

Польское масонство состояло из семи степеней. Братья трех первых степеней, т. е. ученики, товарищи и мастера, составляли «ложи св. Иоанна» или «символическія»; братья четвертой степени—«избранные рыцари» (*kawaler wybrany*) и пятой—«шотландскіе кавалеры» (*kawaler szkocki*) —ложу «капитулъ шотландскій» (*kapituła szkocka*); наконецъ, братья шестой степени—«рыцари востока» (*kawaler wschodu*) и седьмой—златорозоваго креста (*Kawaler różanego krzyża*) составляли «капитулярную высшую шотландскую ложу».—Основанной Мошинскимъ великой польской ложѣ уже въ 1770 г. было подчинено семь другихъ ложъ. На оживленную ея дѣятельность вскорѣ обратила вниманіе имп. Екатерина II, и русское посольство въ Варшавѣ стало принимать мѣры къ обезпеченію за собой руководства польскимъ масонствомъ. Въ 1779 г. сынъ познанскаго воеводы гр. Янъ Понинскій, *eques a Stella Polari*, представивши подложный дипломъ старошляхетской директоріи въ Страсбургѣ, якобы уполномочивавшій его къ учрежденію новыхъ и реформированію старыхъ ложъ, основалъ въ Варшавѣ шотландскую ложу «Екатерину подъ Сѣверной звѣздой», названную такъ изъ раболѣпства къ «просвѣщенной государынѣ-покровительницѣ свободнаго каменничества въ своемъ государствѣ» и получившую въ февралѣ 1780 г. отъ великаго лондонскаго востока *magnum chartam*—дипломъ на званіе ложи-матери. Въ ложу эту были приняты сыновья всемогущаго русскаго посла въ Польшѣ гр. Штакельберга, Оттонъ и Густавъ; въ возникшую же отъ нея ложу «Сѣвернаго щита» (*Tarcza różnospa, Bouclier du nord*) поступило нѣсколько платныхъ агентовъ русскаго посольства въ Варшавѣ. Въ слѣдующемъ 1781 г. гр. Игнатій Потоцкій, предсѣдатель Постояннаго Совѣта (*Conseil Permanent*), высшаго центральнаго учрежденія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ Штакельбергу, посвященный великой лондонской ложей въ высшія масонскія степени, сталъ во главѣ директоріи изъ представителей главныхъ ложъ края и завершилъ дѣло объединенія и націонализаціи польскаго масонства. По его предложенію всѣ польскія ложи заключили между собой конвенцію и добились отъ иностранныхъ великихъ востоковъ признанія ихъ независимости и самостоятельности. Избранный первымъ великимъ мастеромъ объединенныхъ ложъ Короны и Литвы, Потоцкій произвелъ окончательную реорганизацію польскаго масонства, послѣ чего состоялось офиціальное открытіе польскаго великаго востока (мартъ 1784 г.). Въ составъ его входило 13 объединенныхъ ложъ, а именно 4 подъ варшавскимъ востокомъ: «Екатерины подъ Сѣверной звѣздой», «Святыни Изиды», «Сѣвернаго щита» (*Tarczu różnosnej*) и «Богини Элевзисъ»; 4 подъ виленскимъ востокомъ: «Совершеннаго соединенія» (*Doskonałej jedności, die Vollkommene Einigkeit*), «Ревностнаго литвина» (*Gorliwego litwina, der Eifrage Litauer*), «Добраго пастыря» (*Der Gute Hirt*) и «Храма мудрости» (*Kościół mądrości, der Tempel der Weisheit*); 3 подъ познанскимъ востокомъ: «Увѣнчаннаго постоянства» (*Stateczności uwieńczonej*), «Орла бѣ-

лаго» и «Школы мудрости»; 1 подъ дубенскимъ востокомъ—«Совершенной тайны» (Dokonałej tajemnicy), и 1 подъ гродненскимъ востокомъ—«Счастливаго освобожденія».

Уставъ или «конституція» великаго польскаго востока состояла изъ 54 §§. Она устанавливала совершенную независимость польскаго масонства отъ иностранныхъ масонскихъ властей, опредѣляла границы власти польскаго востока, права и обязанности 22-хъ «великихъ чиновниковъ» польскаго востока (великаго мастера, намѣстниковъ его для великопольской, литовской и малопольской провинцій, двухъ надзирателей (dozorca), двухъ ораторовъ (mówca), двухъ секретарей, казначейщика (podskarbi), обрядоначальника (mistrz obrzadków), великаго судьи, собирателя милостыни (jałmużnik), архивариуса, мечника, двухъ стюартовъ и др.), вводила «знаки» чиновниковъ, регламентъ засѣданій ложи, порядокъ отданія чести великому мастеру, образцы циркуляровъ и писемъ, составъ и права директоріи и т. п. Не признавая перваго раздѣла Польши, конституція великаго востока подчиняла ложѣ-матери «Екатерины подъ Сѣверной звѣздой» «всѣ земли и края, находившіеся подъ польскимъ владычествомъ, а также края и провинціи, лежащія за границей» (§ 52). Въ организаціонномъ отношеніи конституція 1784 г., представлявшая, впрочемъ, компиляцію разныхъ иностранныхъ системъ, отличалась рѣзко выраженнымъ демократическимъ характеромъ; отдѣльнымъ символическимъ ложамъ она представляла полную независимость и свободу во внутренней своей дѣятельности; все внутреннее административно-политическое, такъ называемое «физическое» правленіе масонствомъ она возлагала на великій востокъ; всю догматическую власть она сосредоточивала въ рукахъ «мистическаго» великаго капитула, состоявшаго изъ 27 членовъ седьмой степени.

Послѣ Игнатія Потоцкаго обязанности великаго мастера исправлялъ въ теченіе короткаго времени генераль Андрей Мокроновскій; затѣмъ, съ 1785 г., Щенскій Потоцкій, отказавшійся отъ своего молотка въ январѣ 1789 г. въ виду

Ст. Малаховскій (пор. де Фабра).
J. Malahowsky.

предстоящаго разрыва Польши съ Россіей; на его мѣсто былъ избранъ «доблестный патріотъ» Казиміръ-Несторъ Сапѣга, сеймовый маршалокъ и генераль отъ артиллеріи. Охватившее всю Польшу антирусское движеніе коснулось и масонскихъ ложъ; въ томъ же 1789 г. по случаю королевскихъ именинъ ложаматерь «Екатерины подъ Сѣверной звѣздой» была переименована въ ложу «Станислава-Августа подъ Сѣверной звѣздой».

Событія, имѣвшія мѣсто въ Польшѣ послѣ провозглашенія конституціи 3 мая, вспыхнувшая изъ-за этой конституціи война, послѣдовавшій за ней второй раздѣлъ, возстаніе Косцюшки и окончательное паденіе польскаго государства—все это привело польское масонство въ состояніе полного распада и способствовало закрытію въ 1794 г. польскаго великаго востока. При этомъ погибли всѣ капиталы масоновъ и всѣ ихъ архивы. Значительная часть масоновъ эмигрировала во Францію, въ которой генераль Генрихъ Домбровский формировавъ первый польскій легіонъ. Въ польскихъ областяхъ, перешедшихъ къ Австріи и Россіи, всякія масонскія организаціи были запрещены, въ Австріи съ 1795, въ Россіи съ 1797 г. И только въ областяхъ, доставшихся Пруссіи, масонскія ложи продолжали развиваться, но не польскія, а нѣмецкія, подчиненныя тремъ независимымъ великимъ берлинскимъ ложамамъ, а именно: *Grosse Landes-Loge*, ложѣ «Королевскій Іоркъ пріязни» и «Трехъ глобусовъ». Почти всѣ эти ложи работали на нѣмецкомъ языкѣ и состояли въ значительной степени изъ прусскихъ административныхъ и судейскихъ чиновниковъ и офицеровъ; онѣ обязаны были доставлять ежегодно правительству списки своихъ членовъ и гораздо болѣе служили видамъ прусскаго правительства, стремившагося къ германизаціи польскихъ земель, чѣмъ основной цѣли польскаго масонства—«познанію мудрости и совершенствованію въ добродѣтели».

Такъ продолжалось дѣло до 1807 г., когда изъ завоеванныхъ у Пруссіи польскихъ областей Наполеонъ образовалъ новое польское государство, прозванное имъ великимъ герцогствомъ варшавскимъ. Въ этомъ маленькомъ государствѣ, призванномъ къ жизни великимъ Наполеономъ и полагавшемъ въ немъ всѣ свои надежды на лучшее будущее, возродилось и польское масонство на новыхъ, соотвѣтствовавшихъ измѣнившемуся политическому положенію началахъ; оно стало теперь слѣдовать преимущественно французскимъ образцамъ и вступило въ тѣсную связь съ французскимъ великимъ востокомъ. Уже въ 1807 г. возникаетъ французская ложа «Соединенныхъ братьевъ поляковъ и французовъ» на востокѣ Варшавы въ зависимости отъ парижскаго великаго востока; окружая особу Наполеона почти религіознымъ культомъ, простиравшимся до установленія орденовой ленты пепельнаго цвѣта въ воспоминаніе «цвѣта верхняго платья, въ которомъ впервые вступилъ на польскую землю въ 1806 году великій Наполеонъ, освободитель польскаго народа», «Соединенные братья» вдохновлялись надеждой на болѣе или менѣе близкое объединеніе

Наполеономъ всей подѣленной Польши и укрѣплялись, вѣроятно, въ этой надеждѣ постепеннымъ ростомъ польскихъ масонскихъ организацій, возрожденіемъ старыхъ польскихъ ложъ—«Святыни Изиды», 1809 г., «Богини Элевзисъ», «Сѣвернаго щита»—въ Варшавѣ, «Побѣжденнаго предрасудка» въ Краковѣ и переходомъ прусскихъ ложъ въ зависимость отъ Парижа.

Крупный политическій успѣхъ, одержанный поляками въ 1809 г., не замедлилъ отразиться и въ масонскомъ міркѣ. Въ австрійскую кампанію Наполеона поляки, предоставленные самимъ себѣ, отвоевали у Австріи значительную часть Галиціи, которая по вѣнскому трактату 14 окт. 1809 г. была присоединена къ варшавскому герцогству. Это территоріальное приращеніе, являвшееся исключительно результатомъ успѣха польскаго оружія, укрѣпляло политическое положеніе герцогства и вмѣстѣ съ тѣмъ давало возможность польскимъ масонамъ усилить и расширить свою дѣятельность. 22 марта 1810 г. возстаетъ великій польскій востокъ съ намѣстникомъ вел. мастеромъ Людвигомъ Гутаковскимъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта герцогства; къ возрожденному польскому востоку приступило на первыхъ порахъ 6 ложъ: «Восточная звѣзда», въ качествѣ ложи-матери, «Богиня Элевзисъ», «Святыня Изиды», «Сѣверный щитъ», «Соединенные братья» и «Побѣжденный предрасудокъ», насчитывавшихъ въ средѣ своихъ членовъ, какъ и въ эпоху четырехлѣтняго сейма, наиболѣе видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, министровъ—кн. Юсифа Понятовскаго, Александра Потоцкаго, Игн. Соболевскаго, Венгленскаго и др., извѣстныхъ писателей—Огинскаго, Бродзинскаго, Козмяна и т. д.

Съ возрожденіемъ великаго польскаго востока дѣятельность польскихъ масоновъ направляется къ подчиненію ему возможно большаго количества масонскихъ организацій, къ освобожденію ихъ отъ иностранной зависимости и укрѣпленію въ нихъ національнаго чувства; подъ власть польскаго великаго востока постепенно переходятъ и французская ложа «Соединенныхъ братьевъ», и расположенныя въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой нѣмецкія ложи,

Александръ Потоцкій (пор. Kokular).
А. Potozky.

Два (см. рис. на слѣд. стр.) стекла съ польскими масонскими знаками. Фонъ золотой, знаки черные¹⁾.
(Собрание пр. пов. Патека.)

торнская, гнѣзненская и др.; одновременно съ этимъ польскія ложи пополняются большимъ количествомъ извѣстныхъ своимъ патріотизмомъ поляковъ евангелическаго и іудейскаго вѣроисповѣданія, которые допускаются даже въ члены капитула; работы въ ложахъ и великомъ капитулѣ происходятъ теперь не на французскомъ, какъ раньше, а на польскомъ языкѣ, и въ ритуальнъ вводятся національныя эмблемы. Сердца масоновъ бьются въ унисонъ съ сердцами всѣхъ поляковъ, ждущихъ войны Наполеона съ Александромъ и готовящихся къ «великому дѣлу возстановленія родины».—Политическія событія 1812—13 гг. вновь вызываютъ перерывъ въ дѣятельности масоновъ, но, несмотря на официальное постановленіе великаго польскаго востока отъ 30 янв. 1813 г. о закрытіи ма-

¹⁾ Орденскіе масонскіе знаки (лопатка, молотокъ, треугольникъ, вѣнецъ, скипетръ и т. п.). «Нетесанный камень»—человѣкъ безъ духовной культуры; подпись «labor» означаетъ, что надъ нимъ слѣдуетъ работать.

«Отесанный камень» показываетъ результатъ этой работы.

Польское происхожденіе этихъ стеколъ доказывается надписью на шлемѣ «Гданскъ» (Civita Gedanensis), гербомъ Гданска—двумя крестами и польскимъ орломъ.

Остальное поясняютъ надписи. Истина свѣтитъ какъ солнце (lucet). Чистое пылающее сердце возносится на крыльяхъ въ пространство (ascensit). Всѣ справедливости гарантируютъ равенство гражданъ передъ закономъ (judico ex aequo). Вращающееся колесо «Фортуны» означаетъ измѣнчивость судьбы и т. п.

тайно свои работы въ теченіе всего 1813 г.; благотворительныя масонскія общества въ Варшавѣ, Вильнѣ, Краковѣ и др. городахъ, управляемыя избранными изъ среды мѣстныхъ ложъ комиссіями, оказываютъ дѣятельную помощь находящимся въ госпиталяхъ больнымъ, военнопленнымъ и семействамъ погибшихъ въ бояхъ.

Въ новый фазисъ жизни вступаетъ польское масонство въ 1815 г., послѣ присоединенія, согласно постановленію вѣнскаго конгресса, значительной части варшавскаго герцогства къ руссійской имперіи въ видѣ отдѣльнаго, надѣленнаго собственной конституціей, государства, такъ наз. Царства Польскаго. Польскіе масоны, назвавшіе, какъ уже сказано, въ концѣ XVIII в. въ честь русской «великодушной монархини» одну изъ своихъ ложъ ложей «Екатерины подъ Сѣверной звѣздой», затѣмъ окружавшіе ореоломъ Наполеона, «ниспосланнаго Провидѣніемъ для освобожденія польскаго народа», теперь, послѣ его паденія, обратили свои взоры къ восходящей звѣздѣ русскаго императора, который

оказывалъ знаки вниманія Косцюшкѣ, дружилъ съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ и не пожелалъ при вѣздѣ въ Краковъ принять ключи отъ президента города, называя себя «не побѣдителемъ, а другомъ поляковъ». Начинается полоса вѣры въ новаго «воскресителя» Польши, императора Александра, призваннаго защитника польской свободы», даваго уже многое, уже возстановившаго на вѣн-

Польскіе масонскіе символы и знаки изъ собр. пр. пов. Патека.

Symboles maçonniques.

скомъ конгрессѣ «загубленное польское имя» и манящаго новыми обѣщаніями, располагающаго средствами возродить всю Польшу «отъ моря и до моря». Въра эта, на первыхъ порахъ глубокая и искренняя, находить себѣ отраженіе и въ масонскихъ организаціяхъ, въ рѣчахъ мастеровъ и ораторовъ, въ «доскахъ» братьевъ, въ ихъ пѣсняхъ, гимнахъ и одахъ, выражающихъ преклоненіе передъ королемъ, который, возсѣдая на тронѣ Пяста, даетъ возможность вольнымъ каменщикамъ, презрѣвши грозную волну фанатизма, воздвигать алтари въ честь истины и мудрости. Пріѣхавшаго въ ноябрѣ 1815 г. въ Варшаву Александра масоны чествуютъ торжественнымъ банкетомъ, устроеннымъ въ зданіи мѣстнаго верховнаго капитула, ярко по этому случаю иллюминированномъ и украшенномъ транспарантомъ съ инициаломъ императора и надписью: «осчастливленные прибытіемъ монарха» (*recepto Caesare felices*). Александръ I благосклонно принималъ выраженія патріотическихъ чувствъ, одушевлявшихъ польскихъ масоновъ, оказывалъ имъ знаки своего монаршаго благоволенія, самъ втайнѣ принадлежалъ къ великому польскому востоку и вносилъ на его нужды въ качествѣ брата и протектора щедрыя пожертвованія. Двоякою цѣлью, по мнѣнію проф. Аскеназы, руководствовался онъ въ данномъ случаѣ: созидательною и охранительною. «Съ одной стороны онъ хотѣлъ использовать польское масонство для проведенія своего проекта касательно сліянія Литвы съ Польшей и, насаждая масонскія ложи одновременно въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, вліять при ихъ посредствѣ на общественное мнѣніе, подготовить путемъ возстановленія прежней польско-литовской масонской уніи унію политическую; ему не было безызвѣстно враждебное отношеніе къ занимавшему его проекту нѣкоторыхъ круговъ литовскаго общества, опасавшихся главнымъ образомъ усиленія податнаго бремени и крестьянской реформы въ Литвѣ. Съ другой стороны Александръ стремился къ секуляризаціи польскаго масонства, къ приданію ему характера государственнаго учрежденія, къ подчиненію его собственному контролю и руководству имъ» («Голосъ Минувшаго», 1913 г., кн. V, стр. 32).

Исполнителемъ этихъ предначертаній Александра I былъ генералъ Александръ Рожнецкій, избранный въ 1816 г. замѣстителемъ великаго мастера польскаго великаго востока, близкій другъ всевластнаго императорскаго комиссара въ царствѣ польскомъ, Н. Н. Новосильцова, начинавшій тогда свою карьеру шефа жандармовъ и начальника тайной полиціи въ Царствѣ. Первую возложенную на него задачу, сводившуюся къ количественному усиленію масонства, онъ исполнилъ вполне успѣшно. Въ 1815 г., въ моментъ возрожденія великаго польскаго востока, въ Царствѣ Польскомъ насчитывалось только 13 ложъ; въ 1817 г. ихъ было уже 20, въ 1821 — 32. Окрѣпло также польское масонство въ Литвѣ. Со времени послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитой оно находилось здѣсь въ состояніи упадка; возстановленное около 1810 г., оно опять зачахло вслѣдствіе политическихъ событій 1812 г.; теперь, съ 1816 г., и старыя литовскія ложи

быстро возрождаются, и открывается рядъ новыхъ; каталогъ великаго польскаго востока насчитываетъ за 1818—19 г. въ литовской провинціи 12 ложъ. Осуществилась также польско-литовская масонская унія; въ виду принадлежности къ литовскимъ ложамъ значительнаго количества видныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, профессоровъ виленскаго университета и др. лицъ, унія эта могла бы дѣйствительно служить почвой для будущаго политическаго объединенія Царства Польскаго съ Литвой; но, заключенная лишь въ мартѣ 1819 г., она не отвѣчала въ данный моментъ видамъ русскаго императора, который успѣлъ усомниться въ правильности своей польской политики и въ цѣлесообразности территоріальнаго расширенія Царства Польскаго. Не лишены интереса событія, предшествовавшія заключенію этой уніи; здѣсь, въ этихъ событіяхъ, на масонской аренѣ, нашелъ себѣ миніатюрное отраженіе большой давнишній споръ Россіи съ Польшей изъ-за Литвы. Пройдя различные фазисы, споръ этотъ въ разбираемое время свелся къ вопросу о возвращеніи полякамъ пяти литовскихъ губерній, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской, которыя еще при Екатеринѣ II перешли къ Россіи и на которыя именно распространялась дѣятельность возрожденныхъ провинціальныхъ ложъ, литовской и волынской. Инкорпорация этихъ губерній занимала умы польскихъ государственныхъ дѣятелей за весь періодъ существованія Царства Польскаго; соединеніе съ братьями-литовцами, съ которыми поляки цѣлыя столѣтія шли рука объ руку, составляло предметъ горячихъ стремленій гражданъ Царства; а включеніе въ свой составъ литовской и волынской логи представлялось великому польскому востоку въ видѣ своего рода вопроса чести. Иначе смотрѣли на это дѣло въ Россіи. Имп. Александръ, дававшій, правда, въ первые годы послѣ вѣнскаго конгресса торжественныя обѣщанія исправить «историческую несправедливость», совершенную его бабкой, присоединеніемъ къ Царству упомянутыхъ губерній, впослѣдствіи, съ общимъ поворотомъ правительственной политики въ сторону реакціи, отказался отъ этихъ своихъ плановъ; русскіе

Я. Лушевскій (пор. Bacciarelli).

J. Louchewsky.

общественные круги относились недружелюбно къ расширенію Царства Польскаго за счетъ западныхъ губерній имперіи; а русскіе масоны, перенеся этотъ историческій споръ въ свою плоскость, уполномочили великую петербургскую ложу Астрею обратиться къ возстановленной виленской провинціальной ложѣ съ настойчивымъ предложеніемъ присоединиться къ русскому великому востоку на весьма впрочемъ выгодныхъ для нея условіяхъ, предусматривавшихъ полную ея автономію. Но Астрея, успѣшно дѣйствовавшая въ одной части западныхъ губерній, подчинившая себѣ масонскія ложи въ Кіевской, Могилевской и Витебской губерніяхъ, которыя предназначены были правительствомъ къ тѣсному сплоченію съ имперіей и съ утратой которыхъ уже примирились поляки, потерпѣла полное пораженіе въ попыткѣ распространить свой протекторатъ на территорію, возвращенія которой добивалось польское общественное мнѣніе. Литовскія ложи обнаружили тяготѣніе къ Польшѣ и 21 марта 1819 г. торжественно объединились съ польскимъ великимъ востокомъ. «Литовцы—сказалъ по этому поводу старѣйшій членъ депутаціи литовской провинціи ксендзь Михаилъ Длускій,—уже связанные съ коронными братьями цѣпью братскаго единенія, сохранили навсегда неизмѣнную имъ вѣрность», доказательствомъ чего служить «отверженіе выгоднаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предложенія, сдѣланнаго намъ братьями изъ столицы имперіи».

Любопытную страницу въ исторіи виленскихъ ложъ занимаетъ принадлежавшій члену ложи «Усердный Литвинъ», профессору виленскаго университета, доктору философіи и медицины, Якову Шимкевичу, проектъ реформы масонства, сводившійся, главнымъ образомъ, къ исключенію всякихъ тайнъ изъ обрядовъ и дѣятельности масонскихъ ложъ. 16 марта 1818 г., на засѣданіи своей ложи, Шимкевичъ высказалъ мнѣніе, что для непосредственныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ масонами, для просвѣщенія и благотворительности, какія бы то ни было тайны излишни, что онѣ «являются лишь притворствомъ, очень дорого обходятся и способствуютъ дурной славы, тогда какъ орденъ можетъ существовать и безъ нихъ»; онъ стремился поэтому «сорвать—какъ говоритъ авторъ статьи «Масонскія ложи въ Литвѣ» С. Ф. Добрянскій—завѣсу тайны съ загадочнаго союза и, насколько возможно, примирить широкіе слои общества непосвященныхъ съ ложами вольныхъ каменщиковъ». Проекту этому нельзя отказать въ нѣкоторой основательности. Къ возвышенной тайнѣ, которую еще до начала французской революціи скрывали масоны, къ тайнѣ распространенія началъ всеобщаго равенства и братства, съ теченіемъ времени примѣшались тайны иного рода, тайны отысканія жизненнаго эликсира, философскаго камня, составленія заговоровъ противъ религіи, королей и т. п.; въ дружную масонскую семью, объединенную идеей возрожденія человѣчества и общества, вторглись шарлатаны и обманщики въ родѣ гр. Калиостро, Сень-Жермена и др., ловко эксплуатировавшіе человѣческое суевѣріе и послѣдніе проблески вѣры въ сверхъесте-

ственные явления; выступая нередко съ дипломами на высокія масонскія степени, они дѣйствительно «способствовали дурной славѣ» масоновъ и вызывали нареканія на послѣднихъ. Объединивши вокругъ себя 17 сторонниковъ реформы, преимущественно профессоровъ виленскаго университета, Шимкевичъ образовалъ «франкмасонское реформированное товарищество подъ названіемъ: ложа «Усердный Литвинъ» на востокъ Вильна»; преслѣдуя, согласно § 3 своего устава, общемасонскія цѣли «мудрости и добродѣтели, т. е. содѣйствія общественному благу путемъ просвѣщенія и благотворительности», новое товарищество открывало свои двери для всѣхъ членовъ всѣхъ другихъ, даже не реформированныхъ, ложъ, допускало лишь публичныя засѣданія и отдавало отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но это реформированное товарищество не проявило особенной жизнеспособности; испытывая недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, доходившій до невозможности нанять собственное помѣщеніе, и встрѣчая враждебное отношеніе со стороны великаго польскаго востока, оно послѣ смерти Шимкевича, наступившей въ концѣ 1818 г., стало обнаруживать стремленіе къ примиренію съ общимъ масонствомъ. Но въ это время самый вопросъ о реформѣ масонства на выработанныхъ Шимкевичемъ началахъ отступилъ на второй планъ передъ другими болѣе важными событіями, разывравшимися въ средѣ масоновъ.

І. Лукасинскій.
I. Lukasinsky.

Какъ сказано выше, Рожнецкому поручено было на ряду съ количественнымъ усиленіемъ масонскихъ ложъ качественное ослабленіе ихъ, подчиненіе всего польскаго масонства видамъ и интересамъ правительства. Этой цѣли долженъ былъ служить внесенный Рожнецкимъ въ 1816 г. проектъ реформы демократической «конституціи» 1784 г., сводившійся къ подавленію автономныхъ провинціальныхъ и символическихъ ложъ, къ ограниченію законодательныхъ правъ ихъ депутатовъ и къ подчиненію этихъ лицъ верховной власти великаго мастера; подъ предсѣдательствомъ послѣдняго предполагалось установить особое центральное учрежденіе—«верховный совѣтъ» изъ семи членовъ, легче

поддающийся правительственному контролю, чѣмъ высочайшій капитулъ, который, какъ извѣстно, состоялъ изъ 27 членовъ и располагалъ только «догматическою» властью. Проектъ септемвирата, выработанный Рожнецкимъ и поддержанный Новосильцовымъ, главнокомандующимъ польской арміей вел. кн. Константиномъ Павловичемъ и намѣстникомъ царства польскаго Заіончкомъ и не встрѣтившій возраженій со стороны великаго мастера польскаго востока Станислава Потоцкаго, вызвалъ продолжительные раздоры и столкновенія въ средѣ польскаго масонства и много содѣйствовалъ возникновенію т. наз. «національнаго масонства», въ которомъ нашли себѣ исходъ патріотическія стремленія значительной части польскихъ масоновъ, съ вполне понятнымъ негодованіемъ и съ сильною тревогою отнесшихся къ проектированной Рожнецкимъ олигархической реформѣ, которая подрывала самую сущность ихъ дѣла и превращала польское масонство въ простое орудіе русскаго правительства.

Характерная черта національнаго масонства, основаннаго въ 1819 г. маіоромъ IV линейнаго пѣхотнаго полка арміи царства польскаго Валеріаномъ Лукасинскимъ, состояла въ ограниченіи идеи человѣческаго братства, составляющаго конечную цѣль обыкновеннаго масонства. Національное масонство Лукасинскаго объединяло въ духѣ мира и братства не весь родъ человѣческій, но однихъ только поляковъ, допускало на первыхъ порахъ только польское, національное братство. Первоначальною цѣлью масонскаго строительства была, согласно ученію Лукасинскаго, одна только Польша, реставрація польскаго государства въ самыхъ широкихъ границахъ. И лишь послѣ освобожденія родины польскіе національные масоны предполагали расширить кругъ своей дѣятельности на все славянство, а затѣмъ на все человѣчество. Масонскіе обряды символизировали одно только отечество; границами ложи была «великая горная цѣпь, два моря и двѣ рѣки», т. е. границы прежней Польши; «товарищи» собирались у «алтаря отечества, поврежденнаго сверху, но стоящаго на прочномъ фундаментѣ», т. е. въ Польшѣ, урѣзанной на вѣнскомъ конгрессѣ, «поврежденной» сравнительно съ исторической, неподѣленной Польшей, но неизмѣнно прочной въ своемъ основаніи; они присягали возвратить алтарю его прежній блескъ, т. е. бороться за возрожденіе родины и т. п. Весь катехизисъ былъ составленъ въ высокопатріотическомъ духѣ; на вопросъ объ имени принимаемаго въ ложи приводились великія историческія имена Болеслава Храбраго, Баторія, Чарнецкаго, Жолкевскаго и др.; въ то же время именами историческихъ дѣятелей, оставившихъ по себѣ дурную память, напр., Іеронима Радзеіовскаго, коронаго подканцлера, навлекшаго на Польшу въ 1655 г. нашествіе шведскаго короля Карла-Густава, клеймились масоны, измѣнявшіе масонской тайнѣ или принятымъ на себя обязательствамъ. Символика Польши найдена была и въ старой масонской легендѣ о Гирамѣ или Адонирамѣ, главномъ строителѣ Соло-

монова храма, трижды раненомъ тремя предателями—товарищами и завѣщавшемъ своимъ дѣтямъ дѣло мести и возстановленія изъ развалинъ храма. Идея возстановленія Соломонова храма, т. е. нравственного исправленія рода человеческого, примѣнена была Лукасинскимъ къ Польшѣ, нуждавшейся, какъ и все человѣчество, въ возстановленіи и возрожденіи. Смерть праведнаго и невиннаго Гирама изображала, согласно толкованію Лукасинскаго, политическую смерть Польши, раздѣлъ ея между сосѣдями; трое убійць аллегорически выражали три державы, участвовавшія въ раздѣлахъ; обязанность дѣтей Гирама бороться съ врагами до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ Соломоновъ храмъ, напоминала національнымъ масонамъ объ ихъ обязанности бороться съ врагами своей родины до полного возстановленія послѣдней; наконецъ, чудесное воскресеніе Гирама являлось символомъ воскресенія «невинно убіенной» Польши. Національное масонство просуществовало недолго. Уже въ 1820 г., вслѣдствіе проникновенія въ нѣкоторыя ложи крайнихъ теченій и преслѣдованія масоновъ русскимъ правительствомъ, Лукасинскій объявилъ національно-масонскія ложи закрытыми. Вслѣдъ за тѣмъ былъ нанесенъ окончательный ударъ и великому польскому востоку.

Проф. Людовикъ Осинскій, мастеръ ложи варш. Изисъ, членъ Великаго польскаго Востока ¹⁾.

(Румянц. музей).

Имп. Александръ, оказывая свое высокое покровительство польскому масонству, стремился, какъ уже было сказано, использовать его для проведенія своего плана присоединенія къ Царству Польскому пяти литовскихъ губерній, приобрѣтенныхъ Екатериной II. Но впослѣдствіи, когда Александръ окончательно отказался отъ своего проекта территориальнаго расширенія Царства Польскаго, онъ нашелъ всю польско-литовскую масонскую организацію, которая должна была расчистить почву для этого проекта, не только ненужной, но компрометирующей его, напоминающей объ его либерально-конституціонной сентиментальности. Въ виду такого настроенія Александра Новосильцову не

¹⁾ Подъ гравюрой помѣщено слѣдующее стихотвореніе Осинскаго въ перев. Скимборовича:

«Пусть *циркуль* мѣритъ мракъ, умы обнявшій,
И совѣсть спящую стукъ будить *молотка*,
Угольникъ мечъ пусть силу снова взявшій,
Законъ предвѣчныхъ истинъ чтить присудить».

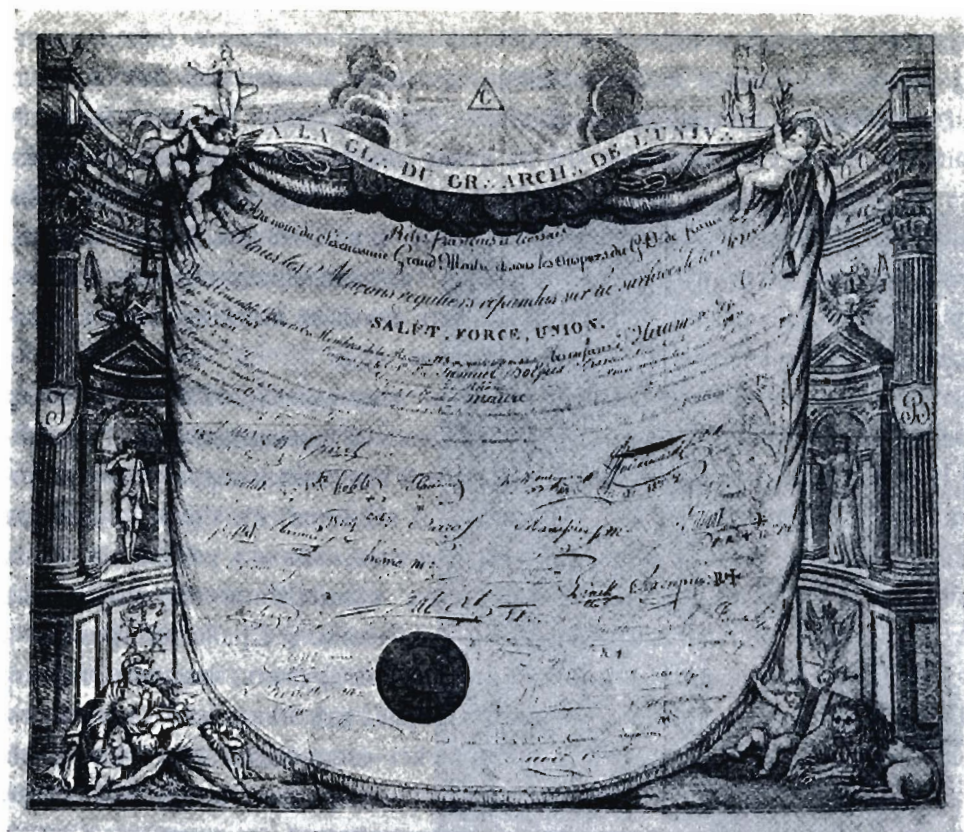
трудно было добиться въ ноябрѣ 1822 г. указа о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ могущихъ «возбудить подозрѣніе даже тогда, если бы они собирались и въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ»; онъ же занялся ликвидаціей польскаго масонства. Собранные стараніями цѣлыхъ поколѣній крупные масонскіе капиталы получили теперь совершенно неожиданное назначеніе. Часть ихъ была употреблена на нужды учрежденнаго по мысли Новосильцова «центрального бюро полиціи для Варшавы и Царства Польскаго», а другая перешла къ самому Новосильцову и его сотрудникамъ въ дѣлѣ гибели польскаго масонства. Въ Царствѣ Польскомъ масонскіе архивы, декораціи и знаки были конфискованы. Въ Литвѣ не ограничились конфискаціей. Виленскій генераль-губернаторъ Римскій-Корсаковъ распорядился «истребить» масонское имущество такъ, «чтобы и памяти о немъ не осталось». Во исполненіе этого приказа 25 апр. 1823 г. были сожжены въ Вильнѣ въ присутствіи полиціи подсвѣчники, звѣзды, мертвыя головы и другіе ритуальные предметы и декораціи.

Указъ о закрытіи польскаго великаго востока не поколебалъ ни нравственного, ни общественнаго значенія масоновъ, но онъ придалъ ихъ дѣятельности то направленіе, опасеніемъ передъ которымъ былъ вызванъ. Туманныя національныя цѣли Лукасинскаго съ роковою неизбѣжностью вскорѣ смѣнились жаждой активной дѣятельности, активного освобожденія родины. Польскій масонъ, первымъ приучившійся въ XVIII вѣкѣ свободно мыслить, въ XIX первымъ пожелалъ свободно жить. Мирныя масонскія организаци, вызванныя къ жизни потребностью защитить отъ постороннихъ вліяній новыя завоеванія пытливой человѣческой мысли и преслѣдовавшія лишь культурныя, просвѣтительныя и филантропическія цѣли, постепенно уступили мѣсто обществамъ, задававшимся цѣлями политическаго освобожденія родной страны.

И. Рябининъ.

«Мопсъ». Собака—эмблема вѣрности, изъ книги «Мопсъ безъ ошейника и безъ ушей или свободное и точное изображеніе таинствъ общества, именующагося мопсомъ».

Масонскій дипломъ
Diplome maçonniqne. (Собрание Д. Г. Бурлына).

Масонство въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ.

1. Колоніальный періодъ.

Въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ Англіи масонство появилось, повидимому, вскорѣ послѣ первыхъ успѣховъ его среди великосвѣтскаго общества метрополіи—въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія. Документальныхъ свѣдѣній объ американскомъ масонствѣ этой эпохи, правда, не сохранилось, но въ 1730 году, печатая въ своей «Пенсильванской газетѣ» отчеты о собраніяхъ лондонскихъ масоновъ *Вен. Франклинъ* могъ уже ссылаться на существованіе «въ здѣшней колоніи (т.-е. въ Пенсильваніи) многихъ масонскихъ ложъ» и на «большой интересъ, проявляемый къ нимъ со стороны публики». Именно въ этомъ году

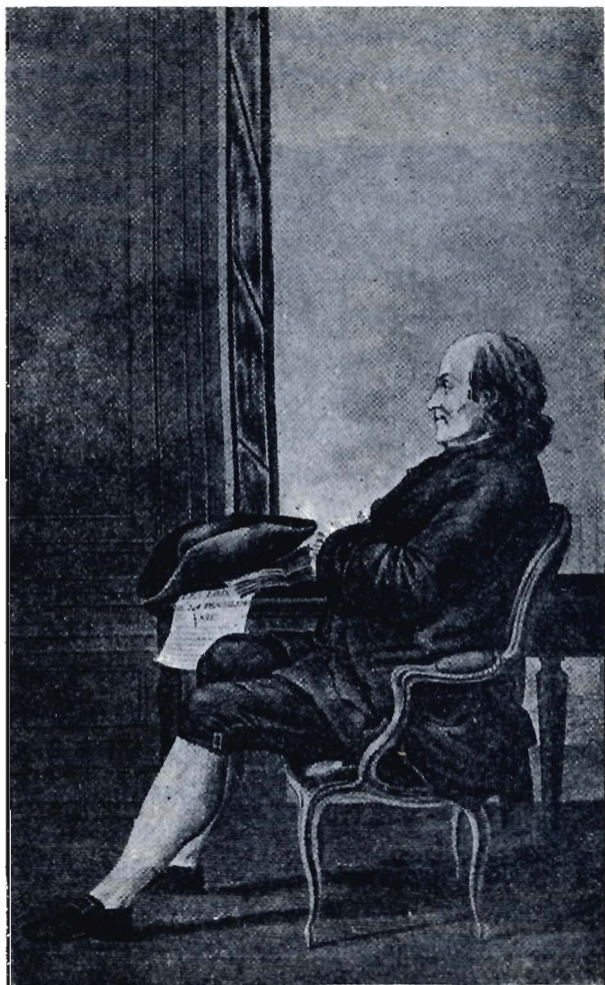
появился въ Америкѣ и первый «провинціальный Гросмейстеръ» (для провинцій Н.-Йорка, Н.-Джерси и Пенсильваніи) въ лицѣ жившаго въ Англіи сына Нью-Джерсійскаго губернатора — Даниеля Кокса (Coxe). Грамота Великой Лондонской Ложи, утверждавшая его въ этомъ званіи, практическаго значенія однако не имѣла—слѣдовъ фактической дѣятельности Кокса въ качествѣ шефа американскаго масонства нигдѣ не сохранилось, и все, что мы знаемъ о немъ, какъ масонѣ, сводится къ тому, что въ 1731 году онъ присутствовалъ на собраніи Великой Лондонской Ложи, гдѣ въ честь его былъ выпить тостъ за «Провинціальнаго Гросмейстера Сѣверной Америки».

Болѣе серьезное значеніе имѣли грамоты, выданныя въ 1733 и 1734 году бостонцу Генри Прайсу (Price), первая на званіе «Провинціальнаго Гросмейстера Новой Англіи и всѣхъ относящихся къ ней владѣній и территорій», а вторая на званіе «Гросмейстера всей Америки» (of all America). Сохранились два письма, написанныя Прайсу Франклиномъ послѣ того, какъ онъ узналъ объ этомъ назначеніи. Въ одномъ изъ нихъ, имѣющемъ офиціальный характеръ, онъ проситъ выслать въ Филадельфію копіи полученныхъ Прайсомъ грамотъ и утвердить привилегіи пенсильванскихъ масоновъ; въ другомъ, частномъ, письмѣ онъ просилъ его лично пріѣхать въ Филадельфію, гдѣ нѣсколько «ложныхъ и мятежныхъ братьевъ» собираются въ противовѣсъ «истиннымъ братьямъ» учредить свою отдѣльную ложу, «чтобы за кружку пунша раздавать тамъ масонство». «Цехъ», писалъ Франклинъ, «потеряетъ среди насъ весь свой престижъ, если истинные братья не получаютъ никакой поддержки и не будутъ отличены отъ остальныхъ достаточно авторитетной для этого властью».

«Привилегіи пенсильванскихъ масоновъ», объ утвержденіи которыхъ хлопоталъ передъ Прайсомъ Франклинъ, заключались въ существованіи въ Филадельфіи независимой отъ Лондона Великой Ложи, учрежденной здѣсь, при дѣятельномъ сотрудничествѣ Франклина, въ 1731 году. Франклинъ познакомился съ масонствомъ, повидимому, еще въ 1725—1726 году во время путешествія въ Лондонъ, когда ему было всего девятнадцать лѣтъ. Вступить въ масонство онъ въ это время еще не могъ, такъ какъ для этого требовался по уставу 25-лѣтній возрастъ, и потому по возвращеніи въ Америку онъ основалъ, по образцу масонства, свое собственное тайное общество—«Клубъ кожанаго передника» (Leather Apron Club)—зародышъ будущаго «Книгоиздательскаго» и «Философскаго Американскаго Общества». Въ масонство онъ былъ принятъ въ Филадельфіи въ 1731 году и сразу сталъ играть въ учрежденной въ этомъ году Великой Ложѣ выдающуюся роль: немедленно по вступленіи въ масонство онъ сдѣлался ея «Депутатомъ-Гросмейстеромъ» (товарищемъ Гросмейстера), въ слѣдующемъ году онъ составилъ для нея, первый въ Америкѣ, масонскій уставъ (by-laws), а въ 1734 году былъ выбранъ Гросмейстеромъ.

Въ чемъ заключалась дѣятельность «ложныхъ и мятежныхъ братьевъ»,

о которыхъ Франклинъ писалъ въ 1734 году, и кто они были, неизвѣстно, но три года спустя въ Филадельфіи, дѣйствительно, произошло событіе, едва не повліявшее очень печально на судьбу пенсильванскаго масонства. Нѣкій Эвонъ Джонсъ, аптекарь по профессіи, вздумалъ въ компаніи съ нѣсколькими пріятелями, какъ и онъ не имѣвшими никакого отношенія къ масонству, разыграть шутку надъ своимъ ученикомъ Даніиломъ Ризомъ — поклонникомъ оккультизма, мечтавшимъ непремѣнно вступить въ масонство, чтобы узнать его «страшныя тайны». Шутники рекомендовались Ризу масонами и предложили «вступить въ ложу». Тотъ, не подозрѣвая обмана, немедленно согласился. Его привели съ завязанными глазами въ погребъ аптекаря и, заставивъ продѣлать разные циничные и фантастическіе обряды, объявили «посвященнымъ въ ученики». Черезъ нѣсколько дней началось «посвященіе въ мастера». На этотъ разъ шутка кончилась трагедіей: «дьяволъ», украшенный коровьими рогами и хвостомъ и державшій въ рукахъ блюдо съ зажженнымъ спиртомъ (очевидно «адскій огонь»), нечаянно опрокинулъ его на Риза и причинилъ ему смертельные ожоги. Джонса и соучастниковъ его арестовали и предали суду, какъ убійцъ. Великая ложа Пенсильваніи при самомъ началѣ процесса заявила черезъ мѣстныя газеты о непричастности масоновъ къ этому дѣлу, но въ обществѣ быстро распространились противоположные слухи. Объ этомъ особенно постарался конкурентъ «Пенсильванской Газеты», издатель «Американскаго Меркурія» Брэдфордъ: онъ

Франклинъ.
Franklin.

чаянно опрокинулъ его на Риза и причинилъ ему смертельные ожоги. Джонса и соучастниковъ его арестовали и предали суду, какъ убійцъ. Великая ложа Пенсильваніи при самомъ началѣ процесса заявила черезъ мѣстныя газеты о непричастности масоновъ къ этому дѣлу, но въ обществѣ быстро распространились противоположные слухи. Объ этомъ особенно постарался конкурентъ «Пенсильванской Газеты», издатель «Американскаго Меркурія» Брэдфордъ: онъ

увѣрять читателей, что «убійцы Риза» были подлинными масонами, что «посвященіе» его совершалось по настоящему масонскому ритуалу, и что самъ Франклинь, при свидѣтеляхъ, обмѣнивался съ нимъ масонскими знаками, послѣ того, какъ тотъ былъ «принятъ въ ученики». Франклинь отвѣчалъ на инсинуаціи спокойной и обстоятельной статьей въ «Пенсильванской Газетѣ», но она вызвала только новыя нападки со стороны Брэдфорда: масонскія ложи онъ попросту обзывалъ теперь, на страницахъ «Меркурія», «шайками воровъ и убійцъ».

Темные слухи о масонскихъ преступленіяхъ дошли и до родителей Франклина, жившихъ въ Массачузетсѣ. Мать въ ужасѣ оплакивала гибель сына, попавшаго въ сѣти «аріанъ и арминіанъ». Въ письмѣ, адресованномъ отцу по этому поводу, Франклинь увѣрять его, что «масоны—самые безобидные люди, ни въ принципахъ, ни въ поступкахъ которыхъ нѣтъ ничего противнаго религіи и добрымъ нравамъ», и просилъ свою мать «пріостановить ея приговоръ надъ масонами, пока она не узнаетъ ихъ лучше»: «а пока», писалъ онъ, «пусть она относится къ нимъ доброжелательно, какъ я отношусь къ ея недругамъ аріанамъ и арминіанамъ, о которыхъ мнѣ такъ же мало извѣстно что-либо, какъ и ей о масонахъ».

Присутствіе въ американскихъ ложахъ людей въ родѣ Франклина не могло, конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ, не вліять на характеръ ихъ дѣятельности; въ просвѣтительномъ движеніи 40-хъ годовъ (XVIII вѣка) въ Пенсильваніи масоны играли, напримѣръ, очень видную роль: противники бесплатныхъ народныхъ школъ (free schools) самый проектъ ихъ называли масонскимъ, а въ комитетѣ по устройству Коллежа, организованномъ въ 1749 году въ Филадельфіи подъ предсѣдательствомъ Франклина, приняли участіе почти всѣ члены Великой Пенсильванской Ложи. Однако въ общемъ, если судить по дошедшимъ до насъ книгамъ масонскихъ протоколовъ (minute-books)—древнѣйшіе изъ которыхъ относятся къ 1749 году—дѣятельность американскихъ масоновъ едва ли многимъ отличалась въ это время отъ дѣятельности современныхъ имъ англійскихъ «братьевъ»: «работа» и тѣхъ и другихъ заключалась главнымъ образомъ въ организаціи банкетовъ и праздниковъ, въ пріемѣ новыхъ членовъ и въ распредѣленіи пособій для бѣдныхъ братьевъ.

Въ 1755 году въ Филадельфіи состоялось торжество освященія масонскаго дома—первый случай освященія зданія по масонскимъ обрядамъ. Въ публичной процессіи, двигавшейся изъ ложи въ церковь Христа (Christ-church) «для выслушанія божественной службы», принялъ участіе самъ губернаторъ провинціи и 127 членовъ трехъ пенсильванскихъ ложъ, въ числѣ которыхъ находился въ должности «товарища Гросмейстера» (Deputy-Grand Master) Великой Ложи и Веніаминъ Франклинь.

На родинѣ масонства, въ Великобританіи, ростъ его совершался, какъ из-

вѣстно, вокругъ нѣсколькихъ центровъ: вслѣдъ за первой Великой Ложей 1717 г. возникли новыя великія ложи—Великая Ложа Ирландіи (1725 г.), Великая Ложа Шотландіи (1736 г.) и наконецъ (въ 1751 г.) Великая Ложа такъ наз. «старыхъ масоновъ» въ Лондонѣ (см. въ I томѣ статью «Происхожденіе масонства и англійское масонство XVIII вѣка»). Это разслоеніе масонства нашло отголосокъ и въ американскихъ колоніяхъ: на ряду со старыми англійскими ложами здѣсь появились шотландскія и ирландскія ложи, а также англійскія ложи «старого устава», не признававшія авторитета первой Великой Лондонской Ложы. Наконецъ, вмѣстѣ съ англійскими войсками (во время французскихъ и индѣйскихъ войнъ) пріѣзжали въ Америку и странствующие военные ложи, тоже большей частью «старого устава». Всѣ эти новыя ложи выгодно отличались отъ прежнихъ своей болѣе демократичностью и доступностью: тогда какъ ложи «новыхъ» ограничивали свой составъ почти исключительно представителями высшаго свѣта, ложи «старыхъ» масоновъ охотно открывали двери простымъ офицерамъ, морякамъ, купцамъ средней руки и даже ремесленникамъ; новая Великая Ложа въ Лондонѣ съ гораздо меньшей щепетильностью раздавала свои патенты (warrants), чѣмъ это дѣлала ея старшая современница. Немудрено, что при первомъ появленіи въ Америкѣ «старое» масонство стало получать надъ «новымъ» рѣшительный перевѣсъ. Оно обогнало его своимъ ростомъ: многія ложи «новыхъ» мѣняли свой ритуаль, или закрывались по мѣрѣ того, какъ весь ихъ составъ перекочевывалъ къ «старымъ».

Герцогъ Филиппъ Уартонъ, Великій Мастеръ, 1723.

Philippe, duc de Wharton, Grand Maître.

По примѣру «новыхъ», и «старые» масоны заботились объ организаціи въ Америкѣ своихъ центровъ. Въ 1757 году Великая Ложа Шотландіи назначила офицера одного изъ квартировавшихъ въ Новой Англіи полковъ «Провинціальнымъ Гросмейстеромъ всѣхъ находящихся въ Америкѣ ложъ». Въ 1759 г. мастера и надзиратели Квебекскихъ (въ Канадѣ) военныхъ ложъ выбрали изъ своей среды «Провинціальнаго Гросмейстера Квебека». Въ 1769 году ложа св. Андрея (Шотландскаго) и три военные ложи организовали въ Бостонѣ, съ

согласія Великой Шотландской Ложи, «Провинціальную Великую Ложу», получившую въ 1782 году названіе «Великой Ложи Массачузетса». Гросмейстеромъ ея былъ выбранъ знаменитый американскій патріотъ и политическій дѣятель Массачузетса Джозефъ Уорренъ (Warren), при чемъ въ 1772 году власть его, въ силу выданнаго ему Великой Шотландской Ложей патента, была распространена на весь американскій материкъ.

Въ Пенсильваніи «Великая Провинціальная Ложа» «старыхъ» была организована въ 1760 году. Первымъ Гросмейстеромъ ея былъ богатѣйшій землевладѣлецъ Пенсильваніи Уильямъ Боллъ (Ball), незадолго до того перекочевавшій къ «старымъ» масонамъ отъ «новыхъ». Посвященіе Болла въ должность Гросмейстера состоялось впрочемъ лишь въ 1764 году, послѣ полученія соотвѣтствующаго патента отъ Великой Ложи Англіи («старого устава»). Современное описаніе этой церемоніи принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ масонскихъ документовъ этого рода. Она происходила вечеромъ въ тавернѣ Іереміи Смита: по срединѣ комнаты съ прокопченнымъ табакомъ стѣнами и съ поломъ, усыпаннымъ свѣжимъ пескомъ, стоялъ пьедесталь съ «великимъ свѣтомъ»; вокругъ него въ должномъ порядкѣ расположились облеченные въ знаки своего достоинства всѣ «офицеры» ложи и простые братья; процессія съ атрибутами ложи—государственнымъ мечомъ, книгой конституцій, «великимъ свѣтомъ» и пр.—трижды обошла комнату при началѣ посвященія и трижды при окончаніи его, послѣ чего Великій Секретарь «по приказу Великаго Мастера Рутерфорда» провозгласилъ брата Уильяма Болла «Великимъ Мастеромъ Древнихъ Іоркскихъ масоновъ провинціи Пенсильваніи».

60-е годы XVIII вѣка были началомъ національнаго пробужденія американскихъ колоній и ихъ конфликта съ европейской метрополіей. Темпъ общественной жизни поднимался; общество распадалось на партіи—на лойялистовъ и патріотовъ, на вѣрноподданныхъ англійскаго короля и сторонниковъ мѣстной свободы. Это партійное разслоеніе проникало и въ среду масоновъ, углубляя черту различія между ложами «старыхъ» и «новыхъ»: послѣдніе основались большею частію въ рукахъ лойялистовъ, первыя, болѣе демократическія, наполнялись американскими патріотами.

Передъ началомъ революціи въ Америкѣ числилось восемь великихъ ложъ: три уже извѣстныя намъ (двѣ въ Массачузетсѣ и одна въ Пенсильваніи) и другія пять въ Нью-Іоркѣ, въ Виргиніи, въ Георгіи и въ обѣихъ Каролинахъ. Во всѣхъ почти колоніяхъ конкурировали различные ритуалы, перекрещивались вліянія различныхъ центровъ. Въ Виргиніи, напр., до возникновенія тамъ мѣстной Великой Ложи (1777 г.) масонскія ложи основывались и по хартіямъ Массачузетской Великой Ложи «новыхъ», и по хартіямъ Пенсильванской Ложи «старыхъ», и по хартіямъ Великой Шотландской Ложи. Въ одной изъ этихъ послѣднихъ (шотландскихъ) ложъ, основанной въ 1752 году въ маленькой деревушкѣ Фреде-

риксбургѣ, былъ принять въ масонство (4 ноября 1752 г.) молодой майоръ королевской арміи, будущій герой освободительной войны, Георгъ Вашингтонъ.

2. Эпоха революціи и организаціи союзнаго правительства.

Члены масонскихъ ложъ принимали въ американской революціи самое дѣятельное участіе. Достаточно сказать, что почти весь командующій составъ американской арміи, начиная съ главнокомандующаго и кончая низшими офицерскими чинами, принадле-

жалъ къ числу масоновъ. Масонами были также всѣ почти выдающіеся политики этого времени—Джемсъ Отисъ, Самуэль Адамсъ, Джозефъ Уорренъ, Джонъ Маршалъ и др.—равно какъ и большинство народныхъ представителей, подписавшихся подъ Декларацией Независимости въ 1776 году

Медаль въ честь Вашингтона.

и подъ Союзной Конституціей 1787 года. Современные американскіе масоны съ гордостью вспоминаютъ, что во время знаменитыхъ событій съ Бостонской партіей чая (ноябрь 1773 г.) помѣщеніе Ложы св. Андрея въ тавернѣ «Зеленаго Дракона» играло роль «гнѣзда, въ которомъ высиживались патріотическіе заговоры», и что именно отсюда получили свои индѣйскіе костюмы большинство расправлявшихся съ чаемъ «сыновъ свободы»: въ книгѣ протоколовъ ложы за этотъ день стоитъ лаконическая надпись—«братья отдали свое время получателямъ чая» (consignees of Tea took the brethren's time), а на поляхъ—нѣсколько разъ написана заглавная буква Т (Tea—чай).

На ряду съ патріотическими выступленіями «старыхъ» масоновъ, многіе «новые» масоны столь же активно выступали въ качествѣ лойяльныхъ англійскихъ подданныхъ. Бывшій соратникъ Франклина по Великой Пенсильванской Ложѣ 1731 года Уильямъ Алленъ на собственныя деньги оборудовалъ, напримѣръ, для англійской арміи полкъ солдатъ. Столь же «непатріотично» вели себя и масса-чусетскіе «новые» масоны съ Гросмейстеромъ Джономъ Роу (Rowe) во главѣ. Британскія власти хорошо различали между патріотическими и вѣрными Англии ложами: во время британской оккупации Филадельфіи (сентябрь 1777—іюль 1778 гг.) помѣщеніе ложы № 2-й, члены которой отличались своимъ патріотизмомъ, было разгромлено солдатами, и вся принадлежащая ей утварь (jewels),

одежды и книги, — похищены, тогда какъ ложи № 3-й и 4-й продолжали спокойно собираться, и многіе офицеры британской арміи были приняты въ ихъ составъ.

Факты эти, свидѣтельствующіе о дѣятельномъ участіи въ политическихъ событіяхъ той эпохи многихъ американскихъ масоновъ, не доказываютъ еще участія въ нихъ масонства, какъ организаціи. Мы не только не имѣемъ свѣдѣній о политической дѣятельности масонскихъ ложъ того времени, но немногіе относящіеся сюда документы говорятъ косвенно за то, что ея и не было. Приведенная выше отмѣтка бостонской книги протоколовъ о томъ, что братья ложи св. Андрея были заняты уничтоженіемъ чая, говорить столько же о патріотическомъ рвеніи ея членовъ, сколько о бездѣятельности, или ослабленной дѣятельности самой ложи: братьямъ было въ это время не до масонскихъ собраний. Въ книгахъ протоколовъ многихъ американскихъ ложъ имѣются пробѣлы, падающіе какъ разъ на революціонный періодъ: самая дѣятельная изъ бостонскихъ ложъ, основанная въ 1770 году по хартіи Гросмейстера Джозефа Уоррена, ложа «Массачузетса», не собиралась, напримѣръ, съ февраля 1775 г. до декабря 1778 очевидно потому, что члены ея были слишкомъ поглощены политикой; въ Филадельфіи ложа № 2-й не собиралась съ іюня 1777 до ноября 1778 года.

Первымъ случаемъ официальнаго манифестированья «старымъ» масонствомъ своихъ патріотическихъ чувствъ была процессія, организованная въ 1778 году Великой Пенсильванской ложей по случаю приѣзда въ Филадельфію Вашингтона. Она была приноровлена къ ежегодному масонскому празднику 27-го декабря (день апостола Іоанна), но по случаю воскресенья, въ виду отсутствія въ этотъ день свободныхъ церквей, перенесена на слѣдующій день. Со времени освященія въ 1755 году масонскаго дома это было первое въ Филадельфіи публичное шествіе масоновъ. Къ Вашингтону заблаговременно явилась депутація отъ пенсильванскихъ ложъ, вручившая ему привѣтственный адресъ и приглашеніе принять участіе въ процессіи: «Его Превосходительство», докладывали затѣмъ депутаты въ Великой Ложѣ, «извоилиль выразить свою признательность и отвѣтилъ полнымъ согласіемъ». «Къ девяти часамъ утра», писала мѣстная газета, «въ зданіи Коллежа собралось около 300 братьевъ. Въ 11 часовъ они правильной процессіей двинулись къ церкви Христа для присутствія на божественной службѣ. Порядокъ процессіи былъ слѣдующій: 1) меченосецъ, 2) два діакона (deacons) съ голубыми жезлами, увитыми золотомъ, 3) дорическая, іоническая и коринфская колонны, несомыя тремя братьями, 4) Святая Библія и книга Конституцій, несомыя на бархатныхъ малиновыхъ подушкахъ Великимъ Казначеемъ и Великимъ Секретаремъ, 5) братъ изъ духовенства (Reverend Brother), 6) четыре діакона съ жезлами, 7) Его Превосходительство славный братъ (illustrious brother) Георгъ Вашингтонъ, эсквайръ, поддерживаемый Гросмейстеромъ Уильямомъ

Болломъ и его депутатомъ, 8) великіе надзиратели съ колоннами, 9) бывшіе мастера различныхъ ложъ, 10) дѣйствительные мастера ложъ, 11) старшіе надзиратели ложъ, 12) младшіе надзиратели, 13) секретари, 14) казначей, 15) оркестръ музыки брата Проктора, 16) прїѣзжіе братья, 17) члены различныхъ ложъ попарно и по-старшинству. Процессія вступила въ церковь, и братья разсѣлись на приготовленныхъ для нихъ по срединѣ церкви скамьяхъ. Священникъ Г. Уайтъ прочиталъ молитвы, и братья подъ аккомпанементъ органа и другихъ музыкальных инструментовъ пропѣли антифоны, начинавшіяся словами «красно есть жити, братіе, вкупѣ». Затѣмъ достойнѣйшій братъ священникъ Уильямъ Смитъ произнесъ приноровленную къ случаю превосходную проповѣдь на текстъ изъ 1-го посланія апостола Петра («Како свободніи, и не употребляющіе свободу для прикрытія зла; како рабы господни»). По окончаніи службы, подъ звуки оркестра, игравшаго масонскіе гимны и подъ музыкальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ процессія въ прежнемъ порядкѣ вернулась въ Коллежъ. Новые костюмы братьевъ, драгоценная утварь ложъ и знаки достоинства на всѣхъ офицерахъ составляли въ высшей степени живописное зрѣлище». Изъ Коллежа братья разошлись по отдѣльнымъ ложамъ и тамъ состоялся, повидимому уже безъ участія Вашингтона, ихъ годичный банкетъ.

Лѣтомъ слѣдующаго года—въ день Іоанна Крестителя 24-го іюня—состоялось второе масонское торжество съ участіемъ Вашингтона, на этотъ разъ уже при самой арміи, стоявшей лагеремъ въ штатѣ Нью-Джерси. Организаторомъ праздника была военная ложа Коннектикутской «линіи» *) «Американскій Союзъ» (American Union Lodge), но участіе принялъ въ немъ и другія военныя ложи. «По окончаніи торжества», рассказываетъ современный от-

Георгъ Вашингтонъ въ 1752 г.
Georges Washington.

*) «Линіей» назывались организованные Вашингтономъ регулярные отряды въ отличіе отъ ополченія, составлявшаго большинство американской арміи.

четь, «Его Превосходительство братъ Вашингтонъ въ сопровожденіи Секретаря и надзирателей ложи прошелъ черезъ толпу братьевъ къ рѣкѣ и спустился въ свой катеръ при звукахъ музыки, игравшей «Боже храни Америку». Когда катеръ отчалилъ, съ берега раздалось троекратное ура, на которое отвѣтило троекратное ура съ катера. Музыка играла Гренадерскій маршъ»...

По мѣрѣ того какъ съ успѣхами американскаго оружія Вашингтонъ все болѣе становился въ глазахъ американскихъ патріотовъ центральной фигурой, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и американскихъ масоновъ. Съ 1779 года на всѣхъ масонскихъ банкетахъ вошло въ обычай провозглашать тостъ за «генерала Вашингтона», многія ложи посылали ему привѣтственные адреса и выбирали его своимъ почетнымъ членомъ; вновь возникавшія ложи принимали его имя. Первый послѣ вступленія Вашингтона въ президентскую должность годичный праздникъ масонства (27-го декабря) былъ отпразднованъ имъ съ особой торжественностью: въ масонскомъ адресѣ, отправленномъ Вашингтону, онъ прославлялся какъ «великій мастеръ-строитель, воздвигшій на Западѣ Храмъ Свободы». Соответствующимъ масонскимъ адресомъ былъ отмѣченъ въ 1796 году и уходъ Вашингтона отъ политической жизни.

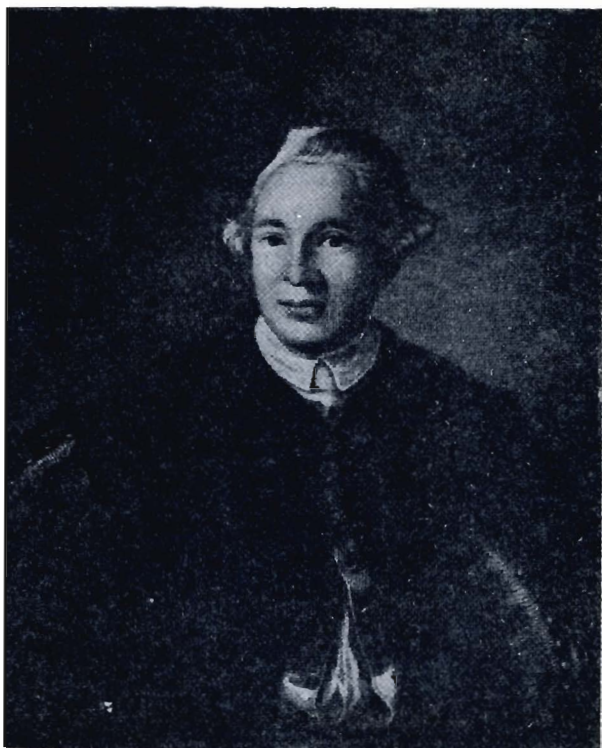
Цѣлый рядъ масонскихъ церемоній былъ организованъ въ 1800 году по случаю смерти Вашингтона. Не довольствуясь официальнымъ участіемъ масонскихъ ложъ въ общегородской траурной церемоніи, организованной въ Филадельфіи 26 декабря 1799 года въ силу постановленія союзнаго конгресса, пенсильванскіе масоны организовали въ память Вашингтона и собственные собранія и процессіи. 1 января 1800 года, въ залѣ, увѣшанной черными матеріями, около катафалка съ масонскими и военными гербами Вашингтона, состоялось траурное засѣданіе (lodge of sorrow) французской ложи Amenité: «Зала была полна», рассказываетъ въ современномъ отчетѣ. «Нѣсколько минутъ царило торжественное молчаніе, а потомъ Почтенный Мастеръ (Worshipful Master) воскликнулъ съ Востока — «умеръ братъ Ваншингтонъ». «Умеръ славный братъ Вашингтонъ», отвѣчали ему Югъ и Западъ. Затѣмъ начались рѣчи, прерывавшіяся рыданіями ораторовъ и слушателей... Весь день помѣщеніе ложи было открыто для постороннихъ посѣтителей, а по просьбѣ многихъ уважаемыхъ гражданъ открывалось еще и въ субботу 4-го января отъ 10 до 4 часовъ дня»... 24-го февраля въ Филадельфіи состоялась общественная траурная процессія съ участіемъ 11 пенсильванскихъ ложъ. Въ процессіи несли гробъ, покрытый чернымъ сукномъ, потушенные свѣтильники и всѣ принадлежности масонскихъ ложъ, обернутыя крепомъ; 11-го февраля подобная же церемонія состоялась въ Бостонѣ.

Реликвиі Вашингтона до сихъ поръ хранятся въ различныхъ ложахъ Америки: въ Массачузетской Великой Ложѣ, въ особой золотой шкатулкѣ хранится клокъ его волосъ; Фредериксбургская ложа какъ святыню хранить у себя библію,

на которой присягалъ въ 1752 году Вашингтонъ, при своемъ вступленіи въ масонство...

Съ превращеніемъ американскихъ колоній въ независимые Штаты для американскихъ масоновъ вставалъ вопросъ о продолженіи или прекращеніи формальной зависимости ихъ ложъ отъ Великой Лондонской Ложи. Большинство рѣшало его въ послѣднемъ смыслѣ, т.-е. требовало признанія американскаго масонства независимымъ и великихъ американскихъ ложъ равноправными съ великой англійской. Первой стала на этотъ путь Великая Массачузетская Ложа. Послѣ того, какъ Гросмейстеръ ея Джозефъ Уорренъ погибъ въ 1775 году въ сраженіи при Бэнкеръ Хиллѣ, его преемникъ Джозефъ Веббъ, безъ всякаго сношенія съ Великой Ложей Англійи, принялъ званіе «Гросмейстера стараго масонства въ Массачузетсѣ». Официальное отпаденіе другихъ великихъ ложъ послѣдовало нѣсколько позднѣе, но фактическія связи ихъ съ лондонскими центрами порвались съ самаго начала освободительной войны.

Одновременно поднимался вопросъ и объ объединеніи американскаго масонства подъ властью обще-американскаго Генераль-Гросмейстера, на какую должность предназначался, разумѣется, Вашингтонъ. Вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ декабрѣ 1779 года одновременно Великой Пенсильванской Ложей и военной ложей «Американскій Союзъ» на ея годичномъ банкетѣ 27-го декабря. Въ началѣ слѣдующаго года Великая Ложа Пенсильваніи постановила на своемъ чрезвычайномъ собраніи обратиться ко всѣмъ великимъ ложамъ Америки съ предложеніемъ приступить, въ виду прекращенія зависимости ихъ отъ Лондонской Ложи, къ выбору американскаго Генераль-Гросмейстера. Такое же предложеніе вышло отъ комитета военныхъ ложъ, собравшагося 7-го февраля въ Морристаунѣ. Въ адресѣ, обращенномъ отъ имени комитета ко всѣмъ гросмей-

Warren (Уорренъ).

стерамъ американскихъ ложъ, предлагалась организація *Великой ложи Америки* подъ предсѣдательствомъ «*почтеннѣйшаго (Most Worshipful) Гросмейстера*», утвердить котораго должна была впредь до окончательной организаціи общеамериканской Великой Ложы «Великая Материнская Ложа въ Европѣ». Подъ адресомъ подписались представители «Штаба американской арміи», ложи «Коннектикутъ», ложи «Американскій Союзъ», «Н.-Джерси», «Пенсильванія», «Массачузетская бухта», «Вашингтонъ № 10-й», «Артиллерія», «Полкъ Св. Іоанна» и «Н.-Йоркъ».

Проектъ подобнаго же адреса составлялся въ мартѣ 1780 года и въ бостонской ложѣ «Массачузетсъ».

Особенно оживленная переписка завязалась по этому поводу между великими ложами Пенсильваніи и Массачузетса. Она кончилась однако ничѣмъ: Массачузетская ложа, съ самаго начала настроенная недоброжелательно къ предложенію пенсильванцевъ, отвѣчала сперва уклончиво, а потомъ въ началѣ 1781 года) прекратила и самые переговоры. Неудача этой и другихъ такихъ же попытокъ не остановила однако слуховъ о признаніи Вашингтона общеамериканскимъ гросмейстеромъ: масонская ложа въ Санъ-Доминго (о. Гаити) прислала ему въ 1786 году прошеніе объ утвержденіи ея правъ, а въ Пенсильваніи, въ 1797 году, была выбита въ его честь медаль съ инициалами G. W. G. G. M., т.-е. *George Washington General Grand Master (Георгъ Вашингтонъ Генераль-Гросмейстеръ)*.

Объединеніе великихъ американскихъ ложъ не состоялось, но быстро совершался другой процессъ—образованіе во всѣхъ штатахъ собственныхъ великихъ ложъ и прекращеніе зависимости американскаго масонства отъ Англіи. Въ 1782 году въ штатѣ Н.-Йоркъ, находившемся до войны въ вѣдѣніи Великой Ложы «новыхъ», организовалась независимая Великая Ложа въ составѣ девяти частныхъ ложъ—одной ирландской, одной шотландской и семи англійскихъ «старыхъ». Въ 1786 году Провинціальная Великая ложа Пенсильваніи приняла званіе «Почтеннѣйшей (Right Worshipful) Великой Ложы франкъ-масоновъ Пенсильваніи и всей относящейся къ ея юрисдикціи масонской территоріи».

Въ 1790 году въ Соединенныхъ Штатахъ было уже 13 независимыхъ Великихъ Ложъ—по двѣ («старыхъ» и «новыхъ») въ Массачузетсѣ и Южной Каролинѣ и по одной въ Пенсильваніи, Н.-Йоркѣ, Виргиніи, Н.-Джерси, Мэрилендѣ, Сѣверной Каролинѣ, Георгіи, Нью-Гемпшайрѣ и Коннектикутѣ. Борьба двухъ американскихъ масонствъ послѣ войны постепенно улеглась. Въ большинствѣ штатовъ «новое» масонство исчезало, въ нѣкоторыхъ (какъ, напримѣръ, въ Массачузетсѣ, въ 1792 году) оба масонства мирно сливались въ одну организацію, и только въ Южной Каролинѣ ихъ соперничество пережило XVIII вѣкъ и продолжалось даже послѣ офиціального объединенія масонства въ Англіи (въ 1813 г.).

О характерѣ организаціоннаго разрыва американскихъ ложъ съ англійскими можно судить по перепискѣ Пенсильванской Великой Ложы съ великими ложами Англій. Немедленно по принятіи ею новаго титула она отправила въ Лондонскую Великую Ложу «старыхъ» официальное извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ: «Великому Мастеру всѣхъ человѣческихъ судебъ угодно было,—писали пенсильванцы,—прекратить политическую связь, соединявшую

Храмъ Соломона (грав. Buzelot).
Temple de Solomon.

наши страны, въ моментъ полученія нами отъ васъ учредительной грамоты и превратить нашу страну изъ зависимой провинціи въ самостоятельное государство. Люди, чуждые нашему ордену и незнакомые съ его учрежденіемъ, готовы приписывать ему самыя недостойныя намѣренія. Вслѣдствіе этого здѣшніе братья, не желая давать повода оскорблять себя подъ тѣмъ предлогомъ, что они продолжаютъ признавать надъ собой авторитетъ иностраннаго учрежденія, и выполняя долгъ передъ охраняющимъ ихъ правительствомъ, рѣшили не считать себя впредь провинціальной ложей... Разрывъ американскаго масонства съ англійскимъ не былъ, такимъ образомъ, проявленіемъ враждебныхъ чувствъ, и диктовался соображеніями простаго политическаго такта. Правда, Великая Лондонская Ложа «новыхъ», куда послѣ двухлѣтняго блужданія было доставлено по ошибкѣ это письмо, не одобрило соображеній пенсильванскихъ масоновъ и въ отвѣтномъ посланіи указало имъ, что масонство,—

эта «прекрасная всемірная система филантропіи» должна стать въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ и религіозныхъ событій и «отнюдь не дѣлать изъ нихъ повода для разногласій въ своей средѣ», но зато Великая Ложа Англіи («старыхъ»), къ которой, собственно говоря, и было адресовано письмо пенсильванцевъ, вполне одобрила ихъ шаги и высказала радость по поводу возстановленія сношеній съ Великой Пенсильванской ложей. Отвѣтъ ей пришелъ въ Филадельфію лишь въ декабрѣ 1792 года.

Еще въ колоніальный періодъ въ Америку проникли на ряду со старымъ также «Шотландское» (рыцарское) и еще какое-то «тайное» масонство. О тайныхъ ложахъ въ Филадельфіи упоминается въ одной масонской книгѣ (minute book) еще въ началѣ 50-хъ годовъ, а въ уставѣ (By-laws), полученномъ въ 1756 году изъ Англіи одной пенсильванской ложей, имѣлся особый параграфъ, устанавливавшій спеціальные взносы для поступающихъ въ ложу «тайныхъ» масоновъ. Изъ одного документа 1783 года (рекомендательное письмо въ одну пенсильванскую ложу, предлагающее принять въ нее трехъ лицъ, «*какъ очень полезныхъ для борьбы съ успѣхами тайнаго масонства*») видно, что это «тайное» масонство находилось въ довольно враждебныхъ отношеніяхъ съ регулярнымъ. Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка оно стояло, повидимому, въ связи съ радикально демократическими и рационалистическими кружками, возникавшими въ Америкѣ подъ вліяніемъ идей, приходившихъ изъ революціонной Франціи. Въ 1798 году нѣкій отецъ (Reverend) Г. В. Снайдеръ (Snyder) адресовалъ Вашингтону книгу Джона Робинзона относительно «Заговора противъ правительства и религіи» и въ письмѣ, приложенномъ къ книгѣ, просилъ его «предупредить ужасный планъ развращенія, идущій изъ англійскихъ ложъ». Въ отвѣтномъ письмѣ Снайдеру Вашингтонъ, оговаривая, что онъ не состоитъ предсѣдителемъ масонскихъ ложъ, какъ это думалъ Снайдеръ, высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе, что ни одна изъ нихъ не заражена ядомъ тѣхъ принциповъ, которые распространены въ обществахъ иллюминатовъ: «я отнюдь не сомнѣваюсь, — писалъ онъ, — въ самомъ фактѣ распространенія въ Соединенныхъ Штатахъ доктрины *иллюминатовъ* и принциповъ *якобинства* — никому этотъ фактъ не извѣстенъ такъ хорошо, какъ мнѣ, — но я не думаю, чтобы наши франкъ-масонскія ложи, какъ организации, обнаруживали расположенія къ дьявольскимъ идеямъ первыхъ и къ гибельнымъ принципамъ вторыхъ, если только ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга»... Что касается рыцарскаго, или «шотландскаго», масонства, занесеннаго въ Америку изъ Франціи и Германіи, то первое упоминаніе о немъ относится въ Америкѣ къ 1769 году: въ Бостонѣ существовала въ это время «*Ложа Королевской Арки*», допускавшая въ своей средѣ посвященіе въ «*Рыцари Храма*». Въ іюнѣ 1781 года въ Филадельфіи состоялось засѣданіе «*Великаго Капитула*» «великихъ, избранныхъ, совершенныхъ и высокихъ масоновъ, рыцарей, князей и инспекторовъ масонства». На немъ присутство-

вали—на ряду съ различными «рыцарями Солнца» и «князьями Іерусалимскими»— «Депутаты—Великіе инспекторы» Пенсильваніи, Сѣверной Каролины, Георгіи и Нью-Джерса. Главнымъ актомъ этого собранія было изданіе патента, утверждавшаго филадельфійскаго купца Авраама Фроста «Товарищемъ Великаго инспектора (Deputy Grand Inspector) Виргиніи». Документъ этотъ, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ документовъ этого рода, начинался слѣдующими словами:

Тѣлесная крѣпость, Стойкость и Сила.

Во Славу Великаго Архитектора Міра.

Лux ex Tenebris (Изъ мрака свѣтъ).

«Отъ Востока Великаго и Могущественнѣйшаго Совѣта доблестныхъ князей и Высокихъ Масоновъ Королевской Тайны... подъ Небеснымъ покровомъ Зенита на 39° 39 Сѣверной широты.

«Нашимъ славнѣйшимъ и доблестнѣйшимъ рыцарямъ и князьямъ Свободныхъ, Принятыхъ и Совершенныхъ масоновъ всѣхъ степеней и по всему пространству обоихъ полушарій. Мы Моисей Хайсъ (Hays), Великій, Избранный, Совершенный и Высокій масонъ, рыцарь Востока и князь Іерусалимскій... Депутатъ-Генераль, Инспекторъ всѣхъ Ложъ, Капитуловъ, Совѣтовъ и Великихъ Совѣтовъ высшихъ степеней Древнихъ и Новыхъ Франкъ-Масоновъ по пространству обоихъ полушарій, по патенту Великаго Совѣта князей масоновъ... удостовѣряю» и т. д...

Шотландское масонство. Лондонская ложа.

(Библ. Дмитриева въ Моск. Ун.).

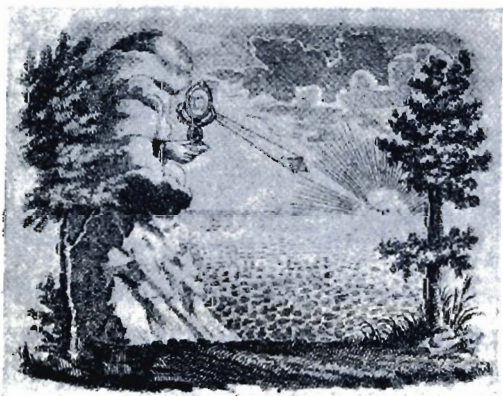
La maçonnerie écossaise Orient de Londres. 1788.

Въ 1785 году «Высокая Ложка Совершенства» торжественно освящала въ Филадельфіи свое собственное зданіе. Въ устроенной по этому поводу публичной процессіи приняли участіе всѣ масонскія ложи города. Въ числѣ тостовъ, предложенныхъ на банкетѣ, былъ выпить тостъ и «за нареченнаго (intended) Гросмейстера Америки возлюбленнаго брата Георга Вашингтона».

Ритуаль «Древняго и Принятаго Шотландскаго Чина» (The Ancient and Accepted Scottish Rite) былъ окончательно организованъ въ Америкѣ на съѣздѣ 1801 года, въ Чарльзтонѣ (Ю. Каролина)...

3. Антимасонское движеніе 20-хъ годовъ.

Ростъ и развитіе американскаго масонства были рѣзко остановлены въ концѣ 20-хъ годовъ вспышкой антимасонскаго движенія, нашедшаго благопріятную почву въ политическихъ условіяхъ момента. 20-ые годы были въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ эпохой широкаго демократическаго движенія, пробужденія народныхъ массъ къ политической жизни. Передъ союзной Республикой стоялъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, на каждомъ изъ которыхъ сталкивались непримиримые интересы различныхъ штатовъ и различныхъ классовъ общества. Намѣчалось образованіе двухъ первыхъ демократически организованныхъ общеамериканскихъ партій—буржуазной «національно-республиканской» партіи, ставившей главною своею цѣлью расширеніе финансовыхъ и строительныхъ предпріятій союзнаго правительства, и демократической, Джаксоновской партіи, настроенной враждебно противъ растущей силы денежнаго мѣшка

Компасъ мудрецовъ.
Der Kompass der Weisen. Berlin. 1782.

и видѣвшей опору народныхъ интересовъ во власти демократическаго президента. Напряженная общественная борьба разгоралась особенно въ западныхъ, т.-е. Зааллеганскихъ штатахъ (расположенныхъ по теченію Миссисипи и ея притоковъ), становившихся главною опорой національнаго экономического могущества, а штатъ Нью-Йоркъ, служившій мостомъ между Востокомъ и Западомъ, превращался въ главную арену всѣхъ политическихъ и экономическихъ столкновений. Здѣсь, въ западныхъ графствахъ штата, вспыхнуло въ концѣ 20-хъ го-

довъ и антимасонское движеніе, своими косвенными результатами отразившееся на политической жизни всей страны.

Двѣ партіи боролись въ это время въ штатѣ Н.-Йоркъ. Во главѣ ихъ стояли кандидаты на губернаторскій постъ Де-Виттъ *Клинтонъ*, ярый сторонникъ будущаго президента республики Джаксона, и Уильямъ *Рочестеръ*, сторонникъ его главнаго конкурента Квинси Адамса.

Аллегорическая гравюра изъ книги: Bazot. Le Manuel du F. Maçon.

«На кубическомъ пьедесталѣ въ костюмѣ Минервы стоитъ богиня масонства, взирающая на блестящій треугольникъ, символъ ея божественности; на ней надѣта лента мастера; въ лѣвой рукѣ она держитъ мечъ, опираясь имъ на скрижали Закона—ветхаго и новаго; въ правой рукѣ Богини—компасъ—символъ ея прямоты (droiture) и зеркало—символъ благоразумія и истины; на челѣ—діадема, знакъ могущества; на головѣ корона изъ семи звѣздъ—символъ безсмертія. На пьедесталѣ начертано имя Великаго Архитектора Міра на священномъ языкѣ и таинственныя письма J. B. M.—B. На переднемъ планѣ, какъ бы раздавленный пьедесталомъ, эмблемой масонства, различныя чудовища и среди нихъ—Невъжество, Суевѣріе, Плутство, Раздоръ и пр. Направо поднимается Акація—символъ новаго масонства, и Пальма—символъ масонства древняго. На заднемъ планѣ видны—справа дубъ и у подножія его пещера (символъ друидическаго масонства), слѣва ива и вавилонская башня (символъ халдейскаго масонства). Еще далѣе видны—пирамиды и лотосъ (эмблема египетскаго масонства) и греческій храмъ (масонство греческое)».

Какъ разъ передъ губернаторскими выборами 1826 года въ одномъ изъ западныхъ графствъ Нью-Йорка случилось событіе, всполошившее все мѣстное населеніе: безслѣдно пропалъ нѣкій Уильямъ Морганъ, только что выкупленный своими друзьями изъ долговой тюрьмы въ мѣстечкѣ Канандайгви. Такъ какъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ было извѣстно, что незадолго передъ тѣмъ Морганъ поссорился съ мѣстными масонами и готовился опубликовать въ печати ихъ пароли и «тайны», то немедленно возникло предположеніе, что онъ убитъ именно ими. Образовались добровольные «комитеты наблюденія» (*vigilance committees*), поднялась агитація въ печати, возникъ формальный процессъ противъ группы мѣстныхъ масоновъ. Слѣдствіе установило, что лица, освободившія Моргана изъ тюрьмы, были дѣйствительно членами масонской ложи, и что они отвезли его къ Ніагарскому форту, гдѣ онъ и жилъ нѣкоторое время спрятанный въ пустомъ амбарѣ. Дальше показанія расходились: обвиняемые утверждали, что они спрятали Моргана и затѣмъ тайно переправили его въ Канаду съ его собственнаго согласія, такъ какъ онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ эксплуатирующихъ его соиздателей «Иллюстрацій Масонства» (такъ называлась готовившаяся къ печати книга Моргана); свидѣтели же обвиненія увѣряли, что Моргана схватили насильно, и что онъ погибъ въ Ніагарѣ, куда его бросили скованнымъ цѣпью. «Трупъ Моргана» искали все лѣто по дну Ніагары и озера Онтарио, но поиски оказались безрезультатны: фактъ убійства Моргана такъ и не удалось установить. Въ январѣ 1827 года обвиняемые были приговорены къ тюрьмѣ «за насильственное держаніе чловѣка взаперти и тайный увозъ за границу».

Общественное возбужденіе на этомъ однако не остановилось. Агитація противъ масоновъ продолжала расти, и принимала политическій характеръ, такъ какъ противники Клинтона (только что побѣдившаго своего соперника на губернаторскихъ выборахъ) старались использовать «дѣло Моргана» въ партійныхъ цѣляхъ. Въ газетныхъ статьяхъ, памфлетахъ и публичныхъ рѣчахъ они утверждали, что «убійство» (ибо продолжали говорить объ убійствѣ) является дѣломъ не мѣстныхъ масоновъ, а всей масонской организаціи, и что главнымъ вдохновителемъ его былъ не кто иной, какъ самъ губернаторъ Клинтонъ—Гросмейстеръ Нью-Йоркской Великой Ложи и членъ Главнаго Капитула (*General Grand Chapter*) высшихъ масонскихъ степеней. Появились нелѣпыя и чудовищныя слухи о масонскихъ обрядахъ, клятвахъ и преступленіяхъ, тѣмъ болѣе легко принимавшіеся на вѣру, что до сихъ поръ большинство провинціального населенія ничего о масонахъ не слыхало и вовсе ими не интересовалось. По выраженію историка этого времени ¹⁾, общественное возбужденіе было таково, что «во всякой, менѣе свободной, странѣ оно непремѣнно бы приняло форму правовыхъ насилій».

*) См. H a m m o n d. The History of political parties in the state of New-York. 1862.

Здѣсь дѣло ограничилось злобной газетной полемикой, шумными митингами и борьбой у избирательныхъ ящиковъ.

Въ октябрѣ слѣдующаго года, къ вѣщшему изобличенію масоновъ, въ озерѣ Онтарио, въ 40 миляхъ отъ мѣста предполагаемаго убійства, было найдено наконецъ и «тѣло Моргана»; такъ какъ оно оказалось однако тѣломъ утонувшаго во время бури канадца Тимофея Мурро, то его предали погребенію, не давая «дѣлу» дальнѣйшаго хода. Тогда поднялась агитація противъ судей и экспертовъ, яко бы подкупленныхъ масонами. Тѣло утопленника пришлось выкапывать изъ могилы, и только категорическое заявленіе вдовы Мурро, опознавшей трупъ мужа, положило конецъ дальнѣйшимъ въ этомъ направленіи толкамъ.

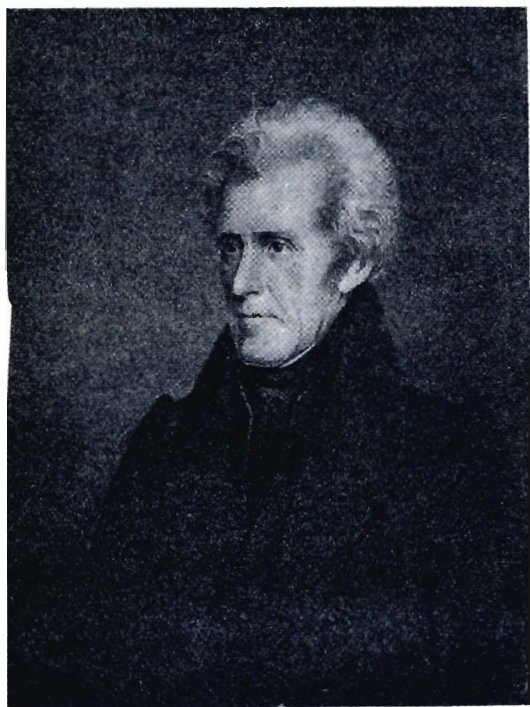
Антимасонское движеніе, первоначально возникшее въ двухъ западныхъ штатахъ Нью-Йорка, быстро распространилось по всей западной части штата. Когда на парламентскихъ выборахъ 1827 года антимасоны выступили въ качествѣ отдѣльной партіи съ требованіемъ устраненія масоновъ со всѣхъ общественныхъ и административныхъ постовъ, они имѣли неожиданно огромный успѣхъ и собрали большинство въ пяти графствахъ. Движеніе распространилось и дальше, переходя постепенно границы штата. Въ мартѣ 1828 года въ Ле-Руа собрался первый конвентъ «антимасонской партіи» въ составѣ делегатовъ отъ 12 западныхъ графствъ, а въ августѣ того же года новый конвентъ въ Утикѣ избралъ партійныхъ кандидатовъ на губернаторскій и вице-губернаторскій постъ. На парламентскихъ выборахъ этого года антимасоны собрали 33 тысячи голосовъ (около 12% всѣхъ голосовъ), въ слѣдующемъ году почти 70 тысячъ и большинство въ пятнадцати графствахъ, въ 1830 году—130 тысячъ. Успѣхи движенія вызвали панику въ масонскихъ рядахъ. Дорожившіе политической карьерой спѣшили покидать масонскія ложи; нѣкоторые и сами принимались изобличать масонскія «тайны» и увеличивать обвинительный багажъ антимасонства; отступничество отдѣльныхъ лицъ перешло затѣмъ въ повальное бѣгство, и ложи закрывались одна за другой. Въ западныхъ графствахъ Нью-Йорка масонство на нѣкоторое время исчезло совершенно и почти исчезло въ остальныхъ частяхъ штата. Принципы масонской организаціи были объявлены гибельными для политическаго равенства, опасными для свободнаго государства и враждебными правосудію». Губернаторъ Ванъ-Буренъ въ посланіи къ

Компасъ мудрецовъ (Библ. Дмитріева).
Der Kompas der Weisen (Berlin 1782).

законодательному собранію 1829 года «съ сожалѣніемъ констатироваль», что «возмущеніе, вызванное Моргановскимъ дѣломъ, извратилось въ сторону экономическихъ и злыхъ побужденій».

Начиналась агитація и въ общенациональномъ масштабѣ. Главной мишенью ея становился будущій президентъ Эндрю Джаксонъ, подобно Клинтону занимавшій въ масонской іерархіи очень высокій постъ.

Джаксонъ.
Dgeakson.

Союзъ Клинтона и Джаксона толковался, какъ очевидное проявленіе «масонскаго засилья».

Бѣгство изъ масонскихъ ложъ открылось и въ сосѣднихъ съ Н.-Йоркомъ штатахъ—Вермонтъ, Массачусетсъ, Коннектикутъ, Пенсильванія и Огіо. Массачусетская Легислатива издала спеціально направленный противъ масоновъ законъ, грозившій уголовнымъ преслѣдованіемъ «за принесеніе не установленной закономъ присяги». Слѣдствіемъ этого закона было полное прекращеніе приема новыхъ членовъ въ массачусетскія ложи: самая вліятельная изъ нихъ, уже извѣстная намъ ложа «Массачусетсъ», за 12 лѣтъ, начиная съ 1829 года, «по-

святила» одного только новаго члена, да и онъ фактически въ нее не вступилъ.

Становясь по преимуществу антиджаксоновской партіей, антимасоны сближались постепенно съ «національ-республиканцами» и фактически дѣйствовали съ ними заодно. Въ 1830 году на губернаторскихъ выборахъ въ Нью-Йоркѣ они выставили общаго съ ними кандидата и выдвинули въ первый разъ чисто политическую платформу. Всѣ пункты ея были противоположны платформѣ Джаксона, а одинъ изъ нихъ—лишеніе масоновъ гражданскихъ и политическихъ правъ—спеціально направлялся противъ него.

Въ этомъ же году со стороны антимасоновъ была сдѣлана попытка выступить въ качествѣ національной (обще-американской) партіи: въ Филадельфіи былъ созванъ «*Національный Конвентъ*» антимасонской партіи, замѣчательный какъ первый въ Америкѣ случай національнаго партійнаго конвента ¹⁾. Бо-

¹⁾ Собравшіеся вслѣдъ за нимъ конвенты національно-республиканской и демократической партій положили начало современной организаціи національныхъ американскихъ партій.

лѣе многочисленный и уже вполне оформленный конвентъ партія организовала въ слѣдующемъ (1831) году въ Балтиморѣ (Мэриландѣ) для выбора кандидата на постъ Президента Республики. На выборахъ 1832 года кандидатъ этотъ собралъ однако такое ничтожное число голосовъ (нѣкоторый успѣхъ онъ имѣлъ только въ штатѣ Вермонтѣ), что антимасоны отказались съ этихъ поръ отъ мысли о собственныхъ кандидатурахъ: ихъ партія прекратила самостоятельное существованіе и растворилась въ національно-республиканской. Изъ этого союза родилась вскорѣ новая національная партія—«виги». Въ концѣ 30-хъ годовъ виги одержали побѣду надъ Джаксоновской, или «демократической», партией и на парламентскихъ и губернаторскихъ выборахъ въ штатѣ Нью-Йоркъ, и при выборахъ Президента Республики.

При всемъ своемъ бурномъ и рѣшительномъ характерѣ, антимазонское движеніе 20-хъ годовъ оставило на внутреннемъ развитіи и внѣшнихъ успѣхахъ американскаго масонства лишь очень неглубокій и временный слѣдъ. Паника скоро прошла, и уже въ 1832 году массачузетскіе масоны освящали въ Бостонѣ свой первый масонскій «храмъ» (мѣсто собраній). Даже въ Н.-Йоркѣ, гдѣ потери масонства были особенно чувствительны, «братья» скоро оправились отъ ударовъ: Великая Ложа Нью-Йорка сдѣлалась самой значительной изъ американскихъ великихъ ложъ, какъ по числу подчиненныхъ ей частныхъ ложъ, такъ и по числу членовъ ихъ и размѣру территоріи.

Ив. Херасковъ.

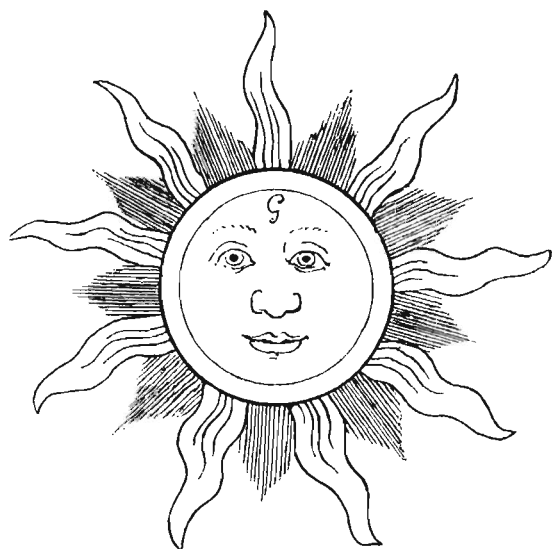

Pour ceux, qui l'entendent.
Essai sur les inconnus. 1777.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Отъ редакціи.

<i>Е. И. Тарасовъ. Московское Общество розенкрейцеровъ (Второстепенные дѣятели масоновъ).</i>	1
<i>М. В. Довнаръ-Запольскій. Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.</i>	27
<i>И. Н. Розановъ. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.</i>	38
<i>Т. О. Соколовская. Масонскія системы.</i>	52
<i>Т. О. Соколовская. Обрядность вольныхъ каменщиковъ.</i>	80
<i>М. В. Довнаръ-Запольскій. Правительственныя гоненія на масоновъ.</i>	118
<i>Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I и масонство.</i>	135
<i>Т. О. Соколовская. Возрожденіе масонства при Александрѣ I.</i>	153
<i>Н. К. Кульманъ. Михаилъ Ивановичъ Невзоровъ.</i>	203
<i>И. С. Рябининъ. Польское масонство.</i>	226
<i>И. М. Херасковъ. Американское масонство.</i>	245

СОБРАНІЯ МАСОНОВЪ ВЪ XVIII В.

Нижче ми поміщаємо ряд гравюр Lebas (видачі 1775 г.), зображених обряди посвячення в масони. Дві з цих гравюр були поміщені вже в першому томі нашого видання, для цільності повторюємо їх знову. Гравюри ці користувалися великим розповсюдженням — відтворення їх постійно зустрічаються і в англійських і в німецьких виданнях. Ми друкуємо по фотографічним знімкам, зробленим з колекції цієї серії, що знаходиться в Національній бібліотеці в Парижі.

Собрание для приема учениковъ.

1.

Входъ Вступающаго въ Ложу.

1. Великий Мастеръ. 2. 1-й Надзиратель. 3. 2-й Надзиратель. 4. Вступающій. 5. Ора-
торъ. 6. Секретарь. 7. Казначей. 8. Братъ-Странъ.

Вступающий приносит присягу, положениемъ руки на Евангеліе, никогда не открывать масонскихъ тайнъ.

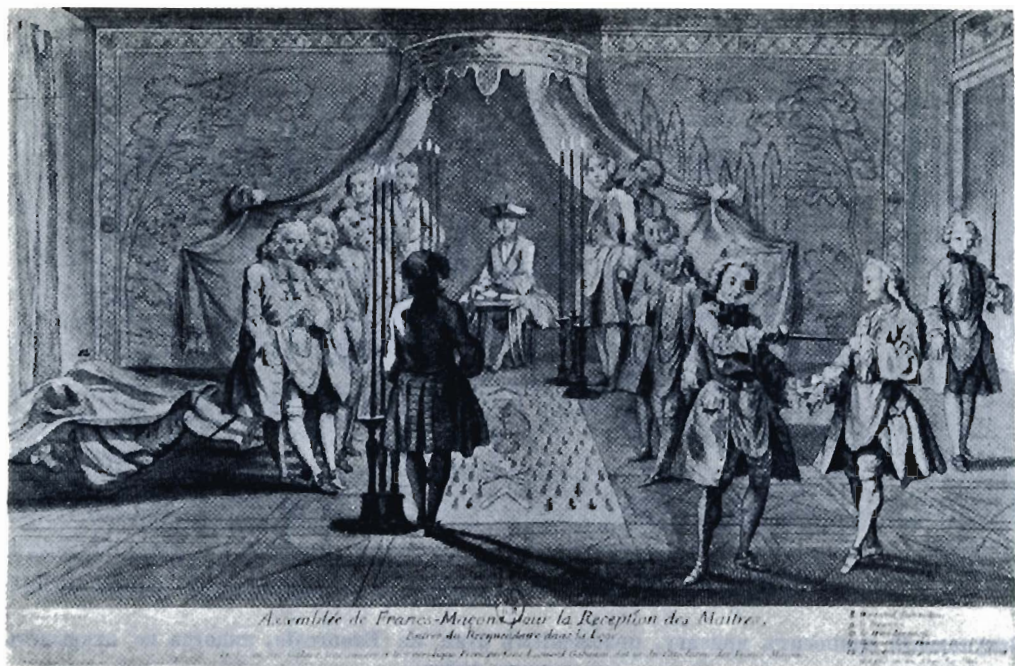
1. Великий Мастеръ. 2. Ораторъ. 3. Вступающій. 4. Секретарь. 5. 1-й Надзиратель.
6. 2-й Надзиратель. 7. Казначей.

Собрание для приема Масперовъ.

Второй Надзиратель дѣлаетъ «знакъ Мастера» и идетъ за Вступающимъ, который въ это время находится внѣ Ложы съ Братомъ-Устрашителемъ.

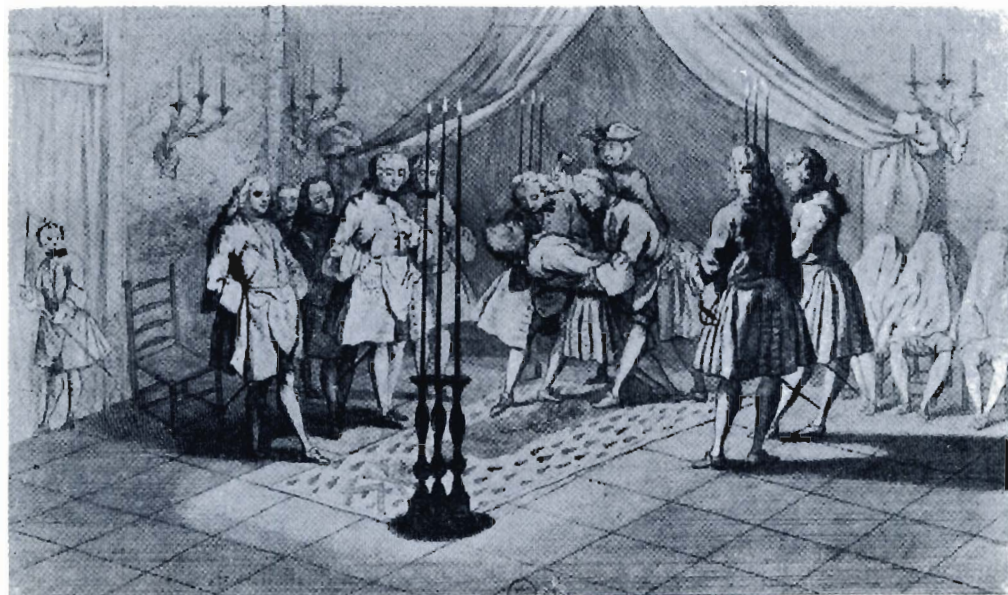
1. Великий Мастеръ. 2. Ораторъ. 3. Секретарь. 4. 5. 6. Братья со свертками бумагъ.
7. 1-й Надзиратель. 8. 2-й Надзиратель. 9. Казначей. 10. Братъ-Стражъ.

2.

Входъ Вступающаго въ Ложу.

1. Великій Мастеръ. 2. Ораторъ. 3. Секретарь. 4. 5. 6. Братья со свертками бумагъ. 7. 1-й Надзиратель. 8. 2-й Надзиратель. 9. Казначей. 10. Братъ-Стражъ. 11. Вступающій. 12. Вступающій, которому Великій Мастеръ не далъ еще лобзанія.

3.

Вступающаго кладутъ на гробъ, нарисованный на коврѣ.

1. Великій Мастеръ. 2. 1-й Надзиратель. 3. 2-й Надзиратель. 4. Вступающій, котораго кладутъ на гробъ. 5. 6. 7. Вступающіе, которымъ Великій Мастеръ еще не далъ лобзанія. 8. Ораторъ. 9. Секретарь. 10. Казначей. 11. Братъ-Стражъ.

4.

Вступающий лежит на гробѣ, лицо закрыто окрашеннымъ кровью полотенцемъ.

1. Великій Мастеръ. 2. 1-й Надзиратель. 3. 2-й Надзиратель. 4. Вступающий, лежащій на гробѣ. 5. 6. 7. Вступающие, которымъ Великій Мастеръ еще не далъ лобзанія,

5

Великій Мастеръ подымаетъ Вступающаго, давая ему лобзаніе и говоря ему слово Мастера.

1. Великій Мастеръ. 2. 1-й Надзиратель. 3. 2-й Надзиратель. 4. Вступающій. 5. Ораторъ. 6. Казначей. 7. Секретарь.

01.01.2000

с. 00

МАСОНСТВО

репринтное воспроизведение издания
1915 года

Том II

Редактор С. Смоляницкий
Художник Ю. Цветаев
Технический редактор Н. Тимофеева

Подписано к печати 26.12.90 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
19 печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 571. Цена 25 руб.

Совместное советско-финское предприятие
«ИКПА»
103009. Москва, Калашный пер., 10.

Текстовые диапозитивы изготовлены во 2-ой
типографии издательства «Наука».

Отпечатано с диапозитивов на Тверском ордена
Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР
Министерства печати и массовой информации
РСФСР.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

